ИЕРОМОНАХ
СИМЕОН (МАЗАЕВ)

мужская ФИЛОСОФИЯ

Быть настоящим мужчиной

Данилов мужской монастырь
Москва • 2017

УДК 271.2
ББК 86.372
С37

РЕКОМЕНДОВАНО К ПУБЛИКАЦИИ
ИЗДАТЕЛЬСКИМ СОВЕТОМ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ИС Р 16-521-1015

Симеон (Мазаев), *иеромонах*
С37 МУЖСКАЯ ФИЛОСОФИЯ. Быть настоящим мужчиной. – М.: Данилов мужской монастырь, 2017. – 320 с.

ISBN 978-5-89101-613-2

Кандидат философских наук, преподаватель Московской духовной академии иеромонах Симеон (Мазаев) писал свою книгу для учащихся духовных школ – тех немногих людей из числа наших современников, которым церковные каноны предписывают жениться *только один раз*. Это обстоятельство заставляет человека ответственно относиться к супружеству, и к выбору той единственной подруги по бытию, с которой ему предстоит пройти жизненный путь. Чтобы этот выбор был возможен и брак состоялся, молодому человеку, прежде всего, необходимо настроиться на серьезное отношение к самому себе.

Можно ли научиться мужественности? На чем основана мужская привлекательность? Ради чего женщины готовы многое прощать мужчинам? Это лишь немногие из тех вопросов, которые автор рассматривает в книге «Мужская философия. Быть настоящим мужчиной». Наступившее тысячелетие все реже требует от мужчин физического труда, в войнах все чаще участвуют профессиональные военные и далеко не все молодые люди идут служить в армию. Но это совсем не означает, что мужественность стала менее востребованной сегодня. Напротив, констатируя наступивший на европейской территории планеты кризис мужественности, женщины, возможно, как никогда раньше нуждаются в настоящих мужчинах. Вот почему мы надеемся, что эта книга будет интересна не только будущим священнослужителям, но и всем, кто хотел бы постичь тайну мужества. Ведь невозможно научиться или научить мужеству, не проделав над собой определенную философскую и человеческую работу.

УДК 271.2
ББК 86.372

© Симеон (Мазаев), иеромонах, 2017
© Религиозная организация «Данилов ставропигиальный мужской монастырь Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)», редактирование, оформление, верстка, 2017

ISBN 978-5-89101-613-2

Предисловие автора

В романе Лермонтова «Герой нашего времени» есть поразительное по своей глубине и силе признание в любви. Причем делает его женщина – вопреки канонам романтической литературы:

«Мы расстаемся навеки; однако ты можешь быть уверен, что я никогда не буду любить другого... Любившая раз тебя не может смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин, не потому, чтоб ты был лучше их, о нет! но в твоей природе есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в твоем голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая...»

Наверное, каждый юноша мечтает когда-нибудь услышать нечто подобное и в собственный адрес. И потому он стремится постичь секрет обаяния своего пола.

Особенно актуальна эта проблема для студентов духовных школ. По канонам нашей Церкви священник может жениться только один раз. И потому ему так важно уже с первой попытки найти верный «путь мужчины к сердцу женщины», добиться от своей избранницы того, чтобы она, «полюбив раз его», не могла уже «смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин».

Сегодня же разводов в священнических семьях становится все больше. Причем инициатором расставания почти всегда являются женщины. В своем благочестивом муже они не могут найти чего-то очень для них важного. И происходит настоящая трагедия: юный священник, наш вчерашний выпускник, вынужден фактически жить монашеской жизнью, к которой он не стремился и которую не выбирал. Либо он должен снять с себя только вчера полученный сан, чтобы жениться вторично. Внезапное и нечаянное одиночество вынуждает его прервать полет на взлете, оставить призвание, которым он горел, свернуть с пути, по которому столько лет готовился идти.

Вот почему в беседах о мужестве мне приходится говорить своим студентам: если ты привлекателен по-мужски, если женщина чувствует в тебе сильного, уверенного в себе человека, она готова будет многое тебе прощать. Но если у юноши нет этой мужской красоты, привлекательности, силы, то будь он даже святым в отношениях с девушкой, которая ему нравится, он не будет ей интересен. В лучшем случае этот юноша может рассчитывать на роль хорошего друга – и только.

В чем же секрет упомянутого выше мужского качества? Однажды московская журналистка спросила меня:

– Если только мужчина по правилам Церкви может быть священником, почему же я именно среди духовенства нахожу так мало людей, обладающих мужским обаянием? Почему даже положенная борода зачастую не может

придать красивой мужской брутальности этим постненько-благочестивым лицам? Мне иногда кажется, что ваши священники – плюшевые игрушки без внутреннего стержня. Они и разозлиться-то благородно не могут. И не говорите мне про смирение: у этих не выросло еще то, что можно было бы смирять! Скажу честно: мы, женщины, всегда идем за мужчиной. И если бы мы в реальной жизни почаще встречали такого священника, как в фильме «Голгофа», мы бы из храмов не вылезали.

Эта беседа и эта искренне высказанная (не на камеру) претензия меня взволновала. Я попытался, пользуясь случаем, выяснить у журналистки, как бы она обозначила мужество, которого ей не хватает в нас, священниках. Она отвечала примерно так:

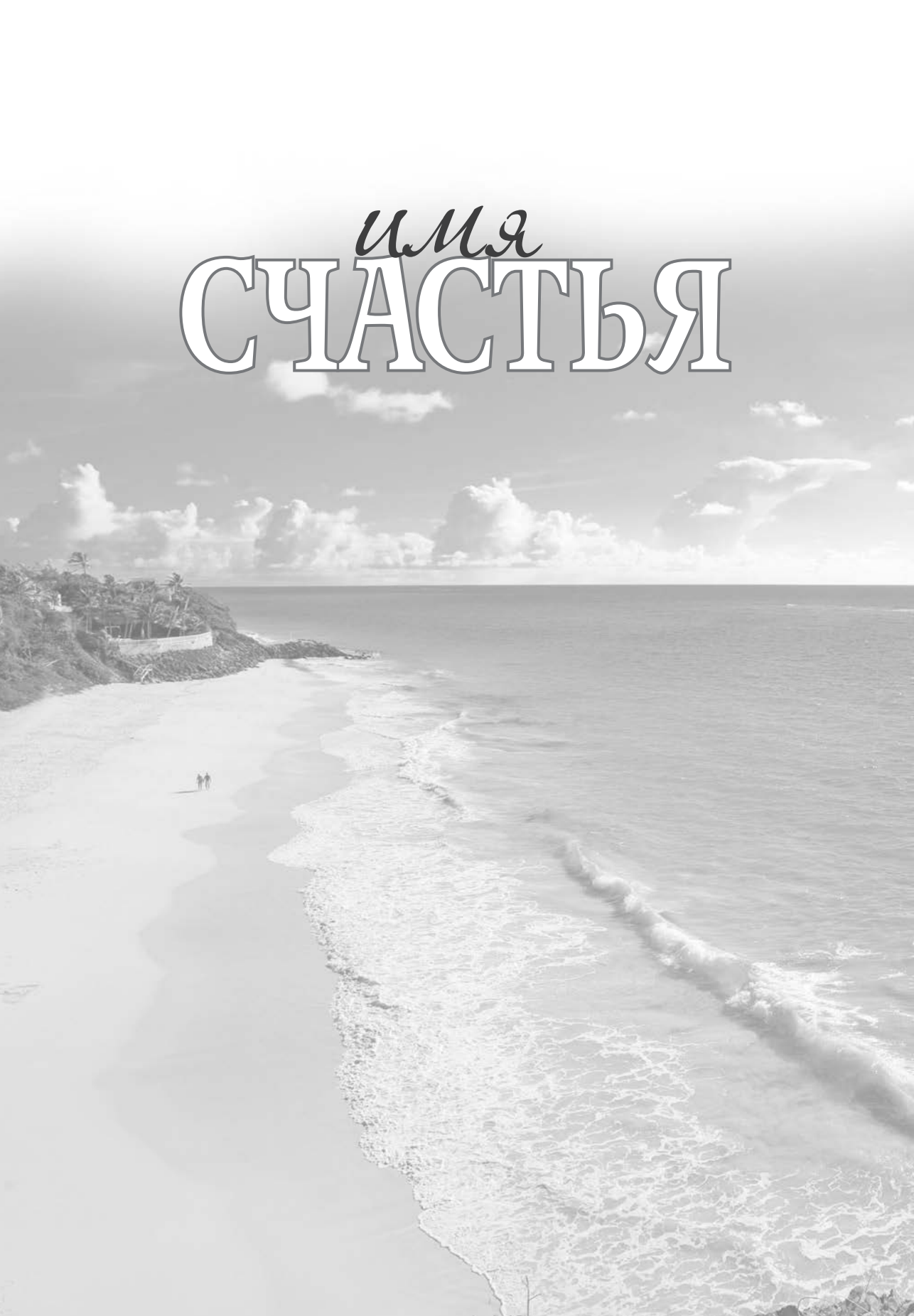
– Кто такой мужчина? Это человек, который может сказать «Все будет хорошо!» – и ты обретаешь спокойствие и уверенность в исходе дела. Простые слова – никакого объяснения, никаких доказательств, – но ты им веришь. Правда, немногие умеют так сказать. Есть люди, слово которых обладает какой-то магической властью: в конце концов все действительно складывается хорошо, хотя порой и совсем не так, как тебе хотелось изначально. А еще мужество – это свойственная вашему полу неповторимая уверенность. (Мы женщины бываем уверены в чем-то, но в нас никогда не бывает этой красивой мужской уверенности в себе.) Нам безумно нравится мужская способность легко и красиво принимать сложные решения. Там где женщина и мальчик изведутся, взвешивая все «за» и «против», мужчина как будто даже не видит проблемы. Да, пожалуй, мужество – это уверенность. В своем пути и своей цели. В своих словах и поступках.

Уверенность. Услышав это слово от журналистки, я вспомнил своего университетского профессора. Он часто говорил: «Философия – это важное мужское дело. Она сообщает нам знания об истине и правде, добре и зле, великой ненависти и святой любви. Только твердое знание об этих вещах придает нам уверенность, с которой мы идем по жизни. Никогда не путайте уверенность с самоуверенностью, которой грешат дерзкие юнцы, – неустанно приобретайте знание как некий твердый фундамент».

Выполняя завет своего учителя, я и решил собрать некий первичный корпус текстов о ключевых именах (понятиях) нашей жизни. Предлагая – уже своим студентам – философемы о счастье, вере, любви и долге, я надеюсь привить им пожизненный вкус к той самой «мужской философии», о которой говорил мой профессор. Ибо она действительно способна помочь будущим священникам решить проблему мужества, то есть дать твердое знание, опираясь на которое, они смогут уверенно идти по своему пути, увлекая за собой своих женщин.

Иеромонах Симеон (Мазаев)

Имя счастья



Однажды воскресным днем в храме Святой Троицы на Воробьевых горах венчалась пожилая пара. Обоим было слегка за шестьдесят. Поддержать жениха пришли его друзья-пенсионеры. Когда Таинство подошло к кульминации и хор запел «Исаия, ликуй», один из гостей на весь храм взволнованно зашептал: «Сумасшедший! Что он делает? Это ведь на всю жизнь!»

Сравнивая себя с человеком Средневековья, наш современник с гордостью осознает собственное превосходство. Еще бы – ведь у него есть гарантированные права, свободный образованный ум и, конечно, техническое могущество.

А еще у него есть *мечта о счастье*. Ценность именно этой вещи в хозяйстве современного человека представляется весьма сомнительной. Смутная перспектива жизненного счастья одних делает нерешительными, других – наглыми.

Первые не могут (и порой достаточно долго) решить вопросы, которые для средневекового человека и вопросами-то не были: жениться или не жениться? Поступить в монастырь или обождать до старости? Какую профессию выбрать и чем заниматься? Страх упустить жизненное счастье, о котором они имеют расплывчатое представление, парализует их волю и удерживает от любого решительного шага.

Другие, наоборот, слишком опрометчиво связывают счастье с комфортом или «качеством жизни». Для таких людей характерна наглость, с которой они попирают все человеческие и божественные законы, отчаянно пытаясь «построить коммунизм на отдельно взятом» Рублевском шоссе.

Между тем, принципиальная невозможность счастья «в сей временной жизни» уже давным-давно доказана.

Цензура царя Шуддходаны

Примерно две с половиной тысячи лет назад в Индии жил раджа по имени Шуддходана Гаутама. Когда у него родился сын Сиддхартха, шесть ученых брахманов предсказали будущее младенца:

«Твой сын будет великим правителем, если не увидит три вещи: старость, болезнь, смерть. В противном случае он навсегда оставит прежнюю

жизнь и, сложив с себя царское достоинство, сделается *садху* – странствующим нищим мудрецом».

Шуддходана как любящий отец не пожелал для сына участи нищего мудреца и специальным указом изгнал из царского города больных, нищих, стариков и калек. Внутри охраняемой зоны не было места унылым – здесь человеку дозволялось быть только молодым, красивым, богатым и счастливым.

Правда, вскоре выяснилось, что смерть презирает и царские указы. В городе царя, как и везде, порой возникала нелепая ситуация, описанная Пушкиным:

...дни наши сочтены не нами;
Цвел юноша вечор, а нынче умер,
И вот его четыре старика
Несут на сгорбленных плечах в могилу[1].

На этот случай существовала отдельная инструкция. Если молодой человек внезапно лишался чувств на улице, прохожие были обязаны незамедлительно внести его в ближайший дом. Хозяин жилища не мог препятствовать такому вторжению, но, напротив, должен был оказывать всяческое содействие. Там, в тишине дома, выяснялось, что именно послужило причиной «недостойного поведения»: если юноша оказывался больным или мертвым, его под покровом ночи выносили за пределы счастливого города.

Сами слова «старость», «болезнь» и «смерть» оказались под запретом. Даже используя их в частном разговоре, человек рисковал подвергнуться остракизму.

Тридцать лет молодой царевич Сиддхартха предавался разнообразным радостям жизни, не сталкиваясь даже с косвенным упоминанием о беде и страдании.

Какое отношение эта древнеиндийская история имеет к нам, людям XXI века? Нетрудно заметить, что все мы отчасти страдаем наивностью царевича Гаутамы. Не только древнеиндийский царь Шуддходана – любое общество использует схожие механизмы санации и старательно расчищает пространство благополучия, отправляя «отверженных» в резервации. Стоит заглянуть в ночлежку, тюрьму или психиатрическую лечебницу, чтобы увидеть изнанку нашего мира.

Однажды мне довелось побывать в кабардинской зоне под Нальчиком. Среди людей, пришедших на богослужение в тюремный храм, были

[1] *Пушкин А.С.* Маленькие трагедии. Скупой рыцарь.

и осужденные за тяжкие преступления. До того дня библейское выражение «каинова печать на лице» я считал всего лишь метафорой. Оказалось, это не так. Страшная печать, действительно, существует – общение с убийцей заметно «обжигает» психику. И вообще, даже поверхностное знакомство с уголовным миром убеждает: как бы плохо ни работала наша полиция, дело свое она делает. Если бы люди в синей форме устроили забастовку и перестали изгонять с наших улиц носителей тяжелых нравственных болезней, привычный нам мир изменился бы до неузнаваемости. Свободно и непринужденно гулять по улицам наших городов мы бы уже не смогли.

Так же обстоит дело и с душевными инвалидами. Выдержать их общество может только специально подготовленный человек с «железными» нервами. Обыватель же нечасто сталкивается с ними в повседневной жизни, потому что большей частью «скорбные умом» люди надежно спрятаны за высокими стенами психиатрических лечебниц.

В отличие от царевича Гаутамы, мы знаем слово «смерть». Философия дает нам в этом плане некоторый «духовный иммунитет». Однако в реальной критической ситуации мы испытываем шок, нас парализует вид крови и человеческих внутренностей, – наглядное свидетельство нашей практической наивности. Мы нечасто видим «лики смерти» в повседневной жизни, поручая это дело полицейским, спасателям, медикам и гробовщикам.

Средневековая культура пытки и казни, напротив, трезвила человека, ежедневно напоминая ему о страданиях посредством публичных экзекуций. Отрубленные головы, насаженные на пики по периметру Тауэра, несли миру молчаливое послание: «Memento mori!»[2] В Древнем Риме эта фраза произносилась во время триумфального шествия полководцев, возвращающихся с победой. За спиной военачальника стоял раб, который был обязан периодически напоминать триумфатору, что, несмотря на свою славу, тот по-прежнему остается всего лишь человеком, а лавровый венок не способен согреть плешивой головы.

Двадцать лет назад на улицах наших городов еще можно было встретить похоронную процессию. Кое-где в провинции до сих пор сохраняется традиция «провожать навеки всем двором»: гроб с покойником непременно вносят в дом или ставят на табуреточки у подъезда – для прощания. Родные усопшего, скорбя, сидят рядом с ним или читают Псалтирь. Соседи подходят со словами соболезнования. Затем несколько крепких

[2] Помни о смерти! (*лат.*)

мужчин на плечах несут гроб до кладбища. Следом, образуя процессию, идут близкие, друзья, сослуживцы. Проезжающие мимо автомобили останавливаются у обочины, из них выходят люди и почтительно снимают головные уборы.

Теперь похорон на улицах Москвы уже не увидишь. Складывается впечатление, что в многомиллионной столице никто не умирает. Сотрудники ГУП «Ритуал» – наследники тайной стражи царя Шуддходаны – бдительно следят за тем, чтобы завет древнего господина исполнялся неукоснительно и контакт живых с мертвыми был сведен к минимуму.

Сегодня на телевидении можно обсуждать все что угодно, вплоть до самых интимных моментов супружеской жизни. Но стоит лишь напомнить о смерти, – и общество непременно возмутится, как будто ты сделал нечто крайне неприличное. На эту тему наложено табу. Родители часто скрывают от ребенка даже смерть родной бабушки, пытаясь прямой ложью оградить его от потрясения. А на детский вопрос: «Куда подевался мой любимый хомячок?» отвечают: «Он уехал в отпуск». Смешная и наивная попытка уподобиться отцу индийского царевича, способная лишь посеять в детской душе первые семена недоверия.

Об этой особой цензуре говорил и Антон Павлович Чехов: «Мы видим тех, которые ходят на рынок за провизией, днем едят, ночью спят, которые говорят свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащат на кладбище своих покойников, но мы не видим и не слышим тех, которые страдают, и то, что страшно в жизни, происходит где-то за кулисами. Всё тихо, спокойно, и протестует одна только немая статистика: столько-то с ума сошло, столько-то ведер выпито, столько-то детей погибло от недоедания...

И такой порядок, очевидно, нужен; очевидно, счастливый чувствует себя хорошо только потому, что несчастные несут свое бремя молча, и без этого молчания счастье было бы невозможно. Это общий гипноз.

Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стрясется беда – болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других.

Но человека с молоточком нет, счастливый живет себе, и мелкие житейские заботы волнуют его слегка, как ветер осину, – и все обстоит благополучно»[3].

---

[3] *Чехов А.П.* Крыжовник.

Проблема царевича Гаутамы

Для того чтобы удерживать Сиддхартху Гаутаму в пределах заповедной зоны, вокруг него было образовано кольцо, состоявшее из специально подобранных друзей-стражей, готовых, будто невзначай, нейтрализовать всякую попытку «объекта» выбраться за охраняемый периметр. Молодому царевичу стоило только заикнуться о возможном путешествии, как кто-то из друзей вносил «встречное предложение» и оно единогласно принималось остальными. Ради дружбы Сиддхартхе приходилось смиряться.

Но однажды на охоте, устремившись в погоню за косулей, царевич ускользнул из-под надзора. Друзья-телохранители замешкались и потеряли его из виду. Оставшись в одиночестве, Гаутама вышел к стене, ограждавшей земли вокруг царского дворца. Калитка в стене оказалась открытой. Поколебавшись немного, он перешел границу счастливого мира[4].

Что же он там увидел? Нетрудно ответить. Изгнанные его отцом старики, калеки, нищие и больные оказались не в состоянии переселиться на какое-то новое место и организовать собственное государство. Они не ушли далеко, но осели возле стен счастливого города, образовав вокруг него огромное скорбное кольцо.

Можно только гадать о состоянии царевича, не умеющего даже назвать увиденное: сморщенные, высушенные голодом и болезнью седые старики с красными слезящимися глазами обступили его в надежде на подаяние; за ними толпились калеки, выбравшиеся из своих лачуг; и одна странно неподвижная фигура человека, лежащего на носилках неподалеку, – будто царствующая персона в окружении свиты – притягивала взор.

Предсказание сбылось: потрясенный Сиддхартха не вернулся во дворец. Он взял посох из руки мертвеца и ушел в неизвестном направлении. Спустя годы скитаний, пережив «просветление» под деревом в роще Урувелла, царевич Гаутама сделался буддой[5].

---

[4] Интересный эпизод в буддийском повествовании, который словно говорит: важные открытия в жизни совершаются в одиночку. Погнавшись за истиной (как за косулей на охоте), ты удалишься от мира, оторвешься от друзей, среди которых ты растворен, как капля в кружке воды. Пока ты не научился уединению, ты живешь коллективом, его интересами, мыслями, ценностями. Ты не можешь даже выйти за пределы очерченного коллективом круга жизни. Не в этом ли смысле Христос говорит: «Враги человеку – домашние его» (Мф. 10:36)? – *Примеч. автора.*

[5] С точки зрения классического буддизма, буддой является любой, кто достиг просветления. Гаутама-будда – лишь наиболее известное лицо в бесчисленной череде будд. – *Примеч. ред.*

Вообще-то именно в этот момент и зарождается буддизм – первая мировая религия. Позже, с интервалом примерно в шестьсот лет, появляются еще две – христианство и ислам. Что такое религия? Это наиболее радикальная и болезненная постановка вопроса о жизни. Что представляет собой *мировая* религия? Это слово, обращенное ко всем. Оно являет собой попытку решить ряд крайне острых проблем, с которыми сталкивается всякий человек, приходящий в мир, вне зависимости от национальности, пола и социального статуса. И для того чтобы уяснить первую проблему в этом ряду, нужно найти ответ на вопрос: почему царевич ушел из дворца? Отчего он не вернулся к прежней счастливой жизни? И какое отношение эта древняя история имеет ко всем нам?

Можно предположить, что память о смерти уничтожила в Гаутаме первобытную наивность, которая была фундаментом его счастья. Царевич мог бы, пожалуй, вернуться во дворец и вновь вкусить выпавшие на его долю радости жизни, но, оценив подобную перспективу, он понял: насладиться ими по-прежнему уже не удастся.

Умонастроение царевича, покидающего дворец, знакомо любому, кто занят на производстве пять дней в неделю. Зададим вопрос наблюдательным людям: какой день недели клерк любит больше всего? Вечер пятницы. Именно в эти часы он наиболее счастлив. Но что отличает пятничный вечер от любого другого вечера после трудового дня? Вечность. Впереди у клерка целая «вечность» в виде двух выходных. Именно это делает веселье искренним. Самое же тяжелое в моральном отношении время – это вечер воскресенья. Казалось бы, продолжается выходной – веселись, проводи время как душе угодно, реализуй самые смелые свои фантазии! Но нет, воскресный вечер отравлен предчувствием понедельника. Он даже горше самого понедельника: непринужденно развлекаться уже не можешь, а трудиться время еще не настало.

Что-то подобное переживает студент, гуляющий по родному городу в преддверии нового учебного года. Казалось бы, последние каникулярные дни качественно ничем не отличаются от первых: то же солнце, то же небо и та же вода в море; девушки по-прежнему веселы и приветливы, а друзья настроены на совместные авантюры. Но что-то идет не так. Последние поцелуи горьки. Финальные приключения скомканы. Нет прежней беззаботности. Возможности повеселиться возражает чувство ответственности: скоро уезжать. Причиной странной сдержанности студента является билет на завтрашний поезд. Тоскливое «закатное» чувство усиливают предотъездная суета матери и, раскрытый посреди комнаты дорожный чемодан, в который она пытается затолкать невообразимое

количество вещей. Умножим это томление духа в несколько раз – и мы поймем умонастроение царевича Гаутамы.

О чем-то подобном говорит Достоевский, описывая состояние человека, приговоренного к смертной казни. Одно дело – абстрактное аристотелевское умозаключение: «все люди смертны, а я человек – следовательно, я смертен». И совсем другое дело – знать, что тебе осталась неделя. Как известно, Федор Михайлович был приговорен к расстрелу за участие в террористическом «кружке петрашевцев». Лишь в самый последний момент высшую меру наказания для него и его товарищей заменили ссылкой, так что писатель в полной мере ощутил душевные мучения смертника:

«Убийство по приговору несоразмерно ужаснее, чем убийство разбойничье. Тот, кого убивают разбойники, режут ночью, в лесу, или как-нибудь, непременно еще надеется, что спасется, до самого последнего мгновения. Примеры бывали, что уж горло перерезано, а он еще надеется, или бежит, или просит. А тут всю эту последнюю надежду, с которою умирать в десять раз легче, отнимают *наверно*; тут приговор, и в том, что *наверно* не избегнешь, вся ужасная-то мука и сидит, и сильнее этой муки нет на свете.

Приведите и поставьте солдата против самой пушки на сражении и стреляйте в него, он еще всё будет надеяться, но прочтите этому самому солдату приговор *наверно*, и он с ума сойдет или заплачет. Кто сказал, что человеческая природа в состоянии вынести это без сумасшествия? Зачем такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное?»[6]

Пока мы не знаем дату своей смерти, мы можем строить планы на жизнь. Эти планы задают сложное мотивационное поле: нам практически каждый день есть что делать и есть куда идти. Но смертельно больной не строит никаких планов на жизнь. Его мотивационное поле разрушено. Ему нечего делать и некуда идти. «Понимаете ли вы, милостивый государь, – с отчаянием восклицает один из героев Достоевского, – что значит, когда уже некуда больше идти?.. Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти!»[7]

Обнаружив, что ему «некуда больше пойти», Сиддхартха направился – в прямом смысле – туда, «куда глаза глядят». В русских сказках эта фраза знаменует начало приключений главного героя. В мировой культуре с проблемы царевича Гаутамы зарождается религиозная мысль. Да и отдельный человек свой личный путь к вере часто начинает именно с этой отправной точки.

---

[6] *Достоевский Ф.М.* Идиот. Часть первая, II.

[7] См. *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. Часть первая, II.

– Еще в школе я серьезно увлекся запрещенным в Союзе боевым искусством – карате. И даже достиг в нем неплохих результатов, – рассказывал мне насельник одного из московских монастырей. – Когда Горбачев объявил свободу предпринимательства, я попал в самую влиятельную городскую «бригаду». Мы быстро разбогатели. Культуры обращения с большими деньгами у нас, ребят из «совка», конечно же не было, мы просто реализовывали свои детские мечты. Я купил «Феррари». В нашем регионе это была первая машина такого класса.

История начиналась банально, однако ее развитие оказалось несколько неожиданным.

– Помню тот день, когда мне вкатили во двор мою заветную мечту, – продолжил мой собеседник. – Помню, как я снимал защитную пленку с сидений, разбирался с приборами и управлением, слушал рокот мощного двигателя, вдыхал аромат новой машины... В общем, первые сорок минут я был счастлив. А потом сел за руль и обнаружилась небольшая проблема: дорог-то нет.

И действительно. Это сейчас кое-где дороги соответствуют европейским стандартам. Но в девяносто третьем, когда в центре Москвы Дом Правительства расстреливали из танков, до провинциальных кисловодских дорог никому не было дела.

– Обладать дорогой машиной неполезно для сердца. В первую же поездку я обломал о края дорожных выбоин спортивный пластиковый обвес. К исходу дня моей «машке», припаркованной рядом с рынком, кто-то сильно поцарапал роскошный лакированный борт. В общем, в течение месяца «Феррари» превратилась в «Жигули»: ветровое стекло покрылось трещинами, в салоне все тряслось, скрипело и дребезжало. Тогда я понял: нельзя иметь дорогую спортивную машину при отсутствии хороших дорог и, даже располагая большими деньгами, невозможно быть богатым, когда все вокруг бедные.

– Многие люди, подобные тебе, из-за этого уезжали жить за границу, – заметил я. – Там они находили то, что искали – высокоразвитую буржуазную культуру. Где-нибудь в Монако нет бедных – значит, там возможно быть богатым.

Но монах возразил:

– Сначала и я думал так же. Но вскоре понял: дело не в России и не в отсутствии буржуазной культуры. Какое-то время меня всерьез одолевала мысль поселиться в Париже. До сих пор люблю этот город. Так вот однажды я присел пообедать за столик одного из многочисленных кафе близ Елисейских полей. Меня окружал великолепный старинный город,

погода стояла замечательная, люди вокруг мило улыбались. Я чувствовал, что близок к той жизни, о которой мечтал. И тут вдруг женщина, сидевшая за столиком близ меня, стала задыхаться. Наверное, это был приступ астмы – не знаю. Баллончик с аэрозолем (знаешь, астматики всегда носят с собой такие?) ей не помогал. Вокруг суетились какие-то люди, видимо, пытаясь помочь. А я сидел и смотрел на нее. Мы встретились взглядом, и я понял: дело не в России. Везде одно и то же: нельзя быть долго счастливым. Вот ты решил все проблемы, у тебя все хорошо. Едва соберешься порадоваться этому, как кто-то рядом начинает задыхаться, умирать и превращает твой праздник в пир во время чумы.

– Та женщина умерла?

– Да, через несколько минут, еще до приезда врачей. Я расплатился и ушел, оставив обед нетронутым. У меня как-то принципиально пропал аппетит – надолго, навсегда. Теперь мне не нужно другой еды, кроме монастырской похлебки.

– Пусть так. Ты покинул «пир во время чумы». Но ведь многие остаются на этом пиру и могут радоваться ему?

– Едва ли. Думаю, они заставляют себя радоваться – а что еще остается делать, когда понимаешь, что счастье недоступно, хотя за него уже заплачено? Можно обрасти толстой кожей, и перестать чувствовать чужую боль. Но такая защита не позволит прочувствовать и собственное счастье...

Примерно так близ дома счастливца впервые появляется чеховский «человек с молоточком». С маниакальным упорством он начинает долбить в дверь, напоминая о неуместности личного счастья в нынешней жизни. Этот назойливый стук разрушает покой, без которого счастье оказывается невозможным. Подобные рассказы содержит литература каждого нового поколения. Вот и Константин Леонтьев приводит историю, в свое время наделавшую много шума в Москве и Петербурге.

«Недавно в наш Оптинский скит поступили послушниками двое молодых людей из лучшего нашего дворянства: Ш-ский и Чер-ов. Они двоюродные братья. Оба женаты; супруги их молоды и красивы; средства их настолько хороши, что г-жа Ш-ская в своем воронежском имении устроила на свой счет женскую общину, в которой, как слышно, и будет сама назначена настоятельницей.

И мужей, и жен одели здесь, в Оптиной, в монашеское платье, и обе молодые дамы уехали в Воронеж, а мужья остались в скиту.

В последний раз уже облаченным в подрясники им позволили сходить в гостиницу проститься с мужьями, братьями, и прощание это, как

говорят, было до того трогательно, что старый монах-гостинник, человек торговый и вовсе не особенно чувствительный, плакал, глядя на них, и восклицал:

– Господи! Да что же это вы делаете! Да как же вы это такие молодые расстаетесь! Да разве это так можно! Боже мой!

Жили обе молодые четы между собою в полном согласии, и когда одна приезжая дама спросила у г-жи Ш-ской (которой, кажется, принадлежит инициатива во всем этом деле), что побудило их решиться на такой геройский шаг, – она отвечала:

– Мы были слишком счастливы!»[8]

Обе столицы гудели от сплетен и пересудов. Как так? Молодые люди, любящие друг друга, – красивые, богатые, носители древних аристократических фамилий, не имеющие решительно никаких трудностей в жизни (родители не только не чинили препятствий их любви, но и сами желали этого брака) – и вдруг в монастырь? Каких только не предпринималось попыток объяснить внезапное расставание недавних новобрачных! Люди привыкли считать трагедией любовь *несчастливую*, разбивающуюся о непреодолимые жизненные препятствия. Мы уверены, что

Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о Ромео и Джульетте.

Но оказывается, есть. И это повесть о *счастливой* любви. Впрочем, здесь можно попытаться «дать слово» самой героине леонтьевского рассказа. Вот что мы могли бы услышать:

– Я сильно любила мужа. Его чувство ко мне было не менее серьезным. Мы знали: есть в мире высшая ценность помимо божественной святыни, и мы находили ее друг в друге.

Но скоро выяснилась вся хрупкость того, чем каждый из нас обладал. Однажды муж пришел домой совершенно потерянным. В этот день на дуэли погиб его товарищ по кадетскому корпусу. Накануне у того вышла пустячная ссора с каким-то хмельным поручиком. Тот потребовал сатисфакции. Стрелялись на двадцати шагах, и поручик не промахнулся, хотя позже утверждал, будто метил в сторону.

Той же ночью мне приснился мой Алешенька. Он стоял у барьера, и злодей-поручик целил в милые мне черты. Я разрыдалась от горя. Страх вошел в меня и больше уже не покидал. Ночью я почти не спала. Лежала, прижавшись ухом к его груди, слушала биение родного сердца и зачем-то

[8] *Леонтьев К.Н.* Добрые вести.

вспоминала медицинские уроки в Смольном. Голос профессора говорил мне о том, насколько сердце – ненадежная жила.

Со временем решительно все сделалось для меня поводом к нестерпимой тревоге. Мы объяснились. Стало понятно, что насильственную и внезапную разлуку мы не переживем. И тогда мы договорились расстаться в означенный час и по доброй воле: Прощай, мой друг, до «радостного утра».

Может, потому и не дает людям Господь исключительной любви? Не может ее вынести человек. По крайней мере, я не смогла...

Советская литература тоже не обошла стороной древнюю проблему, из которой выросла мировая религия. Написанная в 1983 году повесть Юрия Визбора «Завтрак с видом на Эльбрус» задумывалась как ответ на вопрос «зачем вы ходите в горы?», но в итоге оказалась посвящена «умонастроению воскресного вечера».

Дело происходит в окрестностях горы Чегет, самой живописной местности Кабардино-Балкарского Приэльбрусья. Драматизм любовной истории горного инструктора и туристки передан в нескольких простых эпизодах, перемежающихся воспоминаниями главного героя:

«Это была ее идея – переночевать в кафе, чтобы позавтракать с “видом на Эльбрус”, как она сказала. Все так и было: когда остановились канатные дороги и схлынули вниз и “чайники”, и лыжники, настала тишина. Вся жизнь спустилась в Баксанскую долину, и в синей ее глубине уже зажигались первые звездочки огней. За вершиной Андырчи разлилось розовое зарево, которое постепенно становилось фиолетовым, и это ежевечернее, ежевесеннее движение красок можно было наблюдать неустанно, что мы и делали... Потом была ночь... Утром мы открыли ротонду кафе и сели завтракать. Перед нами был рассветный Эльбрус, на столе был завтрак: яичница, сало, хлеб, чай, сахар. Грубо говоря, все это вместе могло быть названо счастьем».

«Как я счастлива, если бы ты знал!.. Мне страшно. После счастья ведь бывают несчастья».

«...холод расставания стал наполнять меня, будто где-то внутри открылся старомодный медный краник с ледяной водой».

«Там, в Ялте, она была права – настоящая любовь страшна. Страшна так же, как страшны все настоящие ценности жизни: мать, дети, способность видеть, способность мыслить – словом, всё то, что можно по-настоящему потерять».

«В электрокамине дрогнул свет – это включились подъемные дороги. Завтрак с видом на Эльбрус закончился. Пора было возвращаться в жизнь».

И здесь мы находим всё то же великое сокровище любви, перспективу расставания с нею и страх потери, уничтожающий радость обладания. Этот страх не оставляет влюбленных, не оставляет даже святого подвижника. Люди, при жизни достигшие совершенства, до самой кончины говорили о тяготящей их тревоге. Их неотступно мучила возможность пасть, сделать какое-либо невольное зло и тем самым утратить благодать, неосторожным движением угасить горящий в них огонек божественного света.

Тому, кто понял «умонастроение воскресного вечера» не нужно объяснять, что счастье – в чем бы оно ни заключалось – возможно лишь там, где нет «понедельника». Истолковывая библейский рассказ о сотворении мира, святитель Василий Великий говорит о пяти днях как пяти этапах образования Вселенной. День шестой – эпоха человека, время нашей земной истории. Он завершится Страшным Судом, за которым последует седьмой день – «день невечерний», вечность. Там Сам Господь – то есть Сущий – будет Гарантом человеческого счастья.

Слово Всемогущего нерушимо: если Он пообещает – уже никто и ничто не отнимет у человека то, что составляет подлинные ценности жизни. А потому Христос призывает: «*Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше*» (Мф. 6:19–21).

Легкое бремя

Один из героев Чехова говорил: «К моим мыслям о человеческом счастье всегда почему-то примешивалось что-то грустное, теперь же, при виде счастливого человека, мною овладело тяжелое чувство, близкое к отчаянию...

Меня угнетают тишина и спокойствие, я боюсь смотреть на окна, так как для меня теперь нет более тяжелого зрелища, как счастливое семейство, сидящее вокруг стола и пьющее чай»[9].

Возникает вопрос: если счастье невозможно в «сей временной жизни», то как жить? К чему стремиться? Как побеждается гнетущее «умонастроение воскресного вечера» и решается «проблема царевича Гаутамы»?

В философии есть пара понятий: «субъект» и «объект». Первое обозначает активное, мужское, действенное начало. Объект – это, напротив,

---

[9] *Чехов А.П.* Крыжовник.

тот, на кого нацелено действие; пассивное, женское, претерпевающее начало. Одно и то же действие по-разному переживается человеком в зависимости от того, какую роль – субъекта или объекта – он исполняет в определенной ситуации.

Представим себе спортивный мотоцикл, на высокой скорости несущийся по улицам ночной Москвы. На нем скрючились две человеческие фигурки: одна вцепилась в руль, другая – в водителя. Кто из них испытывает больший страх?

Кто легче переносит недоедание? Постящийся монах, который по доброй воле отказывается от пищи и понимает смысл своего воздержания, или житель блокадного Ленинграда, страдающий от голода недобровольно и бессмысленно?

Аскетический опыт говорит о самом эффективном способе бороться с ленью – нужно всего лишь усложнить себе задачу, внести в нее собственную творческую нотку. Нужно перейти от объектной позиции к субъектной и стать одним из инициаторов дела. Так, например, происходит в кавказской притче о старике, которому вместе с сыном потребовалось проделать длинный путь до соседнего селения, лежащего высоко в горах.

Пройдя некоторое расстояние, отец сказал:

– Сынок, я устал – понеси меня!

– Как же я тебя понесу? – изумился сын. – Я и сам устал. Кроме того, ты тяжел, да и тропа идет в гору.

– Тогда я понесу тебя, – ответил старик и принялся рассказывать занимательные и забавные истории. Сын увлеченно слушал, задавал вопросы, смеялся и, действительно, не заметил, как они с отцом подошли к назначенному месту.

Та же логика указывает способ преодоления страха: нужно выйти ему навстречу. Именно так поступил А.С. Грибоедов во время Русско-персидской войны, при штурме крепости Аббас-Абад. «Он сидел верхом рядом с князем Суворовым, внуком великого полководца. Вдруг ядро контузило лошадь князя, а конь Грибоедова шарахнулся в сторону. Александр рассердился на себя: вот первое сражение, где он участвует, хоть наблюдателем, а у него то ли конь дрожит, то ли он сам. Неужели он трус в душе? – мысль нестерпимая! Он решил проверить себя: подъехал к самой линии огня и переждал 124 залпа подряд. Паскевич, увидев его издали, в ярости несколько раз присылал приказ отъехать подальше. Но Грибоедов развернулся не раньше, чем полностью изжил робость, если она ему не померещилась прежде»[10].

---

[10] *Цимбаева Е.Н.* Грибоедов. Гл. VIII. Миротворец.

Вот и мальчишки, не достигшие призывного возраста, осенью сорок первого года тайком от родственников бежали на фронт. Возможно, дело было не в особом чувстве патриотизма. Не ярость к захватчикам толкала их на решительный шаг. Эвакуироваться, бежать от врага оказывалось гораздо страшнее, хотя и, несомненно, безопаснее.

Можно спросить: почему царевич Гаутама оставил дворец и избрал для себя образ странствующего мудреца? Почему люди, разочаровавшись в мечте о жизненном счастье, отправляются в монастырь? Шаг, который может показаться капитуляцией, на самом деле, есть не что иное, как побег на «передовую».

Проблема царевича Гаутамы решается простой рокировкой: из объекта действия нужно превратиться в его субъект, то есть, оставить «место пассажира спортивного мотоцикла» и «пересесть за руль» – страх скорости исчезнет, а рокот мотора покажется пульсацией твоих собственных вен.

Знают об этом горные спасатели МЧС. Эти люди регулярно с риском для жизни выходят на опасные ледяные склоны в поисках попавших в беду альпинистов. В праздные минуты очередного дежурства они охотно делятся опытом выживания:

«Если ты попал в критическую ситуацию, то думай не о себе. Оглянись вокруг, найди кого-то слабейшего себя и сосредоточь все усилия на том, чтобы вытащить из передряги его, этого человека. Тогда и твои личные шансы на спасение резко увеличатся».

Спасатели честно и полностью разделяют риск с теми, кого спасают. Но гибнут гораздо реже. И дело не только в том, что они лучше оснащены и подготовлены. Они подпадают под действие того парадоксального духовного закона, о котором говорится выше.

Если этот закон верен, то человеку лучше оставить бесплодные попытки построить счастье в «сей временной жизни» и взять на себя тяготы и несчастья ближнего; послужить тому, кого любишь, – Богу, человеку или Отечеству. Следуя этому закону, многие из нас дают обеты – монашеские, брачные, или воинские.

В ходе венчания молодоженам читают слова апостола Павла о браке – с призывом любить и заботиться друг о друге, как Христос о Церкви, то есть, если нужно, даже до смерти.

Во время пострига звучат слова: «*Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко*» (Мф. 11:28–30).

Бремя служения Христу и ближнему парадоксальным образом облегчает, а не отягощает человеческое существование в мире, наполненном страданием и смертью. Убегать от зла оказывается тяжелее, чем выступить против него.

Вот и Чехов завершает свои размышления о счастье той же мыслью:

«Иван Иваныч прошелся в волнении из угла в угол и повторил:

– Если б я был молод!

Он вдруг подошел к Алехину и стал пожимать ему то одну руку, то другую.

– Павел Константиныч, – проговорил он умоляющим голосом, – не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте делать добро! Счастья нет и не должно его быть, а если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот и цель вовсе не в нашем счастье, а в чем-то более разумном и великом. Делайте добро!

И всё это Иван Иваныч проговорил с жалкой, просящею улыбкой, как будто просил лично для себя»[11].

Дерзновение

Тот, кто однажды увидит иллюзорность счастья «в сей временной жизни», с радостью заметит, что нерешительность (или наглость) оставила его, а на ее месте возросла великая добродетель – та самая, которой не хватило до совершенства евангельскому богатому юноше, отошедшему от Христа опечаленным (см. Мк. 10:17–23)[12]. Как, должно быть, завидовал он рыбаку Петру, не оглядывающемуся на призраки счастья, имевшему *дерзновение* «отвергнуться себя, взять крест свой и идти» вслед за Царем Израилевым в Царство Небесное!

Наверное, у каждого церковного человека есть свой любимый евангельский отрывок. Для меня это эпизод, связанный с хождением Петра по воде Генисаретского озера.

---

[11] *Чехов А.П.* Крыжовник.

[12] «*Когда выходил Он в путь, подбежал некто, пал пред Ним на колени и спросил Его: Учитель благой! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Иисус сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не обижай, почитай отца твоего и мать. Он же сказал Ему в ответ: Учитель! все это сохранил я от юности моей. Иисус, взглянув на него, полюбил его и сказал ему: одного тебе недостает: пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест. Он же, смутившись от сего слова, отошел с печалью, потому что у него было большое имение. И, посмотрев вокруг, Иисус говорит ученикам Своим: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!*» (Мк. 10:17–23). – *Примеч. автора.*

Иисус из Назарета совершает чудо, накормив пятью хлебами пять тысяч человек. Сразу после этого Он велит ученикам сесть в лодку и отправиться прежде Него на другую сторону, пока Он отпустит народ. Ночью Спаситель догоняет Своих апостолов, идя по воде, как по суше. Петр восклицает:

– *Господи! если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде!*

– Иди! – следует ответ (см. Мф. 14:28).

Апостол выходит из лодки и действительно не тонет, начинает идти по воде, как об этом говорит Евангелие.

Если во всех прочих случаях чудеса, творимые Христом, имеют какой-то возвышенный и трагический смысл – воскрешение человека, исцеление прокаженных, исцеление слепорожденного, – то здесь мы видим чудо в ответ на самое натуральное ребячество со стороны Петра: зачем идти навстречу Спасителю, когда Он Сам идет в лодку и вы скоро с Ним увидитесь? Это была чистая авантюра, реакция по-детски непосредственной души на очевидное чудо: «Ух, ты! Я тоже так хочу!» И Господь не отвергает порыв Своего апостола. На просьбу «повели мне!» Он отвечает: «Иди». Услышав это слово, апостол решительно перешагивает через борт лодки и уходит в бушующие волны.

Понятно, почему Петр стал первоверховным апостолом и, согласно церковной традиции, получил ключи от рая. Заметим: его образ в Евангелии драматургически наиболее нагружен, он постоянно во что-то ввязывается, во всяком деле он впереди. На вопрос Христа «за кого почитают Меня люди?» Петр первым отвечает за всех (см. Мф. 16:13–16). В другой ситуации, не дожидаясь пока выберут якорь и поставят парус, покидает лодку и пускается вплавь, едва завидев на берегу воскресшего Спасителя. Словом, он постоянно демонстрирует красивую мужскую добродетель – дерзновение.

В отличие от банальной наглости, дерзновение – это способность начать некое сверхтрудное дело, совершить невозможное при помощи Божией. Это добродетель, которая питается верой и способна обернуться подвигом. Это сила, удерживающая нас в жизни в качестве ее героев, а не зрителей. Она-то и делает простого рыбака не статистом Священной истории, а ее действующим лицом, верховным апостолом.

Современный человек страдает кризисом мужества, ему очень трудно даются не только судьбоносные, но и просто важные решения. Он годами сидит на месте и думает: поступить ему в монастырь или нет? Он начинает подсчитывать: смогу ли я? Скажем прямо: нет, не сможешь. Другой думает жениться и взвешивает: буду ли я счастлив с этим человеком?

Потяну ли семью? Ответим честно: нет, не потянешь, даже не сомневайся. Но посмотри на апостола Петра! Он с детства рыбак, и отец его был рыбаком. Он вырос на берегу Генисаретского озера и всю жизнь провел здесь – уж ему-то лучше, чем кому бы то ни было другому, было известно, что не может человек ходить по воде! Но Петр попросил невозможного – и получил его.

Произнеси от сердца эту красивую мужскую молитву: «Господи! Повели мне!..», а дальше сам присовокупи некоторую миссию из разряда невозможных.

Вот этого дерзновения у нас частенько недостает, и в результате мы проводим жизнь, так и не решившись ни на что серьезное. Господь рядом с теми, кто дерзает, кто творит историю; с теми, кто вышел на свою дорогу. Он покровитель путников, и потому трудно надеяться на какое-то тесное общение с Ним тому, кто привык праздно сидеть дома у телевизора.

Господь заповедал нам не заботиться о завтрашнем дне, а отправляя на проповедь Своих учеников, повелел им не брать с собой даже смены одежды. Может, это означает, что Он Сам поведет нас по всякому пути? Может, от человека не требуется ничего большего, как только дерзнуть выйти на этот путь, даже отчетливо осознавая, что пройти его ему не по силам?

* * *

Однажды воскресным днем в храм Преподобного Иоанна Лествичника в Московской духовной академии пришла венчаться молодая пара. Он был выпускником магистратуры, она – студенткой регентской школы. Пока однокурсники жениха, готовясь сослужить священнику, облачались в белые стихари, он сказал своему профессору:

– Знаете, отче, а ведь та история царевича Гаутамы мне пригодилась.

– Это каким же образом?

– Срок моей учебы подходил к концу, и перед принятием сана нужно было решать, жениться или поступать в монашескую братию.

– Ну да, это общее правило для наших выпускников.

– Я, конечно, хотел семью. Мне давно нравилась девушка, но я не знал, как подойти к ней, долго поджидал, пока подвернется удобный случай. Однажды мы попросту столкнулись с ней в дверях и я выпалил: «Выходи за меня!»

– Решил атаковать в лоб? Интересно!

– Она онемела от неожиданности и посмотрела на меня, как на сумасшедшего. Вижу, отступать некуда, и говорю: «Знаю, о чем ты сейчас

думаешь! Ты смотришь на меня, пытаешься вспомнить, как меня зовут, понять, серьезно ли я говорю, и заодно прикинуть, будешь ли ты со со мною счастлива. Так вот, говорю прямо и честно: зовут меня Александр, говорю я совершенно серьезно и – нет, счастлива со мною ты не будешь. Впрочем, как и без меня». А потом сразу рассказываю ей историю основателя буддизма.

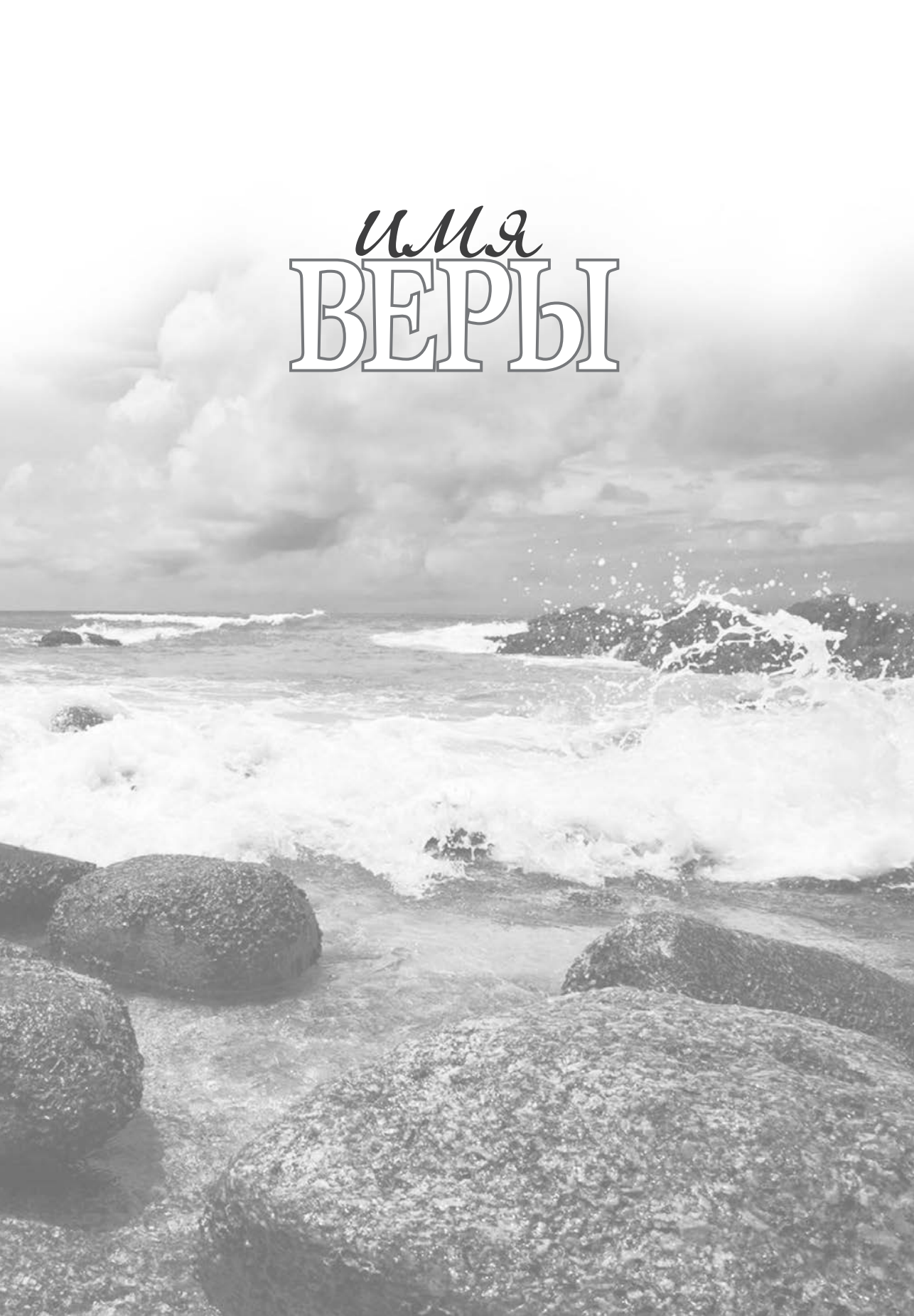
– Это еще зачем?

– Как это зачем? Я ей сказал: «Видишь, человек очень старался быть счастливым, и то у него ничего не вышло. А ведь он был царевич! А ты кто? Регент? Тем более у тебя ничего не получится. Выходи за меня, не сомневайся! Со мной будет сложно, но интересно. И не бойся пройти мимо своего счастья: нельзя пройти мимо того, чего нет».

– Судя по лежащим здесь венцам, ты победил, и девушка ответила тебе согласием.

– Ага! Только в тот раз она сказала «да» очень тихо. И я хочу, чтобы сейчас она повторила это погромче.

Имя веры



– Но позвольте вас спросить, – после тревожного раздумья спросил заграничный гость, – как же быть с доказательствами бытия Божия, коих, как известно, существует ровно пять?

– Увы! – с сожалением ответил Берлиоз, – ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно сдало их в архив. Ведь согласитесь, что в области разума никакого доказательства существования Бога быть не может.

– Браво! – вскричал иностранец, – браво! Вы полностью повторили мысль беспокойного старика Иммануила по этому поводу. Но вот курьез: он начисто разрушил все пять доказательств, а затем, как бы в насмешку над самим собою, соорудил собственное шестое доказательство![13]

Культовый роман Михаила Булгакова знают сегодня решительно все. Но немногим известно, что помимо Канта составить «свое собственное шестое доказательство» пытались и другие философы. Эта задача на какое-то время сделалась классическим упражнением для всякого уважающего себя мыслителя. В результате одной из таких попыток появилось «доказательство счастливого человека».

Оно построено на свойстве комплементарности (взаимодополнения). Если мы имеем ключ, то догадываемся о существовании замка, который им отпирается. Человек явно создан для счастья, но в сей временной жизни оно невозможно – следовательно, оно есть в вечности. Поскольку вечную жизнь без Бога помыслить не удастся, Он существует[14].

Влюбленным для счастья всегда не хватает вечности. Посмотрим на влюбленную женщину. Она непременно хочет замуж. Но почему? Чего именно недостает ее радости до полноты? Она ищет гарантий. Ей нужна уверенность в том, что всё, любезное ее сердцу сегодня, будет в ее полном распоряжении и завтра, и во все прочие дни. Счастью нужен хороший фундамент. Именно поэтому наши самые заветные просьбы естественно

---

[13] *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. Часть первая, глава 1.

[14] *Если есть стадо – есть пастух.*
Если есть тело, – должен быть дух.
Если есть шаг – должен быть след.
Если есть тьма – должен быть свет.
(Виктор Цой. Песня без слов). – *Примеч. автора.*

заканчиваются традиционной религиозной формулой, обозначающей вечность: «и ныне и присно и во веки веков».

Человек, нашедший что-то, любезное своему сердцу, чувствует себя словно в роскошном автомобиле, который легко и быстро несет его вдоль промозглых бульваров ноябрьского северного города: вот ты нежишься в удобном кресле, взирая сквозь покрытое мелкими капельками дождя стекло на непогоду и озябших пешеходов, уныло ожидающих автобуса; наслаждаешься комфортом и социальным неравенством. Но вдруг однаединственная мысль вмиг делает эту радость горькой: машина не твоя, тебя подобрал на остановке ее сердобольный хозяин и вскоре придется выходить. И к тебе с новой силой возвращается мечта о личном автомобиле, мысль о собственности, ибо комфорт, который тебе не принадлежит, всякий раз только подчеркивает твое реальное положение.

Идея собственности, если ее продумать до конца, представляет собой довольно нелепую попытку соединить навечно две временные вещи: смертного человека и хрупкий предмет. Да и третья вещь – суверен, выступающий гарантом этих отношений (будь то правитель или закон), – утверждена в бытии не более первых двух. И, тем не менее, практическая борьба с идеей собственности никогда не имела успеха.

Столь же наивна мечта двух влюбленных раз и навсегда соединить свои судьбы. Но, несмотря на очевидную обреченность этих попыток, они не прекращаются и упорно воспроизводятся каждым новым поколением в виде трогательных свадебных ритуалов: обмена кольцами, или выбрасывания в водоем ключа от замочка, совместными усилиями повешенного на «дерево любви».

Человек комплементарен счастью, и именно поэтому он религиозен.

Вера как дар

С чего начинается религиозная вера? Почему иной человек, неверующий и даже настроенный враждебно по отношению к Церкви, через какое-то время делается ее членом? И отчего порой происходит серьезное охлаждение и даже полная потеря веры?

Вспомним евангельский эпизод: «*Придя же в страны Кесарии Филипповой, Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты – Христос, Сын Бога Живого. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон,*

сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах» (Мф. 16:13–18).

Заглядывая в Новый Завет с вопросом о том, как человек приходит к вере, мы находим там однозначный ответ: сам человек к вере не приходит. По слову апостола Павла, «*никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым*» (1 Кор. 12:3). Иначе говоря, Бог дает веру человеку как некий дар. Человек же не способен своими трудами ее заслужить, заработать, или еще каким-то образом приобрести. И действительно, история античной философии показывает нам на примере Плотина, что человек, руководствующийся своим умом, может вплотную подойти к истинам богословия, но, подобно Моисею, умершему у границы земли обетованной, так и не вступает в область веры. Это дело Откровения.

Немецкий монах Мартин Лютер, отец Реформации, в ответ на известное сочинение Эразма Роттердамского написал книгу под названием «О рабстве воли», где изложил протестантское понимание спасения. Формулой, резюмирующей позицию Лютера, может быть следующее его высказывание: «Воля человеческая находится где-то посередине, между Богом и сатаной, словно вьючный скот. Если завладеет человеком Господь, он охотно пойдет туда, куда Господь пожелает, как говорит об этом псалмопевец: “Как скот был я перед Тобою, и я всегда с Тобою...”, если же владеет им сатана, он охотно пойдет туда, куда сатана пожелает. И нет у него никакой воли бежать к одному из этих ездоков или стремиться к ним, но сами ездоки борются за то, чтобы удержать его и завладеть им».

Кальвин утверждал, что еще до сотворения мира, на Троическом Совете, Бог всех людей переписал в две книги: одних – в Книгу Жизни, других – в Книгу Смерти. И поэтому никакой свободы воли не существует. Если Бог не даст человеку сил сотворить добро, – как бы он ни пытался сделать что-то хорошее, у него ничего не получится: «*Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего*» (Ин. 15:5). Если Господь не отведет от нас искушение, то мы в него впадем, как бы ни тщились его избежать. Иуда Искариот был апостолом, вместе с прочими принял благодать и являлся свидетелем великих дел Спасителя. Но стоило Богу отнять от него Свою руку, как несчастный человек немедленно впал в страшные грехи, отчаялся и удавился. Вот и псалмопевец Давид некогда описал жизнь всякой души: «*Даешь им – принимают, отверзаешь руку Твою – насыщаются благом; скроешь лице Твое – мятутся, отнимешь дух их – умирают и в персть свою возвращаются*» (Пс. 103:28–29).

Обратным примером может служить разбойник, распятый по правую руку Спасителя. Всю жизнь этот человек совершал страшные злодеяния, чего и сам не отрицал, и в конце концов получил заслуженное наказание. Но Господь коснулся его, даровал ему благодать веры, и тот произнес всего одну молитву: «*Помяни меня, Господи, когда приидешь, в Царствие Твое!*» (Лк. 23:42). И тотчас услышал: «*Ныне же будешь со Мною в раю!*» (Лк. 23:43).

Таким образом, если твое имя написано в Книге Жизни, Господь «имиже весть судьбами» спасет тебя, вне зависимости от твоего умонастроения. Он так или иначе приведет тебя к вере, благочестию и в конечном итоге ко спасению. А если ты в Книге Смерти, то хоть ты лоб разбей в молитвах – все равно, в конечном итоге, ты впадешь в те грехи, которые сделают спасение невозможным для тебя.

Позже на этой протестантской мысли возник известный труд Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Он объясняет, почему большинство капиталистов, успешных предпринимателей – протестанты, а не католики и не православные. Если я протестант и верю, вслед за Лютером и Кальвином, что я или в Книге Жизни, или в Книге Смерти, тогда ключевой вопрос моей жизни – узнать, а где же я записан. Я не могу жить как на вулкане, мне нужна уверенность в своей участи. Как ее приобрести? Видимо, нужно испытать судьбу. Логика такова: если я избран и записан в Книге Жизни, значит, мне и в сей временной жизни должно сопутствовать Божие благоволение. Потому протестант из всех сфер человеческой деятельности избирает ту, где успех, как ни в каком другом деле, зависит от удачи, – бизнес. Но цель протестантского бизнеса не деньги. Протестант – христианский аскет. Он не тратит деньги, как русский купец, выходящий из ресторана: «Эй, разберите стенку, я здесь хочу пройти!» Коммерческий успех для протестанта является маркером его религиозного состояния, ответом на вопрос, благоволит ли ему Господь. И потому в американских протестантских общинах на «диком Западе», если человек разорялся, его выгоняли из общины. Часто он кончал жизнь самоубийством – зачем зря коптить небо?

В православной традиции все не так однозначно. Здесь утверждается, что от человека тоже зависит, будет он верующим или нет. Господь дает веру как дар, но совершает ли Он этот дар случайным образом? Неужели, распределяя среди людей благодать веры, Он использует датчик случайных чисел?

Нагорная проповедь Иисуса завершается словами: «*Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам:*

любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5:43–45). Может быть, благодать веры Бог дает всем – так же, как солнце и дождь?

Представим себе двух человек, идущих по дороге по своим делам. Начинается ливень. Один из них имеет походную кружку. Подставляя ее под струи дождя, он может насобирать питьевой воды. Второй же, не имея никакого сосуда, лишь промокает до нитки.

Посмотрим и на двух фермеров. Один из них установил на своем участке солнечные батареи и может собирать и накапливать энергию. Другому, не имеющему подобного оборудования, остается только загорать.

Можно предположить, что благодать веры преподается «всякому человеку, грядущему в мир». Но в структурах души иного человека нет подходящего «сосуда», способного вместить и удержать ее. Оттого он и не верует.

Что же это за отсутствующая структура?

Блаженный Августин, размышляя о вере и знании, натолкнулся на замкнутый круг: с одной стороны, невозможно верить (или не верить) в то, чего не знаешь, о чем не имеешь представления[15]. Первично, видимо, знание. Но с другой стороны, Бог – это Личность. Поэтому существует только один способ познать Его – вступить с Ним в общение через молитву, которая уже требует веры: «Дай же мне, Господи, узнать и постичь... надо ли сначала познать Тебя, или воззвать к Тебе. Но кто воззовет к Тебе, не зная Тебя? Воззвать не к Тебе, а к кому-то другому может незнающий. Или, чтобы познать Тебя, и надо “воззвать к Тебе?” “Как воззовут к Тому, в Кого не уверовали?” (Рим. 10:14)»[16].

Можно догадываться, что между неверием и верой вместо непосредственной границы существует некая «нейтральная полоса». Прежде чем человек перейдет от атеизма (или скептицизма) к вере, он проходит промежуточное состояние, которое можно было бы охарактеризовать как «желание верить». Так в «Бесах» Достоевского старый офицер, оказавшись в кругу «передовой» молодежи, восклицает: «если Бога нет, то какой же

---

[15] «Верите ли вы в Ктулху?» Едва ли на этот вопрос можно дать определенный ответ прежде знакомства с фантастическим миром Говарда Лавкравта. Ктулху – мифологическое божество, спящее на дне Тихого океана, способное воздействовать на разум человека. – *Примеч. автора.*

[16] *Блаженный Августин.* Исповедь. Книга первая, I.

я после этого штабс-капитан?» Аргумент в пользу веры только на первый взгляд кажется наивным и смешным. Если Бога нет, то «*положить жизнь за друзей своих*» (см. Ин. 15:13) – значит, сделать глупость. Если Бога нет, то нет и настоящей славы, а офицер оказывается неудачником, руками которого «загребают жар» разумные эгоисты. Атеизм оказывается противоестественен самой природе героя. «Нет Бога» – в это хочется верить разве что Петру Верховенскому, «*растлевшемуся и омерзившемуся в беззакониях*» (см. Пс. 13:1).

Желание, чтобы правы оказались те, кто говорит о бытии Божием утвердительно, – это и есть та самая «отсутствующая структура» в душе атеиста. Это и есть тот самый «сосуд», способный вмещать и сохранять в себе изобильно изливаемую на всякого человека Творцом благодать веры.

Как же возникает и укрепляется в душе желание верить?

Адамов комплекс

Семейные психологи часто отмечают любопытный факт: если один из супругов совершает измену, ему первому становится в тягость присутствие рядом того, кого он обманул. Казалось бы, все должно быть ровно наоборот. Но нет: именно изменник-муж первым начинает ненавидеть свою подругу по бытию и инициирует большинство семейных скандалов.

Впрочем, духовно просвещенный разум не найдет здесь ничего необычного, ибо подобный психологический комплекс проявился еще у первых людей – прародителей Адама и Евы. Если обратить внимание на их поведение сразу же после нарушения заповеди о Древе познания, бросается в глаза одна странность: «*И услышали (они) голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая*» (Быт. 3:8). Разве это не смешно: пытаться укрыться от Всевидящего Ока, спрятавшись за дерево? Если отвергнуть гипотезу о временном умопомрачении, следует признать, что человек не столько хотел скрыть себя от Бога, сколько, наоборот, скрыть Бога от себя. Ведь из них двоих только один не обладает способностью видеть сквозь деревья рая. Поэтому смысл адамова жеста читается легко: «Я не хочу Тебя видеть». Эти слова первым говорит не Преданный, а сам предатель. Мы любим более всего тех, кому сделали добро, и склонны испытывать неприязнь к тем, кому сами же причинили зло[17]. Для согрешившего

[17] Эту особенность человеческой психологии отмечает и Макиавелли. В восьмой главе своего знаменитого «Государя» он пишет: «Люди же по натуре своей таковы, что не меньше привязываются к тем, кому сделали добро сами, чем к тем, кто сделал добро им». – *Примеч. автора.*

Адама присутствие рядом Бога делается тягостным и неприятным. Именно с этого жеста начинается адамово изгнание из рая. Не Бог, не Ангел с огненным мечом, а сам человек делает себя отверженным.

Отрицательная сила адамова комплекса, вытолкнувшая первых людей из рая, продолжает действовать и после того, как Крестная Жертва Спасителя вновь открыла нам райские врата.

В Евангелии есть притча о человеке, попавшем на брачный пир в повседневной одежде. Он не может радоваться вместе со всеми, потому, видимо, что чувствует себя не в своей тарелке. Ему настолько неловко, что он даже не желает разговаривать с Царем, обратившимся к нему с вопросом: «Друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде?» Не дождавшись ответа, Царь приказывает слугам выгнать этого человека «во тьму кромешную». Нетрудно заметить, что причиной этого решения послужила вовсе не одежда, а молчанием выраженное: «я не хочу тебя видеть» (см. Мф. 22:11–14). Похоже, что наши грехи чреваты не столько гневом Божиим, сколько нашим молчанием перед Ним. Опасность не в том, что Бог не сможет или не захочет нас простить, а в том, что мы сами не захотим просить у Него прощения и пройдем мимо Небесного Царствия в поисках места, где можно было бы укрыться от Творца неба и земли.

Существует классический богословский вопрос: как совместить идею милосердия Божия и вечные мучения грешников в аду? Здесь есть сразу несколько затруднений для разума. Во-первых, преступник – каким бы злодеем он ни был – приносит своим жертвам временные страдания. Но расплачиваться за это ему предстоит вечным мучением. Где же справедливость? Где соразмерность наказания преступлению? Во-вторых, всякое Божие наказание имеет целью вразумление и исправление грешника. Но вечные муки не могут никого исправить: участь человека уже решена навсегда. К чему тогда это напрасное издевательство над живой душой? В-третьих, как может совершиться радость праведника в раю, если кто-то из его близких и любимых людей попадет в ад? Таким образом, идея вечных мучений представляется несправедливой, бессмысленной и немилосердной по отношению к праведникам. Это затруднение некоторых мыслителей, вроде Климента Александрийского и Оригена, приводило к отрицанию вечных мук и идее апокатáстасиса (всеобщего спасения).

Между тем, решить этот вопрос совсем нетрудно, исходя из адамова комплекса. Бог не изгонял Адама из рая – Он всего лишь зафиксировал фактически случившееся: человек ушел сам. Точно так же сотрудник ЗАГСа, оформляя развод супругов, не разрушает семью, но только фиксирует уже свершившийся факт семейной катастрофы.

Бог не определяет никого в ад насильно. Отрицательная инерция адамова комплекса делает присутствие Божие невыносимым. Как говорится в пословице: с милым рай и в шалаше. Спросим: а с немилым? С немилым везде ад. И потому грешнику лучше пребывать в том месте, где активность Божества минимизирована до нуля. Совместить идею милосердия Божия и вечные мучения просто: ад является проявлением милосердия Божия к человеку, для которого Сам Бог невыносим.

Адамов комплекс часто проявляется и в обычных житейских ситуациях. Например, ученик, плохо написавший контрольную по математике, чтобы не быть сразу уличенным в незнании, торопливо сдает тетрадь и убегает из класса. Но какие чувства испытывает он в ожидании следующего урока по математике? Он хочет, чтобы началась ядерная война, заболела или просто исчезла куда-нибудь учительница, и это при том, что никакого зла она лично ему не сделала. Ученик начинает ненавидеть ее, потому что сам виноват перед ней.

Если же ученик знает, что написал работу на «отлично», быстро справился с заданием, а в оставшееся время нашел нестандартное решение сложной задачи, учеба приносит ему радость, а имя учительницы начинает звучать для него, как музыка. Любимым становится именно тот предмет, в котором ему сопутствует успех. И наоборот, предметное поле, ставшее местом его неудач, вызывает стойкую неприязнь.

Врачи «влюбляются» в своих пациентов, которых они «вытащили с того света». Материнская любовь сильнее всего разгорается к наиболее болезненному и несчастному из детей. Бессонные ночи, проведенные у кровати больного ребенка, отливаются учащенными ударами сердца при одном упоминании его имени. Выстаивая в очередях к тюремному окошечку для передач, перенося грубость и хамство со стороны тех, от кого зависит судьба сына, мать совершает настоящий подвиг ради него.

Если плохой ученик действительно склонен ненавидеть школу и учителя, то для того, кто хорошо пишет контрольные, школьные годы остаются светлым периодом жизни.

Забота матери о детях учит ее любить их. Христианин молится за своих врагов именно для того, чтобы, совершая добро, перестать ненавидеть.

Любовь – это творческая сила, которая сама создает свой предмет. Ветеран, принесший своей стране победу в Великой войне, не испытывает трудности с чувством патриотизма. И наоборот, юноша, который палец о палец не ударил для того, чтобы сделать что-то хорошее для своего народа, затрудняется даже определенно сказать, что такое Отечество.

Американский патриотизм, кстати, базируется именно на волонтерстве, на предоставляемых гражданам широких и разнообразных возможностях быть полезными своему народу. Память о потушенных пожарах Калифорнии или отмытых от нефти чайках Мексиканского залива претворяется здесь во вполне конкретное чувство личной радости при виде звездно-полосатого флага.

Возможно, именно так решается поставленный выше вопрос: почему есть люди верующие и неверующие? В Евангелии Господь говорит: «Те из вас любят свет, чьи дела добры» (ср. Ин. 3:20–21). Действительно, тот, у кого красивая брачная одежда, – любит свет. А те, чьи дела злы, «ушли от света и возлюбили тьму» (см. Ин. 3:19–20). По сути, Господь говорит об адамовом комплексе. Таким образом, получается, что инерция добрых или злых дел имеет решающее значение в нашем вопросе: верующим будет человек или неверующим.

Выбор веры

В 988 году от Рождества Христова киевский князь Владимир совершил варварский, с точки зрения современного либерала, шаг: он насильно крестил Русь. «Кто из вас хочет быть мне другом, приходи на Днепр креститься». Миролюбивое значение этих слов может сбить с толку историка. Но современники Владимира не могли не уловить здесь железного тона: ведь тот, кто не приходил креститься, тем самым свидетельствовал, что не желает быть другом могущественному князю. Но кто не друг, тот не́друг. И потому вполне справедливы предположения, что многие из славян крестились «страха ради», а вовсе не из глубокой духовной симпатии к византийской вере.

Современный гуманист, надменно взирающий на средневекового варвара с высот просвещения, из соображений терпимости часто отказывается крестить даже собственных детей. Дабы не стеснять детской свободы, он не желает давать им религиозное образование и воспитание и разводит бесконечные споры о допустимости преподавания религии в школе.

Но честно спросим себя: кто более свободен? Тот, кого родители в детстве принуждали учить иностранные языки, или тот, кто вольно слонялся по дворам после школьных уроков? Первый может и безмолвствовать, и изъясняться на русском, французском, английском. Второй, слабо владеющий средствами речи, чаще всего принуждаем к молчанию. Ребенок, которого «суровая родительская плеть» научила играть на скрипке или

фортепиано, может (как в известном анекдоте) играть или не играть. Тот же, кому «посчастливилось» расти в семье «либеральных» родителей, оказывается лишенным выбора по отношению к инструменту: он может только не играть на нем.

Свобода вообще существует лишь там, где есть дороги. Можно ссылаться на то, что дорога ограничивает свободу, так как она ведет в определенную сторону. Но проблема в том, что бездорожье не дает и этой свободы, ибо никуда не ведет вообще.

Кроме того, *дорога ведет*, но *не обязывает двигаться*. Так человек, крещенный во младенчестве и воспитанный в православной традиции, легко может отступить от христианства – для этого ему нужно просто перейти к бездействию в религиозном отношении. Поэтому однажды принять веру недостаточно. К ней вполне применимы слова Пифагора о любви: «это теорема, которую нужно каждый день доказывать заново». Так что князь Владимир отнюдь не посягнул на свободу совести. На самом деле, впервые в русской истории он попытался ее обеспечить.

Но выбор в пользу веры неизбежно ставит человека перед другой проблемой: это выбор самой веры. Нельзя назвать верующим того, кто смутно представляет себе, во что именно он верит – в Христа, Будду или Магомета. Религии всерьез различны, и только невежественному человеку представляется, будто все они ведут к одной цели.

Как же осуществляется этот выбор? Рассказывая о Крещении Руси, историки объясняют решение Владимира политическими мотивами, стремлением объединить народ и укрепить личную власть. Среди прочих особую популярность приобрела версия о том, что ислам был отвергнут русскими потому, что запрещает пить вино. Распространенным можно считать мнение: византийское православие было принято потому, что более всего подходило русскому характеру и образу жизни.

Подобные рассуждения изначально абсурдны. Вера не платье – ее нельзя выбирать по фигуре. Выбирая веру, ты выбираешь себе закон, который будет тебя судить. Ты выбираешь тот идеал, что безжалостно высветит твое несовершенство. Это образ боли и степень стыда, которые тебе предстоит понести, называя любимые привычки грехами. Вера задает тебе цель, к которой нужно идти, центр мира, по отношению к которому все, в том числе и ты, – далекая и глухая периферия. Поэтому тот, кто выбирает веру «под себя», совершает бессмысленный маневр. Если ты и есть «альфа и омега», то куда тебе идти? Если выбранный тобою закон благословляет все, что бы ты ни делал, то какой же это закон? О каком пути можно говорить там, где старт и финиш совпадают, смыкаясь

в одной точке? Вера, филигранно приспособленная под страсти и похоти человека, – что даст она тебе, человек?

Едва ли князь Владимир и старейшины его посольства походили на голливудских знаменитостей и представителей сексуальных меньшинств, добивающихся церковного благословения своим беззакониям. В могучем русском язычнике была одна несомненная добродетель – сказочная, почти неправдоподобная честность перед самим собой, не имея которой нельзя свободно решить вопрос о выборе веры. Когда греческий монах развернул перед Владимиром картину Страшного суда, у князя, имеющего на совести восемьсот жен и десятки убийств, не было иллюзий относительно того, где должно быть его место в этой композиции. На это указывает его вопрос, заданный византийскому посланнику: «Что мне делать, чтобы стоять *одесную* Небесного Судьи?»

Человеку, который стоит перед выбором веры, можно пожелать: делай, что хочешь, но делай это правильно; будь разумен, избирая лучшую долю. Тому, кто уже стоит на пути, но сомневается и ищет доказательств своей «теоремы», уместно напомнить слова Христа – на сей раз слова житейской мудрости, а не религиозной проповеди: «*Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их. Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые*» (Мф. 7:13–17).

Сравнивая между собой различные религии, следует забыть себя и вглядеться в святых. Сколь часто мы отвергаем веру, принимая за идеал ее искаженный образ! Но «оценивать дерево по плодам» – означает обращать внимание на то, что́ вера может сделать с человеком, а не на то, что́ человек способен сделать с верой. «Дивен Бог во святых своих». Красота образа Божия в иных людях и является той аксиомой, на которую опирается доказательство упомянутой Пифагором «теоремы» любви и веры.

Христианство

Как в ходе дружеского десятиминутного разговора «на равных» объяснить «внешним», что такое христианство? Почему мы гордимся своей верой и стремимся сохранить ее в чистоте? Что возразить тому, кто скажет: христианство – религия слабых? Можно ли сравнивать христианство

с иудаизмом и исламом? Отвечая на подобные вопросы, нужно учитывать, что язык Священного Писания и святых отцов, привычный для нас, не всегда является понятным для людей невоцерковленных. Использование таких слов, как «благодать» или «искупление», как правило, ставит собеседника в тупик. К счастью, существует несколько понятий, сверхзначимых для всякого человека, пришедшего в мир, – опираясь на них, возможно вести конструктивный диалог. Одним из таких понятий является «благодарность». Живое чувство благодарности, наподобие пружины часового механизма, является движущей силой веры.

Любая религия предлагает свою священную историю. Рассказ о происхождении мира и человека, драматургия отношений Небесного и земного напоминает завод пружины часового механизма: слово о том, что Бог сделал для человека, определяет степень и характер благодарности человека ко Творцу. Возникает и набирает остроту вопрос: что мне делать, чтобы достойно отблагодарить Его за все дары? Мы не можем остаться пассивными – нам хочется сделать что-то в ответ. Священная история, соучастником которой становится человек, почувствовавший подобное желание, бросает ему вызов. Особенность этой ситуации заключается в том, что ее невозможно игнорировать: ответом на вызов будет любое действие, в том числе, и попытка сделать вид, что ничего особенного не произошло.

Ислам говорит, что Всевышний создал великий, чудный мир и дал его во владение человеку. Иудаизм уточняет, что Творец выделил из человеческих племен особый народ, из недр которого явится Мессия. Это народ священный, а потому он призван учить остальные племена и управлять ими. Христианство же представляет собой нечто большее – это величественная и трагичная история земной жизни Бога, «распятого за нас при Понтии Пилате, страдавшего и погребенного. И воскресшего на третий день, согласно Писанию».

«Древнейшее зло», с которым столкнулся сотворенный человек, – это смерть, полагающая предел его бытию. Единственным лекарством от нее может быть только не имеющая пределов Вечность. Но вечен один Бог. Он, несмотря на Свое всемогущество, не может сотворить другое совечное Себе начало, другого Бога. Поэтому и спасти человеческую природу может «не пророк, не ходатай, не ангел», но лишь прививка Самого Божества. Отсюда берет начало ключевая христианская идея о Боговоплощении.

Почему человек вообще умирает? Священное Писание говорит так: наказание за грех смерть. «А как же тогда Божия Матерь? – спросят нас, –

Ведь Она не совершила личного греха. За что Ее подверг смерти Собственный Сын?»

Второе недоумение, которое здесь возникает, и которое часто выражают люди, можно сформулировать так: «В каком смысле вы празднуете победу Христа над смертью?» Ведь люди не перестали умирать и после Его Воскресения, как умирали до, так умирают и после. И действительно, некоторым парадоксом выглядит, когда священник на Пасху – а люди умирают и на Пасху – произносит Пасхальное слово Иоанна Златоуста: «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?» – а рядом, в соседнем приделе, стоит гроб с покойником, которого будут отпевать наутро.

У великого учителя Церкви, святителя Григория Нисского (IV век) есть потрясающий образ – образ кувшина. Его так и называют – «кувшин Григория Нисского». Говоря о смерти, богословы довольно часто используют этот образ.

Святитель предлагает нам представить себе такую картину. У хозяина есть любимая вещь – большой, красивый, дорогой расписанный кувшин. Но завистник, враг хозяина, ночью, пока все спали, прокрался в дом и влил в этот кувшин расплавленный свинец. Свинец к утру застыл, и достать его оттуда теперь нет никакой возможности – кувшин испорчен. Что делать? Хозяин, не желая расставаться с кувшином, разбивает его. Кусочки разлетаются, отделяется свинцовая болванка, и хозяин, будучи сведущим в скудельном ремесле, бережно собирает все части, обмазывает их глиной, соединяет, вновь обжигает, расписывает и восстанавливает кувшин в первозданном виде. Вот этот кувшин, говорит Григорий Нисский, и есть душа человека. К ее чувственной стороне примешалось зло, причем так тонко, что даже провести какую-то демаркацию, отделив зло от души, невозможно.

Народная мудрость также говорит, что наши недостатки являются продолжением наших достоинств. Скажем, если человек – монах, строг в вере, строг к себе, если он любит закон, каноны, правила, он подчас делается сухим, занудливым или горделивым. Это человек, с которым невозможно общаться. И, наоборот, те из нас, кто любит людей, странноприимны, – как правило, страдают отсутствием элементарной монашеской дисциплины.

В Московской духовной академии есть музей, который, собственно, берет начало с собрания личных вещей Патриарха Алексия I (Симанского). Среди них – интересный посох. Патриарх Алексий был человеком очень ответственным, дотошным, из тех людей, которые всё делают на совесть и входят во все детали. То есть небрежение у него отсутствовало

вообще, всякое дело он делал от души и доводил до совершенства. Но эта особенность отражалась дурным свойством его характера: он постоянно спрашивал у своих иподиаконов: «Который час?» – даже во время богослужения. И когда он окончательно их замучил, они скинулись и подарили ему посох, в набалдашнике которого были скрытые часы фирмы «Полет», так чтобы Патриарх мог прямо во время богослужения взглянуть на них и самостоятельно получить ответ на свой вопрос.

Одна из любимых идей Достоевского: это идея о том, что нельзя однозначно ответить на вопрос, почему человек поступил так или иначе. У любого действия всегда целый букет мотивов, и самое интересное, что святые побуждения нередко бывают переплетены с какими-то эгоистичными, корыстными «мыслишками». В «Идиоте», например, есть эпизод, когда князь Мышкин беседует с поручиком Келлером. Поручик Келлер – это бретер, дуэлянт, пьяница, бабник, эдакий поручик Ржевский из анекдота. Изначально он стоит в оппозиции к князю Мышкину, но в какой-то момент их сводит жизнь, и вот они сидят на даче, беседуют – и становятся близкими друзьями. Келлер исповедуется перед князем Мышкиным. Ведь дело в том, что наши грехи, даже такие, как осуждение ближнего, ставят психологические барьеры как между людьми, так и между человеком и Богом. Но когда человек исповедуется, он ломает эти психологические барьеры и приобретает себе друга в лице Божием или в лице ближнего своего. И вот Келлер чистосердечно кается перед князем Мышкиным во всех интригах, во всем, что злоумышлял против князя, и между ними возникает теплое дружеское чувство, и они оба радуются этому обстоятельству. Но Келлер вдруг задумывается и говорит, что он ведь не все про себя рассказал: он еще гаже, чем думал о себе. Вот они сейчас сидят, радуются, у него сердце прыгает от радости, что в лице князя он обрел такого замечательного друга, что покончил с прошлым, со всеми этими интригами. И, как паразит, вместе с этой радостью в ум, на сердце пришла мысль: «А ведь князь-то богат... А не занять ли у него денег теперь-то, после исповеди-то?» И князь отвечает: «О, у меня так постоянно происходит. Это у Вас две мысли сошлись».

Вспомним и еще одного персонажа – Тоцкого. Как возникла его связь с Настасьей Филипповной? Афанасий Иванович Тоцкий, богатый помещик, «по великодушию своему, принял на свое иждивение и воспитание» семилетнюю сироту – дочь соседа по имению, бедного дворянина. Мать девочки погибла в пожаре, уничтожившем всё их скромное достояние, а отец от потрясения сошел с ума и вскоре умер. Тоцкий не дает ребенку пропасть, совершая, несомненно, благородный поступок. Но через не-

сколько лет он замечает расцветающую красоту девочки, и великодушие уступает место вожделению: он всерьез берется за образование Настасьи Филипповны, нанимает гувернанток и педагогов, а когда ей исполняется шестнадцать, растлевает ее и делает своей наложницей... В какой момент он впервые взглянул на нее с вожделением? На этот вопрос трудно ответить. Зло настолько тонко примешалось к чувственной стороне человеческой души, что человек и сам не всегда оказывается способным провести четкую границу между злыми и добрыми намерениями в своем сердце. Но душа, пораженная злом, не может быть счастливой. Так страдающего от сильных болей язвенника ничто не может обрадовать, потому что он думает только о своей болезни. Но ведь Господь ничего не делает наполовину, Он творит только совершенные вещи. И задумав сотворить человека, Он задумал сотворить его счастливым. Именно поэтому Он разбивает кувшин...

Можно привести и другую аналогию: Бог убивает зло в человеке вместе с самим человеком. Конечно, я не медик, но насколько могу судить, именно так лечится рак. Химиотерапия убивает и больные и здоровые клетки, и надежда врачей состоит в том, что здоровые клетки окажутся более жизнеспособными, более выносливыми, чем больные. Уничтожив больные клетки, можно сохранить несколько здоровых, и человек вернется к жизни. Так Господь каждого из нас, пораженного раком души, опухолью зла, словно сквозь фильтр, проводит через смерть. Он нас «разбивает», уничтожает вместе со злом в расчете на то, что добро в душе человека окажется сильнее и из него можно будет восстановить образ человека в первозданном виде.

Поэтому через смерть должны пройти все. Даже Божия Матерь, Которая не совершила личного греха. Священное Писание знает имена тех, кто живыми были восхищены на небо, но традиция однозначно говорит, что в последние времена и они тоже должны будут пройти через этот фильтр смерти, чтобы отсечь от себя всякое зло.

Но «разбить кувшин» и подвергнуть человека смерти – только половина дела. Затем кувшин надо собрать и склеить. Как это сделать? Это вопрос, который задает человек любой религии. Религия, по сути, представляет собой ответ на этот вопрос, ответ в той или иной степени осмысленный. Христианство уникально в этом смысле, потому что рассказывает, как Слово стало плотью. Ни одна другая религия не говорит, что Бог Сам вочеловечился нашего ради спасения.

Здесь можно по-разному богословствовать и объяснять замысел Бога о нашем спасении, но лично мне ближе традиция восточных отцов, которые для изъяснения таинственных вещей используют не наукообразный

аппарат богословия, а прибегают к метафорам, художественным образам. Мое любимое сравнение – Христос, Который уподобляется врачу.

Средневековый врач отличался от терапевта или хирурга, которых мы видим сегодня в наших поликлиниках и больницах. Представьте себе молодого доктора, оказавшегося в охваченном чумой городе: люди умирают как мухи, живые не успевают хоронить мертвых. И вот этот врач, поняв, как ему кажется, причину болезни, изобретает в своей лаборатории лекарство, которым он теперь может лечить больных. Но проблема заключается в том, что он не может опробовать его на пациентах: есть принцип «не навреди», не усугуби страдания больного. И очень часто древние врачи – этим они отличаются от наших современников – испытывали лекарство на самих себе.

Но как испытать лекарство, если сам врач здоров? Нужно заразиться. И вот он добровольно, не имея к этому совершенно никакого принуждения, заражает себя болезнью своего пациента. Мужественно разделяет с больными все тяготы и страдания: переносит горячку, ломоту, бессонницу, тоскливое состояние духа, которое сопровождает тяжелое заболевание... И когда болезнь достигает своего апогея, он возвращается в лабораторию и принимает лекарство.

Кто интересуется историей медицины, может найти массу примеров тому, как врачи умирали, если их расчет оказывался неверен, до конца разделив участь со своими пациентами[18]. Но бывало и так, что врач выздоравливал, и тогда уже его кровь становилась лекарством: она содержала нужные антитела против смертельного недуга.

---

[18] Английский врач А. Уайт, лечивший больных в госпитале Эль Хаммеди (Египет) в начале XIX века, намеренно заразил себя чумой. Доктор Уайт пытался найти защиту от чумы с помощью прививок – подобно тому, как была найдена защита от оспы. Однако опыт его кончился неудачно. Он заболел чумой и на восьмой день был доставлен в госпиталь для чумных в Розетте. Здесь он и скончался 9 января 1802 г. в сильной горячке. Другой врач, Эйсебио Валли (1755–1816), также прививал себе чуму, но выздоровел. Его погубила другая напасть. В сентябре 1816 г. он приехал на Кубу и занялся выяснением природы желтой лихорадки. Чтобы понять, как распространяется эта болезнь, Валли надел на себя одежду только что умершего от желтой лихорадки человека. В результате этого через несколько дней Валли умер. Немецкий врач Линдеман в июле 1851 г., чтобы проверить, является ли заразной вторая стадия сифилиса, взял выделения из миндалин больного, сделал у себя на руке надрез и внес в него эти выделения. Через несколько недель у него появились симптомы тяжелейшего заболевания. Парижская академия, под наблюдением которой проходил этот эксперимент, в заключительном докладе от 18 ноября 1851 г. отмечала: «Это было зрелище, разрывающее сердце. Представьте себе молодого мужчину с поразительно красивым и одухотворенным лицом, все тело которого было разъедено фагеданическими шанкрами и являло признаки конституционального сифилиса в его

Этот простой художественный образ врача очень точно иллюстрирует суть Боговоплощения, и, на мой взгляд, передает догматический смысл Евангелия, отвечая на вопрос, что сделал Бог для спасения человека и как Он это сделал. Врач, заразивший себя смертельной болезнью, готов разделить участь с умирающими больными. Его желание исцелить их настолько сильно, что помогает забыть о страхе смерти.

Но, наверное, для Бога это было очень серьезное испытание, потому что Господь абсолютен и, как Абсолют, не имеет никакой нужды ни в чем. Всякая боль возникает из нужды, у Бога же есть всё. Но в таинстве Боговоплощения Он открывает Себя страданию и смерти. Так же, как все мы, плоть носящие человеки, Он испытывает боль, холод, голод, жажду. Он переживает разочарование в людях, предательство близкого человека, Своего ученика, и в конце концов умирает на кресте. Цицерон пишет, что это самая мучительная казнь, которую изобрело больное человеческое воображение: человек на кресте умирает от удушья. И вот умирает Богочеловек. Его истерзанное тело три дня находится во гробе. Но кроме человеческого, в Нем есть еще Божественное начало, которое не может умереть. В течение этих трех дней оно, как закваска, брошенная в тесто, исцеляет, преображает все человеческое, болезненное, смертное. И Христос воскресает. Победив смерть в Себе Самом, в Своем существе, Он подает нам Свои Плоть и Кровь, содержащие лекарство от смерти, и так исцеляет каждого человека.

Но обратите внимание: в Евангелии люди, которые первыми встречают Иисуса, почему-то Его упорно не узнают. Мария думает, что это садовник. Лука и Клеопа на дороге в Эммаус тоже никак не могут узнать Его, и только потом понимают, что это был Господь. «Не горело ли в нас сердце наше, когда этот неизвестный путник изъяснял нам глаголы Писания?» (см. Лк. 24:32). Еще брошена таинственная фраза Марии: «*Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему*» (Ин. 20:17). Мы словно приоткрыли дверь в таинственную лабораторию, где происходят слишком сложные для нашего понимания процессы. Божественное, бессмертное начало, которое умереть не может, не просто воскресило Человека, но и преобразило человеческую природу, довело ее до совершенства.

самой тяжелой форме. Этот новый Курций противился всем просьбам лечиться; он хотел довести опыт до конца и на упрек, что он потом, может быть, умрет, ответил словами: “Тем лучше! Моя смерть докажет, что учение о сифилизации является ужасным заблуждением, и предотвратит новое несчастье”. Если это самопожертвование, когда медленная и ужасная смерть стоит перед глазами, не является возвышенным, то в чем же возвышенное?» – *Примеч. автора*.

Люди, которые любят критиковать нашу Церковь, спрашивают: «Ну, хорошо. Христос Воскрес, потому что Он Богочеловек. Я могу за Него искренне порадоваться, но мне-то что? Ведь я-то просто человек, во мне нет этой Божественной закваски, нет бессмертного начала. Что воскресит и преобразит мою душу, что доведет ее до совершенства после моей смерти?»

И вот здесь начинается самое интересное – Господь утверждает Таинство Евхаристии, Таинство Причастия.

Помните знаменитую фреску Леонардо да Винчи, которая изображает Тайную Вечерю (не только она, конечно)? Когда Христу приносят обыкновенный хлеб и чистое виноградное вино, Он благословляет, преломляет, раздает Своим ученикам и говорит: «Приидите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов». Благословляет чашу, раздает всем по глоточку и говорит: «Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Нового Завета, яже за вы и за многие изливаемая во оставление грехов». И дальше заповедует: «Сие творите в Мое воспоминание» (см. Мф. 26:26–28). С тех пор две тысячи лет Церковь, по сути, существует ради этой главной цели. Для того, чтобы каждый человек, приходящий в мир, – как бы далеко географически и по времени он ни отстоял от Тайной Вечери, в которой участвовали апостолы, – мог быть ее участником.

Каждый день в Москве во всех сорока сороков московских церквей совершается Литургия, точно так же священник поставляет на престол обыкновенный хлеб, обыкновенное виноградное вино, и суть совершаемых им молитв очень проста: «Господи, как тогда, две тысячи лет тому назад, Ты пришел, благословил и превратил этот хлеб и это вино в Свои Тело и Кровь, так и с этим хлебом и этим вином сделай ради тех, которые не поленились, пришли этим утром на Литургию, для того чтобы наследовать Твое Воскресение и Твои Божественные энергии, преображающие, исцеляющие и вдохновляющие человека». И в какой-то момент это происходит, хотя физические свойства хлеба и вина сохраняются.

Тут, кстати говоря, многие впадают в недоумение: в каком смысле мы говорим, что хлеб и вино становятся Телом и Кровью Христовыми? В фигуральном? Нет. В самом настоящем. Это никакая не метафора. Но ведь Тело – это плоть, мясо, а Кровь – это кровь, никак не вино. Как соединить две эти вещи? Когда-то, может быть, это было сложно, но сейчас, в эпоху компьютерной грамотности, можно найти компьютерный образ, который позволяет нам уяснить это. Дело в том, что мы привычно думаем, что если вещь нематериальна, то она недейственна. Хотя это не так. Это можно легко показать на примере компьютерной программы – это вещь

не материальная, но оказывающая вполне реальное действие в материальном мире. Например, мой компьютер подхватил какой-то вирус, который блокирует все программы, и я не могу нормально работать на этом компьютере. Что мне делать? Я покупаю пустой пластиковый диск, иду в лабораторию на Ленинградке и говорю: «Касперский, помоги». Он берет у меня этот диск, вставляет его в компьютер, что-то с ним делает и возвращает. Физические свойства этого диска изменились? Нет. Как был круглый, пластиковый, так и остался. Вес, цвет, все физические свойства, весь химический состав – всё то же самое. Но это теперь больше чем кусок пластика. Это великая ценность для меня, ибо на нем записана программа. Я вставляю этот диск в свой компьютер, программа срабатывает и оказывает вполне реальное действие – компьютер теперь работает нормально. Такую аналогию можно использовать для того, чтобы представить себе, что происходит во время Таинства Евхаристии. Физические свойства хлеба и вина сохраняются, а свойства метафизические, информационные (если, конечно, здесь можно применить это слово) меняются. Эта частичка действительно становится материальным носителем Божественных энергий, той «программы», что исцеляет наше человеческое естество и делает его способным воскресать на третий день после смерти.

Это очень важно: человека недостаточно просто подвергнуть смерти, чтобы отделить от чувственной стороны его души зло. Ведь что произошло с тремя мертвыми, которых воскресил Иисус? Знаменитый четверодневный Лазарь снова умер через какое-то время. Почему так получилось? Господь разве оказался бессилен перед смертью? Нет. Дело в том, что первое воскресение было «показательным выступлением», если хотите. Господь сделал это с единственной целью – продемонстрировать окружающим Свою власть над смертью. Но ведь Лазарь воскрес в том же болезненном, греховном состоянии, в котором и умер. Развивая аналогию Григория Нисского, скажем: мы опять слепили кувшин вокруг свинцовой болванки, которая мешала нам его использовать. Поэтому фильтром, который осаждает зло человеческой души, является не сама смерть, а воскресение через Господа нашего Иисуса Христа, через Его Плоть и Кровь. Сам Бог, Его Божественные энергии являются тем фильтром, через который зло и не может проникнуть. Больше для него каких-то физических, материальных преград нет, оно может паразитировать на чем угодно.

Смерть – это лишь подготовительный этап к Воскресению. Именно Воскресение, Плоть и Кровь Господа нашего Иисуса Христа делают человека совершенным, лишенным всякого зла, способным жить счастливо

в вечности. Именно поэтому Господь и говорит: «Я дверь овцам, и нет никакой другой двери» (см. Ин. 10:7). И поэтому Он произносит: «Кто не будет есть Мою Плоть и пить Мою Кровь, не войдет в Царство Небесное» (см. Ин. 6:57).

Пример Лазаря показывает, что Господь может Своей силой воскресить человека, но горе человеку, воскресшему неочищенным, непреображенным, не способным радоваться жизни в совершенной радости.

Это философское осмысление евангельского сюжета в рамках христианского предания, святоотеческой мысли показывает нам, что евангельский рассказ о Боге, Который стал Человеком, умер и воскрес, – совсем не то же самое, что языческие рассказы об умирающих и воскресающих или рождающихся от непорочной девы богах.

«Евхаристия» в переводе с греческого означает благодарность. Неблагодарный не вправе считать себя достойным человеком, даже если он всю жизнь занимался благотворительностью. Именно поэтому, по суровым правилам древней Церкви, тот, кто пренебрегает Причастием, автоматически исключается из церковного общения. Представим себе ситуацию: человек тратит всю свою зарплату и от души делает другу подарок. Но тот, равнодушно взглянув на протянутый предмет, выбрасывает его в мусорную корзину со словами: «На что мне это? Я думал, ты принесешь мне что-то стоящее!» Увы! Как часто мы поступаем так же! Проходя мимо Жертвенной Чаши с Кровью и Телом Христовым, мы отталкиваем протянутую нам руку Бога, пробитую римским гвоздем: «Знаем про Тебя: Ты страдал. Сочувствуем. Но нам и так хорошо. Не нужна нам Твоя Жертва». Воистину тонко подметила Марина Цветаева: «Лучшая благодарность – радость хлебу»[20], который тебе дали.

Магометанство не призывает человека к совершенству, потому что рассказывает всего лишь о даре, который Всемогущему Богу ничего не стоит. Само слово «ислам» буквально означает «покорность». Достойно благодарить Бога – значит, бережно использовать Его дары, не отвергая их и не злоупотребляя ими. Это достигается за счет покорного исполнения религиозного закона – своеобразной «инструкции по эксплуатации мира». Иудаизм в качестве благодарности Творцу предполагает ответственность каждого иудея перед Богом за весь избранный народ и верность ему. Но чем может благодарить своего Распятого Бога христианин?

Одно дело – благодарить Бога за то, что не стоило Ему никаких усилий, и совсем другое – приносить достойную «жертву хваления» Тому,

---

[19] О благодарности. Из дневника Марины Цветаевой 1919 года.

Кто принял ради нас мучительную смерть. Здесь уже недостаточно частичной жертвы. Никакая «десятина» трудов или плодов здесь уже неуместна. Тому, Кто отдал Всего Себя, подобает лишь полная жертва, то есть дар, не меньший, чем жизнь, – самое большое сокровище, которым может обладать человек.

Если и есть в христианстве покорность, то эта покорность абсолютная, до отсечения своей воли. Если и возможна верность, то это непременно верность «даже до смерти». Совершенная радость разрешения от долгового бремени – это радость мученика, расстающегося с телом и вглядывающегося в свое любезное сердцу Небо в ожидании заветных слов: «Добре, раб верный! Войди в радость Господина своего!» (см. Мф. 25:21).

Вызов Божественной Любви измеряет собой всего человека, не оставляя ничего «человеческого, слишком человеческого». Даже социально безобидные, неподсудные закону слабости, совершающиеся мысленно, здесь расцениваются как грех, потому что стремление быть «просто хорошим человеком», а не святым – это попытка сделать вид, что «ничего не было»: ни Воплощения, ни Креста, ни Воскресения. Именно поэтому появляются в Евангелии грозные слова: «*Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду... Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем*» (Мф. 5:21–22; 27–28). «*Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный*» (Мф. 6:48).

Человек

«*И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их... И был вечер, и было утро: день шестой*» (Быт. 1:26–27, 31).

Любопытную вещь отмечают в этих стихах богословы: предыдущие пять дней творение мира происходило сразу, без предварительного проекта: «и сказал Бог» – «и стало так». На шестой день формула библейского повествования изменилась, разделившись на замысел и его исполнение. О мгновении между двумя этапами часто говорят как о Троическом Совете. Именно его изобразил Андрей Рублев в иконе, ставшей впоследствии

символом христианского искусства. И это неслучайно: действительно, сотворение человека стало трагической кульминацией истории мира.

Дело в том, что замысел о создании личности в некотором смысле противоречит факту Божественного всемогущества.

Вспомним в качестве иллюстрации к этому утверждению героя Эдди Мерфи из кинофильма «Поездка в Америку». Он – единственный сын африканского монарха, и ему пришло время жениться. Кандидатура невесты уже утверждена: это прелестная девушка, которую от рождения воспитывали как будущую королеву, предназначенную во всем угождать мужу. При первом знакомстве принц не нашел в ней недостатков, за исключением одного: на вопрос «какую музыку ты любишь» девушка отвечала: «Ту, которую любишь ты». Точно такой же ответ был дан и на остальные вопросы жениха. Озадаченный принц отменил свадьбу, сославшись на то, что ему нужна личность, а не кукла для удовлетворения чресел. Впрочем, проблема оказалась в нем самом: выяснилось, что любая девушка в его королевстве точно так же ведет себя перед всемогущим владыкой. Осознав это, принц решил избавиться от своего статуса и отправился на поиски невесты за пределы царства, туда, где он был уже самым заурядным африканцем, – в Америку.

Похожая «революция сверху» происходит в мироздании на шестой день творения. Создать человека по образу Божию, то есть личностное бытие, возможно только одним способом – добровольно ограничив Свое всемогущество. Троический Совет неизбежен, ведь предельно высока цена вопроса: в мире предстоит появиться частичке, над которой Сам Творец не властен, перед которой Он положил Себе быть бессильным. «*Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною*» (Откр. 3:20) Бог замыслил сотворить такую дверь, у которой Он сам будет стоять лишь Гостем, не смеющим войти без приглашения.

Но дело не только в самоограничении абсолютной власти. Если в мире появляется иная воля, помимо благой воли Творца, возникает серьезная опасность вхождения в него зла, разрушения, смерти. И Любовный Взгляд, для которого нет ничего скрытого, отчетливо видит последствия принятого решения: поруганное непослушанием древо познания, смерть Адама, братоубийство Каина... Видит Он и Голгофу, и римские гвозди, и Крест – самое мучительное орудие казни, которое изобретет человек.

Но роковое слово все-таки звучит: «*И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их*». Зачем? Зачем Богу, чуждому всяких страданий, творить человека,

если заранее известно, что нужно будет ради него заразить Себя смертной человеческой природой и умереть под насмешливые крики толпы?

Египетские, вавилонские, греческие мифы рассказывают о появлении человека. И человек в них предстает как побочный продукт игр богов или как чернорабочий, созданный младшими богами для того, чтобы скинуть на него самую грязную и унизительную работу в мироздании. Библейский же Бог *хочет* сотворить человека. Подобно тому, как заботливый отец готовит жилище к возвращению матери с малышом из роддома, Бог заранее творит мир ради человека и для человека, всё предназначая ему.

Но желание – это проявление неполноты, недостатка. Так жажда свидетельствует о недостатке жидкости в организме, голод – питательных веществ и энергии. Как объяснить желание Бога, Который в качестве Абсолюта, Полноты не испытывает никакой нужды?

Пожалуй, и среди людей можно найти пример того, что, по крайней мере, один род желания возникает не от недостатка, а наоборот, от преизбытка и полноты бытия. Спросим человека, у которого родился сын, в тот момент, когда он узнал о своем отцовстве: чего ему недостает до счастья? Он непременно скажет: ничего. Или вернее, ему недостает рядом друзей, знакомых, прохожих – всех этих встречных-поперечных, которых он созывает к себе на праздничный пир. «Приходи, – говорит он, – будь со мною, раздели мою радость, и всё, что понравится тебе в моем доме, подарю тебе».

Впрочем, кому-то может показаться, что *Богу хорошо быть* и поэтому Он милостиво разрешает человеку быть тоже. Так миллионер, отъезжая с выигрышем из казино, самодовольно глядит на нищего бродягу и протягивает ему мятую купюру: на, дескать, помни мою доброту. Но в том жесте, которым Господь вызывает человека из небытия, вряд ли можно найти что-то похожее на милостивый подарок богача бедному соседу.

В рублевской «Троице» изображены две жертвенные чаши: одна стоит на столе, который окружают Ангелы: в ней голова тельца – это символ ветхозаветной жертвы, совершавшейся в Храме Соломона; вторая образуется краями одежд двух Ангелов – так что внутри этой чаши оказывается средний Ангел в ало-голубых одеждах Христа. Он – Жертва Нового Завета. Таким образом, символика Троического Совета становится ужасающе ясной: Бог творит человека уже распятыми руками. В том, чтобы поменяться одеждами с нищим, нет больше милости. Это любовь. Она вызывает человека из небытия – в первый раз в Эдеме, второй – на Голгофе.

Ответить на эту любовь и предстоит каждому из нас на седьмой день – день человеческой истории.

Вериги

В языке светского человека есть понятие, выражающее недоумение и страх самодовольного ума перед лицом подвижника. Психологически самый простой способ изжить гнетущее недоумение и страх – осудить то, что их вызвало. Этот жест дает чувство превосходства, успокаивая раздраженное самолюбие. Именно таково понятие «религиозный фанатизм». Слабому человеку совсем нетрудно простить сильному его силу, если уверить себя в том, что ее источником является болезнь безумия.

Примерно таков смысл разговора, который ведут между собой любопытствующие экскурсанты, рассматривая вериги святого подвижника. «Эти тяжелые цепи и металлические пластины использовались аскетами для умерщвления плоти и подавления страстей», – поясняет экскурсовод. Но едва ли он способен объяснить, почему вериги возлагает на себя преподобный Иринарх, который к тому времени уже подходит к завершению своего земного пути. И в то же самое время молодому монаху, находящемуся в самом начале аскетического пути, коему вопрос борьбы со страстями более актуален, ни один старец, скорее всего, не дозволит сделать этого.

Между тем поставленный вопрос имеет отнюдь не частный характер. Ведь вериги можно рассматривать как явный образ того бремени, который возлагает на себя всякий верующий: это молитвенный труд, посты, терпение обид и волевое укрощение страстей – словом, все то, что противно биологической природе живого существа. Зачем это издевательство над собой? К чему изнемогать под тяжестью вериг? Не лучше ли идти по жизни радостно и налегке?

В «Приключениях барона Мюнхгаузена», созданных причудливым воображением Рудольфа Эриха Распэ, есть рассказ под названием «Мои чудесные слуги». Турецкий султан посылает Мюнхгаузена в Египет со сверхважным секретным поручением. В ходе этого вояжа барон приглашает к себе на службу удивительных людей: один из них обладал настолько тонким слухом, что мог услышать шум растущей травы; другой выстрелом убивал воробья на расстоянии нескольких дней пути; третий голыми руками вырывал из земли вековые деревья; четвертый был помощником мельника и вращал крылья мельниц, зажав пальцем левую ноздрю, и выдувая из правой целый ураган. Пятый слуга оказался скороходом. Вот как описывает Распэ сцену встречи:

«Едва я отъехал от турецкой столицы, как мне попался навстречу маленький человек, бежавший с необыкновенной быстротой. К каждой его ноге была привязана тяжелая гиря, и все же он летел как стрела.

– Куда ты? – спросил я его. – И зачем ты привязал к ногам эти гири? Ведь они мешают бежать!

– Три минуты назад я был в Вене, – отвечал на бегу человек, – а теперь иду в Константинополь поискать себе какой-нибудь работы. Гири же повесил к ногам, чтобы не бежать слишком быстро, потому что торопиться мне некуда».

Так эпизод из сказки проясняет религиозную логику ношения вериг. Это не что иное, как логика силы.

«Крепка, как смерть, любовь». Это выражение из Песни песней заставляет помыслить любовь уже не как чувство, но как силу. А если любовь – сила, ее можно вполне понять в терминах динамики. Сущностью любой силы является ее стремление исчерпаться, выразиться в действии. «Гений, прикованный к чиновничьему столу, должен умереть или сойти с ума», – говорит Лермонтов. «Да, брат Пушкин, тяжело писать стихи!» – «Можешь не писать – не пиши», – отвечает поэт, тем самым ясно утверждая: силу таланта удержать или скрыть в себе невозможно. Непризнанного гения не бывает, так же как не может быть «города, скрытого на вершине горы».

Музыкант тоскует без инструмента, у физически сильного человека в праздности и вне ситуации борьбы, что называется, «чешутся руки». В любви человека к Богу ясно прослеживается та же ситуация: «Не могу я вместо “раздай всё” давать лишь пятак, вместо “следуй за Мною” ходить лишь к обедне», – так поясняет свое решение пойти в монастырь младший брат Алеша Карамазов. Тяжесть обетов выражает модуль любовной силы, так же как художественный масштаб произведения – величину таланта.

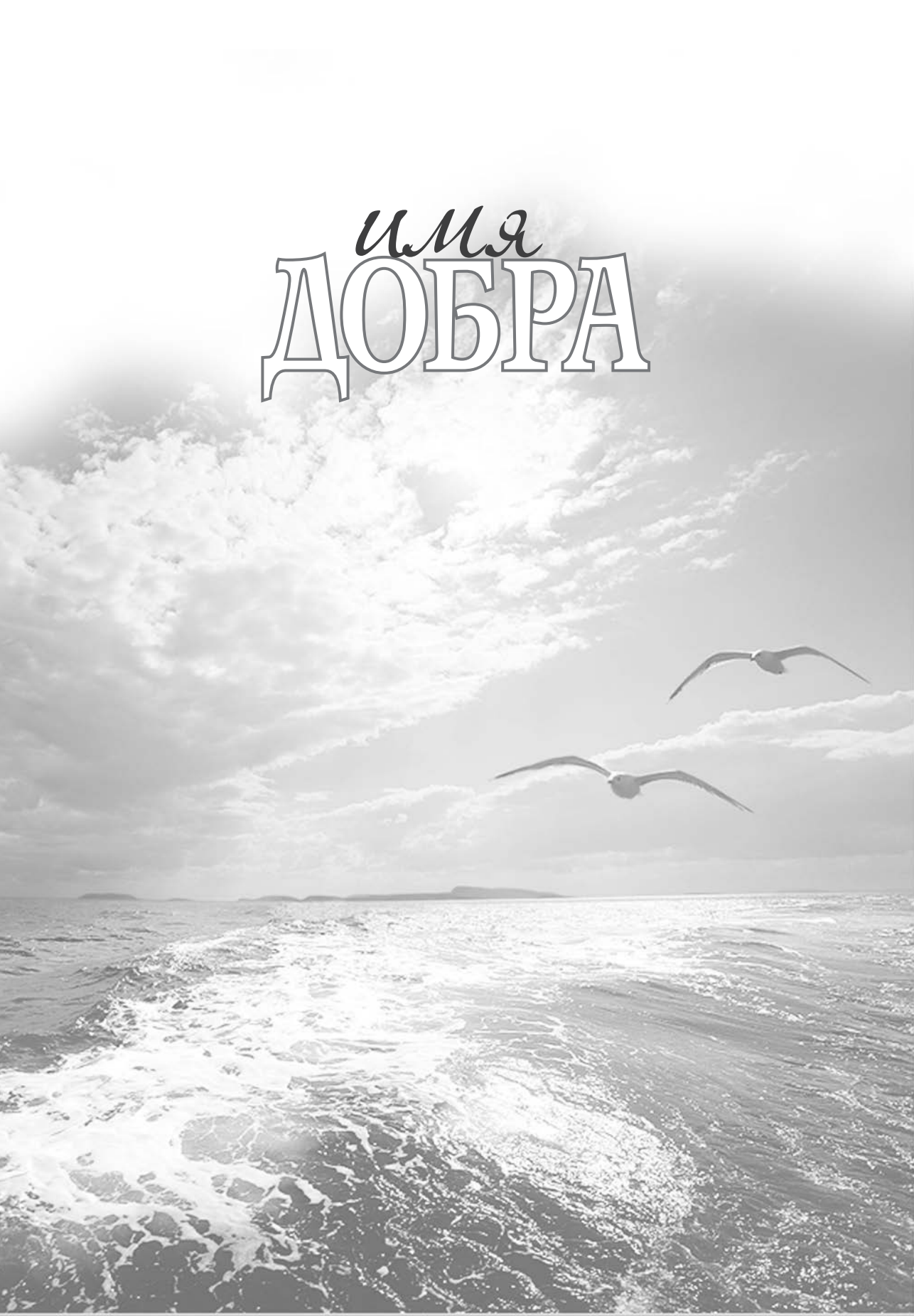
Вектор же этой любовной силы очевиден: сотворить добро любимому, помочь, спасти, «положить жизнь за друзей своих». Любовь предназначена для критической ситуации, поэтому неудивительно, что ее сила, в поисках точки приложения, мечтает о катастрофе – так же как богатырь о достойном сопернике.

Итак, любовная сила тревожит человека, побуждая его помогать, спасать, жертвовать собой. И трагедия религиозной любви состоит в том, что Бог, на которого она направлена, самодостаточен. Ему невозможно оказать даже мелкой услуги. Христос в Гефсиманском саду отклоняет заступничество Петра словами: «*возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут; или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?*» (Мф. 26:52–53).

К счастью, там, где невозможно что-то «сделать для», всегда остается возможность «сделать ради». Эта возможность, если ею воспользоваться, не оставляет места несчастью неразделенной любви. Наверное, поэтому Христос указывает на возможность обратить на ближнего ту любовь, которая стремится к Богу: «*Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне*» (Мф. 25:37–40).

Посты и молитвенные стояния, обеты и разнообразное служение в миру, как все прочие тяготы, это не самоцель веры, а ее плоды. Иногда – упражнение в любви. Так что вериги – в самом широком смысле – это не инструмент для умерщвления плоти. И придумал их не Савонарола. Это всего-навсего «гири», которые привязывают к своим исключительно сильным ногам «скороходы», называемые святыми. Они не могут не бежать, но после Гефсимании, Воскресения и Вознесения «торопиться им некуда».

Имя ДОБРА



Древнегреческий философ Сократ услышал однажды в театре такие слова из драмы Еврипида «Электра»: «Что добродетель? Не лучше ль пустить ее на произвол судьбы?» Философ усмехнулся, встал и демонстративно вышел. «Разве не смешно, – говорил он, – беглого раба мы не ленимся искать, а добродетель пускаем гибнуть на произвол судьбы?»[20]

Этот эпизод показывает очередное столкновение двух миров: с одной стороны – святые, мудрецы и философы; с другой – светское общество прагматиков, всюду ищущих пользы и не находящих ее в добродетели. Зачем следовать заповеди или моральному закону? Чтобы заслужить одобрение святош? Очень надо! Во-первых, все это мешает быть собой и радоваться жизни, а во-вторых, так называемое чувство вины есть главное препятствие на пути к жизненному успеху.

Между тем, Сократу было очевидно: добродетель важнее упущенной выгоды – хотя бы и в виде убежавшего раба – потому что добро означает качество: когда мы говорим «добрый конь», «добрый меч», мы не имеем в виду какую-то абстрактную мораль. Вот и «добрый человек» есть попросту качественный, настоящий человек. Сократ превыше всего ценил красоту. Первую половину жизни он был скульптором и работал над тем, чтобы камню придать подобие человека. Затем, сделавшись философом, сменил предмет и стал трудиться над тем, чтобы человек не был подобием камня.

Заповеди – это не просто какая-то непостижимая потусторонняя прихоть Бога: «Хочу, чтобы так люди жили» – это, скорее, инструкция по эксплуатации мира, которой Творец снабдил пользователя-человека. Хороший производитель всегда прикладывает к своему товару свод правил: как подключать, как пользоваться, чего категорически не делать – для того, чтобы не испортить вещь и не дать ей испортить тебя.

Заповеди окружают нас повсюду. Если мы возьмем какую-нибудь одежду (рубашку или майку), вывернем ее наизнанку, то на шве найдем небольшую «скрижаль» с заповедями (например, перечеркнутый утюжок или стиральную машинку). Хорошая хозяйка понимает смысл этих

---

[20] *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Книга вторая. 5. Сократ.

заповедей: не делай того, что перечеркнуто на этой «скрижальке», для того чтобы вещь служила долго и не превращалась в тряпку.

Более того, она может определить материал и какие-то свойства вещи, исходя из того, что производитель запрещает с ней делать. Точно так же философ или богослов, анализируя те или иные пункты религиозного закона, может вывести из них очень интересные и важные свойства самого человека и кое-что утверждать о его природе. Это может оказаться интересным. Итак, разберем всем хорошо известные заповеди, используя их как ключ к пониманию самих себя.

Первая заповедь: верность

«Я Господь Бог твой... Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим».

Исх. 20:2–3

«Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни».

Откр. 2:10

Некий германский рыцарь, участник крестового похода, вывел на своем щите девиз: «Мою Честь зовут Верность». В этих словах – резюме его жизни и прямое указание потомкам: вот путь, на котором приобретается слава рода. Впрочем, не только рода. Верность является основным условием зарождения трагического духа и великого народа, и выдающейся личности.

Иван Ильин утверждал, что создание культуры требует оседлого образа жизни. «Оседлость» – это постоянство и преемственность, это способность структурировать мир, выделяя в нем центр и периферию. Оседлость также предполагает любовь к собственной истории. Такая любовь не изгоняет из прошлого ни одного, даже самого несчастливого, эпизода, но все принимает в себя, создавая целостный и величественный сюжет, в свете которого и заурядное событие приобретает уникальную драматургическую ценность. Одним словом, оседлость – это верность – в противоположность ветрености кочевника, который ежедневно отрицает самого себя и начинает жизнь с чистого листа. Тот, кто каждое утро снимается с места и уходит вслед за течением реки, образует крайне условную личность, познать которую ничуть не проще, чем дважды войти в одну и ту же реку. Культура, усвоившая себе природу степных облаков, оставляет лишь быстро простывающий след и конце концов рассеивается вместе с ними.

Древние греки, построившие мир, который часто называют «колыбелью европейской цивилизации», похоже, первыми теоретически осмыслили проблему постоянства и изменчивости. Ситуация, в которой призван жить и действовать человек, непрерывно меняется, заставляя нас отказываться от тех или иных личностных черт в стремлении приспособиться к новым обстоятельствам. Возникает вопрос: как можно говорить о единстве личности, в которой нет ничего неизменного? Так корабль, на котором Тесей плавал на Крит, хранился на афинском Акрополе. Когда какая-нибудь доска сгнивала, ее заменяли новой, так что, наконец, во всем корабле не осталось ни одного первоначального фрагмента. Философы любили приводить сюда своих учеников и оттачивали их логическое мастерство вопросом: *это тот самый или не тот самый корабль?*

Мы изменяем однажды данному слову, забываем когда-то близких людей, меняем привычки и предаем идеалы. Кто из нас готов ответить на простой вопрос: где сейчас первая любовь твоя? Если же она гнилая доска, в числе прочих давно отделенная от твоего бытия, то вполне уместно спросить: точно ли твое имя всегда обозначает одно и то же? Или ты, мародерствуя, снял его с почившей личности чужого тебе человека?

Подобную аморфность мы оправдываем поправкой на изменившиеся обстоятельства и зачастую даже ставим себе в заслугу – как гибкость и способность идти в ногу со временем. Но то, что многим кажется прогрессом или модернизацией личности, на самом деле есть не что иное, как раскол.

В церковной традиции есть термин «целомудрие», аскетическое значение которого сильно расходится с общепринятым. Под нецеломудрием понимается не столько блуд как таковой, сколько вообще раскол личности на разумно-волевую и эмоционально-чувственную сферы. О масштабе раскола может самостоятельно судить всякий, кто пытался бросить курить и чувствовал справедливость формулы: *«Доброго, которого хочу, не делаю, а зло, которого не хочу, делаю»* (Рим. 7:19). Осуществляя себя в ходе личной истории, расколотая личность оказывается неспособной построить органично целостный сюжет. Ее жизнь напоминает рабочий стол незадачливого писателя, где невозможно найти ничего, кроме случайно перемешавшихся листков нескольких неоконченных романов.

Допустив неверность, нарушая слово, охладевая к Церкви или покидая женщину, которую когда-то любили, мы часто не ожидаем никаких последствий, кроме морально-юридических в виде угрызений совести, общественного осуждения или мести. Между тем, абсолютно очевидно, что изменить кому-то – значит, изменить себе. Апостол Павел говорит:

«*Он <Бог> пребывает верен, ибо Себя отречься не может* (см. 2 Тим. 2:13)... *Христос вчера и сегодня и во веки Тот же*» (Евр. 13:8). Но изменить себе – значит, искромсать величественный сюжет своей жизни, превращая его в серию случайных анекдотов, которые очень скоро будут забыты столь же непостоянными друзьями-кочевниками.

Даже такая сравнительно целостная натура, как Пушкин, с некоторой болью переживает то, что психологи называют «кризисом среднего возраста»:

Мечты, мечты! где ваша сладость?
Где, вечная к ней рифма, младость?
Ужель и вправду наконец
Увял, увял ее венец?[21]

Тридцатилетнему состоявшемуся поэту едва ли можно приписать старческую скорбь по утраченным возможностям физической молодости. Скорее, он досадует на изменчивость человеческой природы, на своеобразную забывчивость души, когда дело касается прежних идеалов, первой любви... Не является ли эта досада первым сильным проявлением тревоги при мысли о судьбе и смерти? Не есть ли это тихий протест личности против ветрености кочевника, в которой она предчувствует для себя бесславие и перспективу небытия?

Если верно то, что человек призван стать подобием Бога, то это значит, что он может и должен преодолеть раскол собственной личности, то есть быть как Христос, Который, по слову апостола Павла, «*вчера, сегодня и во веки – Тот же*».

Верность требует серьезных волевых усилий, компенсирующих непостоянность чувств. Несомненно: сердцу не прикажешь, но совсем не обязательно становиться заложником этой истины. Ведь сердце никогда не отказывается от любви. Иногда в силу разных причин оно попросту изнемогает и ищет союзника в лице разума и воли. Глубокое чувство, горевшее в нем, способно с новой силой воспламеняться вновь. Но знает это лишь тот, кто может в критическую минуту просто помнить свою любовь. А потому блажен человек, способный, не лукавя, сделать верность своим девизом и от полноты сердца повторить слова Бога, переданные через пророка Исаию народу: «*Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя!*» (Ис. 49:15).

---

[21] *Пушкин А.С.* Евгений Онегин. Глава четвертая, XLIV.

Вторая заповедь: кумиры

«Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой...».

Исх. 20:4–5

В 1996 году ученый Григорий Перельман был отмечен престижной премией Европейского математического общества. Получать ее он отказался. В 2006 году за решение гипотезы Пуанкаре ему была присуждена международная награда «Медаль Филдса», но и это высокое признание оказалось ему не интересно. В марте 2010 года Математический институт Клэя предложил Григорию Перельману премию в размере одного миллиона долларов США за доказательство гипотезы Пуанкаре, что должно было стать первым в истории награждением ученого за решение Проблемы тысячелетия. В ответ в июне 2010 года Перельман проигнорировал математическую конференцию в Париже и публично заявил о своем отказе от премии.

Каких только версий не строили тогда журналисты, пытаясь дать правдоподобное объяснение «странному» поступку ученого! Конечно, можно лишь догадываться о подлинных мотивах подобной скромности. Но несомненно одно: гений верно исполнил вторую заповедь известного всем Декалога.

Слава, для которой создан человек, зачастую оказывается недостижимой именно потому, что мы в большинстве случаев ищем популярности, а не чести. Известность и признание, поклонники и премии оказываются самым серьезным врагом всякого рода таланта. Так что гению лучше было бы и совсем не знать их.

Существует философская притча о пользе подобной наивности. Однажды муравей повстречал на лесной тропинке сороконожку и заговорил с ней:

– Ах! Как легка и грациозна твоя походка! Открой секрет, мне, колченогому рабочему муравью. Как ты успеваешь уследить сразу за всеми своими ногами? Должна же быть какая-то схема?

Сороконожка задумалась, посмотрела на свои ноги и... не смогла сдвинуться с места. Сначала это ее напугало, затем рассердило:

– Отстань, невежа, со своими расспросами!

И, не обращая более внимания на поклонника, продолжила путь, перебирая лапами с ловкостью виртуоза, что вызвало у муравья новый приступ восторга.

Можно поставить маленький эксперимент и подшутить над приятелем, который умеет делать что-то мастерски, например, виртуозно играет на гитаре. Для этого достаточно попросить его объяснить, как он это делает. Пусть исполнит сложный пассаж медленно и осознанно, попутно объясняя, какой палец что делает. Забавно будет наблюдать его смущение, ведь совершить это практически невозможно – не проще, чем сохранить естественное выражение лица, глядя на себя в зеркало.

Попросить человека: «Скажи что-нибудь» – это верный способ заставить его замолчать. Высшие творческие акты относятся к числу тех действий, которые могут осуществляться во всей полноте лишь бессознательно. Их сложность и скорость слишком высоки для понимания. Так пушкинский импровизатор из неоконченной повести «Египетские ночи», способный в одну минуту сочинить великолепный экспромт на заданную тему, признается: «Всякий талант неизъясним... Никто, кроме самого импровизатора не может понять эту быстроту впечатлений, эту тесную связь между собственным вдохновением и чуждою внешнею волею – тщетно я сам хотел бы это изъяснить».

Начинающий музыкант снова и снова проигрывает заданное упражнение с одной целью – заставить сознание заскучать от монотонности происходящего и отвлечь его от выполняемого действия. Как только «правая рука» перестанет «знать, что делает левая», появляется мастерство. В этом суть любого упражнения – будь то тренировка по боевым искусствам или обучение вождению автомобиля.

Практика психоанализа тоже исходит из этой особенности сознания и бессознательного. Врач, используя метод толкования сновидений или свободные ассоциации, выясняет содержание комплекса, который сформировался в бессознательном пациента и вызвал невроз. После того как эта задача выполнена, психоаналитик приступает к лечению. Пациенту просто-напросто объясняют суть и происхождение работающего в нем болезненного механизма. Сознание человека обращается на этот механизм и блокирует его, точно так же, как вопрос муравья парализует сороконожку.

Однако любой метод может быть использован не только в благих целях. Так похвала, обращенная к таланту, и в особенности тонкая и предметная лесть, обращают сознание художника к тем механизмам в его душе, которые и привели к появлению шедевра. В результате наиболее яркие способности, составляющие творческую самобытность личности, оказываются заблокированы. Приступая к созданию нового произведения, такой человек сознательно пытается воспроизвести то, что вызвало

наибольший восторг публики и начинает плохо подражать самому себе. Так наступает смерть мастера. «Премии только мешают, – говорил Хемингуэй. – Ни один сукин сын, получивший Нобеля, не написал после этого ничего путного, что стоило бы читать». Единственным средством, способным реанимировать талант, является «рецепт сороконожки». Нужно презреть популярность, забыть слова похвалы и вспомнить «первую любовь свою», как это делал пушкинский Сальери:

Ребенком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,
Я слушал и заслушивался – слезы
Невольные и сладкие текли.
Отверг я рано праздные забавы;
Науки, чуждые музыке, были
Постылы мне; упрямо и надменно
От них отрекся я и предался
Одной музыке...

Премии и награды, популярность и всенародное поклонение, помимо прочего, разрушают плодотворную наивность и блаженное неведение таланта относительно его судьбы, лишая гений важного качества – дерзновения. Так, рассуждая о пользе и вреде истории для жизни, Фридрих Ницше замечал, что великие герои прошлого могут вдохновлять человека «деятельного и мощного», который «нуждается в образцах, учителях, утешителях и не может найти таковых между своими современниками». Но те же самые герои могут быть использованы и против души с яркой художественной индивидуальностью. «Бессильные и малохудожественные натуры», «кружась с необыкновенным усердием в какой-то идолопоклоннической пляске вокруг плохо понятого монумента», говорят: «Смотрите! Великое уже существует... Не обращайте внимания на тех, кто чего-то ищет, к чему-то стремится!»[22]

Поэтому каждый художник должен помнить: кумир, сотворенный для тебя или из тебя, противодействует твоему таланту. И важнейшим жизненным принципом для тебя должна стать известная заповедь народа Израилева.

[22] См. *Ницше Ф.* О пользе и вреде истории для жизни. 2.

Третья заповедь: поэзия

«Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно...»
Исх. 20:7

Эта заповедь способна дать интересное и полезное знание тому, кто даст себе труд задуматься над ней. Что, собственно, она запрещает? Использовать имя Божие бездумно, в качестве междометия? «Ах, ты божечки мой!» или «Хос-споди! Тысячу раз тебе говорила: не оставляй молоко открытым!» Неужели речь в третьей заповеди идет только об этом? Но ведь форм зла, которое способен сотворить человек, существует великое множество. Им соответствует равное количество заповедей. Из всего этого количества Моисей выделяет десять. Так сказать, составляет шортлист, указывая на самое важное. Неужели на третьем месте здесь действительно идет требование всего лишь следить за языком? Это при том, что такой тяжкий грех, как убийство, идет только на шестом?

Возможно, эта заповедь учит нас правильному, ненапрасному богословию. Что такое Бог? Это Любовь. А как правильно говорить о любви?

У Сергея Есенина есть цикл стихотворений, который называется «Персидские мотивы»:

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?..
. . . . . .
И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Когда-то философ Людвиг Витгенштейн окончил «Логико-философский трактат» загадочной фразой: «То, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, а о чем невозможно говорить, о том следует молчать». И действительно, есть вещи, требующие ясных, четких и недвусмысленных определений: что такое треугольник? килограмм? скорость? Но определить – значит, ограничить. Существует то, что ограничить нельзя или не хочется. Например, Бог. Любое определение будет ложным, ибо Творец неба и земли беспределен. А как языком определений говорить о любви и боли? О том, что вдохновляет и тревожит? О том, к чему – в отличие от треугольника и килограмма – у тебя сложилось глубокое *личное* отношение? Здесь вспоминается Тютчев, требующий того же, что и Витгенштейн: Silentium!

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои –
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, –
Любуйся ими – и молчи.
Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, –
Питайся ими – и молчи.

Молчание в данном случае не означает отказ от попытки изобразить предмет. Это требование применить другую стратегию смысла. В науке ее называют «стратегией непрямой референции», «антиязыком», «потенциальным текстом» или просто «поэтикой».

В какой-то момент люди заметили, что всякое сказанное или написанное слово «контрабандой» приносит с собой несколько несказанных. Это ассоциации, аллюзии, коннотации. Я говорю: «Достоевский», а в вашем сознании запечатлевается еще несколько образов: Петербург, преступление, студент, русская идея... Говорю: «Че Гевара», и возникают образы – Куба, революция, «Родина или смерть»... У этой системы неявных смыслов есть одна важнейшая особенность: в отличие от произнесенных слов, которые апеллируют исключительно к разуму, они способны затрагивать чувства, обладают силой аффекта. Так что, если удастся создать текст, целенаправленно управляя «потенциальным текстом», возможно адекватно выражать и передавать человеческие переживания, а значит, и говорить о любви и прочих вещах, имеющих помимо разумного еще и чувственное измерение.

Вот, например, требуется рассказать о сути находчивости. Можно сказать так: находчивость – это умение находить выход из любой ситуации. Разум сопоставил понятию некоторое предметное значение – и только. Попробуем воспользоваться поэтической «стратегией непрямой референции».

В мою бытность в университете старшие товарищи учили нас сдавать экзамены по принципу студента-ветеринара, рассказывая при этом такую историю:

Экзамен в ветеринарном техникуме. Студент-ветеринар, как и большинство нормальных студентов, впервые открыл учебник только накануне. Единственный вопрос, который он более или менее знал, –

«блохи». Билет, доставшийся ему, содержал два вопроса. Первый касался особенностей содержания собак, второй требовал рассказать об основных принципах ухода за коровой.

– Собака – это домашнее животное с хвостом, – бодро начал студент, – покрытое шерстью, на которой водятся блохи...

Через некоторое время профессор прервал отвечающего и предложил перейти ко второму вопросу.

– Корова – это домашнее животное с хвостом, покрытое шерстью, на которой при плохом уходе могут появляться блохи...

После продолжительных раздумий профессор, который так и не нашел к чему придраться, нашел способ вывести экзаменуемого на чистую воду:

– Вот что, голубчик, расскажите-ка мне... о дельфинах.

– Дельфин – это дикое животное с хвостом. Шерсти у него нет, но, если бы она была...

Слово «находчивость» не прозвучало. Но суть обозначаемого им качества сделалась ясной. Старый анекдот рассказал не о студентах-блохах-дельфинах – он студентами-блохами-дельфинами выразил суть находчивости. Вызываемый анекдотом смех и оживление экспериментально демонстрируют важное свойство потенциального текста, тех самых «контрабандных словечек»: он обладает силой аффекта.

Всем известна трудность, возникающая при попытке объяснить соль анекдота: что смешного? Можно прямо сказать, на что намекает анекдот, переложить нагнетенный в междустрочия потенциальный текст в систему рациональных понятий, но – издержкой этой операции будет потеря аффекта. Человек поймет, над чем смеялись, но не поймет, что в этом смешного.

Именно поэтому настоящее стихотворение ничем нельзя заменить, принципиально не удается пересказать его «своими словами». Так, Лев Толстой на просьбу подытожить основную мысль «Войны и мира» отвечал, что он-де мог бы подытожить, только для этого ему пришлось бы пересказать весь роман слово в слово. В ответ на просьбу прокомментировать «Логико-философский трактат» Витгенштейн начинал насвистывать разные мелодии.

Мы привычно связываем два понятия: «поэзия» и «рифма». Вообще-то это совершенно разные вещи. Поэзия – это стратегия смысла, суть которой мы коротко уже разобрали, это способ говорить о невыразимом. Мы же склонны называть поэзией все, что зарифмовано и ритмически определено, не задаваясь вопросом о том, насколько оправданно

в данном случае применение поэтической стратегии. Между тем, там, где нет невыразимого, все «должно быть высказано ясно»; поэзия же – «умение молчать», нагнетать смысл в междустрочия – должна появляться лишь там, где появляется то, «о чем нельзя говорить».

Почему иной раз так трудно и даже невозможно произнести три слова «я тебя люблю»? Потому что они всегда ложны. Юноша, который действительно любит девушку, понимает, как немощно слова «красота» и «любовь» выражают суть происходящего. «Легче камень поднять, чем имя твое повторить», «Легче камень поднять, чем вымолвить слово – любить»[23], – отмечал Мандельштам. Истинно влюбленный интуитивно чувствует потребность «сломать» язык: говоря одно, иметь в виду нечто иное. Если же этой потребности нет, если он не столкнулся с невыразимым, если он не увидел лжи, заключенной в изреченной мысли, только в этом случае он может допустить магические заклинания: «ты такая красивая!», «какие у тебя необыкновенные глаза!» Признание в любви нелегко сделать, но еще труднее его выслушать. Человек, прямо говорящий «я тебя люблю», неизбежно выставляет себя либо лжецом, любо невыносимым глупцом. Неудивительно, что эти слова часто становятся жирной точкой, обозначающей конец отношений.

Ирина Одоевцева в своих мемуарах «На берегах Невы» рассказывает любопытный эпизод. У поэта Николая Гумилева была домработница Паша. Она часто приоткрывала дверь в его кабинет и останавливалась на пороге «послушать стишки». Гумилев делал вид, что не обращает на это внимания, но однажды неожиданно спросил ее:

– Нравится Вам, Паша?

Она застыдилась, опустила голову и прикрыла рот рукой:

– До чего уж нравится! Непонятно и чувствительно. Совсем как раньше в церкви было.

Ответ этот поразил Гумилева:

– Удивительно, как простой народ чувствует связь поэзии с религией! А я и не догадывался.

«Непонятно и чувствительно». Таковы свойства поэтического способа говорить о невыразимом. Молчание трудно перевести на язык слов – потому непонятно. И вряд ли найдется что-то более чувствительное, чем молчание, насыщенное потенциальными смыслами. Противоположность этому – проза, язык прямых наименований. Там все понятно и совершенно нечувствительно.

---

[23] Два варианта строки из стихотворения О. Мандельштама «Сестры тяжесть и нежность...»

«Непонятно и чувствительно». Только услышав эту характеристику, мастер Серебряного века впервые уловил связь между церковной службой и поэтическим искусством, которому он всю жизнь предавался. Что уж говорить об остальных! Мы привыкли к тому, что все материальное – серьезно, а все серьезное – материально, ничто не происходит просто так, но каждое событие представляет собой необходимое следствие каких-то причин. А еще мы привыкли бросаться словами – они ведь нематериальны и, значит, несерьезны. Именно поэтому нам трудно понять суждение Иоанна Богослова: «*В начале было Слово... Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть*» (Ин. 1:1–3). Нам странно: о чем это толкуют русские философы, называя Вселенную Литургией, совершаемой всеми созданиями Божиими?

Вслед за бездарными поэтами мы склонны считать поэзию развлечением, досужим плетением рифм и размеров. Между тем, поэзия – это неосязаемые, но вполне реальные и умопостигаемые связи между вещами или между людьми. Трагические любовные связи, сотканные Промыслом Божиим.

Церковное предание содержит упоминание о том, что апостол Петр до самой своей мученической кончины в Риме не мог без боли слышать крика петуха, ибо слышал в нем свои слова, сказанные в роковую ночь во дворе первосвященника: «*Я не знаю Его*» (Лк. 22:57).

Не будь в самих вещах поэзии, такие древние города, как Рим или Москва были бы простым нагромождением ветхих построек. Но о Москве такого сказать нельзя. Здесь до сих пор сохраняется множество мест, наполненных чем-то «чувствительным и непонятным». Вот какими впечатлениями поделился поэт Александр Розенбаум:

Бродит Кот на Патриарших прудах,
А на Хитровке Гиляровского жду.
А в Столешниковом – ну просто беда –
Целый сонм воспоминаний и дум.

Любовная душа особенно чувствительна к поэзии. Отсюда берут начало многочисленные реликвии христианского мира. Отсюда почитание икон, частичек мощей и даже предметов обихода и одежды святых. Отсюда практика паломничества по святым местам. Вера – это поэзия, творческое следование поэтике мира и ее творческое отображение.

Древнегреческий философ Сократ, которого Иустин Философ называл «христианином до Христа», не создавал трактатов, полагая невозможным или ненужным отображать в письменном сочинении доступную каждому уму поэтику мира. Стратега, который никак не мог решиться

выступить против превосходящего войска, Сократ просто подвел к каменной стене какого-то строения и предложил, заглянув в одну из многочисленных трещин кладки, прокомментировать то, что там происходит.

– Вижу паука, – отвечал стратег.

– Верно, – похвалил его философ. – Только это не сам паук, а его самка.

– Клянусь Зевсом, Сократ, ты прав! Возле нее копошатся какие-то беспомощные, но, несомненно, живые «точки». Самка паука, похоже, занята тем, что плетет себе паутину.

– Я давно наблюдаю за этими удивительными созданиями, – сказал Сократ. – Она старается не для себя. Ты сейчас и сам убедишься в этом, как только она окончит свой труд... Ну, что теперь происходит там, в трещине?

– Не могу понять. Она своими длинными и нескладными лапами собирает «точки» и сажает себе на спину. Паучье семейство куда-то уходит?

– Уходит только самка. Ее дети остаются. Дело в том, что ты видишь перед собой обиженное природой существо. Птица кормит своих птенцов, принося им в клюве червя или личинку; корова питает теленка молоком, собирающимся у нее в вымени. Но паучиха не может делать ни того, ни другого. Поэтому кормит свое потомство собственным телом. Смотри, как она торопливо орудует лапами: ей нужно успеть посадить на спину младших детей прежде, чем старшие доедят ее до конца. И даже когда кроме этих, как ты сказал, «нескладных длинных лап» от нее ничего не останется, эти самые лапы в последних судорогах будут отыскивать еще не приласканные «точки».

Стратег отошел от стены и, не сказав ни слова, покинул Сократа. На другой день Афины потрясла весть о величественном и трагическом сражении. Воины, вернувшиеся с победой над превосходящим противником, рассказывали о том, как стратег Ификрат лично возглавил атаку, как упал, рассеченный мечом почти до половины, и как его рука, продолжавшая сжимать оружие, содрогалась в странной конвульсии: как будто мертвый военачальник продолжал звать вперед своих воинов – зрелище, в одночасье превратившее и самых малодушных в неустрашимых спартанцев.

Итак, поэзия – это далеко не просто «стишки». Это особая стратегия смысла, позволяющая говорить о невыразимом. Это основной язык богословия. Такое открытие совершил преподобный Симеон, третий и пока последний человек в истории, которого Церковь удостоила высокого именования «Богослов»[24]. Он пришел к выводу, что иудеи не напрасно

[24] Имеются в виду св. апостол Иоанн Богослов и святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский, один из отцов Церкви IV в. – *Примеч. ред.*

избегают произносить слово «Бог». Наукообразное богословие с его философской терминологией и привычкой называть Бога по имени бывает востребовано раз в триста лет, на очередном Соборе, для опровержения новой ереси. Но оно не достигает основной цели богословия – разжигать в людях веру и любовь к Создателю. Если ты что-то любишь и хочешь научить любить других, требуется язык поэзии. Поэтому, исполняя третью заповедь, Симеон Новый Богослов принялся писать гимны.

Четвертая заповедь: неумеренный прагматизм

«Помни день субботний, чтобы святить его; Шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя...»

Исх. 20:8–10

Несколько лет назад в коридорах Московской духовной академии я стал свидетелем спора студентов:

– Мы все рабы здесь!

– Почему ты так говоришь? Кто такой, по-твоему, раб?

– Это тот, кто не имеет своей воли, много работает и мало зарабатывает.

– Ну, не скажи! В Древнем Риме была особая категория рабов – гладиаторы. Некоторые из них были очень богаты, знамениты, совсем не работали, но, тем не менее, оставались рабами.

– Хм! Как же ты сам понимаешь сущность рабства? Что значит быть рабом?

– Это значит настолько погрузиться в житейскую суету, что не можешь уже посмотреть на звезды над твоей головой и задаться философским вопросом о моральном законе внутри тебя. Раб – это тот, кому некогда пойти в храм в воскресенье.

Вот так просто и легко в запальчивости спора студенты раскрыли для себя сущность четвертой заповеди. Похоже, она действительно говорит о незаметном рабстве, в которое загоняет нас неумеренный прагматизм. Но есть здесь и еще кое-что крайне важное: нарушение этой заповеди заканчивается предательством.

В течение двадцати веков христианства каждое новое поколение неизменно задает один и тот же вопрос: почему Иуда предал Христа? Казалось бы, Предание говорит об этом достаточно ясно: Искариот страдал сребролюбием. Но вот что странно: зачем он вообще согласился стать

апостолом, имея такую страсть? Ведь ясно, что этим делом денег не заработаешь. Если Иуда был жадным человеком, то почему согласился на столь ничтожное вознаграждение за предательство? Тридцать сребреников – крайне незначительная сумма, цена раба. Наконец, если предатель стремился всего лишь «подзаработать», то почему он так и не воспользовался своим «гонораром»?

С чего же начинается предательство? В чем состоит минимум отступничества? Как узнать, не смотришь ли ты на Бога глазами Иуды?

Ключ к разгадке тайны предательства можно обнаружить в предшествующих событиях евангельской истории. «*Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного, приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову. Увидев это, ученики Его вознегодовали и говорили: к чему такая трата? Ибо можно было бы продать это миро за большую цену и дать нищим. Но Иисус, уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня: ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда...*» (Мф. 26:6–11).

Апостол и евангелист Иоанн уточняет имя ученика, возбудившего негодование у остальных: Иуда Искариот.

Можно предположить связь между иудиным возмущением по поводу «неразумной» траты и последующим предательством Христа. В упомянутом эпизоде Иуда наглядно продемонстрировал то, что Христос не является для него конечной Целью, рядом с Которой «торг уже неуместен». Возможно, он принадлежал к той части иудеев, что примеряли на Иисуса Назарянина роль политического лидера Израиля, рассматривали Его всего лишь как средство для достижения революционно-освободительной цели и потому всячески пытались провоцировать конфликт той силы, которой повинуются ветер и море, с властью римлян и иудейских старейшин.

Наверное, Искариот не был злобным человеком. Вероятно, предавая «кровь невинную», он не ожидал, что она действительно прольется. Пытаясь предельно обострить конфликт между Синедрионом и Иисусом, Иуда считал себя «тайной пружиной», «серым кардиналом» освободительной революции, гроссмейстером на «великой шахматной доске» истории. Ему казалось, будто он придумал хитроумную интригу, в результате которой выиграют все: Иисус наконец-то воцарится в Израиле; оккупанты-римляне уйдут; компрадорская власть старейшин уничтожится; народ станет свободным; вера расцветет, а тридцать сребреников будут чем-то вроде символического приза его хитроумию – дескать, вот

ловкач: спас Израиль, да еще и на деньги противника! Но случилось иначе. И, может быть, раскаяние Иуды было не запоздалым гласом совести и не скорбью о Христе, а разочарованием от собственного фиаско. Не совесть терзала за пролитую невинную кровь, а досада душила за то, что эта кровь (с политической точки зрения) пролилась напрасно. Понятен и последний демарш: какой смысл имели сребреники, да и сама жизнь, если *план* всей жизни провалился?

Так что даже не сребролюбие следовало бы по справедливости назвать «иудиной болезнью», а неумеренный прагматизм, не способный увидеть в Истине, Добре и Красоте последнюю цель. Мы привыкли осуждать Искариота, даже не замечая, что сами порой стоим всё на той же позиции. По слову Пушкина, «двуногих тварей миллионы для нас орудие одно»[25]. По сути, наша жизнь полна малых форм иудиного предательства.

Эта страсть может проявляться в разных формах, в том числе и не связанных с деньгами, но всегда означает одно – беспредельный эгоизм. Альфой и Омегой, началом и концом, средоточием мира сребролюбивый человек считает не Христа, а себя самого. Неудивительно, что рассматривая собственное «Я» в качестве последней цели, все остальное, не исключая и Бога, он воспринимает в качестве средства, как это делал Иуда.

«*Я есмь Альфа и Омега, начало и конец... Первый и Последний*» (Откр. 1:8, 10). Так говорит о Себе Бог в «Откровении» Иоанна Богослова. Альфа и Омега – это сочетание первой и последней букв классического греческого алфавита. В древней философии эта формула передавала вечность высшего начала.

Именно этот момент является пробным камнем веры: способны ли мы поставить Бога выше всего на свете? Умеем ли мы видеть в Нем Альфу и Омегу, причину всего и последнюю цель? Или рассматриваем Всемогущего Творца только как средство, как лояльную нам силу, способную обеспечить наше блаженство?

В Евангелии от Луки есть примечательный эпизод. Входя в одно из селений на пути в Иерусалим, Иисус увидел десять прокаженных, которые, соблюдая требования закона, остановились вдали и принялись кричать: «Иисусе, Наставниче! Помилуй нас!» Спаситель приказал им идти в Иерусалим и показаться священникам. По обычаю, страдавшие проказой являлись священникам лишь по выздоровлении, чтобы священники удостоверили это и приняли от них установленную жертву. Десять прокаженных еще не исцелились, но тотчас же послушались Иисуса и пошли;

---

[25] *Пушкин А.С.* Евгений Онегин. Глава вторая, XIV.

дорогой уже они заметили, что проказа сошла с них. Позже один из них, самарянин, видя, что исцелен, возвратился к Иисусу, припал к ногам Его и громким голосом прославлял Бога. Спаситель с грустью сказал: «Не десять ли очистились? Где же девять? Как они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменника?» (см. Лк. 17:11–19).

Эгоистичные люди склонны забывать Бога, когда надобность в Нем отпадает. Возможно, этот евангельский эпизод побудил немецкого философа Иммануила Канта дополнить свой категорический императив формулировкой: «относись к человеку как к цели и никогда – только как к средству». И если это верно в отношении к человеку, не так ли нужно относиться и к Богу?

Блаженный Августин задавался вопросом: почему некоторые святые живут счастливо, а иные всю жизнь терпят скорбь? Почему то же происходит в равной мере и с грешниками? Где логика? И, поразмыслив, отвечал: «Если бы Бог не давал благополучия некоторым просящим, мы сказали бы, что оно зависит не от Него; а если бы давал всем просящим, подумали бы, что Ему только из-за таких наград и следует служить; служение же такое сделало бы нас не благочестивыми, а корыстолюбивыми и жадными».

Иными словами, раздавая благополучие и скорби непредсказуемым образом, Бог нарочно «смешивает карты», чтобы не сделать добродетель предметом торговли. Среди монахов существует правило: если увидишь брата, по своей воле восходящего на небо, дерни его за ногу и сбрось оттуда, ибо это ему полезнее. Если человек, подражая великим подвижникам прошлого, пытается «заработать» святость, это означает только одно: Бога он не рассматривает как Альфу и Омегу, но видит в Нем только некий духовный «лифт», способный вознести его к горним сферам. При таком «иудином» подходе, когда Спаситель мыслится лишь средством, уже нет разницы, насколько возвышенна цель.

Древнеримский философ Эпиктет писал: «С Богом надо поступать так же, как мы поступаем с нашими глазами. Мы не просим их видеть то, что нам хочется видеть; напротив, мы очень довольны, что глаза наши показывают нам предметы такими, каковы они на самом деле. Почему же мы с Богом поступаем не так? Почему умоляем Его сжалиться над нами и дать нам то, чего нам хочется, а не то, что мы получаем от Него?»[26] Такая позиция характерна для подлинных учеников Христовых. Они умеют беспричинно любить Спасителя и бескорыстно служить Ему.

---

[26] *Эпиктет*. В чем наше благо?

«Альфа и Омега» – это формула любви. И пусть тот, кто упрекает верующих в расточительности при строительстве храмов, прежде обратится со своим нравоучением к матери, отдавшей все имущество ради того, чтобы найти на ледяном Эльбрусе тело погибшего сына; или к художнику Нико Пиросмани, который в один прекрасный день продал все свои картины и даже отчий дом, чтобы подарить своей возлюбленной миллион алых роз.

Говоря совсем просто, четвертая заповедь вкупе с тремя первыми завершает первый класс «школы любви»: у каждого, кто любит, должен быть свой «день субботний», то есть, способность расставлять приоритеты, готовность отложить все дела и подчинить все прочие интересы тому, кого ты любишь.

Пятая заповедь: отец

«Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе».

Исх. 20:12

В отличие от прочих заповедей, представляющих собой безусловный императив (не делай то-то и то-то), пятая заповедь содержит обоснование (чтобы продлились дни твои на земле). Это интересно: какова связь между почитанием старших и долголетием? На примере народов, среди которых почтительность возведена в культ – Япония, Кавказ – мы убеждаемся, что это правило работает: оба региона славятся долгожителями. Но как это осмыслить теоретически? Какова здесь логика, так сказать, исторического процесса?

О последствиях нарушения пятой заповеди нас предупреждает ветхозаветный рассказ о сыновьях Ноя.

«Сыновья Ноя, вышедшие из ковчега, были: Сим, Хам и Иафет. Хам же был отец Ханаана. Сии трое были сыновья Ноевы, и от них населилась вся земля. Ной начал возделывать землю и насадил виноградник; и выпил он вина, и опьянел, и лежал *обнаженным в шатре своем. И увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего, и выйдя рассказал двум братьям своим. Сим же и Иафет взяли одежду и, положив ее на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видали наготы отца своего. Ной проспался от вина своего и узнал, что сделал над ним меньший сын его, И сказал: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих. Потом сказал: благословен Господь Бог Симов;*

Ханаан же будет рабом ему; да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых; Ханаан же будет рабом ему» (Быт. 9:18–27).

Было бы ошибкой – думать, будто здесь идет речь о некоем проклятье Ноя, наложенном им на потомство своего среднего сына. (Из этого заблуждения вырастает неразрешимый вопрос: почему Ной «наложил проклятье» не на самого виновника, а на его потомков?) Вера в возможность некоторых слов оказывать магическое влияние на последующую судьбу человека или целого рода характерна для языческой культуры, к каковой Священная история двух Заветов, конечно, не относится. Можно предположить, что слова праведника Ноя были горьким пророчеством о будущем потомков насмешливого Хама – пророчеством с вполне ясной логикой.

Известно, с какой удивительной точностью дети копируют своих родителей: манеры, привычки, образ действия и слова. Конечно, каждая личность вносит что-то свое в унаследованный ею культурный материал, но все же степень его влияния на жизнь человека очень высока – особенно в замкнутых сообществах, которым, несомненно, и являлся Ковчег, а позже – дом Хама после Потопа. В характере среднего сына Ноя оказалась личная черта, которая, будучи унаследованной и усиленной, возможно, и предопределила скорбную рабскую участь Ханаана. Насмешка над отцом перешагнула пределы чисто семейной проблемы, если учесть, что в традиционном обществе отец – это не просто отношение родства: это фигура власти. То, что в доме Ноя было всего лишь непочтительностью к отцу, сделалось идеалом социального поведения среди потомков Хама. Можно предположить, что и у них была широко распространена хорошо известная нам практика «чуть что – ругать правительство» и с выставляемым напоказ презрением говорить о власти. В неурожайные годы, или, как мы бы сейчас сказали, «в период экономического кризиса», эта привычка оборачивалась готовностью «собираться на Майдане» и устраивать революции. Неудивительно, что хамиты часто становились легкой добычей соседних племен, хорошо организованных и сильных, благодаря свято почитаемому принципу единоначалия. Что же делали победители с побежденным противником до появления Женевской конвенции о военнопленных, догадаться нетрудно. Становится понятной и логика пятой заповеди: почитай старших – и будешь жить дольше. Тот, кто не исполняет ее, очень скоро заканчивает рабством. А рабы долго не живут: условия не благоприятствуют.

Насмешка или неуважение к начальству не имеет ничего общего с конструктивной критикой, речь идет не о том, что даже сло́ва в адрес начальства сказать нельзя. Но в неуважении и насмешке, несомненно, всякий раз звучит какое-то рабское эхо.

Возникает и набирает остроту вопрос: что делать, если старшие правят несправедливо? Если пятая заповедь запрещает восстание, как противодействовать злу в верхах?

В Послании апостола Павла к Римлянам есть фрагмент, который сильно смущает наше патриотическое чувство, выражающееся в привычном презрении ко всякого рода начальству: «*Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены*» (Рим. 13:1).

От неудобной заповеди не раз пытались избавиться мыслители: дескать, под высшими властями апостол имел в виду не конкретных правителей, а идею общественного порядка. Бездарное начальство можно и должно свергать именно потому, что оно, очевидно, не от Бога, а стало быть, не является властью.

И все же, как ни перетолковывай слова апостола, запрет на революцию подтверждается согласием мудрецов. Вот и Конфуций убежден: на царя восставать нельзя. Правда, это совсем не означает, что нужно унизительно смиряться перед произволом властей. Краеугольным камнем своего учения философ делает понятие «сыновняя почтительность», в котором он видит изящное решение проблемы несправедливой власти. Вот как об этом рассказывается в «Беседах и суждениях» Конфуция с учениками:

Гость из далеких областей пришел к учителю и сказал: «В нашей провинции есть праведный человек. Когда его отец украл барана, сын выступил свидетелем против отца». Конфуций ответил: «В нашей провинции праведники отличаются от ваших праведников. Отцы скрывают ошибки сыновей, а сыновья покрывают ошибки отцов, в этом и состоит праведность»[27].

Люди старшего поколения, конечно, вспомнят, что в нашей, советской «провинции», тоже имелись праведники первого типа. Их собирательный образ был распропагандирован под именем Павлика Морозова. Можно сколько угодно издеваться над этим персонажем, но приходится признать: праведники второго типа – это постсоветские чадолюбивые чиновники с их практикой местничества и кумовства. Где же вообще здесь нашел праведность прославленный китайский мудрец?

Конфуций был убежден: все зло и нестроения в мире людей происходят оттого, что мы перестали быть настоящими. На вопрос «Как стать настоящим?» он отвечал: «Делать то, что должен, и не делать того, чего не должен».

---

[27] *Конфуций*. Лунь Юй (Беседы и суждения). Глава 13; 18.

Быть сыном – значит, почитать отца. Если отец – вор, то он должен сидеть в тюрьме. Но не сыновнее дело – его туда упрятать. Часто из лучших побуждений мы стремимся сделать что-то сверх должного, не исполнив как следует должного. Но как возможно победить зло тому, кто всю жизнь занят не своим делом? Нетрудно заметить, что своим поступком Павлик Морозов лишь усугубил несправедливость. Начальствующий может быть недостойным своей власти, но не дело подчиненных отнимать ее – выйдет еще хуже.

На зло отца и правителя лучше отреагировать иначе. Из короткого диалога Конфуция с гостем можно узнать о том, что сыновняя почтительность – это великая добродетель, способная покрыть ошибки отца. Осталось только понять «физику процесса»: как это работает?

Мы привыкли полагать, что власть всецело определяет ход событий и несет за них полноту ответственности. На деле это не совсем так: начальствующий гораздо больше зависит от подчиненных, непосредственных исполнителей его распоряжений, чем они от него.

Существует так называемое «правило парикмахера». Суть его известна любому, кто предпочитает следить за своей прической. Приходя в парикмахерскую, человек садится в кресло и слышит традиционный вопрос мастера: «Как Вас стричь?» Неопытный клиент попадается на этот крючок и начинает подробно рассказывать, какой результат он желает получить, в наивной уверенности, что так все и будет. Невозмутимый парикмахер внимательно выслушивает его, вежливо кивает и со всем соглашается. Вот только одна проблема: он заранее знает, что и этого клиента он тоже пострижет, как умеет, – то есть, как всегда и как всех. Иными словами, начальник, в данном случае это клиент, определяет «*что* делать», а подчиненный решает вопрос «как делать». Вот это самое «как» может в итоге дать результат, прямо противоположный начальственному «что». Именно поэтому опытный начальник не стремится повлиять на исход дела после того, как сделал свое распоряжение. Он попросту изначально подбирает себе подчиненного, способного видеть вещи с точки зрения первого лица.

Сыновняя почтительность оказывается более эффективным способом борьбы с несправедливой властью, нежели традиционная революция с ее кровавыми издержками. Представим себе офицера, который получил от своего генерала откровенно преступный приказ. Например, ему поручили расстрелять ни в чем не повинных прохожих. Он может прямо отказаться его выполнять. Тогда его место займет другой, не столь принципиальный сослуживец. Отставленному же офицеру останется лишь

умыть руки, подобно Понтию Пилату, и с гордостью думать о своей незапятнанной чести. За правду он дрался до крови.

Но некоторым удается драться за нее до победы. Для этого иной раз достаточно применить «правило парикмахера». Такой офицер не станет обсуждать приказ. Наоборот! Он будет исполнять его весьма усердно – правда, в соответствии со своими возможностями, которые – что поделать? – ограничены, в том числе и голосом совести. Он выйдет на улицу, обнажит оружие, застрелит нескольких ворон на деревьях и красивым рапортом доложит о том, что с его стороны было сделано все возможное. В итоге, офицер останется на службе, а прохожие – живыми. «Ошибка отца», то есть, зло, изошедшее от высших властей, покрыто.

Конфуций утверждал, что подлинная любовь к Отечеству, способная принести свои плоды, заключается не в открытом восстании или тайной диверсии против правителя, а в правильном послушании ему. «Сыновняя почтительность, – учил свой народ древний мудрец, – это великая сила, способная покрыть и грехи отца». «Покрыть» – значит, восполнить несправедливость, ущербность распоряжения в ходе его непосредственного исполнения. Эту конфуцианскую максиму твердо усвоили, в частности, русские разведчики, внедренные в структуры Третьего рейха: их собирательный образ – Штирлиц – так усердно исполнял приказания своего начальника Шелленберга, что тот, в конце концов, благополучно проиграл войну.

Сыновняя почтительность – это тактический прием, цель которого – лишить правителя возможности причинять вред (намеренно или в результате ошибки). Так боксер, пытаясь уберечься от нокаутирующего удара, не отбегает от противника, а наоборот, стремится максимально приблизиться к нему, войти в клинч, сковывая его движения и не давая как следует размахнуться. Способность власти причинять вред народу оказывается минимизированной благодаря деятельному послушанию, связывающему народ и правителя органическим единством. Трудно ударить самого себя искренне, изо всех сил.

«Правило парикмахера» было изобретено не «бравым солдатом» Швейком, но он тоже весьма успешно применял его как средство борьбы с идиотизмом начальства. По сути, в культовых романах Ярослава Гашека с блестящим остроумием описано не что иное, как «стратегия сыновней почтительности», о которой Конфуций говорил с философской серьезностью. Ее оказывается вполне достаточно для деятельного участия в судьбах Отечества. Как-то учителя Поднебесной спросили: «Почему вы не занимаетесь управлением государством?» Конфуций ответил: «В древних книгах написано: “Когда надо проявить сыновнюю почтительность,

прояви сыновнюю почтительность; будь дружен со своими братьями; осуществление этого и есть управление". Если это и есть управление, то к чему заниматься управлением государством?»

Вспомнить пример Хама сегодня было бы как нельзя кстати. Весьма заметное влияние национальных меньшинств на жизнь современной России, о котором так много говорят, совсем не случайно совпадает с почти религиозным почитанием старших, практикуемым на Кавказе. Нынешний великорос с завистью и плохо скрываемым раздражением отмечает кавказскую сплоченность и умение горой стоять друг за друга. Землячество или братство – это сила, с которой приходится считаться. Но, как тонко подметил Экзюпери, нельзя быть «братьями» вообще – «братьями» можно быть только «в чем-либо». Сплоченность создается приближением к некоторому центру. Без серьезного почитания отца и матери не может быть и братьев. Так что первым долгом русского (да и любого другого) патриота должна быть борьба за личное исполнение пятой заповеди.

Шестая заповедь: «боевой устав» Авраама

«Не убивай».
Исх. 20:13

Эта история произошла в одном из РОВД города Москвы. Одному из оперов удалось взять с поличным и при многочисленных свидетелях девочку-воровку, шестнадцати лет от роду, промышлявшую в рейсовых автобусах. Оформив положенные документы и передав дело следователю, офицер, загруженный множеством других дел, уже было совсем забыл о преступнице. Вспомнить ее пришлось примерно через месяц и вот при каких обстоятельствах.

Прокуратура возбудила уголовное дело, связанное с торговлей детьми. В одном из эпизодов фигурировала семья беженцев из Таджикистана. Мать умерла от болезни, спустя три месяца после переезда в московский подвал. Лечить ее никто не пытался. Отец погиб на стройке, пережив свою жену на год. Дети – два мальчика пяти и семи лет и четырехлетняя девочка – остались на попечении старшей сестры. Та заботилась о них, как могла, но однажды исчезла. Кто-то видел, как ее в наручниках выводили из автобуса. Малыши, сидя в подвале, несколько дней тщетно ожидали сестру. Потом куда-то пропали сами. Обитатели московского «дна», прознав, что беспомощные дети остались одни, продали их на органы.

Опер, узнав воровку, ужаснулся своей роли в этом деле. Он думал о том, что преградив путь малому злу, открыл дорогу большему. До поздней ночи он просидел в своем кабинете, куря до тошноты и проклиная все на свете...

Психологи придумали специальный термин, обозначающий душевное состояние солдата, пережившего ужас войны: «посттравматический синдром». Сталкиваясь с исключительным злом, человек может психически повредиться и, даже будучи физически здоровым, оказывается не в состоянии приспособиться к мирной жизни. Судьбы таких душевных инвалидов Первой мировой войны описаны в романе Ремарка «Возвращение». В России новейшего времени подобные явления известны под именами «афганский» и «чеченский синдром».

Те, кто склонны видеть корень подобных бед только в ужасах войны, упускают из виду важное обстоятельство: в немецкой литературе после Первой мировой войны существует множество мемуаров, в которых нет и намека на посттравматический синдром. Таков, например, дневник лейтенанта Эрнста Юнгера «В стальных грозах». Здесь нет ни милитаристских восторгов, ни пацифистских проклятий войне как таковой – только стоическое смирение и уважение к судьбе, готовность со всей серьезностью воспринимать выпавший тебе жребий. Нетрудно также заметить, что «афганский» и «чеченский синдром» поразил далеко не всех участников наших последних войн. И уж совсем нигде не встречается выражение «германский синдром» в отношении Великой Отечественной войны, которая, несомненно, по масштабам творившегося зла далеко превзошла и предыдущие, и последующие конфликты. Можно предположить, что человеческой психике угрожает не сама по себе война, а неправильная стратегия поведения человека на войне.

О чем-то подобном говорит известный американский фильм «Зеленая миля». Трудно вообразить дело, более тяжелое для психики, чем должность палача. Команда «Зеленой мили» (а именно так называется отделение тюрьмы, в котором содержатся приговоренные к смертной казни преступники) каждый день включает электрический стул и видит отвратительные физиологические картины смерти. Но никого из палачей не мучают кошмары, никто не впадает в депрессию. Только один в конечном итоге впадает в безумие – новичок по имени Перси. В «Зеленую милю» он попадает по личному желанию, находя здесь уникальную возможность «легально» убивать и безнаказанно издеваться над людьми. Комендант говорит ему: «Я никогда не позволю тебе руководить казнью: уж слишком ты этого хочешь. Мы же не стремимся причинять осужденным больше страданий, чем того требует закон».

Нетрудно заметить, что этот принцип не является какой-то формальной данью абстрактной гуманистической морали. Речь здесь идет о средстве обеспечения личной психологической безопасности. Пока палач исполняет закон, он не совершает убийства – его личной вины в смерти человека нет. Но даже один лишний подзатыльник осужденному в корне меняет ситуацию. Свидетель зла становится его соучастником. И зло «награждает» своего союзника. Награждает, как может, – не изменяя собственной природе – и «одаряет» человека душевной болезнью.

В рассказе об Аврааме есть упоминание о битве девяти царей в долине Сиддим. Победители захватили все имущество побежденных царей Содома и Гоморры. В числе пленных оказался и живший в Содоме Лот, племянник Авраама. Вооружив своих людей, патриарх преследовал захватчиков, разгромил их и отбил племянника вместе со всей добычей. «*И сказал царь Содомский Аврааму: отдай мне людей, а имение возьми себе. Но Авраам сказал царю Содомскому: поднимаю руку мою к Господу Богу Всевышнему, Владыке неба и земли, что даже нитки и ремня от обуви не возьму из всего твоего, чтобы ты не сказал: я обогатил Авраама*» (Быт. 14:21–23).

Из этого рассказа можно вывести принцип праведной войны: не причиняй врагу вреда больше, чем того требует твоя боевая задача; опасайся взять себе даже нитку или ремень от обуви в захваченном тобою городе врага. Ибо тот, кто вслед за Ремарком полагает, будто война отменяет закон и «осуждать за преступление на войне – все равно что на автогонках штрафовать за превышение скорости», ломает свой духовный иммунитет и открывает себя разрушительному воздействию тех бацилл зла, которые во множестве окружают человека. С особой силой эта мысль выражена в монологе Бориса Годунова в одноименной трагедии Пушкина:

Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою.
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелося,
Тогда – беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И всё тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

Опер, задержавший несчастную девочку-воровку, в скором времени оправился от потрясения. От серьезной душевной травмы его спасло то, что он не преступил меры служебного долга. Пытаясь вырваться, преступница сильно прокусила его руку, но офицер, вопреки ожиданию, не ударил и не обругал ее. А позже отдал задержанной свой нехитрый ужин.

Седьмая заповедь: целомудрие

«Не прелюбодействуй».

Исх. 20:14

Моногамия

В посланиях к Тимофею и Титу апостол Павел определяет христианский идеал благородства, перечисляя добродетели, необходимые служителю Церкви. Среди них есть и такая: епископ, пресвитер или дьякон *«да будет одной жены муж»* (см. 1 Тим. 3:2; Тит. 1:6). Единобрачие апостол счел нормой христианской жизни вообще, однако именно это предложение, с которым Церковь обращается к людям, чаще всего вызывает скептическую усмешку. Оправдывая существование в своей жизни многочисленных тайных жен и любовниц, многие из нас рассуждают о том, что единобрачие, дескать, противоречит самому духу мужественности.

Между тем, даже в том случае, если мужественность может быть вообще оценена посредством опыта общения с женщиной, следует признать: мужская состоятельность заключается в способности познать женщину, а не просто в готовности поставить рекордное количество опытов в этом направлении. И здесь слова апостола Павла оказываются вполне оправданными.

Дело в том, что успех познания зависит не столько от доступности объекта исследования, сколько от познавательной способности его субъекта. Миллионы людей веками лениво смотрели на мир, но законы классической механики в нем увидел один только Ньютон. Так что не герой-любовник, а лишь подлинный мужчина может открыть в женщине – женщину. Подобным образом, лишь истинно великий художник способен увидеть трагедию, рождающуюся из духа музыки.

В биографии Конфуция есть любопытный эпизод. Уже достигнув зрелых лет, философ пришел к известному в Поднебесной учителю музыки Ши Сяну и изъявил желание овладеть игрой на *цине*, традиционном китайском музыкальном инструменте. Остались примечательные свидетельства об исключительной требовательности к себе новоявленного ученика:

«Прошло десять дней, а он все еще разучивал лишь начальные аккорды. Ши Сян сказал:

– Можно разучивать другую песню, этой Вы уже овладели.

Конфуций возразил:

– Я лишь освоил мелодию, но еще не овладел искусством исполнения.

Через некоторое время Ши Сян заметил:

– Искусством исполнения Вы уже овладели, можно приступать к изучению новой песни.

Конфуций ответил:

– Я еще не понял, в чем выразительность ее устремленности.

Прошло еще некоторое время, и Ши Сян произнес:

– Вы уже овладели ее устремленностью, приступайте к разучиванию следующей песни.

Конфуций погрузился в глубокое размышление. Затем очнулся и, взглянув вдаль, радостно сказал:

– Я представляю себе этого человека. У него смуглый лик, он высок ростом, взор его устремлен вдаль. Он подобен князю, взирающему на четыре стороны света. Кто кроме чжуского Великого князя мог создать такую песню?

Услышав такое, Ши Сян поднялся с циновки и дважды поклонился Конфуцию:

– Мой учитель говорил, что песня эта первоначально называлась “Царство Великого князя”»[28].

Можно понять волнение, охватившее учителя: способность по нескольким аккордам точно описать автора, сочинившего композицию несколько столетий назад, гораздо удивительнее знаменитой дедукции Шерлока Холмса, посредством которой сыщик определял профессию посетителя по особенностям его внешности.

Стоит обратить внимание на то, что уникальная способность Конфуция познать дух музыки тесно связана с его нежеланием «разучивать другую мелодию». Чем лучше способен познать вещи человек, тем больше различий он замечает между ними. Эстетическое чувство, осваивая эти обнаруженные умом различия, превращает их в основания для выбора, которых в процессе познания становится все больше и больше, так что в конечном итоге выбор становится почти неизбежным.

Так сомелье, способный на вкус отличать вина с разных берегов Рейна, как правило, отдает предпочтение какому-то одному сорту. Склонность

[28] См. *Конфуций*. Уроки мудрости. Предисловие.

же к плюрализму в этом вопросе является характерной для пирующего студента, находящего в вине лишь средство повеселиться.

Именно поэтому средневековый человек немало бы удивился, узнав, что в современной культуре Казанова и Дон Жуан являются культовыми фигурами. Ведь тот, кому «нравятся все женщины на свете», по сути, свидетельствует о том, что он не видит разницы между ними. Женщина для него – это женщина вообще, или, вольно пользуясь терминологией Иммануила Канта, «женщина-в-себе», нечто принципиально недоступное. Так что в привычке хвалиться количеством любовных побед нет ничего, кроме бессилия евнуха, который уже не в физиологическом, а в духовном смысле неспособен к познанию женщины и потому не может почитаться мужчиной.

И наоборот, как показывает музыкальный пример Конфуция, человек, способный к познанию, не спешит отложить одну вещь, чтобы заняться другой. Он и в одной вещи способен разглядеть бездны смысла, поэтому часто этой одной вещи ему хватает на всю жизнь.

Косвенным подтверждением этой мысли может быть пример царя Соломона. Он был мудрейшим человеком на земле, знал свойства камней и трав, но наука любви была ему недоступна. В Агаде[29] есть интересные рассказы о визите царицы Савской, косвенным образом подтверждающие его неспособность к познанию женщины.

Соломон обратил внимание на то, что Южная царица никогда не обнажала своих ног. Даже подымаясь по лестнице, она не придерживала края платья, как это делали другие женщины. И, садясь в паланкин, первым делом задергивала полог. Что бы это могло значить? – озадачился мудрец. И не придумал ничего лучше, как хитростью вырвать у женщины ее тайну.

Царь принял гостью в тронном зале своего дворца, пол которого был предварительно выложен голубым хрусталем. Ступив на него, царица решила, что трон стоит в воде, и машинальным движением приподняла край своего платья, чтобы не намочить его. Таким образом, Соломон смог увидеть ее ноги, которые оказались поросшими густыми волосами.

---

[29] Агада – большая область талмудической литературы, содержащая афоризмы и поучения религиозно-этического характера, исторические предания и легенды, долженствующие облегчать применение «кодекса законов», так наз. «галахи», – смягчать суровое действие религиозного закона. Возникновение Агады относится ко II в. до Р. Х. Изначально Агада была устной, но затем устный материал собирался и записывался. В постталмудический период отдельные части Агады были собраны и изданы в форме мидрашей – назидательных толкований библейского текста. – *Примеч. ред.*

«Красота твоя, – сказал он, – красота женщины, а волосы – волосы мужчины. У мужчины красиво это, а у женщины изъяном почитается»[30].

Взбешенная царица покинула дворец, а премудрый Соломон постарался загладить свою неловкость: вдогонку гостье он отправил слугу с мешочком трав... для эпиляции. Неудивительно, что через некоторое время он получил ответное сообщение: царица Савская вернула царю мешочек с отрубленной головой его гонца.

«Три вещи непостижимы для меня, и четырех я не понимаю, – признавался мудрейший человек на земле, – пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к сердцу женщины»[31]. При этом Библия сообщает примечательный факт: Соломон имел семьсот жен и триста наложниц, которые управляли им, как хотели, так что в конце концов склонили к поклонению идолам.

Современный мир вообще подвержен власти странного стереотипа. Нам кажется будто знание – это опыт. Между тем, еще древнегреческий философ Гераклит замечал, что «многознание уму не научает». Опытность в общении с прекрасным полом, которой столь многие из нас привыкли гордиться, вопреки ожиданию, отнюдь не тождественна мужской способности познать женщину. Скорее, наоборот. Если мы хотим познать женщину, следует удаляться от ее цитадели, ведь мужественность концентрируется по мере приближения к противоположному полюсу. «Мне не нужно новых женщин, – говорит царь в одном из произведений Экзюпери. – Я укрыл их всех моей молчаливой любовью, и не слушаю больше ни одной, чтобы лучше услышать»[32].

Именно неопытность, которую иногда приходится возвращать себе аскетическим путем, позволяет отчетливо увидеть в женщине то, что сама она так жаждет узнать о себе, из века в век нежно сохраняя в сердце заветную мечту о настоящем мужчине.

Девство

В романе «Стать женщиной не позднее понедельника»[33] описаны метания девушки, которая принимает нервную суету современной жизни за ее пульс, переживает что-то вроде раскаяния пассажира, отставшего от поезда, и потому торопится любой ценой познать брачные тайны. Эту

[30] См. мидраш «Таргум Шени» к «Книге Эсфирь».
[31] См. Притч. 30:18–19.
[32] *Сент-Экзюпери А. де*. Цитадель. XLIV.
[33] Автор – Василина Орлова. – *Примеч. ред.*

историю можно считать фотографическим документом, фиксирующим то, что обычно называют духом времени.

И действительно, современная культура не дает подрастающей девушке ясной идеи, способной достойно противостоять граду насмешливых вопросов, призванных оболгать добродетель девства: «Для кого ты себя бережешь?», «Ты хочешь быть женщиной или синим чулком?» Чувствуя себя уязвленной в самой сути своего бытия, девушка начинает ломать естественную стыдливость и расписание занятий в школьном дневнике дополняет установкой: стать женщиной не позднее понедельника.

Возможно, все дело в плохих учителях литературы, ведь уже в самой школьной программе упоминается как минимум одно произведение Достоевского, которое могло бы дать надежную идеологическую защиту от подобных провокаций.

В романе «Идиот» роковая красавица Петербурга Настасья Филипповна не на шутку влюбляется в князя Льва Николаевича Мышкина. Это один из самых ярких и красивых героев Достоевского: даже идейные враги и любовные соперники испытывают к нему обезоруживающую симпатию. Помимо прочего князь оказывается наследником миллионного состояния и делает Настасье Филипповне серьезное личное предложение. Казалось бы, минута нечаянной радости открывает женщине перспективу заветного жизненного счастья. Но сцена оканчивается страшным скандалом. «Именно в эту минуту, – говорит Достоевский устами одного из своих героев, – Настасья Филипповна помешалась». Она отказывается от предложения любимого человека и связывает свою судьбу с ревнивым купцом Парфеном Рогожиным, мрачным фанатиком, который в конце концов и убьет ее.

Причины помешательства и самоубийственного шага невесты не понятны никому, не исключая и князя Мышкина: «Кто же добровольно идет в воду или под нож?» Его недоумение позже рассеивает сам Рогожин: «Ей не под силу у тебя стало, князь, потому и ко мне убежала... Да не было б меня, она давно бы уж в воду кинулась. Потому и идет за меня, что я ей, может, похуже воды, потому что наверное за мною нож ожидает».

«Я известно какая, – говорит о себе Настасья Филипповна. – Я у Тоцкого в наложницах жила. И ты, князь, хочешь меня такую за себя взять?» Любой женщине знакомо особого рода смущение, возникающее при встрече с красивым и блистательным незнакомцем, если сама она не наряжена и не приукрашена. Для того чтобы понять Настасью Филипповну, нужно умножить это ощущение в десятки раз и учесть то обстоятельство, что принарядиться и приукраситься ей уже невозможно: ее брачные

одежды давно украдены сластолюбивым Тоцким. Забыть любовь невозможно. Разделить с любимым бытие во всей полноте «не под силу». Должно быть, это и есть вечная адская мука, от которой остается разве что «под нож или в воду», повторяя иссохшими губами фразу Вальсингама из трагедии «Пир во время чумы»: «Где я? Святое чадо света! Вижу тебя я там, куда мой падший дух не досягнет уже...».

Тот, кто уяснил суть психологической проблемы Настасьи Филипповны, не может не поразиться той ясности и легкости, с которой Богоматерь отвечала архангелу Гавриилу: «Я Раба Господня. Да будет мне по слову твоему» (см. Лк. 1:38). А ведь Ей было объявлено, что не просто некий святой человек, но Сам Предвечный Бог разделит с Ней бытие в качестве Ее Сына. Так что следует признать правоту Церкви, почитающей Марию как «Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим». И можно понять благоговейный страх перед Нею апостолов, ведь даже первый из них – Симон Петр – на призыв Христа смущенно ответил: «*Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный*» (Лк. 5:8).

Книга Бытия, рассказывая о жизни первых людей в раю, упоминает о том, что они были наги и не стыдились. Лишь в результате грехопадения стыд наготы побудил их сделать себе одеяния из листьев и скрыться от Бога за деревьями рая. Расколотая грехом душа человека, наподобие треснувшей линзы объектива, стала давать странную картинку: мир разделился на чистое и нечистое. Именно так представляли мироздание гностики: все материальное связывалось в их ощущении с греховным и скверным; все духовное – с чистым и святым. Отцы Церкви опознали здесь ересь – слишком очевидны были причины подобного нарушения духовной оптики. Чистому – всё чисто (см. Тит. 1:15), и лишь нецеломудрие мыслей побуждает человека испытывать скопческое отвращение или стыд перед брачными отношениями.

Чтобы легче понять суть подобного раскола, представим себе пьяницу. Чем он отличается от прочих людей? Тем, что не может выпить в меру. Он обречен существовать в одном из двух крайних режимов: или запой, или жесткая «завязка». Просто порадоваться паре бокалов вина на свадьбе друга он неспособен. Такого «сухого пьяницу» можно легко опознать по особому зверскому выражению лица почти на каждом пиру.

Вот и человек, утративший целомудрие, то есть целостность души, в той или иной степени сочувствует гностицизму. Либо мы видим в женщине, по слову Марины Цветаевой, всего лишь «животное, кем-то раненное в живот»[34] и упиваемся механическим блудом, либо глядим на

[34] См. *Цветаева М.И.* Поэма конца.

нее с застенчивостью Александра Блока, бубнящего про какую-то незнакомку, с которой даже мысленно невозможно познакомиться.

Для обозначения двух граней нецеломудрия Пушкин предлагал ввести в русский язык заимствованное из французского слово «прюдство», антонимичное «кокетству». «Слово это, – писал он, – означает женщину, чрезмерно щекотливую в своих понятиях о чести (женской) – недотрогу. Таковое свойство предполагает нечистоту воображения, отвратительную в женщине, особенно молодой. Пожилой женщине позволяется многое знать и многого опасаться, но невинность есть лучшее украшение молодости. Во всяком случае, *прюдство* или смешно, или несносно»[35].

Предложенный поэтом термин так и не прижился, но его место занял другой – «синий чулок». Как видно, отнюдь не девство порождает подобный тип женщин. У этого явления прямо обратные причины. «Я никогда не целуюсь с парнем, который мне по-настоящему нравится», – признается героиня популярного молодежного сериала. И в ней нельзя не заметить гностической болезни Настасьи Филипповны, которая любит, но не может разделить с любимым бытие во всей его полноте.

«Гражданский» брак

Человек, охваченный вдохновением, порой испытывает искушение пренебречь формальностью традиции и закона, выражающейся в правилах стихосложения, композиции, перспективы. Вдохновение романтической любви зачастую невыгодно оттеняет сухую нормативность брака. Между тем, предостерегая от подобного искушения, Христос, то есть Сама Любовь, вполне ясно говорит: «*Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить*» (Мф. 5:17). Итак, любовь стремится «исполнить» закон или в более точном переводе с греческого «наполнить», как художник наполняет вдохновенным содержанием предуготовленную для этого художественную форму.

Распространенный сегодня институт гражданского брака отвергается Православной Церковью именно потому, что он подозрителен с точки зрения любви, а христианство есть религия любви. Человек призван к совершенству состоявшимся ради него актом Крестной любви Бога, а потому приобретает привычку различать в мире поддельное и настоящее.

---

[35] *Пушкин А.С.* Критика и публицистика. Статьи и заметки. Отрывки из писем, мысли и замечания.

Особенно, когда дело касается любви. Негоже наследнику миллионера носить дешевые часы с позолотой. Стыдно было бы и христианину стоять перед Распятием, облекшись фальшивой любовью.

Но почему же гражданская любовь фальшива? Неужели совершённый «обряд», как многие называют церковное Таинство, или, тем более, «штамп в паспорте» отличает подлинную любовь, заповеданную Спасителем человеку?

Как говорил популярный телеперсонаж доктор Хаус: «Люди лгут – не лгут лишь симптомы (болезни)». Принцип работы обыкновенного детектора лжи тоже основан на том, что ложь возможна лишь сознательно. Рефлексы не контролируемы сознанием, а потому свободны и от лжи. Вот и есенинский «меняла» вместо ответа на вопрос «как сказать по-персидски “люблю”?» отрицательно качает головой:

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуи рдеют,
Лепестками тая на губах.
. . . . . .
От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты – моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали черную чадру.

Логика любви раскрывается комплексом бессознательных действий. Влюбленные устремляются навстречу друг к другу, обнимаются изо всех сил, сплетаясь в единое целое, и замирают от восторга своей нераздельности. Древнегреческий философ Эмпедокл вообще называл любовью всякое стремление к соединению в природе, умиляясь при виде двух капелек ртути и изумляясь тому упорству, с которым они преодолевают механические преграды, их разделяющие, и силы, препятствующие их единению.

Но философ мог бы подметить особенность бессознательного жеста: *влюбленные всегда обнимаются обеими руками, а не одной*. И это не удивительно, ведь любовь – это не только взаимное влечение начал, но и стремление к объединению во всей полноте, то есть по всем комплементарным граням своего бытия.

Именно по полноте распознается любовь среди прочих видов притяжения, различных по своей природе. Вот, например, кабан устремился к изгороди и принялся тереться о нее. Можно ли говорить здесь о любви? Или следует назвать это сделкой, понимая, что кабану нужен забор, чтобы просто почесать спину?

Влюбленные обнимаются двумя руками и жалеют, что у них нет третьей. Они стремятся реализовать все доступные грани взаимодополнения: «*и будут двое одна плоть*» (Быт. 2:24) – это само собой разумеющееся продолжение объятий; они заводят общее хозяйство, где невозможно разделить имущество и заботы, где можно говорить словами притчи о блудном сыне «*ты всегда со мною, и все мое – твое*» (Лк. 15:31); они стремятся к единству в социальном смысле, перед лицом общины, созывая родных, близких и просто знакомых на брачный пир; не упускают они и возможности обменяться кольцами и связать себя видимо – покровом священнической епитрахили – и невидимо – таинственным трехкратным хождением вокруг аналоя. Когда же сплелись все «щупальца», когда исчерпываются все комплементарности, данные природой и культурой, когда совершилось объятие двумя руками, влюбленные испытывают сожаление об отсутствующей третьей руке. Они начинают изобретать свою собственную культуру, открывая новые грани, по которым можно соединиться.

Так многие замечают, что влюбленные удивительно изобретательны и горазды на выдумку в области объединительных символов и ритуалов. Все эти парные «фенечки», сердечки, половинки фотографий или купюр, ключики и замочки, раздельно хранящиеся у влюбленных в качестве священной реликвии, есть не что иное, как новоизобретенные грани комплементарности, выражающие стремление друг к другу в полноте любви. Мечта «о третьей руке» даже сам язык разделяет на комплементарные части, словно пазлы. У влюбленных есть какие-то особые слова и намеки – нечто, напоминающее пароль и отзыв. Влюбленные могут часами играть в эту игру, так что у окружающих складывается впечатление, будто они говорят на каком-то своем, таинственном языке.

Если же подлинной любви в ее стремлении к полноте не хватает естественных форм соединения, то что можно сказать о сближении, которое не использует до конца даже имеющиеся? Упускающие возможность таинственного или символического объединения через венчание или «штамп в паспорте», по сути, ничем не отличаются от тех, кто поставил пресловутый «штамп», но так и не приступил к собственно супружеству. Все это – лицемерные объятья одной рукой.

То же самое можно сказать и о человеке, который говорит, что любит Бога, но при этом живет вне Церкви. Любовная душа ищет соединения со Христом во всей полноте церковных Таинств, стремясь приложиться к Нему через каждую поставленную свечу, в каждом пропетом гимне, в каждом символическом жесте и даже в каждом незначительном деле, совершенном во славу Божию.

Одной рукой обнимаются торговцы. Гражданский брак, как и гражданская вера – не любовь, а сделка. То есть явление базарное, а не церковное. Там, даже в лучшем случае, действуют принципы разумного эгоизма, которыми невозможно оправдать евангельскую максиму: «*Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся*» (Мф. 5:42).

Действительно, часто приходится слышать: «Мы любим друг друга, к чему эти формальности, что́ в нашей жизни поменяет штамп в паспорте и почему Церковь так цепляется к гражданскому браку?»

Дело в том, что этот штамп – очень хитрая штука. Представим себе человека, который получил первое офицерское звание. Я и сам в прошлом офицер. Когда мне присвоили звание лейтенанта, мне некуда было идти, но я нашил на свой китель погоны с золотыми звездочками и вышел, просто чтобы пройтись по улице: усидеть дома было невозможно. Потому, встретив человека, получившего первое офицерское звание, но не испытывающего глупого желания надеть форму и выйти на улицу хотя бы на полчаса, я буду очень сильно сомневаться, что этот человек вообще хотел стать офицером.

Человек, который по-настоящему любит свою подругу по бытию, хочет получить этот «штамп в паспорте». Он потом три дня с этим паспортом по всем друзьям ходит и радуется, что у него получилось. «Штамп в паспорте» – это пробный камень, «спиртометр» любви. Дотягивает ваша любовь до того градуса, когда вы сами хотите взять эту девушку в жены и поставить пресловутый штамп, – значит, это любовь настоящая. По крайней мере, ее градус таков, что заставляет относиться к ней серьезно. А если вы начинаете философствовать на тему штампа в паспорте, это подозрительно с точки зрения любви, ее качества. И потому Церковь вполне справедливо отвергает так называемый «гражданский брак».

Тайна

«Странные вы люди: о смерти у вас говорить не принято, зато тайна супружеских отношений нарушается повсеместно!» – наверное, так сказал бы средневековый человек, попади он в наше время.

И действительно, нередко даже верующие супруги приходят к священнику с вопросом о том, насколько рекомендации Камасутры являются приемлемыми для христианина. И усталый батюшка в который раз принимается рассказывать известный случай с Марианной Австрийской (XVII век).

Когда она стала невестой Филиппа IV, ее везли через территорию Франции с торжественной встречей в каждом городе. Мэр Лиона преподнес

Марианне дюжину шелковых чулок в качестве дара от местной промышленности, но королевский мажордом грубо оттолкнул подарок, заявив: «Господин мэр, запомните: у испанской королевы нет ног!» При этих словах несчастная девушка упала в обморок, решив, что в Мадриде ей, согласно испанскому этикету, ампутируют ноги.

Ситуация только на первый взгляд кажется нелепой. Мажордом был совершенно прав: действительно, не подобает даже мысленно задирать подол королевы, подходя к ней с таким подарком. Так же дело обстоит с тайной брачных отношений: то, что происходит между двоими, – должно остаться между двоими.

Апостол Павел в Послании к Ефесянам так говорит о браке: «*Тайна сия велика*» (Еф. 5:32). Это совсем не означает, что христиане должны делать вид, будто они не знают, «откуда берутся дети». Тайна не есть нечто неизвестное. Тайна – это то, что не принято обсуждать. В тайну не подобает проникать любопытным взором. Например, исповедь является не только Таинством, но и тайной. И в этом жесте Церкви открывается подлинно христианская любовь к человеку: вся деревня знает, что натворил кающийся, но вспоминать и распространяться об этом после того, как бывший грешник вышел от священника, запрещено. Если Бог устами Своего апостола назвал брак тайной, можно предположить, что и Сам Он не заглядывает в спальню супругов. Так что вопрос о допустимости Камасутры является пустым по существу.

Христианская культура не терпит свойственной язычеству манеры откровенно обсуждать вопросы пола. Это обстоятельство в глазах обывателя свидетельствует о том, что христианство якобы объявило женщину «сосудом нечистоты и всякия скверны», а половые отношения чем-то греховным и постыдным. «Мрачному» христианству, объявившему пол «вне закона», обыватель противопоставляет жизнеутверждающий дух язычества, культ плодородия, дионисийские празднества, обожествление женщины и живородящей способности.

Между тем, подлинное освящение пола произошло именно тогда, когда «про это» перестали говорить. Или, говоря точнее, когда «об этом» научились искусно молчать. Разница между языческим и христианским возвеличиванием пола – это различие между плохой и хорошей поэзией, между грубой лестью и тонким комплиментом.

О половых отношениях не принято говорить, потому что интуитивно не хочется – так же, как и о любви. И в этом можно заметить проявление хорошего вкуса.

Монотеизм научил человека совершенной поэзии. Вера в познаваемость мира и непознаваемость Бога сделала очевидным то обстоятельство, что есть вещи, о которых можно говорить, и поэтому о них лучше всего говорить прямо; и есть вещи, о которых говорить невозможно, поэтому следует научиться искусно о них молчать. Молчать – значит тонко намекать, нагнетая смысл в междустрочия. Отвращение иудея, христианина или мусульманина к языческому культу плодородия имеет эстетическую природу: это неприязнь не к половым отношениям, а к плохой поэзии, которая не различает выразимого и невыразимого.

Христиане окружили вопросы пола молчанием – набросили на голое тело одежду. Это создало интригу и уникальную культуру брачных отношений. Вот как об этом сказал однажды Экзюпери: «Можешь тревожиться о неутоленной жажде любви, забыв, что суть любви – жажда»[36].

Мудрые оберегают тайну супружества, запирая уста и двери, а не только двери. Прогрессивные родители скажут: «Но как же быть с половым воспитанием детей? Неужели будет лучше, если они обо всем узнают в подворотне?»

Как известно, лейтмотивом всякой культуры является размежевание сакрального и профанного, то есть «священного и мирского». «Профанное», или «мирское» не обязательно означает что-то грешное или беззаконное. Но его нельзя смешивать с «сакральным», то есть со «священным», не совершая противоестественного насилия. Завтрак в туалете или сожительство отца с дочерью вызывает чувство омерзения. Трапеза, как и дочернее чувство, относится к области высших смыслов, к полюсу священного. Супружеское желание или другое требование естества, хотя и представляет собой непредосудительное дело, тяготеет к иному полюсу. Нельзя повенчать «розу белую» с «черной жабой», по словам Сергея Есенина. Оттого педофилия и инцест относятся к числу самых отвратительных явлений.

«Откуда я взялся?» Попытки прогрессивных родителей честно ответить на этот вопрос ребенка есть не что иное, как словесный «инцест». И выходя от папы и мамы после подобного «ликбеза», маленький человек, смущенный такой бесстыдной откровенностью, непременно скажет про себя: «Уж лучше я узнал бы об этом в подворотне!»

---

[36] *Сент-Экзюпери А. де.* Цитадель. L.

Восьмая заповедь: дар

«Не крадй».
Исх. 20:15

Кража относится к числу тех явлений, говорить о которых слишком отвратительно. Но можно сделать иначе: описать смысл восьмой заповеди через то, что является противоположностью воровства. Так, можно пояснить, какой великой способности лишается человек, пытаясь незаметно вытащить некую безделушку из кармана ближнего или государственной казны. Поговорим о способности совершать дар.

«Дивен Бог во святых Своих». Люди, достигшие святости, оказывают мощное влияние на нашу жизнь даже после своей смерти. Причем самое удивительное состоит даже не в том, что, приблизившись к Богу, они ходатайствуют за нас у Престола Божия. Странным образом само их житие веками воспроизводится в жизни многих последующих поколений. Сочиненные ими по вдохновению любви поступки закрепляются в культуре в виде народных обычаев, которым повинуются даже самые развратные и злочестивые. Таков, например, обычай дарить подарки. Мы следуем этому правилу, даже не подозревая о том, что оно вошло в нашу жизнь с легкой руки святых, что этим действием мы символически воспроизводим драматический эпизод их земной жизни. Так, в сфере искусства ученики, поколение за поколением, зачастую невольно копируют изобразительную манеру великого мастера.

Дело в том, что святой – это человек, достигший совершенства, к которому призывает Своих учеников Христос в Нагорной проповеди: «*Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный*» (Мф. 5:48). Но совершенства не достигают только за счет стяжания смирения, незлобия, терпения и прочих качеств, свойственных святым. Совершенство по подобию Божию немыслимо без царского достоинства. Если Христа называют Царем царей, то, возможно, под малыми царями стоит понимать не столько политических лидеров, сколько святых, достигших окончательного личного суверенитета. Иначе говоря, это люди, владеющие миром, но над которыми ничто в мире не властно.

Как же достигается такая власть, если это не метафора? Александр Македонский пытался пойти навстречу этой цели политическим путем, покоряя себе племена и языки. Но, овладев половиной известного мира, он увидел, что эта половина мира тоже в свою очередь вцепилась в него мертвой хваткой. Захватив огромные территории, которые даже освоить стало уже невозможно, он видел бессмысленность продолжения похода,

но не мог противиться инерции того действа, которому сам же послужил причиной. И тогда он позавидовал бродячему философу Диогену. После встречи с ним Македонский говорил друзьям: «Если бы я мог не быть царем Александром, то я хотел бы быть философом Диогеном». Будучи в Коринфе, Македонский хотел посмотреть на Диогена. Но скоро убедился, что он, человек, одним словом определяющий судьбы царств, не может призвать к себе нищего философа. Традиционные рычаги власти не работают: Диогена ни наказать, ни поощрить невозможно. И в самом деле: чем можно купить послушание человека, который сам отказался от всего? Как застращать того, кто ночует на голой земле, регулярно подвергая себя опасности умереть от укуса тарантула? Грозному владыке пришлось самому трудиться, отыскивая Диогена. Тот лежал и грелся на солнце. «Я Александр, царь Македонии, а скоро и всего мира, – сказал Александр. – Проси у меня чего хочешь». – «Отойди и не заслоняй мне солнце», – ответил Диоген.

Суверенитет аскета превзошел власть завоевателя. Македонский с горечью признавал это: «Царю Александру нужен такой друг, как Диоген. Жаль только, что Диогену не нужен такой друг, как царь Александр». Мы склонны завидовать земным царям, думая, будто они владеют миром. Но пример Александра показал, что власть бывает подлинная, а может оказаться мнимой. Римское право точно фиксирует это обстоятельство, различая суверенное владение вещью и пользование ею по доверенности.

Тот, кто мнимо обладает вещью, ограничен в возможностях по отношению к ней. Использование ценности по доверенности допускает только одну возможность – обменять ее на другую ценность: например, конвертировать деньги в другую валюту или приобрести на них соответствующий товар. Суверенное же владение допускает еще одну возможность – дарить, то есть безвозмездно отчуждать от себя ценность, отдавая ее тому, кого любишь. По сути, ничего другого с вещью сделать нельзя. Уничтожить, растратить или потерять – не означает что-то сделать. Не всякий глагол выражает действие. В ряде случаев он выражает просто бездействие, совершенную ошибку или халатность.

Таким образом, дар – это единственное действие, утверждающее суверенную власть. Подарок оказывается аристократическим жестом, в котором сбывается, становясь реальностью, подлинная, а не мнимая, власть.

Жизнь – самая большая ценность, которой только может обладать человек. А значит, отдавая жизнь «за други своя», посвящая ее Богу или Отечеству, человек совершает максимальный дар, становится высшим

аристократом, утверждается в качестве царя, способного владеть данным ему посредством жизни миром, обретает совершенство по подобию Бога. Именно поэтому святые, не довольствуясь созерцанием своих добродетелей, взращенных в посте и молитве, стремились умереть для мира, принося жизнь с ее радостями в ответный дар и достойное благодарение Христу Богу, Распятому за нас. Поэтому монах, хранящий свои обеты, оказывается выше всякого мирянина; воин, верный присяге, – больше любого штатского; муж, верный данному брачному слову, превосходит холостяка с его свободой от обязательств.

Мы же, зачастую не имея их решимости, сверх всякой меры бережем себя и от мнимых опасностей, чем ясно свидетельствуем, что не располагаем жизнью (а значит, и миром) суверенно, но пользуемся ею «по доверенности», так как для подлинной власти нет у нас ни мудрости, ни силы. Но, даря любимой колечко на день рождения, мы символически повторяем совершенный дар святых, сохраняя в культуре практическую память о нем – возможно, ради будущих мужей света и силы, что вырастут из поколений наших детей и внуков.

Совершенный дар невозможно исполнить без истинной веры. Диоген был готов отказаться от жизни, но не имел Предмета любви, достойного такого дара. Будучи язычником, он не знал Бога. И называя себя гражданином мира, не признавал себе Отечества. В этом заключалась трагедия его бытия. Умея совершить дар, но не имея достойного Предмета любви, он не увидел и ценности самой своей жизни. Умирая, он пришел на городскую свалку и сказал сторожу: «Когда я умру, столкни мое тело в канаву – пусть братья-псы полакомятся».

Средневековый человек, попади он в наше время, несомненно, удивился бы характерной причуде эпохи: общество, возведшее потребление в культ, отказывает в доверии духовенству и воинству, заметив с их стороны даже самую скромную попытку приобщиться к роскоши. В его время роскошь и праздность, наоборот, считались эксклюзивным правом аристократии.

Ремесленник или торговец отдает суверену часть себя: часть своего времени, сил, творческих способностей. Исполнив урок, произведя товар или услугу, он снова свободно располагает собой. Иное дело аристократ. Этот уже не сдает свою жизнь в аренду по частям, но однажды смелым и величественным жестом дарит ее целиком – Богу, царю или Отечеству. Дав воинский, монашеский или священнический обет, человек уже не живет своей волей. Жизнь, естественная и наиболее ценная собственность, более ему не принадлежит. В лучшем случае она временно

возвращается ему на ответственное хранение – то тех пор, пока не получен боевой приказ.

Именно поэтому в традиционном обществе аристократ имеет право на роскошную праздность – суверен таким образом просто благодарит вассала за его дар. В средневековье никого не удивляет и не возмущает то обстоятельство, что ювелир, выточивший драгоценный перстень, не может позволить себе носить его. Самим символом аристократического сословия становится лев – зверь, который, как известно, практически никогда не охотится, но всегда первым подходит к добытой львицей косуле. Этой честью сама природа вознаграждает того, кто, вопреки инстинкту самосохранения, не избегает угрозы, но всегда выходит ей навстречу и спасает весь прайд, полагая за него свою косматую голову.

Увы, справедливость в наше время не в чести. Биржевой спекулянт – прямой виновник кризиса – паркует эксклюзивное авто у ювелирного магазина и чувствует уважение к себе окружающих. Но стоит зоркому журналисту заметить на руке Патриарха дорогие часы, как общество разражается циничными замечаниями. Впрочем, дело не только в справедливости.

Самый главный вопрос, связанный с обладанием собственностью, поставил еще древнегреческий философ Аристипп. Его друг и извечный оппонент Диоген Синопский утверждал, что человек свободен лишь настолько, насколько он самодостаточен и независим от материальных благ. В стремлении достичь максимальной свободы этот юродствующий мудрец раздал свое имущество и поселился в большой глиняной бочке – пифосе. Заметив однажды, что мальчик, склонившись над ручьем, пьет воду из горсти, Диоген выбросил последнее, что у него оставалось, – чашку – со словами: «Надо же! Мальчик превзошел меня простотой жизни!»

Однако Аристипп не разделял всеобщего преклонения перед Диогеном. Ему казалось, что, избегнув множества мелких ловушек, синопский философ угодил в одну большую. Его поразила гордыня – явление, известное как «слабость совершенных» в языческом мире и как «смертный грех» в христианстве.

– Почему ты не сменишь свой дырявый плащ? – участливо спрашивал Аристипп Диогена.

– Потому что мудрецу подобает быть равнодушным в таких вопросах, – был ответ.

– Что ж, коли тебе все равно, давай поменяемся. Я возьму твой плащ, а ты наденешь мой.

Диоген отказался. В дорогом плаще Аристиппа он утратил бы свою самобытность, показался бы заурядным прохожим.

– Сквозь дыры твоего плаща, Диоген, просвечивает твое тщеславие, – насмешливо заметил Аристипп и отошел прочь.

«Есть два рода людей, – размышлял он. – Одни владеют вещами, другими, наоборот, владеют уже сами вещи. Вот Сим, казначей Дионисия, разве он владеет своим роскошным особняком с мозаичными полами и драгоценными статуями? Ведь для того чтобы содержать это богатство, он бесчестит свое имя, взыскивая проценты с долга бедной вдовы, терпя унижения и побои Дионисия. Умри Сим, дом его останется цел. Но если землетрясение или война разрушит дом Сима, сам он едва ли переживет это событие. Лучше бы ему последовать примеру Диогена. Впрочем, Диоген не так далеко ушел: он так же не в силах расстаться со своим прославленным дырявым плащом, как Сим со своим дворцом. Очевидно, подлинная свобода приобретается иначе. Нужно не убегать от вещей, а учиться владеть ими».

Аристиппа можно назвать идеологом европейской аристократии. Он умел наслаждаться изысканными яствами, но в иных условиях не брезговал и миской чечевичной похлебки. Равно легко он засыпал и во дворце Дионисия, и в придорожной траве, положив под голову камень вместо подушки. Поэтому то ли Стратон, то ли сам Платон сказал ему: «Тебе одному дано ходить одинаково как в мантии, так и в лохмотьях».

Много веков спустя русская поэтесса Марина Цветаева воспела этот подлинный аристократизм в стихотворении «Генералам двенадцатого года»:

О, как, мне кажется, могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать – и гривы
Своих коней...

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, –
Цари на каждом бранном поле
И на балу.
Вам все вершины были малы
И мягок – самый черствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!

Тот, кто подарил самое ценное – жизнь – своему суверену, уже доказал свою способность владеть прочими, нисходящими ценностями, подчиняя

их высшей цели. Так однажды Аристипп в знойный летний день отправился в долгий путь. Позади шел раб и, обливаясь потом, тащил его мешок с деньгами. Обернувшись, Аристипп сказал: «Ты меня задерживаешь. Выбрось лишнее и прибавим шагу». На глазах у изумленных прохожих раб развязал мешок и высыпал добрую половину золота прямо в дорожную пыль. Налегке пошли они дальше и скоро скрылись за горизонтом.

Девятая заповедь: правда

«Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего».
Исх. 20:16

Основатель ислама многими христианскими писателями воспринимается как религиозный шарлатан, обманщик и искусный манипулятор. Коран же принято считать «собранием новой лжи и старых басен». Английский философ Томас Карлейль справедливо полагал, что подобные обвинения более всего бесчестят нас самих, ибо личностный портрет Мухаммеда, составленный из самых разных источников, наоборот, говорит об удивительной правдивости этого человека.

Год, в который умерла его первая жена Хадиджа, был объявлен «годом скорби». Много времени спустя Аиша, самая молодая жена пророка, выделявшаяся среди мусульман своими достоинствами всякого рода, спросила Мухаммеда: «Ну, а теперь кто лучше: я или Хадиджа? Она была вдова, старая, утратившая уже все свои прелести; ты любишь меня больше, чем любил ее?» Казалось бы, ситуация ясна: женщина ласкается и напрашивается на комплимент. Скажи, что любишь ее больше всего на свете, и будешь вознагражден; в крайнем случае отшутись, как позже поступил в подобной ситуации Ходжа Насреддин, втайне раздавший своим женам по розовой бусине и при всех заявивший, что любит более всех ту, у которой имеется розовая бусина. Кому здесь может повредить невинная ложь? Да и есть ли ложь там, где речь идет всего-навсего о любовной игре? Но Мухаммед принимает непопулярное решение: в ответ на свой вопрос Аиша слышит крайне обидные для своего женского самолюбия слова: «Нет, клянусь Аллахом, нет! Хадиджа уверовала в меня, когда никто другой не хотел верить. Она была единственным другом, который у меня был в этом мире!»

Правдолюбие как отличительная личностная черта Мухаммеда неоднократно отобразилась и в фольклоре различных мусульманских народов. Такова, например, вайнахская легенда «Говори правду».

Неверные преследовали пророка Мухаммеда, ибо вера его еще не всеми была принята. Брат Мухаммеда Мовсар носил Мухаммеда в мешке за плечами. Где бы он ни ходил, если неверные стражники спрашивали Мовсара: «Что у тебя в мешке?» – Мовсар неизменно отвечал: «У меня в мешке – пророк Мухаммед». Стражники смеялись такой шутке, а Мовсар шел дальше. Когда они пришли туда, куда им было надо, Мухаммед вылез из мешка и спросил Мовсара: «Почему стражникам и всем другим ты говорил, что в мешке сижу я?» – «Ты же сам проповедовал, что надо говорить только правду, – отвечал Мовсар, – и что тот, кто говорит неправду, не принадлежит к твоей вере».

Современного человека подобные рассказы способны разве что развлечь и повеселить. Мы давно привыкли считать ложь элементом социальной дипломатии. Тот, кто избегает лжи, в нашем представлении подобен глупому полководцу, неспособному в бою применить маневр. Правда побеждает только в сказках, в реальном же мире она не имеет никакой силы. Так говорят те, кто не дал себе труда разобраться в сути правды и лжи.

Томас Карлейль однажды задался вопросом: в чем секрет жизнеспособности ислама? Он вспомнил фрагмент из пятой главы Деяний апостолов: когда встал вопрос, как поступить с проповедниками новой веры, фарисей по имени Гамалиил сказал: «*Мужи Израильские! подумайте сами с собою о людях сих, что вам с ними делать. Ибо незадолго перед сим явился Февда, выдавая себя за кого-то великого, и к нему пристало около четырехсот человек; но он был убит, и все, которые слушались его, рассеялись и исчезли. После него во время переписи явился Иуда Галилеянин и увлек за собою довольно народа; но он погиб, и все, которые слушались его, рассыпались. И ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо если это предприятие и это дело – от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками*» (Деян. 5:35–39). Согласно этому библейскому критерию либо ислам – от Бога, либо его уже давно не должно было бы быть. В чем же дело?

Разбирая эту проблему, Карлейль описал силу правды: «Искренность, правдолюбие составляет “первородную материю бытия” всех выдающихся людей. Они могли ошибаться в частностях или косноязычно выражать истину – но ведь и зерно, бросаемое в землю, не бывает без мякины. Их дело обречено на исторический успех: сама действительность, как земля, перемалывает в себе лишний сор и производит из их правды, словно из зерна, чистый и сильный пшеничный колос». Правда ведет человека

назад к действительности и делает его настоящим. И потому блажен тот, к кому применимы слова Спасителя о Нафанаиле: «*Вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства*» (Ин. 1:47).

Впрочем, чтобы избежать повторений, о силе правды, которая иной раз делает жизнеспособными даже заблуждающихся людей, лучше поговорить в следующей главе, где разбираются имена святости.

Десятая заповедь: зависть

«Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего».

Исх. 20, 17

В больнице в двухместной палате лежали двое больных. У них были одинаковые койки и совершенно равные условия. Разница была лишь в том, что один из них мог выглядывать в единственное в палате окно, а другой – нет, зато рядом с ним была кнопка вызова медсестры. Тот, что лежал у окна, красочно рассказывал товарищу обо всем, что происходило на улице. И вот однажды ночью ему стало плохо. Он просил соседа вызвать медсестру, но тот почему-то этого не сделал. И лежащий у окна умер. На следующий день оставшийся насельник палаты попросил переложить его к окну. Его просьбу выполнили – и человек сразу же захотел посмотреть на улицу. Увы! Окно выходило на глухую серую стену, и кроме нее ничего не было видно.

Литераторы на разные лады осуждают и осмеивают завистника, но ничего не говорят о том, как человеку, одержимому этой страстью, вернуть себе достоинство, любовь и свободу. Ответ на этот вопрос можно обнаружить в философии. Здесь есть как минимум три идеи, способные спасти человека от отравления ядом зависти: представление о несоизмеримости личности, «теория громоотвода» и идеал соборности.

Святые отцы говорят, что основу зависти составляет нездоровое соперничество, которое, вопреки ожиданию, достигает пика не между первым и последним, а между вторым и первым, последним и предпоследним. И наоборот: там, где очевидной становится несоизмеримость людей, ожесточение зависти сходит на нет. Пушкинский Сальери огорчается мыслью о Моцарте, но спокойно говорит о Микеланджело и Бомарше: успех скульптора и драматурга никак не задевает его честолюбие.

Чтобы избавиться от зависти, нужно увидеть, что люди есть величины, не измеряемые средствами «мира сего», ибо «он – театр, а все мы в нем – актеры». Эти ставшие впоследствии знаменитыми слова произносит один из персонажей шекспировской пьесы под названием «Как вам это понравится?». Обычно эта сентенция истолковывается в духе римского писателя Петрония: «Весь мир занимается лицедейством». Однако драматург мог иметь в виду нечто совершенное иное.

Кто наиболее значимая фигура в театре? Актер, играющий короля? Тот, кто чаще других мелькает на сцене? Но он может служить живой декорацией, которая имеет второстепенное, вспомогательное значение. Не сюжет, не сценический костюм, не реквизит, а драматургия произведения царствует в театре и распределяет действующих лиц по весу и значимости. Тот, чья голова на сцене украшена короной, может оказаться не героем трагедии, а ее статистом. Главная роль может отводиться не королю, а его племяннику; слуге, а не его господину.

Так дело обстоит и в жизни. Кто, например, помнит имя лорд-мэра Лондона времен Шекспира? Если кого-то оно сейчас и заинтересует, то только в связи с именем гения из провинциального Стратфорда.

«Весь мир – театр. В нем женщины, мужчины – все актеры». Это означает, что статус не может быть причиной соперничества, ибо наши социальные роли, значимые из перспективы политического сюжета, могут оказаться второстепенными с точки зрения священной драматургии. Зная это, было бы смешно завидовать актеру, играющему эпизодическую роль короля. С имуществом дело обстоит так же: всё, что у нас есть, в сущности своей, – бутафория, театральный реквизит; и даже наши одежды есть не что иное, как принадлежащий театру сценический костюм, в котором нельзя пойти домой. Ни статус, ни слава, ни временный успех сами по себе не значат ничего. Лишь Промысл Божий, то есть драматургия Священной истории, определяет подлинное значение той или иной личности. Вот почему Спаситель говорил апостолам: «*Тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах*» (Лк. 10:20).

Теория громоотвода исходит из того, что слава губительно сказывается на творческих способностях личности. Делать добро, то есть, совершать подвиг или писать гениальное произведение возможно лишь до тех пор, пока не подозреваешь, что творишь великое, пока «левая рука не знает, что делает правая» (см. Мф. 6:3). Но невозможно сохранить вдохновенное выражение лица, глядя на себя в зеркало. И потому сознание собственной значимости крайне вредит подлинному таланту.

Зависть к более удачливому сопернику может сойти на нет, если предположить, что Бог посылает превосходящего тебя в мастерстве, чтобы ты не был погублен тщеславием. Тот, к кому ты испытываешь жгучую зависть, – часто признак особой ценности твоего таланта в очах Господних. Тот, кого ты мечтаешь стереть с лица земли, – это громоотвод, заботливо установленный рядом с тобой Самим Творцом. И тишина, в которой ты находишься при жизни, оберегает тебя от разящей молнии славы. Понимая это, совсем не трудно простить сопернику сопровождающий его гром аплодисментов.

В мире насчитывается около двухсот семидесяти памятников Пушкину. Интересно, что во всей России нет ни одного памятника Илличевскому. Что? Большинство из нас даже не знает, кто это? Знакомьтесь: это тот, кому завидовал Пушкин. И не только завидовал, но и открыто признавался в этом:

Мой друг! неславный я поэт,
Хоть христиа́нин православный.
Душа бессмертна, слова нет,
Моим стихам удел неравный...

Известно, что первое юношеское произведение Александра Сергеевича «Песня» было исправлено и закончено Илличевским. В лицее он был одним из самых деятельных литераторов, и Пушкину долгое время приходилось довольствовался званием «поэта номер два».

Третье соображение против зависти состоит в том, что все мы не соперники, а сотрудники, и тот, кому ты завидуешь, на самом деле работает и в твою честь, ведь прекрасен может быть только букет, а не отдельные цветы. Знает об этом болельщик: всякий гол, забитый футболистом его любимой команды, он умеет переживать как личный успех. На Кавказе распространено убеждение: казак, как и монах, красив своими братьями и лишь среди братьев. Джон Донн однажды произнес слова, которые Хемингуэй взял эпиграфом к своему роману: «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе: каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если Волной снесет в море береговой Утес, меньше станет Европа... смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе».

* * *

Разнообразные исследователи природы и искусств были предметом сократовских острот: не смешно ли, что мудрец изучает причины приливов и отливов и пальцем не хочет пошевелить, чтобы узнать причины

своего гнева и благодушия? Возможно, подобное умонастроение Сократа послужило для Иустина Философа первым основанием назвать его христианином до Христа.

Нашей возможности познать природу и искусства, словно нарочно, положен предел: для того, чтобы человек, «заботясь о многом», не забывал «единого на потребу». В знаниях о путях планет нет обаяния истины – возможно, так устроено намеренно для того, чтобы человек искал его в необходимом знании о любви, справедливости, мужестве, умеренности, самообладании и тому подобных вещах, имя которым – добро.

имя СВЯТОСТИ

«*Когда выходил Он в путь, подбежал некто, пал пред Ним на колени и спросил Его: Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Иисус сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не обижай, почитай отца твоего и мать. Он же сказал Ему в ответ: Учитель! всё это сохранил я от юности моей. Иисус, взглянув на него, полюбил его и сказал ему: одного тебе недостает: пойди, всё, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест. Он же, смутившись от сего слова, отошел с печалью, потому что у него было большое имение*». (Мк. 10:17–22).

Евангельский сюжет о богатом юноше выявляет интересное положение дел. Добродетель может сделать человека настоящим, качественным, великим. Но Богу всего этого мало. Ту же мысль выражает притча о талантах: Хозяин имения – человек жестокий, собирает там, где не сеял (см. Мф. 25:24), и потому недостаточно просто сохранить то, что он дает, – каждый талант нужно пустить в дело и приобрести другой. Человек, услышавший однажды красивую песню, записавший слова и мелодию, бережно сохранивший их, достоин всяческой похвалы. Но что бы мы сказали, если бы все музыканты мира только тем и занимались, что сохраняли и переписывали ноты гениальных произведений прошлого? От человека требуется не просто сохранить заповеди и обеты, но и исполнить их, как прекрасную песнь, наполнить своим вдохновением, разумом и волей.

Церковный народ любит говорить, что, дескать, без веры нет и добродетели, только в Церкви есть знание о добре и зле, а вне ее сплошной разврат и падение нравов. Подобные рассуждения в первую очередь бесчестят нас самих, ибо дела обстоят иначе: и в языческих или атеистических сообществах зачастую есть и мораль, и право. Нужно уточнить нашу позицию. Вспомним пушкинских героев – Моцарта и Сальери. Оба сочиняют музыку, но один опирается на теорию, мастерит композицию; другой – делает ставку на вдохновение. И дело у него получается лучше. Вот и нам надо бы напоминать миру о том, что добро – это творчество. И в Церкви есть Источник вдохновения к этому, тогда как вне ее – только наука: этика.

Моцарт и Сальери – это образ противопоставления святого человека и добродетельного, апостола – и богатого юноши из приведенного выше рассказа. Что представляет из себя святой? Тому, кто захочет получить ответ на этот вопрос, нужно обратиться к Нагорной проповеди Христа и обратить внимание на девять пунктов – девять структур святой души – которые называются «Заповедями блаженства».

Нищие духом

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное».
Мф. 5:3

Нагорную проповедь Христа принято считать средоточием христианства – веры, которая, по слову апостола Павла, *«для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие»* (1 Кор. 1:23).

«Блаженны нищие духом». Ложность или неточность толкования этой заповеди и в самом деле способна обратиться и «безумием», и «соблазном». Для людей, далеких от Церкви, слова о «нищих духом» звучат скандально: если христианство – религия слабых и убогих, а я не таков, значит, правильно, что я не христианин. Внутри церковной общины ложно понятый идеал духовной нищеты время от времени вызывает безумие в виде так называемой «концепции спасения через грех»: не согрешишь – не покаешься; не покаешься – не спасешься; следовательно, не согрешишь – не спасешься.

Между тем, уже простой философский анализ понятия духовной нищеты оказывается вполне достаточным для его ясного определения. Этот анализ состоит в различении нищеты и бедности: бедный – это тот, кто не имеет лишнего; нищий – тот, у кого нет даже необходимого. Нищий не в состоянии покрыть и неотменимые «нулевые» потребности – в питье, пище, лекарствах, защите от непогоды. Бедный живет скромно, но покойно – нищий беспокойно и нескромно умирает. Именно поэтому его имя – жажда, его бытие – борьба и молитва. Инстинкт самосохранения угасающей жизни действует помимо воли, преодолевает инертность, леность и сопротивление личного достоинства, заставляя искать необходимое – то, чем можно восполнить роковую недостаточность быта, а в случае духовной нищеты – ущербность бытия.

Представим себе дряхлого старика. Он немощен и слаб, но критически у него ничего не болит. Он кряхтит, еле-еле передвигается, но в целом спокоен и любит подремать. Это образ духовной бедности. Духовная

нищета, напротив, дремать не дает – ее может символизировать как старик, так и совсем молодой человек, у которого, например, болит зуб. Эта боль делает человека невероятно энергичным, сильным и упорным. Он способен встать с кровати посреди ночи и пойти искать утешения у врача – даже если для этого придется пешком преодолеть расстояние в десяток километров. Никто не сравнится в целеустремленности и силе с человеком, в котором включился инстинкт самосохранения. Вот потому и у нищего духом лучше не стоять на пути.

Представим себе жаждущего. Жажда бывает разной. У благополучного человека она выражается в желании выпить кваса, или пива. Он может стоять в задумчивости в магазине, вслушиваясь в себя в попытке определить, чего ему больше хочется. Иное дело жажда умирающего в пустыне. Это уже не прихоть – это болезненный вопль умирающего организма, это навязчивая идея, работающий на полную мощность базовый инстинкт.

Духовная нищета – это присутствие в структурах человеческого бытия некоторого незаполненного сосуда: такова женщина, еще не ставшая женой и матерью; таков праведник, обнаруживший в своем житии не наполненный любовью закон; таков великий художник, убедившийся в том, что его полотна не запечатлели и десятой доли вдохновляющего его художественного предмета.

Древнегреческий философ Аристотель утверждал, что «природа не терпит пустоты» и стремится ее заполнить. Принято полагать, что под «нищими духом» подразумеваются слабые. Но духовная нищета на языке динамики – это, наоборот, потенция, или сила, то есть причина всякого движения.

Во-первых, это сила, производящая культурообразующее движение. Ни духовно бедные архангельские рыбаки-односельчане, ни духовно богатые дворянские дети Москвы не поняли Ломоносова, пешком пришедшего из Архангельска в столицу, в Славяно-греко-латинскую академию. Никому из них, самодостаточных и статичных, не суждено было вдохновенно дерзать в науке и основывать первый русский университет. Понять ту страсть к познанию, которая двигала русским академиком до самой смерти, может лишь тот, кто и сам стоял перед величием Истины, ощущая собственную ущербность и нищету.

Во-вторых, это сила, инициирующая движение к Богу. Нищий духом, о котором говорит Евангелие, – это человек, чья духовная жажда не утоляется ничем земным – ни трагедией театра, ни духом музыки. Духовная нищета – это потребность, перед которой пасует и рационализирующая

сложность науки, и художественная фантазия литературы, и даже утешающая мудрость философии. По неисчерпаемости собственной духовной жажды человек догадывается о том, что он микрокосм, то есть образ Того, Кого «и небеса не могут вместить». Неисчерпаемость жажды ничем земным заставляет искать небесного и достигать горних сфер. Это тонко подмечено Пушкиным в стихотворении «Пророк»:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафим
На перепутье мне явился...

«Духовная жажда» – выражение нищеты – становится непременным условием «явления Серафима». И усердно молящийся может замирать в недоумении: почему молитвы не исполняются? Неужели Всеблагой и Всемогущий Бог не хочет или не может дать просимое? Но затруднение возникает не у дарителя, а у просителя: дар есть, он предложен, но человеку оказывается не в чем его унести. Поэтому действительно «блаженны» те, у кого есть ничем не заполненный сосуд – они и в самом деле могут «горы передвигать». Таким образом, духовная нищета оказывается самой сутью веры.

Сторонникам «спасения через грех» стоит заметить, что молитва евангельского мытаря исполнилась не потому, что он «угодил» Богу своими грехами, но потому, что он собственную духовную бедность смог пережить как нищету. Духовное же богатство фарисея переполнило его, создало иллюзию личной онтологической завершенности и полноты, лишив возможности совершить чудо молитвой.

Врачи указывают на хороший аппетит как на один из основных признаков здоровья. Утрата способности жаждать оказывается внешним отражением патологии – так духовно болен фарисей с переполняющим его чувством сытости. Сотворив человеческую душу по образу Своему, Бог создал бытие, комплементарное только Себе, могущее быть до конца наполненным только божественной Бесконечностью и Полнотой. Потому, оторванный от Создателя человек, способный наполняться до сытости зрелищами, театром, литературой, искусствами, наукой или пустыми развлечениями, изменяет собственной природе. Он фальшив, болен, неправилен.

Духовную нищету было бы неправильно отождествлять с личной слабостью характера, а ее носителей – с маргиналами. Вне зависимости от количества талантов и добродетели, богатства и социального успеха, нищие духом – это всего лишь подлинные люди, способные ощущать свою

несамодостаточность перед лицом божественного совершенства. Эта нищета выражается в силе жажды, с которой душа ищет упокоения в своем Создателе, до поры утешаясь творением культуры, словно великой Песней о Потерянном рае.

Плачущие

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся».
Мф. 5:4

Языческая культура построила возвышенный идеал мудреца. Это живое воплощение гармонии, человек, идущий «царским путем» умеренности. Он способен радоваться простым удовольствиям, не расплачиваясь за них страданием и тревогами. Он любит жизнь, но расстается с нею без страха и сожаления. Его душевное состояние – безразличие, бесстрастие и безмятежность. Мудрецу доступна подлинная свобода и потому только он с полным правом может сказать о себе: «Мир ловил меня, но не поймал»[37].

На этом фоне странным диссонансом звучат евангельские заповеди блаженства, возвышающие в качестве идеала «нищих», «алчущих», «жаждущих» и «плачущих».

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся». Чтобы в полной мере уяснить эти слова Христа, нужно представить себе страдающего или скорбящего человека и задаться вопросом: кто способен ему позавидовать?

Большинство из нас могут лишь пожалеть убитого горем влюбленного, который потерял подругу сердца или был безжалостно отвергнут ею. Но существуют те, кому несчастный представляется заслуживающим восхищения, а не жалости. Таков поэт, утративший вдохновение, и художник, который уже давно ничего не писал. «Блажен сей плачущий, – думает поэт, – вот бы мне такую трагедию! Вот бы мне столь неистовую страсть! О, как бы вдохновенно я работал тогда! Глупый влюбленный! Твое страдание – ядерный реактор, неисчерпаемый источник творческой энергии. А ты, вместо того чтобы радоваться, малодушно помышляешь о смерти. Посмотри на великого Данте: смерть забрала у него Беатриче и тем оказала услугу не только ему, но и всему человечеству. Бессмертная “Божественная комедия” – вот дитя Алигьери и его почившей возлюбленной. Не всякий сын или дочь может столь громко прославить имена своих родителей!»

---

[37] Слова, которые завещал написать на своей могиле философ Григорий Сковорода (1722–1794). – *Примеч. ред.*

«Утри свои слезы – не расточай зря столь драгоценного дара, – вторит поэту художник. – Приступи скорее к делу. Там, где ничего нельзя сделать *для* той, которую ты любишь, всегда остается возможность сделать что-то *ради* нее. Возьми холст в руки твои, напиши на нем *ее имя*, как это сделал когда-то Нико Пиросмани, и сотвори портрет твоей "Маргариты". Великим утешением обернется для тебя твоя скорбь – настолько великим, что я желал бы претерпеть второе ради первого».

В подобном ключе мыслит священник, входя в дом к людям, оплакивающим своего умершего близкого. «Почему вы пребываете в праздности? – говорит он им. – Разве вы не знаете, что слезы, как кровь и семя, имеют свое особое предназначение? Их нельзя проливать напрасно. Кровь дается нам для жизни, семя – для зачатия, а слезы – для молитвы. Именно в ней более всего нуждается сейчас ваш усопший; именно молитва есть единственная реальная помощь, которую вы можете ему оказать в настоящее время. Ах, если бы вы понимали, какое это трудное дело – молитва! Бывает молитва святая, сильная. Есть крик, который слышит Бог; есть просьба, которую Он исполняет. Но чаще под видом молитвы человек просто говорит сам с собою, отправляет конверт без адреса, обращается к пустоте. Это происходит потому, что он недостаточно искренен в вере, слаб желанием, прохладен в любви к тем, за кого он просит. В евангельской притче Господь Сам призывает нас докучать Ему, ибо *"Царство Небесное силою берется"* (Мф. 11:12). Но часто не хватает веры, а с ней и терпения; недостает любви и потому силы просить, искать и стучать. Как священник, то есть человек, поставленный Церковью для молитвы, я знаю это лучше многих. И потому мне досадно смотреть, как чистейшей пробы искренность и любовь к вашему близкому столь бездарно растрачивается, проливаясь из ваших глаз в носовые платки. Скорбь утраты перестанет разрушать вас и отдаваться тупою болью в груди, как только сила, данная свыше для молитвы, найдет применение согласно своей природе. Молитесь же! И вы познаете Божие утешение, о котором благополучный может лишь мечтать».

«Блаженны плачущие». Когда христианин повторяет эти слова, он, по сути, сознается в том, что завидует чужому горю. Как это возможно? Понятно и естественно завидовать чужому счастью. Но завидовать горю? Ответ можно найти в краткой реплике архимандрита Иоанна (Крестьянкина). О времени, проведенном в лагерях, он вспоминал как о самых счастливых годах жизни: «Потому что там Бог был рядом! – говорил он. – Почему-то не помню ничего плохого. Только помню: небо отверсто и Ангелы поют в небесах! Сейчас такой молитвы у меня нет».

В Евангелии от Луки Заповеди блаженств дополнены их отрицательным выражением: «*Горе вам, богатые! Ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете. Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо! ибо так поступали с лжепророками отцы их*» (Лк. 6:24–26). Какая мысль стоит за этими словами? Некоторые психологи говорят, что у младенца имеется всего два по-настоящему серьезных повода обратиться к матери. Это ситуации, когда он голоден и когда испачкал пеленки. Потому матери не стоит злоупотреблять памперсами. Ведь обеспечиваемый ими комфорт устраняет один из двух поводов к общению. А общение, как известно, важнейший фактор развития личности.

Когда-то среди моряков ходила поговорка: кто в море не ходил, тот Богу не молился. Сегодня она почти утратила свою актуальность. Современный уровень развития техники позволяет пассажиру океанского суперлайнера не опасаться за свою жизнь даже во время сильного шторма. Голод, а равно и болезни, эпидемии которых опустошали средневековые города, в основном, побеждены. Вот этот комфорт, защищенность и относительное благополучие цивилизованного человека напоминает большой памперс – тот самый, который уничтожает один из двух основных поводов к общению со Творцом. В результате человек не развивается в полную меру, мельчает; рыцари заменяются торговцами, учителя – шоуменами, художники – карикатуристами. Литература каждого нового поколения содержит подобную ностальгическую нотку: «Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя: богатыри – не вы!» Но цивилизация развивается неумолимо. А потому тот, кто не желает стать аморфным «сыном века сего», вдвое, втрое чаще использует *другой* повод к общению со своим Творцом. Такой человек непрестанно *благодарит* Вседержителя и «всякому благу Промысленника и Подателя», припоминая все хорошее, что получил от Него.

Кроткие

«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю».
Мф. 5:5

Смысл этой заповеди ускользнет от нас, если мы не дадим ясный и четкий ответ на три вопроса: кто такие кроткие? Что значит «наследовать землю»? И почему первым удается второе? Какова здесь, так сказать, логика исторического процесса?

Слово «кроткий» – особенно в сочетании со словами «нищий» и «плачущий», звучащими в первых двух заповедях, может вызвать неверные ассоциации: «притесненный», «угнетенный», «жалкий». Оно действительно может означать человека, который, как говорится, «мухи не обидит»: и покорного, и незлобивого, и мягкого. Между тем, смысловой акцент этого понятия несколько иной: «кроткий» – значит, «укрощенный» или «укротивший себя».

Нетрудно заметить, что язык легко позволяет говорить об укрощенном жеребце, льве или тигре, но едва ли, не нарушая грубо поэтики языка, можно сказать: «укрощенный хомячок». Вряд ли кому-нибудь придет в голову мысль укрощать кролика. Чем непредсказуемее зверь, тем большей решимости требует работа с ним; чем он сильнее, тем больше трудов и времени приходится на него положить. Чем яростнее был когда-то хищник, тем больше слава укротителя. Кротость – это управляемая энергия; стихия, поставленная под контроль; ядерная реакция, дающая тепло и свет.

Святитель Иоанн Златоуст писал: «Кротость есть признак великой силы; чтобы быть кротким, для этого нужно иметь благородную, мужественную и весьма высокую душу». И действительно, кротким способен стать лишь тот, кому есть что укрощать. Подставить ударяющему вторую щеку может лишь тот, кто имеет возможность выбора действия. И лишь тому, кто не отличает добродетели целомудрия от телесной немощи старика или евнуха, может показаться, будто кротость есть «возвышенное именование робости».

Умение владеть собой считалось «царской добродетелью» задолго до возникновения христианства. В Библии сказано: «Что город разрушенный, без стен, то человек, не владеющий духом своим» (Притч. 25:28).

Афинский философ Сократ выходил победителем из каждого спора. Это раздражало его собеседников. Они нередко колотили мудреца и таскали его за волосы, а еще того чаще осмеивали и поносили. Но он принимал все это не противясь. «Что же ты не отвечаешь, Сократ? – спрашивали его друзья. – Мы думали, ты умеешь осадить обидчика». – «Зачем? – отвечал тот. – Если бы меня лягнул осел, разве стал бы я подавать на него в суд? Так и здесь: дурное воспитание входит в природу человека, с некоторых пор оно для него – то же, что для осла копыто».

Другой известный своей мудростью грек – Диоген Синопский – прямо высмеивал тех, кто, дожив до зрелости, так и не научился владеть своими страстями. Встретив олимпийского чемпиона, который волочился за гетерой, философ сказал: «Он победил многих сильных мужей. А его самого с легкостью победила обычная девка».

Кротость не имеет ничего общего с безволием и конформизмом. Скептик Пиррон славился умением владеть собой. Но однажды он услышал грубое слово о своей сестре и здорово поколотил обидчика. Кто-то насмешливо спросил философа: «Вот как, Пиррон? Где же твое хваленое безразличие?» – «Не за счет женщины следует щеголять безразличием», – был ответ.

Пророк Исаия называет Христа образцом кротости: Он «*не возопиет и не возвысит голоса Своего, и не даст услышать его на улицах; трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит*» (Ис. 42:2–3). Но если измерять величие человека мерой обращенной против него злобы и количеством его врагов, приходится признать: конформиста не распяли бы под одобрение толпы.

Что значит «наследовать землю»? Наследство не есть что-то приобретенное трудами или захваченное как трофей. Наследник вступает в права владения тихо, в результате естественного хода событий. Землю наследует не наиболее яростный, а самый жизнеспособный – тот, кто лучше умеет держать удар; тот, кто последним остается стоять на ногах. Может быть, потому в Книге Притчей написано: «*Долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собою* лучше *завоевателя города*» (Притч. 16:32).

Спаситель в Нагорной проповеди говорит, что кроткие наследуют землю. Обычно исполнение этого обещания относят ко временам будущего Небесного Царствия. Однако историческая логика уже нашего, временного мира, вполне соответствует третьей заповеди блаженств. Пожалуй, самой известной художественной иллюстрацией к ней можно считать исторический роман Генрика Сенкевича «Quo vadis?» («Камо грядеши?»), который описывает жизнь первой христианской общины Рима и гонения императора Нерона.

В это время римский народ, ненасытный охотник до развлечений, узнал новую забаву: христиан тысячами распинали на крестах, целыми семьями отдавали на растерзание диким зверям; наиболее крепких из них пытались заставить сражаться друг с другом на арене Колизея, подобно гладиаторам. Единственное, что вызывало досаду зрителей – кротость осужденных: они шли на смерть не сопротивляясь.

Все говорили о христианах. Старик Домиций Афр над ними насмехался: «Их так много, – говорил он, – что они могли бы разжечь гражданскую войну. Были опасения, как бы они не вздумали защищаться. А они погибают как овцы». В ответ на эти слова сенатор Петроний только скептически качал головой: «Ошибаетесь! Они защищаются новым способом – терпением. Можете ли вы утверждать, что они умирают как обычные

преступники? О, нет, они умирают так, как если бы преступниками были те, кто их осуждает на смерть, – то есть мы и весь римский народ». Прошло совсем немного времени, и правота сенатора стала очевидной. Приближенные императора Нерона в смущении говорили между собой: «Петроний утверждал, что христиане защищаются. Нет – они побеждают! После каждого зрелища христиан только прибавляется! Чем больше мы их убиваем, тем больше их становится в Риме!»

Апостол Петр, ведомый на казнь, обращался к языческим храмам, мимо которых проходил, со словами: «Быть вам храмами Христовыми!» Глядя на движущиеся перед его глазами толпы, говорил им: «Быть детям вашим рабами Христовыми!» Прошли века и сам император великого Рима признал: не только лично он, но и непобедимая прежде империя оказалась бессильной перед кротостью христиан. Говорят, умирая, Юлиан воскликнул: «Ты победил, Галилеянин!»

Правдолюбивые

«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся».
Мф. 5:6

Что такое правдолюбие? Говоря совсем коротко, это полная противоположность идолопоклонству.

Однажды британский мыслитель Томас Карлейль озадачился вопросом: как человек становится героем? Отчего появляются выдающиеся фигуры истории? В чем состоит секрет величия? В итоге он написал довольно большой по объему труд, который так и называется: «Герои, почитание героев и героическое в истории».

В этой книге есть весьма интересная глава «Герой как пророк». Карлейль обращает внимание на то, что для всех пророков характерна какая-то исключительная и необъяснимая, на первый взгляд, ненависть к идолопоклонству. Заповедей – десять, люди усердно нарушают их все, однако к блудникам, ворам, завистникам, даже убийцам пророки относятся более или менее терпимо, но вот идолопоклонники вызывают у них исключительную ненависть. Еврейский народ, захватывая территории, сражаясь с населяющими их племенами, в принципе мог снисходительно отнестись к нарушителям всех прочих заповедей, но служителей языческого культа убивал непременно, для жреца шанса выжить не было.

Психологически это невозможно объяснить, если считать идолопоклонство всего лишь религиозным заблуждением. Ошибающийся или

необразованный человек способен вызывать жалость, усмешку или даже отвращение, но никак не ненависть. Что же означает поклонение мертвому куску дерева вместо живого Бога? Проводя юридическую параллель, – это следование букве закона при отвержении духа закона, то есть формализм в вопросах веры. Язычник не верит в своего идола, но, как сказал Сэмюэл Колридж, «верит только тому, что верит».

Например, один из самых ужасных культов, который характеризует идолопоклонство, – культ Астарты и Молоха – существовал в Ханаане[38]. Статуя божка Молоха представляла собой фигуру с вытянутыми вперед руками, на которые помещалась жертва. В особо трудные минуты это был живой ребенок, под ним разводился огонь, родители этого ребенка (зачастую благородные люди из высших слоев общества) должны были стоять и улыбаться, глядя на то, как их ребенок гибнет в мучительных судорогах. Вопли младенца заглушались ритуальными песнями и плясками. Эти бесчинства произвели серьезное впечатление даже на соседей-язычников. Катон Старший, заканчивая каждое свое публичное выступление, говорил: «А Карфаген должен быть разрушен».

В чем же состоит зло идолопоклонства? Не только в том, что человек поклоняется мертвому куску дерева вместо живого Бога и не только в том, что он приносит в жертву этому несуществующему богу реального человека. Особое зло состоит в том, что жрец, совершающий кровавый обряд, убежден: божка, которому он посвящен, вовсе не существует. Кому же он приносит эту жертву? Букве традиции, преданию старцев, своей должностной инструкции.

Мы полагаем, будто язычество – это дела давно минувших дней, а мир давно освободился от идолопоклонства. Но на самом деле эти явления стали еще более жесткими, приняли другие формы. По сути, происходит то же самое, что и в Карфагене: реальные люди с их болью и судьбами приносятся в жертву букве закона, традиции. Современный жрец – чиновник, ответственный человек, обладающий властью, – совершая свой страшный ритуал, так же не верит в правду своего дела, ибо знает истинное положение вещей.

Некоторое время назад в одной из телепередач обсуждали такой случай: к фармацевту пришел человек и попросил сильнодействующий обезболивающий препарат для своей больной раком матери. Для продажи наркосодержащих веществ нужен особый рецепт. У покупателя он был,

---

[38] Греческий эквивалент названия Ханаан – Финикия. Финикийцы основали множество колоний на берегах Средиземного моря, в том числе – Карфаген. – *Примеч. ред.*

но оказался просрочен всего на один день. Фармацевт отказался продать препарат. Это пример того, как в современном мире происходит что-то похожее на культ Молоха. В данном случае в роли жреца выступает ответственное лицо: реальная жизнь человека, его страдания приносятся в жертву букве должностной инструкции. Сын умирающей женщины умолял фармацевта: «Вы же меня знаете с детства, знаете мою мать, знаете, что я не наркоман и беру этот наркотик не для продажи! Вы же видите ситуацию, знаете, в чем правда!» – «Не положено», – ответил фармацевт и захлопнул окошко. «Не положено!» или, наоборот, «так положено!» – вот современные формулы многочисленных человеческих жертвоприношений.

Можно возразить: фармацевт тоже связан инструкцией. Если он нарушит букву закона, то может пострадать, попасть под уголовную ответственность; по меньшей мере, стопроцентно его уволят. И здесь, может быть, имеет смысл вспомнить пример христианских мучеников, которым их судьи так же предлагали сделать формальный жест: «Верь во что угодно, верь ты в своего Христа, вот перед тобой зернышко ладана, брось его в кадильницу перед статуей божественного императора или перед статуей Юпитера! Скажем тебе по секрету: образованные люди давно не верят ни в каких богов, философы смеются над этими суевериями, однако, таков обычай. Верь во что хочешь, но сделай символическую жертву, иначе не сносить тебе головы». По сути, это все тот же выбор фармацевта.

Формализм очень широко распространен, и жрецы бумажного идола живут среди нас. Эти люди исполняют инструкции, при этом не переживая сердцем за то, что они делают. Каждому из нас нужно почаще задавать себе вопрос: веришь ли ты в дело, которое берешься исполнять? Зачем ты делаешь что-то по принципу «на, отвяжись!», если ты не заинтересован в результате? Это означает, что ты просто идолопоклонник, следуешь некоторой формальной инструкции вместо того, чтобы следовать правде.

У пророка Давида есть такие слова: «*Из глубины воззвах к Тебе, Господи*» (Пс. 129:1). Конечно, речь здесь идет о глубине сердца. Всё, что он делал, – он исполнял от души, не формально. Сегодня широко распространена ситуация: человек приходит в школу или вуз (может быть, в семинарию), начинает преподавать, и исполняет свое дело формально, с небрежением, спустя рукава. Он трудится не от души, не из глубины сердца: ему не нравится это дело, оно не соответствует его природе, призванию. Такой учитель мучается сам, ненавидит своих учеников – и они отвечают

ему тем же. Какое зло способен сотворить этот человек! Люди приходят к нему с горящими сердцами, надеются в его лице найти учителя, который покажет им высоты богословия. А вместо этого находят только начетчика, убивающего в их душах огонек, вместо того чтобы разжечь из него пламя веры. Мы знаем о том, что в событиях 1917 года очень серьезную роль сыграли как раз недоучившиеся семинаристы, ученики тех самых жрецов, которые, может быть, даже считали, что они служат Господу.

Посмотрите, какое зло творят ненастоящие полицейские. Мы все ездим на автомобилях и знаем о том, что такое формальный подход к делу со стороны правоохранительных органов. В России десятки тысяч человек ежегодно гибнут на наших дорогах, а офицеры, которые призваны спасать эти жизни, где-нибудь на ровной дороге, за городом, где нет даже перекрестка или пешеходного перехода, поставят знак «40» и спрячутся за ним с радаром. Кажется, полицейский в данном случае пресек нарушение, оштрафовал человека – но что его при этом отличает от того самого языческого жреца, который формально осуществляет поклонение своему богу?

Странное дело, все мы люто ненавидим этот формализм, которым пропитана наша жизнь, но при этом миримся с ним, не считаем себя идолопоклонниками, стремление к правде в нас зачастую очень слабо развито. Мы легко лжем, не замечая того, что ложь даже и в словах есть минимум идолопоклонства: нам оказывается легче покривить душой, чем выдержать гнет идолов общественного порицания.

Господь говорит Своим ученикам: «*Берегитесь закваски фарисейской*» (Мф. 16:6), ведь в Иудее совершалась та же самая жертва: конкретного человека приносили в жертву букве религиозного закона, например, когда на Самого Христа иудейские старейшины воздвигали гонения за то, что Он исцелил в субботу.

Помимо той ненависти, которую навлекают на себя идолопоклонники, есть еще одно тяжелое последствие противлению правде. В 113-м псалме царь Давид описывает идолов: «Глаза имеют, но не видят, уши имеют, но не слышат, уста имея, не возглаголют, ноги имеют, но пойти никуда не могут», и добавляет: «Да будут подобны им поклоняющиеся им и надеющиеся на них». И это не какое-то проклятие, это действительно констатация факта: люди, относящиеся к своему делу формально, делаются бледными тенями, становятся подобны этим идолам, остается одна форма, которой не соответствует никакое содержание, ничего настоящего в них нет.

Эта мысль получает продолжение в фантастическом рассказе Льюиса «Расторжение брака». Умершие люди, поднимаясь на неком автобусе в рай, вдруг обнаруживают, что этот мир для них какой-то *чересчур реальный*. Или, может быть, они слишком нереальны для того мира, в котором оказываются. Босиком ступая по земле, многие из прибывших испытывают боль. Обыкновенная трава оказывается для них чем-то вроде изумрудных ножей, ласковое на вид солнце их палит нещадно, вся окружающая природа, несмотря на свою красоту, причиняет им невыносимые страдания, а сами они так прозрачны, что оказываются едва видимы в этом раю. И тогда они бегом возвращаются в свой автобус, который отвозит их в царство теней – туда, где они могут безболезненно существовать.

Идолопоклонник делается подобным тому, чему он поклоняется, – мертвой форме при отсутствии серьезного содержания; человек же правдивый делается настоящим. У него могут быть серьезные грехи и заблуждения, как, например, у царя Давида, который сделал много дурного. Один только случай с Урией и Вирсавией чего стоит. Но даже это не вредит ему: дело, которое совершается из глубины сердца, от души, обречено на исторический успех, а человек, который его делает, обречен стать великим.

Александр Невский как-то сказал своим воинам: «Не в силе Бог, а в правде». Скорее всего, эти слова прозвучали перед битвой, когда воеводы подсчитали соотношение сил и средств и доложили, что врагов больше и они лучше вооружены. Что имел в виду святой князь? Видимо, то, что войско противника состоит сплошь из наемников, солдат удачи. Они пришли приобрести излишнее, а не спасти необходимое. Это формальные, ненастоящие воины, ибо у них нет настоящей причины умирать.

Психология наемника именно такова: он очень неохотно жертвует своей жизнью, для него это профессия, связанная с риском для жизни. Есть множество других профессий, связанных с риском для жизни (полицейский, горный спасатель, пожарный). Наемник рассматривает себя именно как профессионала и закладывает некоторый риск в свое дело, однако, всерьез жертвовать собой не собирается. Именно это и делает его ненастоящим солдатом, неспособным прикрыть отступление своих товарищей ценой собственной жизни. У Марка Твена есть довольно остроумное выражение: «Я видел множество людей на Западе, готовых ради денег убить, но я не видел ни одного дурака, согласного ради денег умереть».

«У наемников нет настоящих ценностей, нет того, ради чего они готовы были бы умереть, а у каждого, кто стоит за моей спиной, такое есть», –

говорит Александр Невский. «Каждый из моих бойцов настоящий, и потому свое дело сделает наилучшим образом, а стало быть, мы победим».

Словом, правда ведет человека назад к действительности и делает его настоящим. И потому блажен тот, к кому применимы слова Спасителя о Нафанаиле: «*Вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства*» (Ин. 1:47).

Милостивые

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут».
Мф. 5:7

В Евангелии от Иоанна есть таинственный эпизод. Выходя из Храма вместе с учениками, Иисус увидел человека, слепого от рождения. Апостолы, помня учение Моисея о болезни как наказании за грех, спросили Учителя:

– Равви! Кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?

– Не согрешил ни он, ни родители его, – ответил Спаситель, – но это для того, чтобы на нем явились дела Божии (см. Ин. 9:2–3).

Известно, что дорожная авария или пожар, случившийся в соседнем доме, всегда привлекает множество зевак. Вероятно, вопрос, заданный учениками, происходил от того самого любопытства, которое и по сей день побуждает нас под видом участия приходить смотреть на несчастье ближнего. Но Христос не потакает этому любопытству. Он учит нас мыслить конструктивно и при виде всякого нестроения в мире спрашивать не «почему так случилось?», а «для чего это нужно?» Ответ на такой вопрос не уводит нас к осуждению или к бесплодному сожалению – он побуждает действовать.

Если посмотреть на нуждающихся под таким углом и задуматься: не «почему?», а «зачем они существуют в мире?», можно совершить одно маленькое, но очень важное открытие. Дело в том, что нуждающиеся выполняют особую функцию в божественном домостроительстве. Не будет преувеличением сказать, что они нужны нам не меньше, чем мы – им.

Для чего больному врач, понятно. Но для чего врачу больной? Вопрос представляется странным. Между тем любой настоящий врач, учитель или спасатель не найдет здесь ничего странного. Эти люди знают, что больные по-своему выручают врача, ученики – учителя, пострадавшие – спасателя.

Известный христианский миссионер Владимир Филимонович Марцинковский, читая лекцию о смысле жизни, описывал следующий случай.

В Париже некий богатый юноша, пресыщенный жизнью, решил покончить с собой. Вечером, когда стемнело, он подошел к набережной Сены с намерением броситься в воду. Снимая с себя пиджак, он случайно опустил руку в карман и нащупал там кошелек. «На что мне теперь деньги? – подумал самоубийца. – Надо бы отдать их какому-нибудь бедняку». Он пошел по улице, завернул в первый попавшийся двор и спустился в подвал. Его глазам открылась картина ужасной нужды: бледные, исхудалые дети копошились на грязном полу; больная мать с изнуренным лицом лежала на кровати. Молодой человек отдал ей все свои деньги. Радость солнечным лучом осветила душный подвал: помощь пришла! Будет хлеб, будут и дрова! Эта радость перебросилась и в сердце юноши. «Он не пошел к реке топить ни в чем не повинное тело... но решил утопить свое эгоистическое “я” в море страданья людского...» Он вновь захотел жить – уже не для себя, а для других, «униженных и оскорбленных».

Подобный подход перекликается с древнерусским пониманием милостыни, о котором В.О. Ключевский писал: на Руси «благотворительность была не столько вспомогательным средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием личного нравственного здоровья: она больше нужна была самому нищелюбцу, чем нищему... Когда встречались две древнерусские руки – одна с просьбой Христа ради, другая с подаяньем во имя Христово, трудно было сказать, которая из них больше подавала милостыни другой: нужда одной и помощь другой сливались во взаимодействии братской любви обеих»[39].

Известно, что всякое доброе дело питает душу, наполняет ее жизненной силой, делает устойчивой ко злу. Тайна божественного домостроительства, в частности, состоит в особой экономии: Господь одним благодеянием спасает сразу двоих. Всякое доброе дело – это веревка, брошенная с Неба: одним концом Бог вытаскивает из смертной расщелины нуждающегося, другим – благодетеля. Сразу двое, ухватившись за нее, обретают силу быть. Не потому ли святые так любят молиться за весь мир и имеют привычку благодарить своих просителей за то, что те не побоялись прийти и не постеснялись попросить?

«*Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят*» (Мф. 7:7–8). Эти слова Христа часто не встречают понимания. Мир, скорее, склонен исполнять заповедь булгаковского Воланда Маргарите: «Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности

[39] См. *Ключевский В.О.* Добрые люди Древней Руси. Речь, прочитанная в пользу пострадавших от неурожая в Поволжье. Богословский Вестник, 1892 г., № 1.

у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут!» Гордость заставляет нас отказываться от благодеяний. Мы гораздо охотнее примеряем на себя образ благодетеля, нежели просителя. В результате злу даже не требуется применять разрушительную силу предательства – мир сам собой покрывается руинами прежней дружбы. В культуре уже сформулирована «житейская мудрость»: не хочешь лишиться друга – не давай ему в долг, ибо, если твой друг не сможет отдать то, что занял, он тебя возненавидит.

Между тем, избежать удушающего приступа гордости и сохранить дружбу в данном случае совсем не трудно. Нужно всего лишь вспомнить о том, что проситель тоже делает благое дело, пациент в некотором роде способствует исцелению врача, пострадавший выручает спасателя, а ученики умудряют своего педагога.

Офицеры МЧС по опыту знают «золотое» правило поведения в критической ситуации: если ты попал в зону бедствия и хочешь выжить, не зацикливайся на себе – оглянись вокруг, отыщи человека, более беспомощного, чем ты, и сосредоточься на его спасении. Тогда и твои личные шансы на выживание резко увеличатся.

Ситуацию учителя лучше всего передает известный анекдот о выступлении «математички» на родительском собрании: «Ваши дети крайне бестолковы! Один раз объяснила теорему – не понимают. Второй раз объяснила – безрезультатно. Третий раз объяснила – уже и сама поняла, а они всё никак». Здесь, как и в случае со спасателем, действует похожее правило: лучший способ что-то понять – попытаться объяснить это другому, менее искушенному в науках человеку.

Врач в стремлении помочь пациенту накапливает медицинские знания, которые когда-нибудь помогут и ему самому. Кроме того, каждый из них – учитель, спасатель и врач – может быть благодарен своим подопечным уже за то, что те своими нуждами сняли для него самый мучительный из «вечных» вопросов: зачем я живу? Врач, спасший своего пациента, понимает, что и сам спасен этим пациентом от чего-то крайне нехорошего.

Священники тоже могли бы рассказать свою историю в тему. Однажды девушка пришла к духовнику, отцу Дионисию, на исповедь. Целый свиток был исписан грехами. И она со страхом и стыдом читала ему их. По окончании исповеди девушка от стыда не смела взглянуть на старца. К ее удивлению, отец Дионисий после исповеди стал весело ходить по комнате, напевая что-то. Заметив ее изумление, старец сказал: «Когда человек искренне кается, то благодать, получаемая им, переходит к священнику».

Всемогущий Бог, конечно, не нуждается в помощниках, и мог бы творить Свои великие дела в одиночку. Но Он позволяет нам участвовать в Его благодеяних ради нас самих. Вот почему Господь Милосердный иногда посылает к нам тех нуждающихся, которые приходят к Нему. Вот почему Он дает нам власть помогать им.

– Как ты думаешь, Луцилий, зачем нужен человеку друг? – спрашивал своего ученика римский философ Сенека.

– Это как посмотреть, учитель. Эпикур, например, говорит: «Чтобы было кому ухаживать за тобой в болезни, помогать в оковах и в нужде».

– Нет, мой юный Луцилий, не для этого! Друг нужен для того, чтобы тебе самому было за кем ухаживать в болезни, кого вызволять из-под вражеской стражи. Для чего приобретаю я друга? Чтобы было за кого умереть, за кем пойти в изгнанье, за чью жизнь бороться и отдать жизнь. Пусть мудрому никто, кроме него самого, не нужен, он все-таки желает иметь друга, хотя бы ради деятельной дружбы, чтобы не оставалась праздной столь великая добродетель.

Чистые сердцем

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят».
Мф. 5:8

Миллионы людей веками смотрели на этот мир, но законы классической механики в них сумел увидеть только Ньютон. Что ж, его зрение и ум были устроены иначе, чем у прочих? Нет. Такое важное качество гения как умение видеть, или наблюдательность, возникает от заинтересованности предметом, особого неравнодушия к нему. Последнее же есть свойство сердца, а не ума. Возможно, потому Экзюпери неоднократно повторял: «Логики слепы. Самое главное – видится сердцем». Об этом речь пойдет в главе «Имя ГЕНИЯ».

Миротворцы

«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими».
Мф. 5:9

Здесь важно понять две вещи: кто такие миротворцы и почему им обещано не что иное, как сыновство Богу?

Есть два взаимосвязанных значения слова «мир»: противоположность хаосу и состояние, обратное войне. Міру требуется мир, бесконфликтное

существование великого множества самых разных элементов. Война между ними неизбежно приведет универсум в состояние хаоса.

Бог сотворил мир и продолжает поддерживать его в состоянии мира. В Евангелии от Иоанна рассказывается о том, как Иисус у Овчей купели исцелил человека, страдавшего от болезни тридцать восемь лет. Иудеи усмотрели в этом нарушение закона о субботе. Отвечая им, Христос сказал: «*Отец Мой доныне делает, и Я делаю*» (Ин. 5:17). Господь трудится каждый день, включая субботу, поддерживая состояние вселенной. Спаситель подчеркнул: Его служение не связано и не ограничено еврейским недопониманием или искажением Божьей истины. Его ответ отсылает нас к истории Творения, как она записана в книге Бытия (Быт. 2:1–3).

Так, часто среди людей тот, кто наследует дело отца, усыновляется ему. У великого скрипичного мастера Николо Амати был сын Джироламо. Он избрал свой путь в жизни и отказался продолжать семейное дело. Знаменитую фабрику пришлось закрыть. Тогда секрет мастерства (кстати, не разгаданный до сих пор) стареющий мастер передал двум чужим ему людям. Одного звали Андреа Гварнери, другого Антонио Страдивари.

Впрочем, в разговоре о миротворцах следует упомянуть о двух важных вещах: о смиренномудрии и о цене добра, которую приходится платить за возможность его совершить.

Смиренномудрие

Историки рассказывают, что, оказавшись в Париже, Петр I посетил церковь Сорбонны. Разглядывая величественную гробницу кардинала Ришелье, царь воскликнул: «О муж великий! Я готов отдать тебе половину моего царства, чтобы ты научил меня управлять другой половиной!» На календаре был май 1717 года. Самодержец к тому времени правил Россией уже тридцать пятый год.

Как построить идеальное государство? Хотя это один из «вечных» философских вопросов, свой практический ответ на него приходится искать любому руководителю. Мыслители Запада и Востока составили свод многочисленных правил управления. Но все они оказываются бесполезными без такого личного качества правителя, как смиренномудрие.

В первую очередь, эта добродетель дает правителю верное понимание природы его власти. Иначе его неизбежно поражает так называемое «безумие Ксеркса». В 480 году до Р. Х. этот персидский царь совершил неудачный поход в Грецию. Когда готовилось сражение при Саламине,

Ксеркс приказал устроить понтонный мост, чтобы скорее перебросить свои воинские силы к месту битвы. Но случился шторм и мост развалился. Разъяренный царь приказал высечь море. Персидские палачи, бывшие при войске, вышли на берег и стали хлестать цепями морскую воду.

Смирение мудрого правителя способно ему подсказать, что его власть отличается от Божественного всемогущества и человеческое распоряжение совсем не похоже на то Слово, Которым сотворен мир. Лишь совсем бездарный чиновник полагает, что может руководить по формуле: «я сказал – и стало так».

Добродетель смиренномудрия удачно воплощена в образе Кутузова из знаменитого романа Толстого: «Долголетним военным опытом он знал и старческим умом понимал, что руководить сотнями тысяч человек, борющихся с смертью, нельзя одному человеку, и знал, что решают участь сраженья не распоряжения главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а та неуловимая сила, называемая духом войска, и он следил за этою силой и руководил ею, насколько это было в его власти».

Во вторую очередь, смиренномудрие дает правителю правильное понимание его роли в мире. Часто неопытный руководитель приступает к делу с мыслью: «До меня здесь все было организовано неправильно. Сейчас я научу всех работать». Ему не приходит в голову, что та социальная реальность, которую он желает перестраивать по своему разумению, являет собой не простую бездушную машину, а сложный живой организм, живущий по своим законам. Его легко разрушить, но невозможно заново создать одними лишь административными мерами. Известный афонский монах Паисий Святогорец рассказывал поучительный случай из собственной жизни:

«Когда я пришел в келлию святого Ипатия в пустыне Катунак, то увидел в саду много палок, воткнутых в землю тут и там. Я недоумевал: для чего предыдущий монах воткнул их так посреди сада? И решил навести порядок. Но как только я выдернул третью палку, из дыры выскочила змея. Оказывается палками были заткнуты змеиные норы! С того дня, куда бы я ни пришел, я и гвоздя не изменяю, пока не пойму, для чего он здесь».

Наивный правитель пытается сконструировать новую социальную реальность. Опытный – бережно редактирует уже имеющуюся, понимая, что другой у него нет. Вот и князь Андрей Болконский в известном романе дает такую характеристику Кутузову: «У него не будет ничего

своего. Он ничего не придумает, ничего не предпримет... но он всё выслушает, всё запомнит, всё поставит на свое место, ничему полезному не помешает и ничего вредного не позволит. Он понимает, что есть что-то сильнее и значительнее его воли, – это неизбежный ход событий, и он умеет видеть их, умеет понимать их значение и, в виду этого значения, умеет отрекаться от участия в этих событиях, от своей личной воли, направленной на другое».

У Конфуция идеал смиренномудрия правителя выражен очень похоже, хотя и с восточной загадочностью: «Шунь управлял, не действуя. Как он это делал? Он ничего не делал другого, кроме как почтительно сидел повернувшись лицом к югу»[40].

Петра Великого принято возносить за то, что он лично участвовал в строительстве кораблей. С тех пор пример царя-плотника увлек многих чиновников, которые действуют по принципу: хочешь, чтобы дело было сделано хорошо, – сделай его сам. Но такой подход уничтожает саму идею управления. Наверное, именно поэтому через тридцать пять лет трудов на русском престоле царь и признавался в своих неудачах у могилы кардинала Ришелье.

Конфуций уверенно говорил о том, что за год может навести в государстве порядок, а за три – привести его к процветанию. Для этого просто не следует заниматься не своим делом. В самом деле, правитель не ловит рыбу, не водит в атаку воинов, не учит детей грамоте и не строит дома. Единственный реальный ресурс, который у него есть, это власть. Стало быть, главное дело управления – разумно распределять ее: «Если тебя привлекут к управлению – в любом деле взыскивай и возвышай мужей достойных и низлагай недостойных».

В любом управляемом обществе можно наблюдать интересное явление: чиновники подражают первому лицу. Часто доходит до того, что нижестоящие чины начинают разделять с начальником его хобби и спортивные увлечения, копируют его манеру держаться, одеваться и даже говорить. В результате профиль государя тенью лежит на целой стране.

В беседе с одним из своих юных учеников Конфуций предлагал воспользоваться этой особенностью для того, чтобы искоренить коррупцию и прочие нестроения в государстве: «Управлять – значит, быть добродетельным. Если ты, управляя, будешь благочестив, то кто осмелится быть неблагочестивым? Если ты не будешь алчным, то и люди даже за

[40] См. *Конфуций.* Лунь-Юй (Беседы и Суждения). Глава 15; 4.

награду воровать не станут. Мораль благородного мужа подобна ветру; мораль низкого человека подобна траве: трава наклоняется туда, куда дует ветер»[41].

Без смиренномудрия даже исключительные таланты правителя приводят как минимум к спорным результатам. Грандиозные преобразования Петра Великого до сих пор оцениваются неоднозначно. Вот и в ответ на его восторженные слова у гробницы прославленного кардинала в Сорбоннской церкви кто-то сказал: «Вы действительно готовы отдать Ришелье половину своего царства? Не советую. Он быстро приберет к рукам и вторую половину».

Человек, лишенный смиренномудрия, не может быть миротворцем. Его попытки «навести порядок» точно описаны знаменитым ответом «армянского радио»:

– Скажите, будет ли война между НАТО и Советским Союзом?

– Нет, войны не будет, но начнется такая борьба за мир, что камня на камне не останется.

Цена добра

В Послании апостола Павла к Римлянам есть интересные слова: «*Ваша покорность вере всем известна; посему я радуюсь за вас, но желаю, чтобы вы были мудры на добро и просты на зло*» (Рим. 16:19). О какой мудрости идет речь? Разве для осуществления добра нужно еще что-либо, кроме горячего желания его совершить?

Возможно, апостол предостерегает нас от поддельного добра, которого в мире найдется гораздо больше, чем фальшивых денег. Так, например, существует практика благотворительности с целью добиться освобождения от налогов. В некоторых ресторанах имеется специальное предложение: съедая особый гамбургер, цена которого намеренно завышена, вы жертвуете некоторую сумму в фонд помощи детям. Можно ли с чистым сердцем говорить здесь о добре? Быть может, это оригинальная медицинская технология улучшения пищеварения? Ведь еще от профессора Преображенского из «Собачьего сердца» известно, что настроение, с которым человек принимает пищу, влияет на его обменные процессы.

Мудрость, различающая подлинные и фальшивые вещи, должна бы нам подсказать, что совершить добро не то же самое, что сделать кому-то

[41] См. *Конфуций.* Лунь-Юй (Беседы и Суждения). Глава 12; 19.

приятно. Иначе банщик или массажист окажется добродетельнейшим из смертных. Это не значит оказать кому-то услугу. В этом случае официант – праведник. И даже принести пользу – не то же самое, что сделать добро. Тогда разумные эгоисты, создающие рабочие места в беднейших регионах с целью сократить производственные издержки, должны почитаться наравне со святыми.

Сделать добро не так просто, как помыслить его. В Евангелии от Матфея есть слова Христа, указывающие на то, что зло получает бытие очень легко – человеку достаточно его захотеть: «*Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем*» (Мф. 5:27–28). Но нигде не сказано противоположное: «Тот, кто восхитился подвигом праведника, сам уже совершил подвиг». Для обретения бытия добру, в отличие от зла, требуется жертва: «*И сел Иисус против сокровищницы и смотрел, как народ кладет деньги в сокровищницу. Многие богатые клали много. Придя же, одна бедная вдова положила две лепты, что составляет кодрант. Подозвав учеников Своих, Иисус сказал им: истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу, ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила всё, что имела, всё пропитание свое*» (Мк. 12:41–44).

Добро не сбывается там, где нет особой драматургической логики любви. Одно дело – снять с брюха излишки жира, и совсем другое – «*положить душу за друзей своих*» (см. Ин. 15:13). Отдавая излишнее, мы не совершаем жертвы. Не случайно указано в Евангелии, что две лепты – это все пропитание вдовицы. Отдавая их, она открывает себя страданию. Только такой ценой и сбывается в мире подлинное добро.

Те мелкие услуги, которые мы привычно обозначаем громким именем добра, есть не что иное, как «приобретение себе друзей путем неправедным». В Евангелии от Луки есть притча о неверном управителе, которого господин хотел отправить в отставку. Желая обеспечить свое будущее, хитрец заручился расположением должников своего хозяина, вернув им долговые расписки. «*Приобретайте себе друзей богатством неправедным,* – советует Христос, – *чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители*» (Лк. 16:9).

Что бы ни отдал друзьям человек – кроме того, что избавляет его от боли и смерти, – он по-прежнему следует «путем неправедным», ибо возвращает в мир то, что ему не принадлежит. Всё, чем располагает человек, в том числе его личные силы и способности, есть дар от Бога. Отдать это –

значит, отдать не свое. Вполне своим человек может считать лишь то, что уводит его от боли и смерти. Только отдавая это, можно творить настоящее добро.

Среди циников распространен афоризм: за зло расплачиваться не нужно – расплачиваться нужно за добро. И в этом есть доля истины: верный признак того, что удалось сделать что-то хорошее, – если зло возмутилось и обрушило на тебя удар. И наоборот: если у тебя в жизни решительно все благополучно, это подозрительно. Почему диавол не мешает? Быть может, ты давно уже с ним заодно, просто не подозреваешь об этом?

Зло, в отличие от добра, не испытывается страданием потому, что оно заведомо не может быть качественным. Так пробу ставят на золото, а не на мешок с навозом. Зло совершается проще и минует этап экзистенциальной оценки, потому что каратов не имеет. В каратах оценивают бриллианты, стекло – принимают на вес. Экзистенциальная оценка добра – страдание, которое ты готов за него претерпеть. Поэтому, если ты хочешь сделать добро, то будь готов к тому, что его тщательно оценят: на сколько карат «тянет» твое добро?

Стоит вспомнить о раннехристианских мучениках. Жития святых свидетельствуют о том, что некоторые из них намеренно провоцировали язычников и мусульман в поисках мученичества. Зачем? Видимо, им не хватало виртуального, умного христианства. Их кредо: если уж за нас Христос распялся, нам ли не распяться за Христа? Эта вера требовала бытия для совершенства. Поэтому они публично заявляли о непризнании других богов и топтали турецкие фески в присутствии султана. Имея сокровище, они желали знать и являть его ценность в каратах боли. В противоположность им, мы, современные христиане, в большинстве случаев ищем комфорта веры и заботимся о своих «религиозных правах», не замечая того, что уже вполне свободно усвоили язык мира сего.

Помня о том, что добро без боли не бывает, мы, по крайней мере, сохраним одну христианскую добродетель – трезвость. Ведь как порой легко обольщается совесть привычно источаемой улыбкой и смиренно потупленными взорами. Как легко сопричислить себя ко святым, облегчив от мелочи карман подле нищей старушки. Какие чувства способен вызвать благочестивый разговор в кругу друзей с твоего прихода! Но истину о нас способна сказать лишь боль свершающегося при нашем участии добра – трагичного и торжествующего.

Изгнанные правды ради: юродивые

«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное».
Мф. 5:10

Один из самых известных университетских профессоров, читая свои лекции по богословию, не без иронии замечал, что такие понятия как «грех» или «бес» вызывают смущение образованной публики, так что напрямую, без культурологических оговорок, использовать их в серьезном разговоре с интеллигентными людьми практически невозможно. И рассказывал следующий анекдот: некий миссионер, выступая с проповедью в техническом вузе, вынужден был отвечать на вопрос о том, как у человека впервые появляется мысль о преступлении. Пытаясь говорить с аудиторией на ее языке, он сформулировал такую фразу: «Мысль о преступлении человеку телепатически транслирует трансцендентально-ноуменальное тоталитарно-персонализированное космическое зло». Тут из-под кафедры высовывается голова изумленного беса: «Как ты меня назвал?»

Дело в том, что истина не боится спора. Истину нельзя уничтожить. Поэтому мир открыл эффективный способ ее утилизировать – как некий опасный радиоактивный материал, который запаивают в непроницаемый свинцовый контейнер и закапывают на отдаленном пустыре. Сначала истины, добытые великими умами в мучительной борьбе, становятся привычными и обыденными. То, что было ценным для отцов, становится игрушкой для детей, наподобие дедовых медалей и орденских планок. Люди привыкают относиться к истинам как к чему-то само собою разумеющемуся. Затем привычное становится банальным и от него пытаются отделаться посредством цинизма, иронии и кавычек. В конечном итоге осмеянная и окарикатуренная истина под видом фольклора вообще выводится из дискурсивного поля. Добро и зло начинают ассоциироваться исключительно с избушкой на курьих ножках, а такие вещи как подвиг и предательство без кавычек сохраняются разве что в детском обиходе – наравне с «бабаем» и «доброй феей».

«Христиане верят, что Иисус из Назарета, якобы одним словом исцелявший больных и якобы воскрешавший мертвых, якобы и Сам воскрес на третий день после смерти». Только так, в смирительной рубашке кавычек, в окружении слов-санитаров евангельская истина и может войти в «просвещенное» собрание светских людей.

Горделивый ум оказывается неспособен сделать истину даже предметом критики. «*Что есть истина?*» (Ин. 18:38) – иронически вопрошает иудейский прокуратор и, не дожидаясь ответа, проходит мимо Того, Кто Сам есть Истина и Жизнь.

Этот процесс чутко отображает литература. В предисловии к сборнику «Русские цветы зла» В. Ерофеев прослеживает пути отечественной литературной традиции, отмечая, что в новый и новейший период «разрушилась хорошо охранявшаяся в классической литературе стена... между положительными и отрицательными героями... Любое чувство, не тронутое злом, ставится под сомнение. Идет заигрывание со злом, многие ведущие писатели либо заглядываются на зло, завороженные его силой и художественностью, либо становятся его заложниками... Красота сменяется выразительными картинами безобразия. Развивается эстетика эпатажа и шока, усиливается интерес к “грязному” слову, мату как детонатору текста. Новая литература колеблется между “черным” отчаянием и вполне циничным равнодушием. Сегодня мы наблюдаем вполне закономерный итог: онтологический рынок зла затоваривается, бокал до краев наполнился черной жидкостью. Что дальше?»

Ответ на поставленный вопрос можно найти в истории, знающей немало подобных ситуаций. Дошедший до последнего предела декаданс может быть преодолен посредством нарочитого безумия. Юродивый, или, по красивому поэтическому выражению Натальи Ростовой, «человек обратной перспективы», взрывает мир эпатирующим жестом, подвергая поруганию священные символы актуальной культуры и удивляя людей той серьезностью, с которой он говорит о несерьезных «сказочных» вещах, срывая с них привычные кавычки.

«Не подниму руки на брата моего», – говорят первые русские святые Борис и Глеб. В культуре феодальной раздробленности «брат» – синоним слову «конкурент». Это тот, из-за кого у тебя меньше земли и власти. Убить брата – все равно что победить конкурента, дело достойное для настоящего князя, свидетельство его сверхчеловеческой натуры и привычный образ мужества. Святые слова Бориса, впервые прозвучав в русской культуре, несомненно, казались загадочным бредом юродивого.

Древнегреческий философ Антисфен советовал афинянам принять постановление: «Считать ослов конями». Когда это сочли нелепостью, он заметил: «Ведь вы простым голосованием делаете из невежественных людей – полководцев». Когда его однажды хвалили дурные люди, он сказал: «Боюсь, не сделал ли я чего дурного?»

Увидев дом некоего распутника с надписью: «Продается», Диоген Синопский заявил: «Я так и знал, что после стольких попоек ему нетрудно изрыгнуть своего владельца». Когда один развратный чиновник написал у себя на дверях: «Да не внидет сюда ничто дурное», Диоген спросил: «А как же войти в дом самому хозяину?»

Сим, казначей тирана Дионисия, был отвратительным человеком. Однажды он с гордостью показывал философу Аристиппу свой новый дом. Оглядев пышные комнаты с мозаичными полами, Аристипп кашлянул и сплюнул в лицо хозяину, а в ответ на его ярость сказал: «Нигде не было более подходящего места».

Юродство оказывается весьма действенным лекарством от тщеславия. Ложная честь побуждает нас казаться перед людьми лучше, чем мы есть. Именно поэтому рассказать о своем грехе на исповеди оказывается труднее, чем его совершить. В этом случае нам может помочь пример мудрецов и святых, исполнивших слова Христа: «*Когда ты будешь позван кем на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званых им почетнее тебя, и звавший тебя и его, подойдя, не сказал бы тебе: уступи ему место; и тогда со стыдом должен будешь занять последнее место. Но когда зван будешь, придя, садись на последнее место, чтобы звавший тебя, подойдя, сказал: друг! пересядь выше; тогда будет тебе честь пред сидящими с тобою, ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится*» (Лк. 14:8–11).

Мученики, исповедники

«Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах».

Мф.5:11–12

Обвинения и гонения, оскорбления, издевательства и насмешки. Кто из нас может сказать, что избежал всего этого в жизни? Острое чувство обиды побуждает нас с особым воодушевлением вспоминать утешительные слова Христа. Они так легко возвращают человеку его растоптанное достоинство! Как быстро затягиваются раны самолюбия, если пролить на них бальзам ожидания будущей славы! Но часто, примеряя последнюю заповедь блаженства на себя, мы поступаем как наркоманы, ворующие чужое лекарство.

В рецепте, который мы желаем считать своим, указано чужое имя: блаженными названы только те, кого злословят неправедно; радоваться предложено тем, кто страдает из-за Христа и Евангелия. Но почему мы так уверены, что всякий раз наших гонителей более всего раздражает именно крестик на нашей груди? Или наши личные грехи сами по себе не способны вызвать негативную ответную реакцию?

Происхождение европейской морали Ницше объяснял, исходя из интересного психологического феномена, в самом существовании которого нельзя сомневаться. Для его обозначения философ использовал французское слово «ресентимент», не имеющее прямых аналогов в других языках. Буквально оно означает состояние бессильной злобы. Это специфическая эмоциональная энергия, высвобождающаяся в тот момент, когда кто-то сильный, которому невозможно оказать сопротивление, разрушает твое самоуважение. В этом случае, говорит Ницше, утраченное достоинство восстанавливается за счет переоценки ценностей. Так самолюбие мужчины, потерпевшего поражение от женщины, нашептывает ему: «Ты не слабый. Ты просто добрый. Ты не можешь дать отпор вследствие моральных причин, ведь нехорошо бить женщину. Оставь ее. Она просто стерва». «Так из нужды делают добродетель», – резюмирует философ. Из равнодушия евнуха рождается идеал воздержания; бессилие, которое не воздает, называется добротой, трусливая подлость – смирением, подчинение тем, кого ненавидят, – послушанием. Неумение отомстить за себя называется нежеланием мстить, может быть, даже прощением («ибо *они* не ведают, что творят, – только *мы* ведаем, что они творят!»).

«Не выношу больше этого! – вопиет Ницше. – Скверный воздух! Эта мастерская, где фабрикуют идеалы, – мне кажется, она вся провонялась ложью!» Увы! Не получается совсем отказать безумному философу в правдоподобии. Появление в мире «Антихристианина» – это совсем не то же самое, что и пришествие антихриста. *Эта* хула направлена не против Христа и Евангелия. Мы действительно частенько прикрываем собственный срам фиговым листком добродетели. И в этот раз нас злословят ради нас самих, ибо подлинная добродетель не бывает вынужденной.

Перебирая в памяти фрагменты Священной истории, нетрудно заметить, что Бог с самого начала призвал человека к свободе поступка. Стоит задуматься: зачем Творец посадил в раю древо познания добра и зла, запретив при этом вкушать его плоды? Зачем Он сделал эти плоды такими легкодоступными? Ведь забота родителей о малыше, начинающем осваивать мир в пределах собственного дома, заставляет их заклеивать

электрические розетки и обивать тканью острые углы. Очевидно, забота Бога о человеке иного рода. Адам призван пребывать с Создателем по собственной воле, а не принужден жить в раю просто потому, что ему некуда идти. Но Бог вездесущ и Его владения не имеют физических границ: «*Куда скроюсь от взора Твоего? И от лица Твоего куда убегу?*» (см. Пс. 138:7). Именно потому появляется первый завет, виртуальная граница рая. Открывая доступ к древу с запретными плодами, Бог словно говорит этим жестом: ты свободен. Покуда хранишь Наш договор, ты пребываешь со Мной; нарушь его – и будешь существовать сам по себе.

О свободе добра говорит и притча о пшенице и плевелах. «*Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел; когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Придя же, рабы домовладыки сказали ему: господин! не доброе ли семя сеял ты на поле твоем? откуда же на нем плевелы? ...Хочешь ли, мы пойдем, выберем их? Но он сказал: нет, – чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе то и другое до жатвы*» (Мф. 13:24–30). Если уничтожить искушение как объективную возможность склониться ко злу, то и добродетель будет стоить не больше, чем равнодушие к женщинам евнуха или дряхлого старика.

Зачем вознесся на небо воскресший Христос, оставив в недоумении относительно веры новые поколения людей? Скольких сомнений и зла мы могли бы избежать, ежедневно наблюдая Его по телевизору в вечерних новостях! Но, вспоминая древо познания и притчу о невыдернутых плевелах, понимаем: вера имеет смысл и может быть подвигом только там, где остается место сомнению.

Агнец совсем не то же самое, что овца, которую ведут на заклание силой. Увидев стражников, апостол Петр выхватил меч, намереваясь защищать своего Учителя до конца. «*Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут; или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? как же сбудутся Писания, что так должно быть?*» (Мф. 26:52–54). Это важный момент: только Тот и может принести Себя в жертву, Кто не является жертвой обстоятельств.

Нетрудно заметить, что и заповедь о второй щеке, вызывающая наибольшее недоумение, обращена к исключительно сильному человеку. Ведь только он может отвергнуть ее или исполнить. Слабого сразу отхлещут по обеим щекам, не спрашивая разрешения.

Так что добродетель, возникшая из нужды, фальшива. И аллергию зачастую провоцирует отнюдь не Истина, а Ее карикатурный образ. Не всегда нас ненавидят за то, что мы христиане. Иногда это случается потому, что мы недостаточно христиане. И зачастую ярость критиков вызывает не наша вера, а наше скудоумие. Как часто из-за наших грехов хулится имя Христово, в то время как наше самолюбие говорит нам, что все обстоит ровно наоборот: мы терпим гонения из-за Него! Но считать личных врагов богопротивниками и есть максимальное проявление эффекта ресентимента. В действительности, только тогда человек и может пострадать ради Христа и Евангелия, когда миру больше не в чем будет его упрекнуть.

духовная ЖИЗНЬ

Искусство маленьких шагов

«Господи, я прошу не о чудесах и не о миражах, а о силе каждого дня. Научи меня искусству маленьких шагов». Это слова молитвы Антуана де Сент-Экзюпери. Популярный профессор-богослов мог бы с ним согласиться: «Духовная жизнь это не просто благочестие, молитва, подвиг или отреченность от мира. Это строгая упорядоченность в развитии, особая последовательность в приобретении добродетелей, закономерность в достижениях и созерцаниях»[42].

О чем-то подобном говорит евангельская притча о десяти девах, которые под вечер вышли навстречу Жениху. Пятеро из них, будучи мудрыми, взяли с собой запас масла. Жених медлил до полуночи, так что к моменту встречи их светильники продолжали гореть, тогда как у неразумных дев погасли. Пытаясь исправить дело и заправить свои светильники, эти несчастные потратили время и опоздали к брачному пиру (см. Мф. 25:1–12).

Притча Христа выразительно передает личную драму всех тех, кто ждал, но не дождался; выдохся слишком рано; сошел с дистанции, не достигнув финиша. Однако она ничего не говорит о том, как избежать подобной участи. Как возможно подражать разумным девам? Отчего пропадает вдохновение и остывает вера?

Известны три вида зла, охлаждающие любовь и отгоняющие благодать: небрежение, невежество и отсутствие дерзновения.

Анализируя генеалогию греха, отцы-аскеты приходили к выводу, что тяжелое беззаконие свершается не вдруг, но имеет свою предысторию и всегда начинается с небрежения к мелочам духовной жизни. Фарисейское внимание к деталям религиозного закона может вызвать усмешку, однако, оно не всегда является бессмысленной формальностью.

В 1982 году криминалисты Джеймс Уилсон и Джордж Келлинг представили научному сообществу «теорию разбитых окон». Суть ее такова: если кто-то разбил стекло в доме и никто не вставил новое, то вскоре ни одного целого окна в этом доме не останется. А потом поблизости начнут

---

[42] *Осипов А.И.* Путь разума в поисках истины.

происходить преступления. Директор нью-йоркского метро Дэвид Ганн, взявший эту теорию на вооружение, приказал закрашивать граффити на вагонах своих поездов после каждого прибытия состава на конечную станцию. «Методично мы проходили маршрут за маршрутом. Состав за составом. Каждый вагон, каждый Божий день. Для нас это было как религиозное действо», – рассказывал он позже. В результате преступность в подземке снизилась на 75 %.

То, что криминалисты и социологи в конце XX века назвали «теорией разбитых окон», в христианской аскетике известно как концепция «мелкого греха», который прокладывает путь греху смертному. Как средство борьбы с этим явлением в Церкви существует Таинство Исповеди и практика ежедневного молитвенного правила. Первое позволяет регулярно менять «разбитые окна» своей души и покаянием очищать ее от «граффити» страстей; второе определяет границу естественной лени, полагает предел допустимого отступления, устанавливает некий минимум духовной жизни.

Подобная педантичность более чем оправданна: в духовной жизни не бывает мелочей. Как говорит в Евангелии Спаситель, «*верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом*» (Лк. 16:10).

Второй противник вдохновения и благодати – невежество. Храмовая служба может оказаться для человека тягостной повинностью, потому что ее тексты представляются непонятными и туманными. Кто-то видит причину этого в архаичности церковнославянского языка. Но проблема состоит в другом. Молитвы и песнопения – это сложная поэзия, насыщенная разнообразными фигурами умолчания. Слушая анекдот, человек может просто не понимать языка, на котором тот рассказан, а может и не улавливать заключенного в нем юмора. То же с поэзией молитв: непонимание тонкого намека, аллюзий, реминисценций в тексте нельзя восполнить никаким переводом. А сами стихи, как и анекдоты, только страдают от объяснений.

Видимо, для того чтобы понимать тонкую и сильную поэзию церковных песнопений, нужно, не ленясь, познавать Священную историю, к которой они отсылают. Тому, кто не смотрел кинокартин Феллини, прогулка по Риму покажется пресной. Испанская лестница, фонтан Треви для такого человека будут тождественны сами себе и ни о чем не расскажут. Тому, кто не читал нобелевского романа Сенкевича, Колизей предстанет большим стадионом – ничто не кольнет сердце, не отзовется трагическим эхом. Что увидит невежественный турист, гуляя по древней Аппиевой дороге? Улицу, стесненную каменными стенами; пыльный пригород;

заполненную автомобилями мостовую без всяких признаков тротуара. А меж тем Вечный город молчаливо рассказывает множество великих историй. Но со слезами по его улицам может пройти лишь паломник, то есть, тот, кто заранее знает свершившуюся здесь трагедию. Острота намека доступна лишь тому, кому *уже* известна подоплека дела. И сердце забьется сильнее, если помнишь ответ на вопрос «камо грядеши, Господи?», начертанный на стене неприметной часовни близ Капенских ворот.

Невежество всегда оборачивается равнодушием, за которым следует варварство. Неспособность почувствовать поэзию улиц – вот то страшное зло, которое руками правителей превратило Москву Толстого, Гиляровского и Булгакова в холодные зеркала небоскребов и торговых центров. Возможно, когда-нибудь властное невежество сделает то же и с Римом, и со всей церковной культурой.

Когда кто-то спросил философа Аристиппа, чем станет лучше его сын, получив образование, мудрец сказал: «По крайней мере тем, что не будет сидеть в театре, как камень на камне».

Нужно усердно познавать Священную историю. Только тогда даже в обыденных молитвах мощно зазвучит поэзия святых. Как «*не насытится око зрением*» (Екл. 1:8) так не утомится человек общением с Вечной Истиной.

Третье зло, охлаждающее веру, – отсутствие дерзновения, боязнь решительного поступка, уклонение от своей миссии. В жизни современника зачастую нет события более значимого, чем исход футбольного матча или телетрансляции очередной Олимпиады. Молитва его будет бездушной, потому как у него отсутствует действительно веский повод обратиться к Творцу неба и земли. Когда-то философ Ницше предсказал появление «последнего человека», которого благоразумие отлучит от жизни и превратит в ее зрителя: «Горе! Приближается время, когда человек не пустит более стрелы тоски своей выше человека и тетива лука его разучится дрожать! Горе! Приближается время, когда человек не родит больше звезды. Горе! Приближается время самого презренного человека, который уже не может презирать самого себя»[43].

Страх Божий

Популярный профессор Московской духовной академии неизменно предостерегал своих слушателей – будущих священников – от одной нехорошей профессиональной черты – привыкания к святыне. «Знаете, как

[43] *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра.

отличить семинариста-первокурсника от бакалавра и магистра богословия? – спрашивал он. – Студент первого курса, проходя мимо иконы, крестится и кланяется. Студент четвертого курса, проходя мимо иконы, крестится, но уже не кланяется. И наконец, студент пятого курса, проходя мимо иконы, и не крестится, и не кланяется». В качестве положительного примера этот профессор указывал на одну из своих духовных дочерей – женщину, которая, будучи замужем много лет, каждое утро просыпалась раньше своего супруга, а вечером засыпала позже него потому, что боялась предстать перед ним с ненакрашенными глазами.

И действительно, часто приходится слышать, как супруги «со стажем» жалуются на охлаждение былых чувств, на усталость друг от друга. Порой доходит до того, что они как будто даже стыдятся самих воспоминаний о юношеском горении сердец и о безумствах, которые делали некогда друг для друга. В священнической среде иной раз заходят разговоры о «профессиональном выгорании», о скуке во время богослужения. Так что предостережение профессора и пример его духовной дочери оказываются весьма кстати: подобный страх – это неиссякаемая молодость отношений, иммунитет от профессиональной болезни усталости и «выгорания».

«Есть особая проба на золоте христианства, по которой его никогда ни с чем не спутаешь и по которой всегда можно отделить от него всякое не истинно христианское учение, в частности, сектантство, – писал известный философ Сергей Фудель. – Этой золотой пробой является страх Божий».

И действительно, любовь – это всегда предельно серьезное отношение к тому, кого любишь. По-настоящему любимого человека невозможно представить в смешном или нелепом виде, не получается нарисовать на него карикатуру. И потому страх Божий является необходимым компонентом подлинной веры. Там, где его нет, неизменно появляется приторный привкус сектантства.

Достоевский однажды задался вопросом: каким был бы Христос, если бы Он не был Богом? И создал художественный образ князя Мышкина, безусловно положительного человека. Нельзя не признать за этим героем некоторого обаяния, но все же он добр без силы: спасти он никого не смог, как ни старался. Наоборот, обе женщины, любившие его, кончили плохо. Или возьмем другой образ – Иешуа Га Ноцри из «Мастера и Маргариты»: не добрый, а скорее, безобидный; не святой, а наивный. Если смотреть на Христа без страха Божия, то вместо евангельского, победившего мир Спасителя, мы непременно увидим одного из этих персонажей.

Современный протестантский мир придумал новый, молодежный образ Иисуса. Этакий «кореш с района», «рубаха-парень», с которым нескучно проводить время. Вот пример сектантских песнопений о Христе: «Он любит меня, Его люблю я, чудесная дружба с Ним у меня; всегда и везде мне с Ним хорошо...» Между тем, люди, которых Сам Спаситель называл друзьями, относились к Нему иначе. Никто из апостолов не написал в послании, что он «друг Иисуса Христа». Подписывались так: «Петр, раб Иисуса Христа», «Павел, раб Иисуса Христа». И даже любимый ученик – Иоанн, прозванный впоследствии Богословом, – увидев Учителя во славе, «*пал к ногам Его, как мертвый*» (Откр. 1:17). Христианство без страха Божия моментально становится розовым и слащавым, как эстрадные песенки про любовь. И словечко «Боженька» коробит человека, обладающего хотя бы минимальным вкусом.

По учению отцов Церкви, есть два вида страха Божия: один – новоначальный и другой – совершенный. Первый страх – это страх потерять за свои грехи свое вечное счастье. Другой страх – совершенный – сопряжен с самой любовью. Это благоговение, уберегающее душу от небрежения перед Богом.

«Признак первого страха есть ненавидеть грех и гневаться на него, как гневается на зверя угрызенный им», – говорил преподобный Петр Дамаскин.

Рассмотрим, к примеру, гомофобию, с которой активно борется либеральный мир. Это один из действующих внутри мужского сообщества естественных механизмов защиты от зла. Культура античного мира однозначно свидетельствует: противоестественное влечение мужчин друг к другу в большинстве случаев не обусловлено их врожденными качествами. Подростку в определенный период мучительно интересен *любой* сексуальный опыт. И от незаконных практик его удерживает только гомофобия. Он боится, что его не поймут «реальные пацаны» во дворе, что к его имени навсегда приклеится позорное прозвище. Этот страх перед постыдным грехом и ненависть к нему есть одно из проявлений Божиего страха.

Рассказывая о жизни и быте спартанцев, Михаил Гаспаров отмечал, что их старейшины не только не боролись с «предрассудками», но, наоборот, намеренно культивировали различные «фобии». Так, например, существовал обычай допьяна поить раба и водить его между столами юношей во время обеда. Так у будущих воинов царя Леонида алкоголь с детства ассоциировался с самыми отвратительными картинами. И о пьянстве среди спартанцев никто никогда не слышал.

Художественная литература говорит о том, что среди русских офицеров культивировалась фобия по отношению к трусости и воровству. Иначе не объяснить упоминаемые в классических произведениях полулегальные дуэли чести и случаи самоубийств в результате открывшейся растраты казенных денег.

Первый страх Божий – это отвращение ко греху и гнев против него. Это здоровый рефлекс души, отталкивающей от себя болезнетворные «бактерии», – нечто подобное чиху. «Первый страх любовь совершенная изгоняет вон из души, ее стяжавшей, – говорил святой Максим Исповедник, – а второй... она всегда имеет сопряженным с собою».

Второй, совершенный страх Божий, – это страх, характерный для всех счастливых влюбленных. «Настоящая любовь страшна, – писал Юрий Визбор в своей знаменитой повести “Завтрак с видом на Эльбрус”. – Страшна так же, как страшны все настоящие ценности жизни: мать, дети, способность видеть, способность мыслить – словом, все то, что можно по-настоящему потерять». И потому на каждой Литургии напоминанием всем нам звучат очень важные слова: «Со страхом Божиим и верою приступите!»

Искушение

Чтение Евангелия можно сравнить с восхождением на Эверест: издалека белоснежные вершины вызывают восхищение, но по мере приближения к ним непривыкший человек начинает испытывать нарастающую тревогу и дискомфорт. Тому, кто слышал о Христе краем уха, Его учение кажется романтическим рассказом о свободе, любви и всепрощении. Но тот, кто честно попытается построить по Евангелию свою жизнь, скоро убедится: этот «маршрут» относится к высшей категории сложности. В словах Спасителя можно встретить такие истины, принять которые оказывается крайне трудно.

В работе под названием «Сумерки идолов» Ницше писал: «Некогда из-за глупости, заключающейся в страсти, объявляли войну самой страсти: давали клятву уничтожить ее... Самая знаменитая формула на этот счёт находится в Новом Завете: “если око твоё соблазняет тебя, вырви его” – к счастью, ни один христианин не поступает по этому предписанию... Церковь побеждает страсть вырезыванием во всех смыслах: ее практика, ее “лечение” есть кастрация».

Логика немецкого философа проста: христианское учение враждебно жизни, но его носители продолжают жить, ибо они лицемеры.

В действительности, все гораздо сложнее. Быть может, Ницше не знал этого, но слова «вырви и отбрось от себя» буквально исполняли те, кто входил в секту скопцов, основанную Кондратием Селивановым в XVIII веке. И вот какое дело: практика именно этой секты показала, что так называемая «первая печать», или оскопление, не приводит к подлинному целомудрию. Человек, лишенный физической возможности блудить лично, очень скоро убеждается в том, что можно разжигаться, наблюдая за тем, как это делают другие. И вот уже глаз – совсем другая часть тела – становится причиной все того же соблазна. Его, конечно, тоже можно удалить, но и это не отнимет возможности грешить, предаваясь сладострастным фантазиям и воспоминаниям.

Первыми слушателями Нагорной проповеди были жители древнего Израиля, то есть, религиозно просвещенные люди, которым был знаком опыт воздержания. А потому, слушая о «глазе и руке», соблазняющих человека, они прекрасно понимали, что причину соблазна следует искать совсем не в теле. Может быть, «соблазняющим глазом» аллегорически называется душа? Но душу невозможно вырвать и отбросить от себя. Кроме того, без души затруднительно войти и в Царство Небесное. Так о чем все-таки говорит Христос?

Тому, кто изучал экономическую теорию, известно два латинских термина: «инфляция» и «девальвация». По сути, оба слова с разных сторон описывают один и тот же процесс обесценивания денег. В культуре время от времени тоже происходит подобное обесценивание – только вместо денег девальвируются человеческие поступки. Если какой-либо грех становится массовым и распространенным, то в глазах людей он «теряет вес», начинает восприниматься как безобидная шалость. Как и в экономике, девальвация здесь может быть скрытой или официальной. В последнем случае грех допускается уже на уровне традиции или закона.

Человек действительно способен убедить себя в том, что грех – это не страшно. Ложная культура помогает нам забыться. Однако оптимизм страуса не способствует выживанию и не содействует спасению. Поэтому в Евангелии появляются суровые слова: «*Если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную*» (Мк. 9:47). Здесь Спаситель указывает нам на подлинную, а не спекулятивную цену греха. Он словно говорит легкомысленным людям: «Не обманывайтесь: грех – это катастрофа. Мир устроен так, что лучше лишиться глаза или руки, чем поддаться искушению».

В житиях святых есть рассказ о Зое, девушке «без комплексов», которая жила в конце IV века в Кессарии. Однажды она пировала с приятелями. Речь зашла о христианах. Между прочим вспомнили монаха Мартиниана, подвизающегося неподалеку в палестинской пустыне. «А что, он, должно быть, очень стар, этот ваш Мартиниан?» – спросила Зоя. «Какое там! Ему нет еще сорока лет!» – отвечал кто-то. «Хотите пари? Я низложу вашего подвижника!» – смеясь, предложила Зоя.

Ночью под видом странницы девушка пришла к Мартиниану, прося ночлега. Монах впустил ее, так как погода была ненастная. Под утро гостья переоделась в дорогую одежду и приступила к исполнению своего плана. Посмотрев на нее, Мартиниан вышел из келлии, зажег костер и встал босыми ногами на пылающие угли. Какое-то время он терпел молча, но потом не выдержал и закричал: «Трудно тебе, Мартиниан, терпеть этот временный огонь, как же ты будешь терпеть вечный огонь, приготовленный тебе диаволом?» Этот вопль потряс Зою до глубины души. Она раскаялась и позже удалилась в монастырь в Вифлееме.

Исцелившись от ожогов, святой Мартиниан поселился на необитаемом скалистом острове, где его изредка навещал друг-корабельщик. Однажды во время сильной бури неподалеку от острова разбился корабль и волны выбросили на берег девицу. Святой Мартиниан помог ей выбраться на остров. «Оставайся здесь. Вот хлеб и вода, а через два месяца приедет корабельщик», – с этими словами Мартиниан бросился в море и поплыл прочь.

Для того чтобы прочувствовать страх подвижника перед грехом, который многие из нас совершают легко и привычно, стоит отчетливо представить себе этот эпизод: человек говорит со спасенной им женщиной, затем просто поворачивается и уходит в бушующую пучину – как мы, попрощавшись с приятелем, спускаемся в метро.

«Лучше умереть, чем согрешить». Так оценивали грех святые. Средневековый человек боялся Бога больше, чем князя. Современник, наоборот, полагается уже на социальные силы и власти, именно их считая подлинной реальностью. Зло в представлении гуманиста – это не более чем вред ближнему. «А потому, – считает он, – я могу делать все, что мне угодно, до тех пор, пока это не мешает другим». Само понятие «грех» в гуманистическом мире кажется архаичным и перестает что-либо обозначать; место «покаяния» в лексиконе занимает «извинение» или «возмещение ущерба».

В этом мире живет и Церковь. Человек, входящий в нее, задается вопросом: «Освободился ли я от мира? Как узнать, стал ли я вполне христианином?» Узнать это проще, чем кажется: мир сам ежедневно дает нам

не один повод решить этот вопрос со всей определенностью. Он и сейчас вкрадчиво вопрошает из глубины своих удовольствий: «Что тебе лучше – умереть или согрешить?»

Промысл Божий

Жил на свете некий тиран. При нем неотлучно находился его друг философ, который на всё, что бы ни случилось, говорил: «Это хорошо!» Однажды они вместе отправились на охоту. Философ заметил зайца, который показался за спиной друга, натянул тетиву лука и... случайно отстрелил тирану ухо. «Не сердись, царь. Это хорошо», – по обыкновению сказал философ. «Нет, философ, это нехорошо!» – отвечал взбешенный царь и велел бросить неловкого стрелка в темницу.

Прошел год. Тиран выступил с войском против варваров, но проиграл битву и попал в плен. Сначала варвары хотели принести царя в жертву своим богам, но потом увидели, что у него не хватает одного уха. Ущербный человек не годился для жертвоприношения и пленника отпустили за выкуп.

Вернувшись на родину, он повелел выпустить из темницы философа. «Благодаря тебе я выжил, – сказал царь. – Прости меня!» Философ ответил: «Я случайно отстрелил тебе ухо, и это было хорошо, ибо иначе варвары принесли бы тебя в жертву. Ты бросил меня в темницу, и это было тоже хорошо, иначе бы я отправился на бой с варварами вместе с тобой. А ведь у меня-то уши целы!»

Эта притча была любимой у исторически реального философа по имени Пиррон. «Смотрите, – любил повторять он, – вот заболевший ребенок, которому дают горькое лекарство. Он скорбит и плачет, почитая себя несчастным, ибо не знает, что в лекарстве его благо. Но и взрослый порой стремится к вредному для себя и сопротивляется полезному, полагая, что знает добро и зло. Мудрец же ничего не желает и ни от чего не уклоняется. Ибо все, что происходит с нами в жизни, лишь переменная в формуле, значение которой можно установить только после того, как формула дописана до конца».

«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Эта фраза Тютчева могла бы стать очень точным эпиграфом к жизнеописанию Пиррона. Этот мудрец жил в полном соответствии со своими принципами. Он всегда переходил улицу, даже не посмотрев по сторонам, полагая, что он не в состоянии знать, какое событие в его жизни пойдет ему на пользу, а какое повредит. В результате его часто переезжала телега. Он ничего

не желал и ни от чего не устранялся, а потому не испытывал ни страха, ни огорчения. Не страдал он от несбывшихся ожиданий и не опасался грядущего, как простые смертные. Мудрец испытывал к жизни только одно по-настоящему сильное чувство – любопытство.

В своей книге «Несвятые святые» епископ Тихон (Шевкунов) рассказал об удивительном человеке – русском епископе за границей Василии (Родзянко), который руководствовался в жизни принципом Пиррона. Ему тоже было хорошо знакомо и понятно пирроново любопытство. «Раз за разом я видел, – пишет отец Тихон, – как владыка Василий, с какой-то особой готовностью и с предвкушением открытия чего-то очень важного для него, в буквальном смысле отдает себя в послушание каждому, кто обращается к нему». И такое его отношение к жизни приводило к удивительным событиям.

Как-то летом, в начале девяностых, в один из приездов епископа Василия в Москву, к нему пришел молодой священник и предложил владыке послужить у него на приходе. Ни важные дела в столице, ни то обстоятельство, что храм неизвестного ему священника располагался за шестьсот километров от Москвы, не остановили епископа. Верный своему правилу, он немедленно согласился и через некоторое время уже трясся в машине по глухой дороге на пути к затерянной в костромских лесах деревушке.

Неожиданно машина остановилась. На дороге буквально несколько минут назад произошла авария – грузовик на всей скорости столкнулся с мотоциклом. На земле в пыли лежал мертвый мужчина. Над ним в оцепенении стоял юноша. Рядом курил понурый водитель грузовика. Молоденький мотоциклист, зажав в руках шлем, плакал – погибший был его отцом. Владыка подошел и обнял молодого человека за плечи: «Я священник. Если ваш отец был верующим, я могу совершить нужные для его души сейчас молитвы». – «Да, да! – подхватил молодой человек. – Он был верующим! Сделайте, пожалуйста, всё что надо! Отец был православным. Правда, он никогда не ходил в церковь – все церкви вокруг посносили... Но он всегда говорил, что у него есть духовник!» Из машины уже несли священнические облачения. Владыка не удержался и осторожно спросил молодого человека: «Как же так получилось, что ваш отец не бывал в церкви, а имел духовника?» – «Да, так получилось, – отвечал юноша. – Отец много лет слушал религиозные передачи из-за границы. Их вел какой-то епископ Василий Родзянко. Этого батюшку папа и называл своим духовником. Хоть сам никогда в жизни его не видел». Владыка заплакал и опустился на колени перед своим умершим духовным сыном.

Какова вероятность такой встречи? В жизни епископа Василия было великое множество подобных удивительных «совпадений». Очень часто он, следуя своему принципу, оказывался там, где совершалось таинственное и великое дело. Причем становился не просто свидетелем этого дела, но его участником.

Оба мудреца – Пиррон и епископ Василий – с любопытством всматривались в свою жизнь. И это оправдано тем, что их судьбы, в отличие от простых судеб миллионов людей, были по-настоящему интересны. Но почему? Почему жизнь одних становится предметом творческого вдохновения биографов, писателей и художников, а судьба других совершенно заурядна? Очевидно, тот, кто пытается стать великим человеком по своему плану, кто наивно руководствуется принципом «твоя судьба – в твоих руках», терпит поражение. И наоборот, человек, который смиренно живет по принципу «делай что должен, и будь что будет», подхватывается и увлекается мощной силой, управляющей мировой историей.

«Постепенно я стал догадываться, – пишет епископ Тихон, – что через это смиренное послушание владыка Василий научился чутко слышать и постигать волю Божию. От этого вся его жизнь становилась таинственной, но постоянной и совершенно реальной беседой с Богом, познанием Промысла Божиего, где Бог говорит с человеком не словами, а обстоятельствами жизни».

Смиренный человек, усердно исполняющий свое призвание, непременно становится орудием Божиим в нашем мире. Собственно, об этом и пытаются рассказать нам жития святых. Хороший художник не пытается изобразить то, что и без него можно увидеть, – лес, реку или море. Сезанн не яблоки рисовал – он яблоками хотел изобразить нечто недоступное взору и открытое лишь уму. Так и подлинным предметом жития святого является не сам святой, а таинственный и трагический Промысл Божий.

Последнее наказание

Древнегреческий философ Сократ утверждал: «Человек поступает дурно исключительно по незнанию. Ведь каждый из нас стремится к благу и никто не желает зла самому себе». Беззаконие совершается там, где не знают о его последствиях. Так, слабый шахматист, делая один неважный ход за другим, сам уменьшает вероятность победы и по собственной воле идет к поражению. Но едва ли это делается нарочно, ведь каждый игрок стремится выиграть. Остается предположить, что проигравший

просто «не ведал, что творил», не умея достаточно ясно увидеть перспективы совершенного им хода.

Человек, преступающий общественный или религиозный закон, как правило, всерьез надеется избежать наказания. Но эта надежда порождена невежеством. Действительно, можно ловко «спрятать концы в воду» и скрыть преступление от общества. Можно перехитрить или подкупить следователя. Можно не верить в рай и ад или, уповая на милосердие Бога, надеяться на то, что Он в конце концов простит «недостойного раба Своего». Но социальные и сотериологические последствия греха – это еще далеко не всё. Каждое преступление влечет третье, последнее наказание, свершающееся в самом человеке. И, в отличие от первых двух, оно всегда неотвратимо.

В романтической литературе есть популярный сюжет о контракте человека с диаволом. У Гете Мефистофель поступает в распоряжение доктора Фауста, за что последний расплачивается своей душой. Ария Квазимодо из популярного мюзикла «Собор Парижской Богоматери» тоже пронизана наивной мечтой о подобной сделке – рефреном здесь проходят строки, завершающие каждую строфу:

И после смерти мне не обрести покой,
Я душу дьяволу продам за ночь с тобой.

Безумие влюбленного очевидно. Ведь душа, от которой он так легко готов отказаться, это именно та структура, что порождает все желания, в том числе, и желание обладать Эсмеральдой. Отказавшись от души, Квазимодо автоматически лишился бы любви и сделался бы равнодушен к той, ради которой, собственно, он все и затеял. Несчастный горбун не приобрел бы ничего, кроме еще одного постороннего человека, до которого ему нет ровным счетом никакого дела.

Редко кто в здравом уме затевает зло ради него самого. В большинстве случаев мы руководствуемся принципом «цель оправдывает средства», преступая закон для пользы революции, ради семьи и детей, во имя исключительной любви или торжества справедливости. Но грех есть грех. Беззаконие, даже продуманное до мелочей, оправданное с позиций риска и морали, всегда имеет существенную ошибку в расчете. В азарте погони за той или иной целью мы обычно упускаем из виду реакцию собственной души на те средства, что собираемся использовать. В результате этого просчета уже на подходе к заветной цели утрачиваем к ней интерес, ибо раненая преступлением душа теряет силу желания, а значит, и радость обладания становится нам недоступна.

Пушкин художественно достоверно изобразил эту ловушку в «Сцене из Фауста»:

На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьем,
С неодолимым отвращеньем:
Так безрасчетный дуралей,
Вотще решась на злое дело,
Зарезав нищего в лесу,
Бранит ободранное тело;
Так на продажную красу,
Насытясь ею торопливо,
Разврат косится боязливо...

Возможно, личный опыт подобного разочарования в мимолетных романах привел и самого поэта к мысли о браке.

Драматургическое осмысление последнего наказания дано в знаменитом романе Достоевского. Нетрудно заметить, что Раскольников убивает старуху-процентщицу в основном с целью грабежа. Идея о разделении людей на героев истории и ее статистов – всего лишь моральное обоснование преступного замысла. Она становится катализатором преступления в тот день, когда Раскольников получает письмо от матери с известием о помолвке его сестры с Лужиным. Подобный случай брака Андре Моруа называл «узаконенной проституцией». Жених богат, но репутация распутника мешает ему занять надлежащее положение в обществе. Семья нужна ему как средство поправить имидж. Невеста понимает это и заранее испытывает к будущему супругу одно отвращение, вступая в брак главным образом ради денег. Хорошо зная любимую сестру, Раскольников не сомневается: «узаконенная проституция» совершается в данном случае ради него, Родиона, «чтобы судьбу его обеспечить», и оскорбленное мужское самолюбие отвергает подобную жертву: «Не бывать этому браку, пока я жив, и к черту господина Лужина!» Но как разорвать помолвку? Нужно устранить бедность семьи как основную причину мезальянса. И Раскольников берется за топор – ради горячо любимых сестры и матери.

Но удар убийцы рикошетом возвращается к нему самому. Раскольников с ужасом замечает в себе странную метаморфозу: те, кого он так сильно любил еще вчера, сегодня уже ненавистны. Вот они, сестра и мать, после долгой разлуки появляются в его каморке. «Радостный, восторженный крик встретил появление Раскольникова. Обе [женщины] бросились к нему. Но он стоял как мертвый...»: «Ступайте домой... Не мучьте меня».

В дальнейшем Раскольников продолжает избегать своих женщин. Ценности, захваченные в доме убитой старухи, так и не стали основой материального благополучия семьи. Убийца не смог довести дело до конца, внезапно лишившись главного мотива: сестра и мать в одночасье сделались ему чужими.

Преступника обличить не смогли. Студент сам донес на себя и отправился на каторгу в далекую Сибирь, в основном, для того, чтобы навсегда устраниться от любимых когда-то людей.

Так все мы, с готовностью соглашаясь на грех, несем последнее наказание, забыв предостережение Распятого за нас Бога: «*Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?*» (Мф. 16:26).

Законы

«Тошнота». Так называется одно из произведений Жан-Поля Сартра, французского философа XX века. Именно этим словом мыслитель определял мироощущение современного человека, видимо, имея в виду, что головокружение и тошнота – обычные симптомы утраты ориентации в пространстве.

И действительно, человек Античности, Средневековья, Возрождения и Нового времени руководствовался в жизни четко очерченной картиной мира. И даже совершая роковые ошибки, по крайней мере, делал это уверенно, следуя пусть ложной, но яркой путеводной звезде. Современный человек, оглядываясь вокруг, видит лишь размытые очертания ландшафта: вертикаль священного и мирского отсутствует, ибо для него нет вещей, которые нельзя сделать предметом насмешки; горизонталь добра и зла утеряна, потому что все признано относительным и не существует истин, не подлежащих сомнению. Отсутствие ясности в мыслях, речах и поступках, поистине, характерная черта нашего времени. Кто из нас способен пусть ошибочно, но внятно объяснить, что такое любовь и долг, честь и справедливость? Или определенно ответить на вопрос: «Что значит быть мужчиной? христианином? русским?»

Не имея четких карт и ясных ориентиров, современному человеку невозможно выбрать себе цель и следовать к ней прямым, кратчайшим путем. Если же бытие не наполняется стремлением к цели, то человеку не остается ничего другого, кроме театра непрерывных сиюминутных развлечений. Герои прошлого – это вожди и пророки, мудрецы и воины, священники и поэты. Все они к чему-то зовут и куда-то ведут, а потому

приобретают исключительное значение в культуре пути и цели. Современная жизнь выдвигает на первый план иные фигуры и самыми популярными людьми становятся спортсмены, актеры, поп-дивы, шоумены, и кулинары.

Структуры нашей картины мира размыты вследствие пренебрежительного отношения к законам. Когда-то законы были формой выражения Истины. Сегодня мы превратили их в инструмент выяснения отношений. Ненастоящие законы напоминают тиранов, обманом захвативших власть в государстве: в них никто не верит, их не почитают, их не слушаются.

В иудаизме существует шестьсот тринадцать законов (мицвот). Среди них немало таких, которым трудно найти религиозный, нравственный или медицинский смысл. Например, закон, запрещающий иудею хранить в одном месте мясные и молочные продукты. Или запрет на ношение одежды, в которой одновременно присутствуют лен и шерсть. Дело в том, что народ, берущий начало от Авраама, долгое время не имел собственной земли, по периметру которой можно было бы вкопать пограничные столбы. Но без границ народ существовать не может. Ведь граница – это грань вещи, уникальная форма, придающая ей самобытность, отделяющая ее от остального мира. Без этого отделения и даже некоторого противопоставления любой народ моментально растворяется в других сообществах и теряется в истории. Вместо физических границ израильскому народу были даны культурные. Это и есть законы, благодаря которым он сохранялся на протяжении многих веков, несмотря на то, что большую часть времени проводил в рассеянии.

Мы ошибаемся, полагая, будто мы придумываем, вводим или упраздняем законы. Это естественные границы вещей. Тот, кто берется проводить их произвольно, только дезориентирует сам себя и в конечном итоге начинает испытывать головокружение и тошноту. Мы привыкли относиться к законам пренебрежительно. Но тот, кто не стережет свои границы или бездумно двигает пограничные столбы туда-сюда, рискует оказаться бездомным и безликим «гражданином мира» и повторить судьбу капли воды, упавшей в океан.

Нельзя не заметить, что ясность мировоззрения древнего грека совпадает в нем с удивительным и почти сказочным для современного человека почитанием законов. Дав Спарте законы, Ликург позаботился, чтобы они были вечными и неизменными. Он объявил, что едет в Дельфы, и взял со спартанцев клятву не менять законов до своего возвращения. Спартанцы поклялись. Тогда Ликург уехал в Дельфы и там, на чужбине,

бросился на меч. Даже тело свое он завещал сжечь, а пепел развеять над морем, чтобы его останки не попали в Спарту. Спартанские законы остались неизменными навеки.

Кто захочет внести в закон хоть какое-нибудь изменение, постановили греческие законодатели Залевк и Харонд, тот должен явиться в народное собрание с петлей на шее и сделать свое предложение. Если его отвергнут, – он должен тут же на месте удавиться. Вообще же законы следовало соблюдать во что бы то ни стало. «Лучше дурные законы, которые соблюдаются, чем хорошие, которые не соблюдаются», – говорили греки. Оба древнейших законодателя показали это своим примером. У Залевка сын совершил преступление, за которое по закону полагалось выколоть оба глаза. Залевк не стал его оправдывать и только попросил суд, чтобы один глаз выкололи у сына, а второй – у него самого. Харонд запретил законом появляться в народном собрании при оружии, а сам однажды, преследуя врага, вбежал в собрание с мечом на боку. «Ты нарушаешь собственный закон, Харонд!» – крикнули ему. «Нет, подтверждаю!» – ответил он, выхватил меч и пронзил себе грудь.

Нарушая религиозный закон, мы оправдываем себя евангельскими словами Христа: «*суббота для человека, а не человек для субботы*» (Мк. 2:27), «*если у кого из вас осел или вол упадет в колодезь, не тотчас ли вытащит его и в субботу?*» (Лк. 14:5). Но тот, кто умеет читать, может заметить, что сказанное отнюдь не отменяет закона. Просто Христос, указывая на лицемерие фарисеев, отказывает им в праве судить Его, ведь «*Сын Человеческий есть господин и субботы*» (Лк. 6:5). А потому в тот момент, когда возникает искушение обойти неудобный закон, стоит помнить замечание одного не лишенного остроумия раввина: «Лично я не полезу за упавшим в яму ослом в субботу. Ведь иначе в яме окажется сразу два осла».

Человек, не признающий законов, по сути, упраздняет собственные границы, делается бесформен и неинтересен. И наоборот, хорошие законы, подобно шлифовальному камню, придают ему безупречные грани, являя миру красоту драгоценного камня. Так на играх в древней Олимпии старик искал себе место среди зрителей. Он пробирался между скамьями, но места не было. Он дошел до скамей, где сидели спартанские юноши, – все как один вскочили перед ним. Стадион разразился рукоплесканиями. Старик воскликнул: «Все греки знают, что такое хорошо, но только спартанцы умеют поступать хорошо». А кто-то сказал: «Только в Спарте стоит жить до старости».

Последний человек

О конце света можно говорить по-разному. Одни пытаются рассчитать времена и сроки. Другие задаются вопросом о причине. И в самом деле, почему истории предстоит закончиться? Почему Бог намерен в определенный момент прекратить естественную смену поколений?

Философы и богословы сходятся на том, что причиной конца света станет кризис культуры богообщения. По утверждению психологов, человек, исключенный из общения с себе подобными, не развивается как личность и ребенок, воспитанный волками или обезьянами, не может прижиться в мире людей. Схожим образом и тот, кто отлучен от общения с Богом, не достигает минимальной меры развития, необходимой для жизни в вечности. Конец времен ознаменуется пришествием «последнего человека», который не будет способен сделаться насельником горнего мира в принципе. В ходе человеческой истории число духовных «тарзанов» и «маугли» неуклонно возрастает – так что в какой-то момент способных жить в Царстве Небесном совсем не будет. Христос говорит о последних временах: «*Сын человеческий, придя, найдет ли веру на земле?*» (Лк. 18:8). Конец света наступит потому, что набор жителей Небесного Иерусалима из рождающихся на земле людей окажется более невозможным.

Любопытная деталь: даже совсем не религиозные философы задаются вопросом: как развивается кризис культуры богообщения? Почему диалог с Богом становится невозможным? В 1885 году Фридрих Ницше восклицал: «Смотрите! Я показываю вам последнего человека. “Что такое любовь? Творение? Устремление? Что такое звезда?” – спрашивает последний человек и моргает».

Это-то вот «моргание» и было тем отличительным признаком, который больше всего раздражал Ницше в последнем человеке. Почему? Столетием позже этот вопрос прояснил французский философ Ги Дебор, подробно описав нечеловеческое «общество спектакля».

Евангелие от Луки содержит весьма примечательный эпизод встречи Спасителя с Иродом Четверовластником: «*Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался, ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем и надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо, и предлагал Ему многие вопросы, однако Он ничего не отвечал ему*» (Лк. 23:8–9).

Это очень странно: Христос говорит со всеми – с мытарями и грешниками; с фарисеями и саддукеями; с прокаженными и знатнейшими людьми народа Израилева. Спаситель отвечает самарянке, римскому язычнику

Понтию Пилату и даже Иуде-предателю. Единственный человек, которому Спаситель отказывает в диалоге, это Ирод Антипа. Неужели этот последний провинился перед Богом больше всех?

Дело в том, что Ирод Антипа – это и есть ницшеанский «последний человек», типичный представитель деборова «общества спектакля». Он не способен отнестись к чему-то всерьез. Даже Самого Христа Ирод воспринимает как фокусника, развлекающего зрелищем праздную толпу. Но «спектакль противоположен диалогу», – отмечает Ги Дебор. И в самом деле, что бы ни ответил Ироду Спаситель, Он не смог бы вступить с ним в диалог. Любая реакция, кроме молчания, автоматически включила бы Христа в предложенный тетрархом спектакль. Неизбежно Спаситель мира начал бы играть роль шута, предназначенную Ему «моргающим» зрителем.

Но спектакль в любом случае должен окончиться смехом. Галилеянин молчит и не показывает чудес? Для Ирода это означает только одно: Иисус Назарянин плохой шут. «Что ж! – решает тетрарх, – в таком случае посмеемся над Его сценической неудачей! Ведь чем хорош спектакль? Тем, что он способен включить в себя все. Даже реальная смерть, приключись она с актером-комиком на сцене, станет хорошей шуткой». И вместе со своими воинами Ирод уничижает Христа и осмеивает Его.

Ницше тонко прочувствовал эту ситуацию. Позже он поставил в нее своего героя. Пророк Заратустра, ошеломленный балаганной реакцией людей на его первую проповедь, говорит сам себе: «Непреклонна душа моя и светла, как горы в час дополуденный. Но (люди) думают, что холоден я и что говорю я со смехом ужасные шутки. И вот они смотрят на меня и смеются, и, смеясь, они еще ненавидят меня. Лед в смехе их».

Вне диалога жизнь невозможна. Именно поэтому Дебор называет общество спектакля «зрелищной организацией небытия», «отрицанием жизни, которое стало видимым». Всякое действие последних времен превращается в шоу. В новейшей истории России уже было тому ужасное подтверждение. Террористы, ворвавшиеся в театральный центр во время исполнения в нем популярного мюзикла, были озадачены тем, что их никто не воспринял всерьез. Зрители сочли вооруженных людей актерами, участниками действия, и только первые трупы смогли их отрезвить. Современный терроризм есть не что иное, как порождение «общества спектакля». С точки зрения теоретика-радикала, в современном мире нет иного способа заставить людей относиться к тебе серьезно, кроме как убивая их.

Ги Дебор был одним из идейных лидеров майской революции 1968 года. Однако впоследствии философ был вынужден признать, что «общество

спектакля» и восстание против себя превратило в спектакль. Даже наиболее самоотверженные и искренние революционеры не смогли избежать роли шутов. Что случилось с именем Че Гевары? Оно превратилось в популярный молодежный бренд, стало символом «хорошо упакованного и политически корректного бунта против мира, где царит политкорректность и все хорошо упаковано для продажи». Поняв это, философ спился и покончил с собой.

«“Счастье найдено нами”, – говорят последние люди и моргают». В речи Заратустры неоднократно повторяется эта фраза. Очевидно, Ницше акцентирует внимание на двух признаках «последнего человека». Они-то и становятся главными основаниями прекращения богообщения. Господь будет молчать перед «моргающим» зрителем из «общества спектакля», как Он молчал когда-то перед Иродом Антипой. А сам последний человек со своей стороны будет молчать перед Богом потому, что структуры его личности будут зеркально противоположны Заповедям блаженства: вместо духовной нищеты, жаждущей Бога и алчущей правды, там будет «культурная» пресыщенность; вместо миротворчества, происходящего от милости, кротости и чистоты сердца, – малодушная политкорректность; вместо благородства трагических слез – дешевый смех комедии; вместо благодарности Богу, доходящей до жажды мученичества за Христа, – болезненная забота о здоровье, поставленная во главу угла.

Прощение

«*Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут*» (Мф. 5:7), – говорил Спаситель в Нагорной проповеди. Именно эта заповедь из числа блаженств, по мнению некоторых исследователей, более всего полюбилась русскому народу. «Мщения русский народ почти не понимает», – писал Савва Яковлевич Дерунов, поэт и этнограф второй половины XIX века. Русские признают либо непосредственную и открытую реакцию на обиду, либо прощение вины. В этой культуре вообще принято мириться и прощать: «Солдат просит мир не поминать его лихом, уходя на войну; купец – собираясь в дальний путь. Девушка делает это, отправляясь под венец, и потом, готовясь стать матерью, в предчувствии родов, – она опять станет просить прощения у всякого, приходящего в ее дом». «*Солнце да не зайдет во гневе вашем*» (Еф. 4:26) – эти слова апостола стали принципом жизни многих поколений русских людей. Вот и сегодня великодушие считают царской – а иногда называют «русской» – добродетелью.

Однако никакая добродетель не укладывается в простые поведенческие шаблоны. Великодушие тоже предполагает наличие особого такта и рассудительности. В противном случае прощение может стать попустительством злу или формой мести обидчику.

В мире все чаще возникает одна и та же ситуация: некто приходит в христианский храм и совершает кощунство. Возникает вопрос: стоит ли простить кощунника, если тот не просит об этом и вообще не признает за собой никакой вины?

Простое рассуждение говорит о том, что прощению подлежит лишь виновный – невиновного можно только реабилитировать. Простить того, кто не считает себя виновным, – значит морально надругаться над ним, лишить его возможности защищаться и отстаивать свои убеждения.

Существует так называемое «золотое» правило морали: не делай другому того, чего не желаешь себе. Спросим себя: хотели бы мы, чтобы мир безоговорочно прощал нам наши убеждения?

Представим себе ситуацию: человеку в конец стали невыносимы пошлость и разврат языческого мира. Он выходит на площадь и, обратившись к народу, исповедует Христа, попутно обличая ложь идолопоклонства. По закону агиографического жанра, бунтаря должны схватить и казнить после безуспешных попыток принудить его к поклонению идолам. Но вдруг какой-то хитрый «политтехнолог» предлагает христианина простить и отпустить. Что это – прощение или изощренное издевательство? Что, с точки зрения христианина, может быть страшнее, чем отнятие последнего права – возможности путем собственных страданий заставить людей относиться к нему и к его вере серьезно?

Отказать человеку в праве мученичества и исповедничества – это было бы, действительно, не по-христиански. В этом и состоит отличие христианского гуманизма от светского: мы воспринимаем человека всерьез, а не считаем его неделиктоспособным[44] безумцем, который «не ведает, что творит». Ведь тем самым мы намекаем на то, что «только мы ведаем, что он творит», а это, мягко говоря, слишком самонадеянно.

Благородство состоит в том, чтобы оставить нашим врагам возможность страдать за свои убеждения. Это только с первого взгляда кажется позицией инквизитора. На самом деле, наоборот, инквизиторским следует считать предложение прощать насильно. Ведь инквизитор, сжигая осужденного, как раз и считал, что «только он ведает, что творит», и дерзал спасать душу человека вопреки его воле.

---

[44] Неделиктоспособный – не способный самостоятельно нести ответственность за вред, причиненный его действиями. – *Примеч. ред.*

Позвольте, а как же Христос? Ведь Он со Своего Креста молился за Своих мучителей: «*Отче! Прости им, ибо не знают, что делают!*» (Лк. 23:34). Это, действительно, интересно: за кого именно молился Христос, говоря так? За распинавших Его римских воинов, вроде сотника Лонгина, за простых служак, необразованных язычников, которые и своих-то философов не читали, не то что израильских пророков? За людей, которые, будучи проездом в Иерусалиме, пришли просто поглазеть на очередную казнь? Или его молитва распространялась также на иудейских старейшин Анну и Каиафу, которые прекрасно знали, Кого распинают? Если верно второе, то придется признать, что эта молитва Спасителя единственная из всех почему-то оказалась бессильной: четыре десятилетия спустя, Иерусалим был разрушен Веспасианом, и вся дальнейшая история сынов Израилевых до сего дня не оставляет никаких сомнений в том, что крики «*Распни! Распни!.. Кровь Его на нас и на детях наших!*» (Мк. 15:13; Мф. 27:25), оглашавшие двор Пилата, не были прощены и забыты. В то же самое время римский сотник Лонгин принял Крещение и впоследствии даже стал святым Христовой Церкви.

Почему же Господь не прощает всех, несмотря на Свое человеколюбие? В Евангелии от Матфея есть такие слова Христа: «*Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем*» (Мф. 12:31–32). Когда человек противится Истине, не зная, что это Истина, как сотник Лонгин, то он совершает грех и больше ничего. Это можно и нужно простить. Если же он противится Истине намеренно, как Анна и Каиафа, это не только грех, но и убеждение, та самая хула на Духа Святого. Почему Господь не прощает «зло по убеждению»? Потому, что подобное «прощение» – это насилие над сотворенной Им Самим личностью.

Кроме этого, намереваясь простить человека, важно не оказать ему «медвежьей услуги». Об этом напоминает притча Соломона: «*Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его*» (Притч.13:24).

О преображающей пользе наказания лучше других знал Достоевский. Десятилетняя каторга стала для Достоевского местом, где он заново открыл для себя Евангелие. Поэтому он вспоминал о ней не только без ропота, но даже с благодарностью. В 1874 году в разговоре с писателем Всеволодом Сергеевичем Соловьевым он восклицал: «О! это большое для меня было счастие: Сибирь и каторга! Я только там и жил здоровой и

счастливой жизнью, я там себя понял, голубчик... Христа понял... русского человека понял и почувствовал, что я и сам русский, что я один из русского народа. Ах, если бы вас на каторгу!»

В мире полно ненастоящих вещей. И ложных добродетелей в нем не меньше, чем фальшивых денег. А потому благие порывы души становятся прекрасными поступками только в союзе с максимой «семи мудрецов»[45]: «ничего сверх меры».

Доверие

«Блажен муж, не ходящий в совет нечестивых и не стоящий на пути грешных, не сидящий в собрании губителей; но в законе Господнем воля его, о законе размышляет он день и ночь! И будет он, словно древо, насажденное при потоках вод, что приносит плод свой во время свое, и лист его не отпадет; и во всем, что он ни сотворит, успеет. Не так – нечестивые, не так: но они – как прах, что сметает ветер с лица земли...» (см. Пс. 1:1–4).

Так в первом поэтическом произведении царя Давида выражается мысль о практической ценности веры и благочестия: это жизненная сила, противостоящая угрозе небытия, всегда актуальной не только для отдельного человека, но и для целых народов. В тот момент, когда мировоззрение большинства людей ограничивается рамками бытового прагматизма, а добро и зло начинают мыслиться как сказочные категории (нечто вроде Бабы Яги и Доброй Феи), запускается роковой механизм утилизации культуры. Кризис веры – основная причина гибели государств и империй – от Рима и Византии до Советского Союза.

Как известно, империю нельзя победить извне, но она способна успешно разрушить себя изнутри. Главная угроза бытию государства всегда исходит от его собственных граждан. В предельном выражении – это революции и гражданские войны. Однако существуют и менее радикальные, неявные формы опасности, еще не состоявшиеся как факт большой истории. В целом их можно назвать общегосударственным *кризисом доверия*.

Во-первых, этот кризис поражает горизонтальные связи общества: оно становится дискретным, распадаясь, в лучшем случае, на семьи и профессиональные корпорации. Местоимение «мы» в сознании людей фактически перестает означать народ (как предполагает первая строка

[45] «Семь мудрецов» – греческие мыслители и государственные деятели VII–VI вв. до Р. Х. Разные источники называют разные их имена. – *Примеч. ред.*

Конституции) и начинает представлять клан, социальную страту, профессиональный цех, национальное или религиозное меньшинство... Если же большое «мы» перестает быть реальностью, то и все действия отдельных лиц, осуществляемые от его имени (будь то законы, налоги, политические технологии, национальные проекты и прочие инициативы власти) начинают восприниматься обществом скептически. Нормой жизни становится правовой нигилизм и экономическая безответственность.

Распад общества на отдельные кланы коренным образом изменяет практическую позицию каждого человека по отношению к государству. Если государство перестает быть сувереном, то служение национальному интересу сменяется стремлением защитить ту малую группу, с которой человек себя отождествляет. Мир людей, начинающийся за пределами своей группы, он начинает воспринимать примерно так же, как охотник воспринимает лес: с ним нужно вступить в борьбу, победить и захватить по возможности больший трофей. Собственности в лесу нет, поэтому ничто, добытое там, нельзя считать кражей. Право там тоже отсутствует, стало быть, всякое действие «лежит по ту сторону» справедливости и может быть оценено только с точки зрения его эффективности. Именно поэтому атомизация общества всегда влечет за собой господство частного интереса, небывалый масштаб коррупции и презрение к договору.

Во вторую очередь кризис доверия поражает вертикальные (властные) скрепы общества. Начальник любого уровня убежден: среди его людей практически нет тех, кто умеет работать. В результате он либо вводит прямое управление и берется лично контролировать работу каждого рядового сотрудника, либо создает сложный многоуровневый контролирующий аппарат, отвлекающий на себя большую часть ресурсов. Возможен и третий вариант: вообще устраниться от решения должностных задач и сосредоточиться на использовании служебного положения в личных целях, ибо «с этим народом все равно ничего не сделаешь».

С точки зрения типичного подчиненного, уверенного в том, что все должности продаются и покупаются, почти всякий современный начальник нелегитимен и безблагодатен. От него нельзя ждать мудрых решений, а потому его следует обманывать или, по возможности, игнорировать вообще. Отсюда – изощренное искусство саботажа, умение изображать занятость при отсутствии ощутимых результатов работы.

Это взаимное недоверие, как и всякое неверие вообще, наполовину обусловлено объективно и отчасти произвольно. Тот, кто не верит в начальство и кое-как выполняет распоряжения, дает повод не доверять ему

ответственных поручений. С другой стороны, прямое управление и перекрестный контроль уничтожают в человеке привычку к самостоятельности и чувство ответственности. (Совесть, действительно, «лучший контролер», но она может проявить себя только в отсутствие в салоне автобуса действительного контролера.) Начальник, злоупотребляющий контролем, сам создает себе недееспособных подчиненных. Ситуация замыкается и состояние государственных дел усугубляется на каждом новом витке отношений.

Выйти из порочного круга можно только одним путем – тем же, каким вошли. Нужно проявить волю и поверить в Россию, что означает: доверять своим согражданам, даже точно зная, что будешь обманут. Так, герой известного фильма Данила Багров попадает в смертельно опасную ловушку, расставленную для него старшим братом, и лишь по счастливой случайности справляется с ней, оказываясь хозяином положения. Он подходит к предателю и обнимает его, как ни в чем не бывало. А на ехидное замечание со стороны («Это он тебя сдал!») отвечает одним словом: «Знаю».

Но научившись доверять другим, нужно еще устранить сомнения окружающих относительно надежности тебя самого. Это будет возможным, если о тебе скажут, как об одном известном философе: «Легче Солнце сбить с его орбиты, чем Сократа – с пути добродетели». «Доверять и быть достойным доверия» – вот первый этап всякой «игры патриотов». Но именно этим двум вещам и учит людей религиозная вера в Невидимого Бога.

Так что прав Достоевский: без веры в Христа невозможна и Россия. Пушкин, чутко отзывающийся на вдохновение, точно указывает причины творческого бессилия, утверждая: «гений и злодейство – вещи несовместные». Вот и пророческий взгляд царя Давида ясно различает путь, ведущий к успеху и процветанию: это утверждение веры и благочестия, вопреки конъюнктуре момента, «*ибо знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет*» (Пс. 1, 6).

Красота

«Красота – страшная вещь», «ею можно и горы свернуть», – говорят герои Достоевского. На протяжении многих веков художники и женщины усерднее прочих стремились овладеть этой силой, подчинить ее своим целям. Но мудрых немного – не постигнув тайны красоты, невозможно ее приручить. И потому искусного в искусстве и по сей день гораздо

больше, чем прекрасного, а красивых людей много меньше, чем нарядных и приукрашенных.

Глянцевая красота навевает скуку. В ней нет ничего интересного. Произведения значительного числа современных художников могут быть мастерски выполнены, но зачастую не имеют художественного предмета, достойного изображения. Они напоминают пустые, бессодержательные отчеты о деятельности партии и правительства, прочитанные по радио красивым трагическим голосом Левитана, предназначенным для сводок с фронтов Великой войны.

Между тем, секрет красоты давно разгадан и тот, кто обратится к диалогам древнегреческого философа Платона, может без особого труда узнать его.

Платон говорит о том, что всякая вещь имеет свойства, невидимые взгляду и доступные только уму. Например, мы безошибочно отличаем автомобиль от мотоцикла. Но в чем заключается это отличие? В количестве колес? Но если вор ночью снимает с автомобиля два колеса, он не превращает его в мотоцикл. Так же обстоит дело и с прочими деталями: машина не перестает быть собой, лишившись двигателя, руля и подвесок. И даже глядя на вдребезги разбитый автомобиль, мы не спутаем его ни с чем другим.

Это затруднение можно обойти, если предположить, что помимо материальной части вещи имеют также идеальную составляющую. Одна и та же идея многократно отпечатывается в материи, создавая множество конкретных вещей. Представим себе босого человека, идущего по земле. Вот нога его вступила в сухой песок, затем – в слежавшийся снег, чуть дальше – во влажную глину. Разглядывая получившиеся отпечатки, мы непременно заметим в них нечто общее. Но напрасно было бы искать это общее в области материального – в свойствах желтого песка, белого снега и красноватой глины. «Материя сообщает разнообразие предметам одного класса, а идея отвечает за их единство», – заключает философ.

Еще можно заметить, что мокрая глина лучше держит след, нежели песок или снег. Подобным же образом одна и та же идея с разной степенью отчетливости отражается в тех или иных видах материи. Этим определяется качество или красота вещи. И Платон делает вывод, что лишь идеи обладают подлинной или абсолютной красотой. Вещи только передают или отражают красоту, словно «тусклое зеркало». И потому, когда мы восхищаемся великолепием Кавказских гор или красотой женской, мы расточаем похвалы совсем не по адресу.

Этим рассуждением Платон очень обнадежил юношу, страдавшего из-за неразделенной любви. Философ растолковал, что Елену Троянскую,

послужившую причиной знаменитой войны, Гомер не без умысла называл «луноподобной». Луна, как известно, не излучает собственного света, но одаряет ночного путника отраженным светом Солнца и немедленно скрывается при первом появлении подлинного светила. Вещи, которыми мы привыкли восхищаться, не являются виновниками красоты. Они всего лишь несут в себе отпечаток того блага, к которому безусловно стремится наше эстетическое чувство.

Так, встречая в чужом краю земляка, мы радуемся и заключаем его в объятья, которых он, может быть, по своим личным качествам совсем не достоин. Этот человек, сам того не подозревая, напоминает нам об оставленной Родине, подлинном предмете нашей любви, и потому оказывается согрет радушием, которого не чаял.

Рассуждения Платона разрушают глянцевый стереотип красоты. Не математическая соразмерность и симметричность черт лица, а отпечаток идеи добродетели делают человека красивым. Именно от платонической теории идей берет начало расхожее суждение о том, что «шрамы украшают мужчину». Спросим себя: что означает это выражение? Почему нельзя сказать: «Шрамы украшают женщину?» Да и всякие ли шрамы украшают мужчину? Украшает ли его, например, шрам от аппендицита? Здесь совсем нетрудно увидеть, что красоту мужскому лицу придает идея мужества, запечатленная на нем в виде благородного боевого рубца.

Так что завсегдатаям салонов красоты можно сказать: «Не обманывайтесь. Не бывает красивых глаз – бывает красивый взгляд; не бывает красивых губ – красивой бывает только улыбка; даже идеальных пропорций тело может принять отвратительную позу, а значит, красота открывается через жест».

Волевым усилием можно сделать пантомиму, но нельзя имитировать выразительный взгляд или мужественный жест. Даже профессиональному актеру зачастую оказывается крайне сложно преодолеть свое амплуа и сыграть несвойственную ему роль. Вот и человеческая красота не достигается специальным театральным приемом. Однако это совсем не означает, что человек не способен стать красивым по собственной воле.

В своих произведениях русский философ Иван Ильин неоднократно говорит об одном из основных законов духовной жизни: человек делается похожим на то, над чем он долго медитирует. Причем под медитацией здесь понимается отнюдь не восточная духовная практика, а планомерная и упорная работа духа над определенным предметом. Справедливость этого закона можно заметить в быту. Очень часто по внешности человека можно судить о роде его занятий. Профессия, как говорится,

накладывает на человека свой отпечаток и торговца можно легко отличить от профессора, фермера – от офицера, бандита – от дирижера симфонического оркестра.

Как уже сказано выше, не бывают красивыми глаза – красивым бывает взгляд. Красоту взгляду придает, например, вдохновение или храбрость, героизм, упорство, которое воин проявляет в минуту опасности. Если для человека привычно вдохновение, то это выражение постепенно, с годами закрепляется в мельчайших морщинках его лица, и лицо делается красивым и вдохновенным. Если это мужественный воин и он изо дня в день ожесточает свою волю против обстоятельств, опасностей или уныния, которое связано с трудностями и лишениями воинской жизни, то это выражение твердой уверенности, непрошибаемости, воли также запечатлевается в каждой морщинке его лица. Ты сразу видишь, что человек мужественный, это украшает мужчину даже без всяких шрамов.

По стандартам красоты древнегреческий философ Сократ был почти уродлив: глаза навыкате, лысина и большая шишка на лбу. Но его ученики влюблялись в него безумно, некоторые даже не как друзья или ученики, а так, как влюбляется в мужчину женщина. Потому что, будучи некрасивым от рождения, он стал красивым: выражение вдохновения и мудрости с годами запечатлелось в его лице, и люди, общавшиеся с ним лично, говорили, что он очень красив.

Если же человеческую красоту образует отпечаток идеи добродетели, то для того чтобы стать красивым, нужно сделать добродетель своей профессией. Или саму профессию превратить в дело добродетели, как это делали святые, называемые преподобными.

Можно предположить, что народ, шедший за гробом почившего преподобного Сергия Радонежского, оплакивал не политического деятеля, «способствовавшего централизации русских земель», и не таившуюся в нем чудотворную силу, способную при случае вывести из-под земли воду или воскресить умершего отрока, но отчетливо запечатлевшуюся в каждой черточке его лица красоту Распятого ради нас Бога.

Отвага

Древнегреческий философ Пиррон славился невозмутимостью даже среди собратьев-мудрецов. Однажды корабль, на котором он плыл, попал в жесточайшую бурю. Паника охватила людей на борту. И только двое сохранили полное спокойствие: Пиррон, задумчиво поедающий оливки, и маленький поросенок, крутившийся у его ног. Желая успокоить спутников, Пиррон, кивнул на поросенка и сказал: «Посмотрите

на это бессловесное животное. В отличие от вас, оно не боится шторма потому, что не знает о нем: здесь, в трюме, пока сухо и тепло. Почему же вы боитесь смерти, друзья мои? Бояться следует того, что несет нам зло. А о смерти никто не знает, добро она или зло. Поймите же то, что вы знаете о мире не больше этого поросенка, и страх больше не будет иметь над вами власти».

Страх – удел рабов. И потому философия в стремлении сделать человека свободным всегда учила его побеждать грех малодушия. Римский философ-стоик Сенека увещевал своего юного ученика: «Большинство (людей) так и мечется между страхом смерти и мученьями жизни; жалкие, они и жить не хотят, и умереть не умеют. Сделай же свою жизнь приятной, оставив всякую тревогу о ней». Древние мудрецы полагали, что отвага, свойственная свободному мужу, воспитывается постижением четырех главных истин.

Первая истина гласит: не страдай в рассрочку. Эпикур говорил: «Только люди бывают так неразумны и даже безумны, что некоторых заставляет умереть страх смерти». «Так предвиденье, величайшее из данных человеку благ, оборачивается во зло, – любил повторять Сенека. – Звери бегут только при виде опасностей, а убежав от них, больше не испытывают страха. Нас же мучит и будущее, и прошедшее. И никто не бывает несчастен только от нынешних причин». Иначе говоря, беда, которая может приключиться с человеком, – это товар, продаваемый нам втридорога наглым спекулянтом. Мало того, что мы платим страданием за несчастье – с нас взымается непомерный процент в виде мучений страха, вызываемых ожиданием этого зла. Мы привыкли возмущаться высокими налогами. Так почему же мы столь покорно соглашаемся с поборами – в виде страха – на будущие возможные несчастья? «Даже если нам предстоит страданье, что пользы бежать ему навстречу? – читаем мы в письмах Сенеки к Луцилию. – Когда оно придет, ты сразу начнешь страдать, а покуда рассчитывай на лучшее. Глупо, конечно, чувствовать себя несчастным из-за того, что когда-нибудь станешь несчастным».

Вторая истина говорит: загляни под маску. Вымышленное тревожит больше, и слух о ярости врага действует на душу сильнее, чем появление самого врага. Вот совет Сенеки: «Помни прежде всего об одном: какова бы ни была беда, найди ей меру и взвесь свой страх. Отдели смятение от его причины – и ты убедишься, что на свете нет ничего страшного, кроме самого страха». Со взрослыми людьми часто случается то же, что и с детьми: они пугаются, если вдруг увидят в масках тех, кого любят, к кому привыкли, с кем всегда играют. Не только с людей, но и с обстоятельств

нужно снять маску и вернуть им подлинный облик. Альпинист не боится трехсотметровой пропасти потому, что знает: десятиметровая расщелина может убить его не менее верно. Лишняя пара сотен метров высоты роли уже не играет. Моряк спокойно вглядывается в бушующее море: миллиарды тонн крутящейся в бешеном вихре воды не могут ему повредить, ибо дыхание перекрывается уже первым литром. Бывает так, что человек умирает, поперхнувшись чаем. Но ведь не боимся же мы стакана чая? А море не может причинить нам большего вреда. Выходит, не столь многое нас мучит, сколь многое пугает.

Третья истина советует: выходи своему страху навстречу. Часто мы боимся потерять свой социальный статус, привычный достаток и бытовой комфорт. Нам страшно лишиться жилища и оказаться на улице. Но посмотрите на министра или миллионера: они точно так же боятся лишиться своих привилегий; кошмаром для них оборачивается перспектива ездить на общественном транспорте. Мы смеемся над их страхами, ибо каждый день спускаемся в метро. Так же и над нами в свою очередь смеются странники, геологи, лесники. Стоит пожить немного их жизнью – хотя бы для того, чтобы не приходилось вытягиваться в струнку при каждом капризе начальства, испытывая унизительный страх увольнения. Древние философы советовали своим ученикам несколько дней подряд довольствоваться скудной и дешевой пищей, грубым и суровым платьем. И тогда ученик с облегчением говорил сам: «Так вот чего я боялся? Пусть же среди полной безмятежности душа готовится к трудностям, среди благодеяний фортуны копит силы против ее обид!» Подобно солдатам, которые в мирное время изнуряют себя учениями, чтобы, по слову Суворова, легче переносить тяготы войны, этому же правилу следуют те, кто во время поста подражает беднякам, доходя чуть ли не до нужды. Потом они не боятся зла, к которому заранее приучают себя. Философы-стоики призывали учеников заранее отвращать удары судьбы: «Будем же упражняться на чучеле беды! И, чтобы фортуна не застала нас врасплох, поближе сойдемся с бедностью!»

Четвертая истина звучит, пожалуй, красивее прочих: смерть, полагающая предел страданиям, настолько не страшна, что благодаря ей ничто для нас не страшно.

Заблуждение наше несомненно: мы привыкли думать, будто смерть – это что-то, поджидающее нас впереди. Между тем, большая часть смерти у большинства людей позади. Дело в том, что мы не сразу попадаем в руки смерти – это происходит постепенно, день за днем. Смерть все время рядом с нами. И всякую минуту она совершает над нами свое привычное дело. Так старик Сенека беседовал с юношей Луцилием:

– Вплоть до вчерашнего дня все минувшее время погибло, да и нынешний день мы делим со смертью. Как водяные часы делает пустыми не последняя капля, а вся вытекшая раньше вода, так и последний час, в который мы перестаем существовать, не составляет смерти, а лишь завершает ее: в этот час мы пришли к ней, а шли мы долго.

– Да, учитель, теперь я вижу, что смерть, уносящая нас, – лишь последняя смерть среди многих. И почему я должен ее бояться? Разве я боюсь потерять ясность сознания, когда засыпаю? Нет, ибо ночной сон – дело привычное. Но сплю я только по ночам – умираю же всегда.

Интересно, что так рассуждали язычники, не имеющие упования и считавшие надежду пороком. Что же скажем миру мы, слышавшие слова Спасителя: «*Мужайтесь: Я победил мир*» (Ин. 16:33)?

Честь

«Честь? Не будьте смешным. Эполеты, аксельбанты, дуэли, “стволы Лепажа роковые”[46] – все это давно забытая мода романтической эпохи. Сегодня говорить о чести – все равно что спуститься в метро в костюме мушкетера Людовика XIV».

Так склонны рассуждать о чести те, кто смутно представляет себе содержание этого имени. Между тем, честь – это венец мужества, то есть способности утверждать собственное бытие вопреки угрозе небытия. Немецкий богослов Пауль Тиллих замечал, что угроза небытия смутно ощущается человеком в виде трех видов тревоги: во-первых, это тревога судьбы и смерти; во-вторых, тревога вины и осуждения, в-третьих, – пустоты и отсутствия смысла. Честь – это вполне конкретное содержание духа, позволяющее человеку преодолевать последнее и самое страшное испытание – тревогу пустоты и отсутствие смысла.

В фильме «Чистилище» Александр Невзоров показывает такое испытание. В одном из боев на улицах Грозного снаряд разбивает трак танка. И хотя орудия наведены на дом, в котором укрылись боевики, грозная боевая машина обездвижена и окружена чеченскими бронебойщиками. Возникает патовая ситуация. Командир боевиков сигнализирует русским о намерении вступить в переговоры.

«Я вижу, что ты не наемник и пришел сюда не ради денег, – говорит он русскому лейтенанту. – Я уважаю твою волю умереть за Отечество. Но, боюсь, умереть за Отечество здесь могу только я. Твои командиры

[46] У А.С. Пушкина в «Евгении Онегине» – «Лепажа ствóлы роковые» (глава шестая, XXV).

предали тебя. Объявив войну, они вовсе не собирались побеждать. Их интерес в том, чтобы война продолжилась как можно дольше, ибо для них это бизнес: здесь зарабатываются и отмываются такие деньги, которые тебе даже и не снились. Разве тебя не убеждает в этом твое игрушечное оружие? У меня спутниковая связь, а ваши рации никуда не годятся – мы легко перехватываем ваши переговоры и раньше вас самих знаем, что вы собираетесь предпринять. Ваша разведка действует наугад, а наша агентурная сеть успешно решает свои задачи в самой Москве. Вчера мы перехватили ваш транспорт. Смотри же, что приготовило вам ваше командование для войны!» Чеченец разорвал пакет и протянул лейтенанту объемную стопку листков, на которых крупным шрифтом было отпечатан один и тот же текст: «ГРУЗ 200».

«Ичкерии нужны хорошие танкисты, – закончил он свою речь. – Может быть, нам и не одолеть огромной России. Зато самый последний из моих солдат знает, что он, по крайней мере, умрет воином, а не станет мелкой разменной монетой в чьем-то бизнесе. Воин вроде тебя, живущий мыслью о достойной смерти, может получить желаемое, сражаясь на нашей стороне». Чеченский командир был очень убедителен. Почему же русский лейтенант не послушал его?

Достоевский говорит о том, что тяжесть каторжного труда составляет его бессмысленность, а вовсе не объем или сложность. Чеченский командир абсолютно верно рассчитал свой ход: ведь если человека вгоняет в уныние бесцельный труд, то какой разрушительный кризис способно произвести в душе служение и «верность даже до смерти», оказавшиеся бессмысленными?

Мы привыкли восхищаться мужеством воина, который свидетельствует и утверждает жизнь в прошитом смертью пространстве, на распаханном снарядами поле, где не растет даже трава. Но кто способен сохранить хладнокровие и волю к жизни там, где отсутствуют даже смыслы? Что дает возможность некоторым из нас заглядывать в эту пропасть, не испытывая головокружения?

Это честь офицера – цельная и прекрасная идея вполне конкретного содержания, завершение способности быть, то есть мужества; идея, преодолевающая периодически образующуюся бессмысленность служения.

Содержанием чести является чисто религиозная идея о том, что человек долга не может погибнуть зря. В судьбе того, кто предал себя воле Божией, вообще нет ничего случайного.

Так, увидев безволие и апатию, поразившие большинство греческих городов, царь Леонид увел три сотни лучших воинов к Фермопилам.

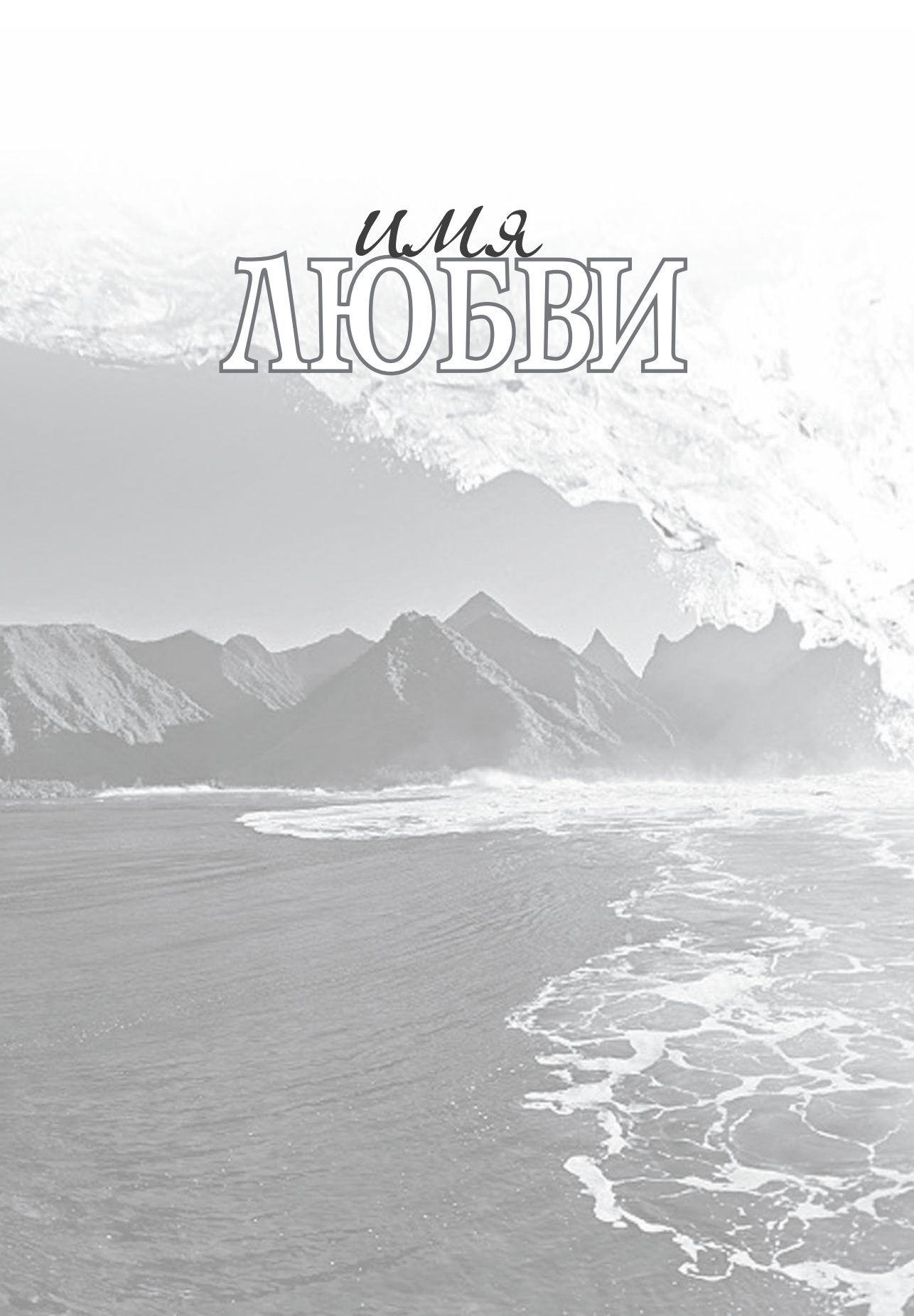
В перспективе было только серьезное драматическое сражение с заведомо предуготовленным поражением. Но царь Леонид не совершил самоубийства. Как оказалось впоследствии, он оставил залог будущих побед для новых поколений. Дети побежденных не усвоили себе пораженческого комплекса «побитой собаки». Блистательная и трагическая гибель спартанцев при Фермопилах стала тем сюжетом, переживая который всё новые и новые поколения переживали катарсис (очищение духа) и, наконец, исполнились воли бороться и побеждать.

Честь офицера – это определенным образом структурированная воля. И в структуре этой воли есть что-то, поразительно напоминающее веру ветхозаветного пророка. Оба они – и воин, и пророк – зачастую действуют в ситуации, когда единственным мотивом продолжать свое дело остается убежденность в том, что «всё не зря»: не напрасно сорокалетнее скитание в пустыне, не напрасна и гибель трехсот лучших юношей у Фермопил; не зря совершена скомпроментированная предательством жертва и не пропадет всуе ожесточение одинокой воли пассионария в условиях всеобщей коррумпированности и господства частного интереса.

Моисей не увидел Храма и расцвета веры в Израиле. Тот, кто вывел свой народ из египетского рабства, сам так и не вступил в Землю Обетованную: «*И взошел Моисей с равнин Моавитских на гору Нево, на вершину Фасги, что против Иерихона,.. И сказал ему Господь: вот земля, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: “семени твоему дам ее”; Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но в нее ты не войдешь. И умер там Моисей, раб Господень, в земле Моавитской, по слову Господню; и погребен на долине в земле Моавитской против Беф-Фегора, и никто не знает места погребения его даже до сего дня*» (Втор. 34:1–6).

Но именно о нем, спустя несколько столетий прозвучали слова Христа, обращенные к апостолам: «*Жнущий получает награду и собирает плод в жизнь вечную, так что и сеющий и жнущий вместе радоваться будут, ибо в этом случае справедливо изречение: один сеет, а другой жнет. Я послал вас жать то, над чем вы не трудились: другие трудились, а вы вошли в труд их*» (Ин. 4, 36–38). Воистину достоин восхищения тот, кто способен, не спрашивая о награде, «верно исполнить закон». «*Ты поверил, потому что увидел Меня*, – говорил Воскресший Спаситель апостолу Фоме, – *блаженны невидевшие и уверовавшие*» (Ин. 20:29).

Имя любви



Религия в представлении значительного числа людей прочно связывается с законом, строго регламентирующим жизнь человека от колыбели до могилы. И действительно, в иудаизме насчитывается шестьсот тринадцать мицвот – запретов, заповедей и предписаний, которые должен выполнять всякий иудей. В исламе есть пара понятий – халяль и харам, которые означают разрешенный и запрещенный образ действий, мыслей и чувств. К христианству многие подходят с теми же представлениями, и потому их столь смущает и поражает пастырский совет Блаженного Августина: «Люби Бога и делай, что хочешь».

Кто-то увидит в этих словах религиозный фанатизм: дескать, тому, кто любит Бога, все дозволено. Но на самом деле здесь выражена совершенно иная мысль: любовь – это высшая форма знания. Так, например, ученый-зоолог, влюбленный в свое дело, способен прийти в восторг, разглядывая мохнатые лапы паука, в то время как обыватель, заметив поблизости подобное чудовище, брезгливо морщится, испытывая только отвращение.

Будучи совершенным знанием, любовь оказывается выше закона. Супруги, живущие по любви, точно знают, как позаботиться друг о друге, и потому не нуждаются в указаниях Семейного кодекса. Вдохновение Моцарта позволяет расставлять ноты гораздо лучше всякой теории композиции, что вызывает приступ зависти у пушкинского Сальери, который «музыку разъял, как труп» и «поверил алгеброй гармонию». Человек, руководимый подлинной любовью, чья правая рука уже не знает, что делает левая (см. Мф. 6:1–4), способен совершать поступки, которым его не могли бы научить ни Будда с Моисеем, ни Мухаммед с Зороастром.

Однако, наивно следуя совету Блаженного Августина, многие из нас совершают жесточайшую жизненную ошибку. Дело в том, что существует множество увлекающих человека различных сил, которые совсем не являются подлинной любовью, хотя и имеют схожие с нею симптомы. Неправильный диагноз грозит смертью пациенту. Ошибочно определив свое состояние как любовь, человек с радостным выражением лица спешит навстречу преступлению. И вот уже зрелый муж, глава семьи, решает оставить жену и троих детей, потому что имел несчастие увлечься своей молоденькой секретаршей.

Как же распознать настоящую любовь, ту силу, которая наилучшим образом ведет человека по жизни? Древнегреческий философ Платон составил подробное описание нескольких видов любви, расположив их по восходящей – от низшего к высшему. Рассмотрим четыре из них, которые можно назвать основными.

Романтическая любовь

К числу наиболее распространенных случаев «ложной» любви относится *эрос*, или «романтическая любовь». Есть классический литературный памятник, посвященный влюбленности, – «Ромео и Джульетта» Шекспира.

Многие до слез зачитываются этой пьесой, за чистую монету принимая последние слова, которые особенно красиво звучат в переводе Б. Пастернака: «... нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте». Но, к сожалению, немногие понимают, что эти слова есть не что иное, как выражение сарказма. «Ромео и Джульетта» – это не трагедия, и повествование вовсе не о любви, потому что Шекспир, как человек христианской культуры, знал наизусть классический текст о настоящей любви – «Песнь песней» Царя Соломона: «*Крепка, как смерть, любовь*» (см. Песн. 8:6). В шекспировской фразе: «Как смерть, любовь», слово «крепка» будто упало, когда крепили эту вывеску. Уже этим автор хотел показать, что сюжет не стоит воспринимать буквально и слишком серьезно.

Хочу обратить ваше внимание на то, что в Новом Завете есть классический текст о любви – «Гимн любви» апостола Павла: «*Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий.*

Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто.

И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор. 13:1–8).

Во времена Шекспира в Англии все знали этот текст. Так давайте сравним его с сюжетом «Ромео и Джульетты».

«*Любовь долготерпит*» и «*милосердствует*», – говорит апостол Павел. Увы, но сила этих добродетелей отсутствует у романтической любви. История Ромео и Джульетты развивается столь стремительно, что действие шекспировой трагедии укладывается всего в пять дней – с воскресенья до пятницы. За это время молодой Монтекки успевает совершить два убийства: его первой жертвой становится Тибальт, брат возлюбленной, затем Парис, ее официальный жених. В случае с Тибальтом – понятно, ведь он убил друга Ромео – Меркуцио. Но во втором случае стычка происходит у склепа Капулетти, куда Парис приходит возложить цветы на могилу своей несостоявшейся супруги. Он преграждает путь Ромео, тот выхватывает меч и убивает Париса.

«*Любовь не завидует*», «*любовь не превозносится*», «*не ищет своего*», «*не мыслит зла, не радуется неправде*». Нетрудно заметить, что именно зависть, ревность, эгоизм и замысловатые любовные интриги как раз и являются тем краеугольным камнем, на котором выстраивается драматургия абсолютного большинства произведений романтической литературы.

«*Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится*». Какую горькую усмешку должны бы вызывать эти слова апостола у разводящихся супругов!

Не только в произведениях Леонардо да Винчи есть определенные коды, которые необходимо расшифровать, – в любом художественном произведении масса таких подсказок. В произведениях Шекспира такой код в каждой строчке.

Если помните, когда кормилица шутит с Джульеттой, звучит откровенно пошлая, сальная шутка – куда будет падать Джульетта, когда вырастет. Тот факт, что Шекспир, мастер подтекстов, включает в повествование этот эпизод с шуткой, означает, что в тексте он оставляет для читателя код – не заблуждайтесь, этот текст не о любви.

Давайте рассмотрим только фабулу, оставив за скобками гениальный шекспировский слог.

Строго говоря, Ромео – представитель «золотой молодежи», сын Монтекки, главы одного из кланов, который подмял под себя целый средневековый город. У него даже есть своя банда – Меркуцио, Бенволио и другие. Кроме развлечений, Ромео ничем не занимается. У представителей золотой молодежи есть серьезная проблема – скука. Когда мы впервые встречаем Ромео, он «тоскует по любви», а Бенволио над ним подшучивает, припоминая сколько «возлюбленных» у него уже было. Проблему скуки Ромео решает экстримом. Какой план придумали парни?

Пробраться тайно, в масках, на семейное торжество враждующего клана – Капулетти и нанести врагам оскорбление. Вспомните, Тибальт, когда узнал под маской Ромео, хотел убить его на месте.

Молодой Монтекки со своей бандой придумывает крайне опасное приключение, с риском для жизни, – не ради подвига, а нервы пощекотать, ибо скука ненавистная одолела.

Фауст

Мне скучно, бес.

Мефистофель

Что делать, Фауст?
Таков вам положен предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру;
Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру,
И всяк зевает да живет –
И всех вас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты.

Так говорит бес Фаусту в произведении А.С. Пушкина[47].

Не смущало ли вас что-нибудь, когда вы читали первые диалоги Ромео и Джульетты? Например, тот напор, с которыми действует Ромео. Когда человека любишь, в нем всегда видишь что-то святое, появляются страх и благоговение, которые приходится преодолевать.

А Ромео? И пяти минут не прошло, а он уже целует Джульетту в губы! Он ведет себя, как пикапер, показывающий мастер-класс, с секундомером в руке. Ромео не похож на влюбленного человека. Более того, на вопрос Бенволио, удалась ли шутка, он отвечает: «И даже чересчур на этот раз». И это еще один ключ к пониманию того, что произошло. С таким как Ромео, молодым, богатым и красивым, пойдет любая – и от этого скучно. Но Джульетта недоступна, хотя и живет в том же городе, ведь она из враждебного клана – до нее Ромео так же трудно дотянуться, как и до противоположного полюса земного шара. Но он придумал план, и жизнь сразу заиграла всеми красками! У Ромео к Джульетте исключительно экстремальный интерес – «взять крепость».

А что Джульетта? Полюбила ли она Ромео? Едва ли. Ее мотив тоже лежит на поверхности. У нее есть жених, который молод, хорош собой,

---

[47] *Пушкин А.С.* Сцена из Фауста.

богат, исполнен всяческих достоинств, но у него есть один серьезный недостаток: он нравится отцу, перед ним двери дома Капулетти всегда открыты, и он не рискует жизнью, как Ромео, пробираясь под ее балкон.

У Ромео есть преимущество, которое затмевает всех поклонников Джульетты, – он рискует жизнью на каждом свидании с ней. От такого безудержного поклонника не откажется ни одна женщина.

Ромео, в глазах Джульетты, самый интересный поклонник, отказаться от ухаживаний которого она не намерена. Взаимный интерес друг к другу вполне понятен и объясним. Просто, понятно, объяснимо, нет таинственности – значит, это не Любовь. Очевидно, это пример романтической любви. И таких примеров великое множество.

Именно поэтому Платон называл эрос низшим видом любви. Но, несмотря на ее явно замутненную природу и способность быть детонатором затаившегося в человеке зла, философ считал романтическую любовь благом, ценным даром, а отнюдь не проклятьем.

«Умри, но не давай поцелуя без любви», – наставляет сморщенная старушка свою ненаглядную внучку. Нужно иметь особое доверие к мудрости седин, чтобы понять из этого совета, какое исключительное значение имеет романтическая любовь для брака. Дело в том, что брак – крайне сложное предприятие, связанное, в том числе, с рождением и воспитанием детей. Помню, когда у меня появился младший брат, моя радость закончилась в первые полчаса, после того как он выразил свою потребность воплем, который потом не прекращался полгода... Бедные родители! Это тяжкий крест, нести который невозможно, не опьянившись любовью, словно наркотическим раствором из «вина со смирною». Пожалуй, ни один человек в здравом уме и трезвой памяти не решился бы на подобный подвиг. Но, наверное, совсем нетрудно просыпаться в пятый раз за ночь от отчаянных воплей встревоженного младенца, ибо велико утешение в улыбке твоей подруги по бытию – улыбке скромной и нежной, обращенной к тебе одному.

Романтическая любовь дает вдохновение создать семью. Она же оказывается и точкой кристаллизации этого малого царства в дальнейшем.

Философ, этнограф и культуролог XX века Мирча Элиаде рассказывает о племени австралийских кочевников, которые всюду возили с собой свой собственный «центр мира» – большой столб, вырезанный из ствола эвкалипта. Он символизировал собой некую космическую ось: именно вокруг него начиналось обживание территории, которая постепенно преобразовывалась в мир для членов племени. Если столб ломался, случалась катастрофа, нечто вроде «конца света»: все племя охватывала тоска,

его члены скитались еще некоторое время, а затем садились на землю и умирали.

Нечто подобное можно заметить в семьях, где отсутствует или ломается подобный «священный столб» взаимной любви супругов. Мир, обжитое пространство, в котором только и может жить человек, разрушается, уступая место хаосу, геометрической территории, на которой разбросано несколько живых, растерянных «точек». И тогда другие миры увлекают их, захватывая в свою орбиту. В собственной семье дети становятся беспризорниками, приходя в родительский дом разве что пообедать и переночевать.

Но если романтическая любовь по предназначению напоминает «фронтовые сто грамм», то с нею нельзя играть, возбуждая чувственность без намерения вступить в брак. Тот, кому не время идти в атаку, должен отказаться от боевой нормы, дабы не сделаться ни на что не годным пьяницей.

Человек, который ощутил в себе влюбленность, стоит перед серьезным вопросом: что делать? Нужно ли ему жениться, не откладывая силу любви в долгий ящик, или отказаться от этой силы? Кроме того, есть целый ряд случаев, когда влюбленность не может проявиться законным образом – например, когда влюбляется женатый человек; бывает, что и монах влюбляется; бывает любовь без взаимности. Как поступать человеку в таком случае?

Неразделенная любовь

Аскетика, то есть упражнение, освобождающее душу от тиранической власти страстей, традиционно считается уделом монашества. Но, пожалуй, каждый из нас способен оказаться в ситуации, требующей аскетического ожесточения разума и воли. Это отчаяние неразделенной любви:

Я ломал стекло, как шоколад, в руке,
Я резал эти пальцы за то, что они
Не могут прикоснуться к тебе.
Я смотрел в эти лица и не мог им простить
Того, что у них нет тебя –
И они могут жить[48].

Пусть тот, кто узнает в себе подобные симптомы, не спешит проклинать день своего рождения: любовная болезнь имеет особый смысл

[48] Стихи И. Кормильцева. Песня «Я хочу быть с тобой» группы «Наутилус Помпилиус».

в судьбе человека и, главное, хорошо поддается лечению. Римский поэт Публий Овидий Назон, приветствуя несчастливого влюбленного из глубины веков, передает рецепт:

Я прихожу возвестить угнетенному сердцу свободу –
Вольноотпущенник, встань, волю приветствуй свою!

Свод советов, предложенный им в произведении «Лекарство от любви», можно свести к трем аскетическим правилам.

Первое широко практикуется в обычной медицине и именуется термином «карантин».

Так отправляйся же в путь, какие бы крепкие узы
Ни оковали тебя: дальней дорогой ступай.
Дней и часов не считай и на Рим не гляди восвояси.
В бегстве спасенье твое, как у парфянских стрелков.

Логика карантина проста: нужно разорвать связь с источником болезни, удерживая себя от искушения встретиться, позвонить, написать эс-эм-эс-ку. Следует также избегать общения с другими влюбленными, удаляться от мест, способных поэтически напомнить об оставленной подруге, и даже воздерживаться от разговоров о ней.

Приступая к исполнению любых аскетических правил, важно помнить, что все они дают желаемый эффект только в союзе со смирением, которое нейтрализует воображение – главного сподвижника страсти.

Существует рассказ о монахе и его послушнике, отправленных по поручению настоятеля в отдаленный город. Их путь пересекала бурная горная речка, на берегу которой путники застали молодую и красивую женщину. Она боялась пуститься вброд и ждала того, кто мог бы перенести ее на другой берег. Молодой послушник отказался прикоснуться к женщине. Пожилой же монах молча взвалил ее на плечо, перенес через реку и, опустив на берег, продолжил свой путь. Вскоре его нагнал послушник. Некоторое время они шли не разговаривая: послушник несколько раз порывался задать вопрос, но смущался и умолкал. Наконец, не выдержав, он спросил: «Отче! Как смели Вы столь нецеломудренно коснуться женщины?» Старый монах усмехнулся и ответил: «Я перенес девицу через реку и давно забыл о ней. А ты до сих пор несешь ее в своем воспаленном воображении».

Фантазию, разжигающую страсть, иной раз не грех разбить о действительность. И потому, применяя правило карантина, не следует бояться случайной встречи. Посмотри на предмет своей страсти при свете дня – пусть заурядность и будничность ее красоты успокоит твое воспаленное воображение.

Второе правило имеет воинское происхождение и называется «правилом белых одежд». С древнейших времен подготовка к сражению начинается со строевого смотра. Казалось бы, скоро свершится история, заговорит оружие, начнется суровый спор о жизни и смерти – какое дело человеку до того, насколько хорошо отутюжена его форма и начищены сапоги? Зачем кроют золотом погоны в ожидании грязи, крови и смерти? Дело в том, что с подготовки к строевому смотру, с безукоризненного внешнего вида начинается мобилизация духа, приводятся в боевую готовность способности и внутренние резервы человека. Христос говорит: «*Когда поститесь не будьте мрачны, как лицемеры... Умой лицо свое и помажь голову маслом*» (Мф. 6:16). Личный состав военного корабля перед боем получает команду одеться «по первому сроку», ибо «положено в чистом на дно уходить морякам»[49]. Так и неразделенная любовь – весьма критическая ситуация, требующая особого мужества, собирание которого в душе начинается, в том числе, и с блеска безукоризненно начищенных ботинок.

Все, наверное, замечали, что поведение человека меняется в зависимости от одежды, которую он надел. Галстук для того и нужен, чтобы мужчина не чувствовал себя расхлябанным. По одежде можно определить духовное состояние человека и предположить, как он будет выполнять свою работу или нести служение. Внешний вид человека отражает его внутреннее состояние, и поэтому так важно не запускать себя. Катастрофу внутреннего царства человека, происшедшую из-за неразделенной любви, можно преодолеть только силой мобилизованного духа, которая помогает преодолеть страдания.

Третье правило – «цитадель» – открыли художники. Цитаделью называется центральная, наиболее укрепленная часть крепости. Сюда стремятся жители окрестных деревень в критическую минуту. В духовном смысле это точка кристаллизации и источник роста твоего личного царства. Иногда цитадель называют «алтарем»: она представляет собой область сугубо личного бытия, разделить которое с тобою не может никто, даже самый родной и близкий человек. Каждый из нас рождается, страдает и умирает в одиночку. Одиночество – это та область, где обитают самые заветные желания и идеи, которые не нуждаются в обсуждении с кем бы то ни было. Отсюда возносятся личные молитвы к Творцу и исполняется своя, индивидуальная и уникальная миссия, которая, несомненно, есть у каждого человека в этом мире.

---

[49] Из песни А. Розенбаума «По первому сроку».

Цитадель – ядро личности человека. Если враг захватил «посад», территорию вокруг замка, то жители спасаются, пережидают критический момент в цитадели, самой защищенной части крепости. Пока в цитадели есть жизнь, победа противнику не засчитывается. Когда противник отступит, жизнь распространится из цитадели на всю территорию, и царство войдет в свои прежние границы.

Что-то похожее происходит с человеком, когда он переживает несчастливую любовь. Человек теряет периферийные земли своего внутреннего царства – другой человек, которому мы доверили «земли» в дарительном жесте любви, уносит их с собой. Ощущение преданной или неразделенной любви похоже на боль от потери территории внутреннего царства, когда остался только кусочек обожженной земли вокруг замка.

Удалиться в свою цитадель – это означает сосредоточиться на самой сердцевине своей личности, на призвании человека.

Что составляет сердцевину личности Пушкина? Давайте вынесем за скобки все его литературные опыты, что от него останется? Камер-юнкер, обремененный долгами, – и всё! Другими словами, обычный человек.

Если вынести за скобки всю революционную историю Эрнесто Че Гевары, то останется обыкновенный астматик, врач-дерматолог.

Личность в ходе личной истории разворачивается при исполнении человеком своего призвания. Вспомним евангельскую притчу о талантах:

Человек, «отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое: и одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов; точно так же и получивший два таланта приобрел другие два; получивший же один талант пошел и закопал его *в землю и скрыл серебро господина своего. По долгом времени, приходит господин рабов тех и требует у них отчета. И, подойдя, получивший пять талантов принес другие пять талантов и говорит: господин! пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел также и получивший два таланта и сказал: господин! два таланта ты дал мне; вот, другие два таланта я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел и получивший один талант и сказал: господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое. Господин*

же его сказал ему в ответ: лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью; итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет; а негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов[50].

Из этой притчи становится понятно одно. Если Господь дает человеку талант, то одновременно назначает и послушание. Проще говоря, если у человека что-то получается очень здорово, то он обязан заниматься этим делом, делом своей жизни, следовать своему призванию. Как бы трудно не было сводить концы с концами, человек, следуя своему призванию, «не работает ни одного дня». Есть такая поговорка: «Избери дело по душе, и ты не будешь работать ни одного дня». Когда человек исполняет свое призвание, его силы не уменьшаются, а, наоборот, возрастают.

Святые отцы не специально постились, а настолько увлеченно исполняли свое послушание, что забывали о еде. И при этом слабыми и безжизненными они не становились. «Дух бодр, а плоть немощна» (Мф. 26:41; Мк. 14:38). Когда человек охвачен вдохновением, он забывает обо всем другом.

В Евангелии от Иоанна есть эпизод, когда Господь с учениками оказывается в Самарянском селении. Уставший от пути Христос остается у колодца, а ученики отправляются в город за едой. Когда же они вернулись и предложили ему поесть, Он ответил: «Не надо, Я уже сыт». На вопрос апостолов: «Кто дал Тебе есть?» Учитель ответил: «Моя пища – творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его» (см. Ин. 31–34).

Другими словами, призвание человека лечит от хандры, усталости, уныния. Помогает и от неразделенной любви.

Эффективность последнего правила отмечают даже те, кто далек от философии. Так в одном из выпусков юмористического журнала «Ералаш» был разыгран следующий анекдот. Девочка поливала цветы на своем балкончике. Внизу по пустынной улице катался на велосипеде одинокий паренек. Время от времени он с надеждой поглядывал на одноклассницу и мечтал: «Сейчас она спустится, подойдет ко мне и скажет: “Какой у тебя классный велик!” А я ей в ответ: “Пойдем в кино?”» Но мечта не сбывалась так просто. И паренек решил модернизировать свою двухколесную машину. Он прицепил фару на руль и трещотки на спицы:

---

[50] Мф. 25:14–30.

«Теперь она точно обратит на меня внимание, подойдет и скажет: “Какой у тебя классный велик!” А я ей на это: “Пойдем в кино?”» Увы, снова безрезультатно! Никакие технические решения не меняли настроения возлюбленной. И вдруг невозможное случилось само собой. Паренек, сосредоточенно навешивающий на велосипед некий невообразимый мотор, почувствовал чью-то нежную руку на своем плече. Улыбаясь, рядом с ним стояла она. «Может, пойдем в кино?» – ласково прозвучал девичий голосок. «Причем здесь кино? – был ответ. – Лучше посмотри, какой у меня классный велик получился!»

Отказаться от любви возможно. Следует всего лишь перенаправить ее энергию в творческое русло. У Людвига ван Бетховена, например, была своя, похожая на шекспировскую, история. Исход ее не менее печален, но несравненно более величествен. Бетховен полюбил свою ученицу, которой давал уроки игры на фортепьяно. «Низкое» происхождение гениального музыканта стало, вероятно, основной причиной, по которой юная Джульетта Гвиччарди отказалась выйти за него замуж. Переживая отчаяние неразделенной любви, Бетховен начал пить. Как-то даже уснул в луже на площади, и мальчишки кидали в него грязью. Но все-таки великий композитор нашел в себе силы применить «правило цитадели». Он написал произведение, которое знакомо теперь едва ли не каждому, – «Лунную» сонату. И исцелился.

Вот уже более двух столетий пианисты, открывая ноты этого сочинения, читают: «Соната *quasi una fantasia,* до-диез минор, соч. 27, № 2. Посвящается графине Джульетте Гвиччарди».

Итак, чтобы успешно преодолеть страдания неразделенной любви, нужно вернуться в свою цитадель и сосредоточиться на исполнении собственного призвания – продолжить работу над неоконченной скульптурой, написать симфонию или новую главу романа. Возможно, смысл неразделенной любви как раз и заключается в том, чтобы вернуть человека из мирской суеты и обратить его усердие к делу, которое кроме него не может сделать никто. Так что романтическая любовь – это дар, и как всяким даром, ею нужно всего лишь правильно распорядиться.

Дружеская любовь

«Любой без труда скажет, сколько у него есть овец, но не каждый легко сочтет, сколько у него друзей – настолько они не в цене», – говорил древнегреческий философ Сократ. И по сей день эта насмешка не утратила своей справедливости и остроты. Современный человек имеет широкий

круг общения, но ему почти неизвестно особое чувство дружеской любви. Мы охотно заводим новые знакомства, стремимся окружить себя интересными людьми, но живем среди них с равнодушием евнуха, приставленного следить за порядком в чьем-то чужом гареме.

Тот, кто признает этот упрек и захочет научиться подлинной дружбе, скорее всего, столкнется с известной трудностью: как ее определить?

В «Войне и мире» Толстого можно найти хорошую характеристику дружеской любви. К примеру, когда у Николая Ростова спрашивали, любит ли он свою жену, он отвечал: «Это только Malvina и других любят за то, что они красивы; а жену разве я люблю? Я не люблю, а так, не знаю, как тебе сказать. Без нее и когда вот так у нас какая-то кошка пробежит, я как будто пропал и ничего не могу. Ну, что я люблю палец свой? Я не люблю, а попробуй, отрежь его...»[51]

Любовь можно сравнить с горной рекой: бурная, мощная под ледником, а когда спускается в долину, то характер реки меняется, и она становится спокойной. Романтическая любовь, замешанная на интриге новизны, быстро проходит, а дружеская любовь может не угасать очень долго. Именно на ней основывается крепкая семья. Если же люди оказываются неспособными к дружеской любви, весьма скоро наступает взаимное охлаждение чувств, как это описано Толстым в «Крейцеровой сонате».

Возникает вопрос: что нужно делать, чтобы романтическая любовь переросла в дружескую? Интересно сказал Антуан де Сент-Экзюпери в сборнике очерков «Планета людей»: «Любовь состоит не в том, чтобы не отрывать друг от друга глаз, а в том, чтобы вместе смотреть в одном направлении». Это высказывание абсолютно подходит для определения дружеской любви.

Посмотрите на старых, верных друзей своих родителей, среди них обязательно найдутся те, с кем отец служил, с кем вместе учился или вместе работал. Самые близкие друзья вместе, пока они смотрят в одном направлении. Если исчезает общий интерес, общее дело, общая цель, дружеская любовь испаряется.

Вспомним Петра Первого и князя Александра Меньшикова: царь и самый знаменитый вор в Российской империи. Царь Петр жестко наказывал за воровство, а Меньшикова не трогал: «Алексашка, сволочь ты такая!» А Меньшиков отвечал: «Сволочь, сволочь, Петр Алексеевич, но своя!» Они с Петром смотрели в одном направлении, и Меньшиков был Петру конгениален и помогал ему строить «Русскую Атлантиду».

---

[51] *Толстой Л.Н.* Война и мир. Эпилог.

Дружба – это любовь к своим. Если романтическое чувство навевало Есенину мысли об иностранке Айседоре Дункан, то дружеская любовь вдохновляла поэта иначе:

Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольно крестится рука.
О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску[52].

Если романтическая любовь дает дерзновение завоевывать новые, неизвестные горизонты, то дружеская – помогает творчески обживать и осваивать уже имеющиеся, сохраняя «болезнь теплой грусти» к тому, что давно утратило интригу новизны. В дружеской любви есть здоровый консерватизм, постоянство, способное поддерживать сложные формы жизни. Так что, вопреки распространенному мнению, не романтическая, а дружеская любовь является творческой силой культуры. Не мимолетные романтические увлечения, а устойчивая привязанность к друзьям и верность лицейскому братству сделали поэтом Александра Пушкина. Пору же духовной зрелости Пушкина характеризует, помимо прочего, и явное доминирование в его системе ценностей дружеской любви над романтической.

Когда в объятия мои
Твой стройный стан я заключаю,
И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю,
Безмолвна, от стесненных рук
Освобождая стан свой гибкой,
Ты отвечаешь, милый друг,
Мне недоверчивой улыбкой;
Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участья и вниманья
Уныло слушаешь меня...
Кляну коварные старанья
Преступной юности моей
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей.

---

[52] *Есенин С.А.* Запели тесаные дроги…

Кляну речей любовный шепот,
Стихов таинственный напев,
И ласки легковерных дев,
И слезы их, и поздний ропот.

Другом становится человек, который уже творчески освоен тобою и включен в область твоего мира. Но освоение – это труд, и потому секрет дружбы и заключается в совместном труде. Так в одной из подмосковных электричек еще некоторое время назад можно было заметить супружескую пару пенсионеров, совершавших ежедневный вояж на свой загородный участок. У остальных пассажиров, спешащих к месту работы, они вызывали раздражение: «И чего им дома не сидится в такую-то рань? С виду люди обеспеченные – могли бы спокойно коротать время перед телевизором». Между тем, трогательная забота, которой старики окружали друг друга, не оставляла сомнений: они едут пропалывать огород не ради картошки. Они хотели *быть вместе,* а не просто находиться рядом. Именно для того, чтобы снова глубоко почувствовать свою подругу по бытию, старичок, в силу немощи неспособный к ритуалам романтической любви, каждый день взваливал тяпку и грабли на свои сгорбленные плечи. Дружеская любовь появляется там, где существует совместный труд или борьба, но бесполезно искать ее в праздной атмосфере тусовки.

Дружеская любовь имеет исключительное значение в семье. Протоиерея Константина Островского как-то спросили: почему современные дети теряют уважение к родителям? Батюшка ответил: «Детей и родителей (сегодня) не связывают общие дела. В лучшем случае бывают общие развлечения, а нужны как раз общие дела. Если мальчик работает вместе с отцом, он видит реальное превосходство отца и естественно исполняется к нему уважением. Если девочка вместе с матерью занимается домашним хозяйством – то же самое – она видит силу и умение матери, подражает ей и естественно уважает и слушается ее... Типичный современный человек – это потребитель, а потреблять и развлекаться дети способны ничуть не хуже, чем взрослые»[53]. Откуда же взяться естественному уважению?

Там, где нет совместного труда, общей цели или совместной борьбы, дружеская любовь возникнуть не может в принципе. Но и этот вид любви нельзя назвать совершенным, есть в нем своя ущербность. Логика этой любви заставляет человека делить остальных людей на своих и чужих. Дружеская любовь предписывает к своим поступать по милости, к чужим – по справедливости: именно так и поступал Петр Великий.

---

[53] *Протоиерей Константин Островский*. На приходе и в семье. Красногорск, 2016.

Христианство утверждает себя как мировая религия: «Во Христе нет ни Эллина, ни Иудея» (см. Кол. 3:11). Но на просьбу нееврейки из «эллинского рассеяния» исцелить ее бесноватую дочь Спаситель ответил отказом: «*Я послан только к погибшим овцам дома Израилева*» (Мф. 15:24), «*нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам*» (Мф. 15:26). Женщина настаивала: «*Но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их*» (Мф. 15:27). В конечном итоге ее бесноватая дочь была все же исцелена.

Стоит задуматься: почему Христос, для Которого нет ничего трудного или невозможного, первоначально отказал язычнице в ее просьбе? Дело в том, что любить дальнего, то есть абстракцию, психологически проще, чем любить ближнего. «Индийские йоги, угнетаемые английским империализмом», могут вызвать большее сочувствие, чем собственные немощные родители. Возможно, чтобы предупредить человека об ошибке, грозящей обессмыслить любовь, и включен этот эпизод в Евангелие.

Дружеская любовь к своим, разделяющая окружающих на своих и чужих, является непременным условием всякой любви вообще. Если некто приходит ко мне с богатыми подарками и называет меня братом, притом что я знаю этого человека как не радеющего о собственной семье и состоящего в ссоре со своим *родным* братом, то у меня появляются вполне обоснованные подозрения насчет его искренности. Наша любовь к чужим при почти полном равнодушии к судьбе своих, в лучшем случае, вызывает непонимание.

«Слышащие Слово Божие и творящие его есть Мне и матерь, и братья» (см. Мф. 12:50), – говорит Спаситель. Но эти слова не отрицают значимости кровного родства. Уже на Кресте последней заботой Христа была судьба Матери. Он поручает Ее любимому ученику Иоанну. Не позаботься Спаситель о Своей Матери, Его жертва ради всего человечества оказалась бы сильно скомпрометированной.

Не умея любить своих, опасно претендовать на большее. Об этом говорит эпизод из античной истории: некий чужеземец похвастался спартанскому царю: «Меня все называют другом Спарты!» Он ждал похвалы. Но царь ответил: «Лучше бы тебя называли другом твоей Родины»[54].

Жертвенная любовь

Романтики, как правило, далеки от мудрости: если они возьмутся описывать любовь, то можно заранее ожидать рассказа об исключительной страсти или о прекрасном и возвышенном подвиге, совершаемом

[54] *Гаспаров М.Л.* Занимательная Греция.

как минимум во имя всего человечества. Здесь будут безупречные декорации и благородные с художественной точки зрения мизансцены. И, разумеется, герою будет сопутствовать удача, в крайнем случае, – красивая драматическая борьба, пусть и с предуготованным поражением.

Между тем, великое лучше всего проявляется в ничтожном, и, как справедливо заметил Рабиндранат Тагор,

Не тем себя сиянье возвеличило,
Что светит в беспредельной высоте,
А тем, что добровольно ограничило
Себя росинкой на листе.

И потому рассказ о жертвенной любви требует, скорее, документальной, непостановочной истории. Декорацией пусть послужит засиженный и пропахший бродягами уголок столичной «Площади трех вокзалов», а героями – двое старинных университетских друзей, один из которых к тому времени стал иеромонахом московского монастыря. Если в описываемом происшествии и можно разглядеть подвиг, то следует признать: он не увенчался успехом – спасти жизнь человека не удалось.

Действие предваряется будничной суетой, наблюдать которую можно практически каждый день: сотни людей в беспорядке пересекают площадь, спускаясь с пригородной электрички в метро или пересаживаясь с одного поезда на другой.

Начало действию полагает испуганный женский вскрик и взволнованный гул толпы: люди начинают сбиваться в кольцо, окружая какую-то темную фигуру, распластавшуюся по земле.

Повздорили двое нищих. Один из них сильно оттолкнул приятеля и тот, неудачно упав, ударился затылком о край ступени. Рана оказывается опасной: кровь льется ручьем, образуя большую грязную лужу. Прохожие, оказавшиеся невольными свидетелями происшествия, цепенеют от ужаса. И действительно, перед ними умирает человек. Отвернуться и уйти, сделав вид, что это дело тебя не касается, невозможно – потом, наверное, стоило бы больших усилий помириться с самим собой. Но двинуться вперед и сделать что-то полезное в данной ситуации не хватает сил. Умирающий настолько отвратителен, что едва походит на человека: вся голова его покрыта какими-то страшными язвами; запах тлена и нечистоты создает невидимый, но совершенно непреодолимый барьер. Зажатые отвращением и собственной совестью люди не предпринимают попыток оказать помощь.

Единственным человеком, не охваченным всеобщим параличом воли, оказывается молодой иеромонах. Он раздвигает толпу, подходит к рас-

простертому телу, резким движением отрывает рукав своей одежды, и без колебаний погружает руки в этот смердящий сверток тряпья, пытаясь сделать раненому перевязку.

Прибывшая карета скорой помощи освобождает людей от гнета совести, и кольцо вокруг пострадавшего начинает быстро таять. Надев резиновые перчатки, санитары упаковывают бездыханное тело в специальный мешок, укладывают в машину и увозят. Монах, испачканный грязью и кровью, оглядывается, ища, где бы привести себя в порядок... И встречается взглядом со своим товарищем, которого, кажется, вот-вот стошнит от увиденного. Странное дело: тот, кто достойнее прочих проявил себя в критической ситуации, чувствует необходимость оправдываться: «Понимаешь, – с виноватым видом говорит он. – Я случайно взглянул на его руки. А там, на этой руке, морщинки, как у моего отца».

Один известный и всеми уважаемый писатель, читая житие Франциска Ассизского, был сильно смущен рассказом о том, как святой обнимал замерзающего нищего, согревая его своим телом. «Христианская любовь – одно сплошное лицемерие, – утверждал он. – Ведь обнимать нищего, вдыхая смрад из его пасти, можно лишь стиснув зубы». Между тем, любой может заметить, что отец меняет подгузник своего маленького сына с умилением. Очевидно, в долгожданном первенце для него не существует никакой скверны. Как не существует для уже взрослого сына неприятного запаха, источаемого дряхлым телом любимого отца.

В минуту вдохновения человек способен позабыть о голоде. И часто любовный, поэтический аффект души оказывается сильнее физиологического отвращения. Можно предположить, что монах, делая перевязку бомжу, совсем не замечал его нечистот и язв, ведь он увидел знакомые отцовские «морщинки на его руке».

Из происшествия на площади видно, что любовь имеет поэтическую природу. Ведь поэзия – это отнюдь не зарифмованные строки, а особая разновидность родства, образованная между вещами Промыслом Божиим. Произнесенное имя «Достоевский» пробуждает воспоминания о туманном Петербурге и наводит на мысль о русской идее. «Че Гевара» приводит на ум слова «Куба» и «революция». Так и для того, кто близок к святости и потому особо чувствителен к поэзии мира, морщинки на руке пожилого незнакомца заставляют увидеть в нем родного, любимого человека.

Но вот какое дело: у любого старика на руке морщинки. Сколько же отцов способен обнаружить в мире упомянутый иеромонах? И сколько добра, невозможного для других, он способен сотворить? За красивой

девушкой, тони она в реке, способны броситься в воду десятки мужчин. А за некрасивой? Чем она может привлечь или отблагодарить своего спасителя?

Ей и многим подобным людям, которым нечем заплатить за добро, может помочь лишь та сила, которая *«не ищет своего»*. Платон называл подобную любовь словом *агапэ*, что означает «жертвенная», и считал ее совершенной. В отличие от остальных видов любви, она оставляет человеку свободу и поистине царский суверенитет, ведь если Ромео не может жить без Джульетты, а Пушкин тоскует вдали от друзей, молодой иеромонах никогда не останется сиротой. Для того чтобы обрести отца, ему нужно всего лишь взглянуть на руки ближнего своего. Жертвенная любовь ничего не боится, потому что не может оказаться несчастливой. Так и сегодня, совершенно будничным образом сбываются слова Христа: *«Нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной»* (Мк. 10:29).

Имя гения

Дар Божий

Культура в религиозном понимании есть не что иное, как попытка людей восполнить пустоту в собственной душе. Это стремление прикрыть бездну, открывшуюся в результате разрыва с Богом. Поэзия, музыка, театр, кино, политика и даже футбол – все это имеет сокровенную цель: человек стремится хотя бы на время отвлечься от тоски Адама, изгнанного из Рая. Ветхий Завет среди прочего упоминает о том, что Саул, первый царь Израилев, был мучим от злого духа, которого мог отогнать лишь псалмопевец Давид, играя на арфе.

Но для того чтобы создавать культуру, нужен талант. Именно его и получает человек от Бога в качестве подарка. Имена тех, кто разумно и бережно распорядился даром Божиим, сохранила история – Гоголь, Васнецов и Чайковский по сей день остаются у всех на слуху. Но в мире найдется гораздо больше других, неизвестных – тех, кто пренебрег щедротами Творца и, как говорится, «зарыл свой талант в землю».

Сегодня «талантом» называют выдающиеся способности человека. Но изначально это слово означало самую крупную весовую и денежно-счетную единицу в Древней Греции, Вавилоне, Персии и других областях Малой Азии. При Александре Македонском один талант составлял почти двадцать шесть килограммов серебра. Известное выражение возникло благодаря евангельской притче о том, как богатый господин, уезжая в чужую страну, поручил рабам свое состояние, при этом дав первому рабу пять талантов, второму – два, а третьему – один. Первые два раба пустили полученные таланты в дело и принесли хозяину хорошую прибыль, а последний пошел и закопал свой талант в землю. По возвращении господин похвалил первых двух рабов и сказал каждому: «В малом ты был верен, над многими тебя поставлю». А третьему рабу, который вернул господину свой талант, попенял на нерадивость: «Лукавый раб и ленивый... Надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью» (см. Мф. 25:14–27).

Мы привыкли воспринимать свои творческие способности как драгоценное украшение, которым можно обратить на себя внимание окружающих или отложить в сторону; как ценность, за которую никто не

потребует отчета. Но из евангельской притчи становится ясно, что вместе с талантом Господь дает и задание: если ты можешь сделать что-то по-настоящему хорошо – значит, ты должен это сделать.

В числе произведений Леонида Пантелеева, советского писателя и знаменитого выпускника «республики ШКИД», есть коротенький рассказ под названием «Честное слово». Это история о семилетнем мальчике, которого приняли играть в войну, поставили часовым у будки, изображавшей оружейный склад, и ушли, взяв с него честное слово никуда не отлучаться. Вечером игра окончилась, ребята разошлись по домам, совершенно забыв про маленького «солдата». Мальчик плакал от страха и обиды, но, связанный обещанием, пост покинуть не мог.

Часто случается так, что человек, рекрутированный в число воинов Христовых пламенной проповедью какого-нибудь миссионера, оказывается в положении героя из рассказа Пантелеева. И не только новообращенный юноша мучительно и безуспешно пытается найти свое место в Церкви – зачастую монах, связанный обетами, мобилизованный под выполнение религиозной сверхзадачи, остается не у дел в своем монастыре. Церковные правила достаточно ясно обозначают то, чего нельзя делать ни при каких обстоятельствах. Но смысл и цель положительной деятельности отдельной личности порой остаются туманными.

Так возникает «проблема отпавших». После того как угасает пыл неофита, многие возвращаются к прежней жизни. Для других религиозная жизнь постепенно сводится к формальному исполнению обрядов. Моисей, как известно, сорок лет водил свой народ в пустыне кругами. Но, каким бы странным ни казался маршрут, путь Израиля все-таки имел четкий вектор: из Египта в Палестину. Многие же из нас просто идут по жизни кругами, подходя к очередной воскресной Литургии все с тем же духовным багажом, как будто смысл веры состоит в посещении как можно большего количества богослужений.

«*Отвергнись себя,* – говорит Спаситель, – *и возьми крест свой, и следуй за Мною*» (Мф. 16:24). Но как понять, какой крест мой? И куда следует идти за Христом? Значит ли это, что нужно выстругать из дерева крест и тащить его на своих плечах по Via Dolorosa, как это делают паломники в Иерусалиме? Может, это означает, что путь христианина непременно лежит в духовную семинарию или монастырь, а служение Богу ограничивается протиранием подсвечников и охраной культовых сооружений? Нет, твой дар и есть твой крест. Неси его в том направлении, куда он указывает.

«Проблема отпавших», вероятно, возникает от того, что человек, решивший строить свою жизнь по Евангелию, не вполне отдает себе отчет

в том, что именно составляет его жизнь. В результате, отметая все противное законам Церкви, он не находит в ней вообще никакого содержания. А потому вопрос о личном призвании должен быть решен прежде вопроса о воцерковлении. Христианином вообще может стать лишь тот, кто способен искренне и внятно ответить на вопрос: кто ты?

Ясное осознание своего таланта и призвания, как правило, делает очевидной необходимость «отвергнуться себя». Здесь действительно оказывается необходим первый подвиг веры. «Отвергнись себя» означает: не смотри на других, не завидуй их благополучию; не вспоминай о том, как ты мечтал прожить жизнь, и не думай о счастье. Ситуация может сложиться так, что социальный статус, например, учителя окажется немногим выше положения привокзального бродяги. И потому, если ты рожден учить, тебе понадобятся как минимум два монашеских обета: безбрачия и нестяжания. Рожденный воином не обойдет обета послушания и верности «даже до смерти». Невнятность образа современного христианина происходит оттого, что мы не желаем ничего знать о своих талантах, воспринимаем их как дар, но не как послушание и потому не торопимся пустить их в дело. «Я с детства полюбил музыку, – говорит выпускник консерватории, ныне – туристический менеджер, – но разве сегодня этим занятием прокормишь семью? Поэтому я и не композитор». Хотя правильнее было бы говорить иначе: «Я композитор. Но разве сегодня этим занятием прокормишь семью? Потому у меня нет семьи».

Неблагоприятная конъюнктура момента и страх перед будущим часто заставляют человека отложить в сторону полученный от Бога дар: слишком велик риск – делать ставку на абсолютный слух или безупречный вкус; лучше быть как все. Тот, кто благополучно обойдет все искушения, подстерегающие художника на его жизненном пути, в полной мере узнает таинственное предназначение полученного от Бога таланта. Всем известно имя певца Кавказа, Михаила Юрьевича Лермонтова. Более всего на свете поэт любил свое вдохновение. И не зря! При жизни оно неизменно выручало его, спасая от той страшной «ночи души» и «великого отвращения», о которых говорили Лютер и Ницше. И после смерти это вдохновение продолжает помогать поэту. Каким же образом?

Вспомним евангельскую притчу о неверном управителе, который приобретал себе друзей, тайком раздавая им богатства своего господина. Христос завещал поступать так же: «*Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители*» (Лк. 16:9). Спросим себя: что является подлинным предметом любви людей, чтущих Лермонтова? Искра Божия в нем. Но не Богу при

этом достаются друзья, а поэту. Не в храме, а в музее собираются поклонники «Героя нашего времени». Но Господь одобряет и это, считая такой ход верным вложением таланта в дело, которое делает Он, – дело спасения душ. Так же поступили, например, Есенин с Высоцким. Кто сосчитает, сколько молитв возносят о них те, кто влюблен в их произведения? И кто знает: может, именно этими молитвами и были живы оба поэта, не исповедовавшие Христа? Даже сейчас, спустя много лет, не сильно уменьшилось число их «друзей, приобретенных богатством неправедным» – спасительным даром Божиим.

Иной раз Бог посылает человеку, пренебрегающему своим талантом, особую скорбь в виде неразделенной любви. Интуитивно пытаясь найти выход из «комнаты с белым потолком», человек возвращается в свою «цитадель» и в качестве терапии принимается за исполнение своего послушания. Ведь измученное сердце исцеляется совершением дела, которое кроме него в этом мире не может сделать никто.

Гений и злодейство

В «маленькой трагедии» Пушкина «Моцарт и Сальери» высказана интересная мысль: «гений и злодейство – вещи несовместные». У самого поэта она нигде не поясняется. Задавшись вопросом, был ли Бомарше убийцей, и Сальери, и Моцарт приходят к единодушному выводу: нет, не был. Логика Сальери ясна: для него злодейство несовместимо с буффонадой: «он слишком был смешон для ремесла такого». Смешон – значит, несерьезен, а злодейство – дело серьезное. А ход мысли Моцарта остается непонятен: «ведь он же гений».

Спросим себя вслед за Сальери: «ужель он прав?» Вдруг между добром и гениальностью действительно существует непосредственная родственная связь? Вряд ли решение этого вопроса можно отложить на потом. Слишком высока цена вопроса: от того, прав ли Пушкин (Моцарт) или нет, может зависеть судьба молодой амбициозной личности – от однажды сделанного стратегического выбора зависит, принести ли достойные плоды, спасши свой талант, или «пройти над миром без следа», навсегда погубив его.

Затруднение Индианы Джонса

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.
Мф. 5:8

По-видимому, абсолютное большинство людей имеют смутное представление о том, чем именно отличается гениальный ученый от посредственного исследователя. Предел понимания, как правило, представлен мифами и метафорами. В данном случае представление о гениальности оказывается связано с выражением «человек семи пядей во лбу». Нам кажется, будто гениальный ученый обладает каким-то особым складом ума, пользуется уникальными поисковыми эвристиками[55], мыслит принципиально иными схемами, лежащими по ту сторону нашего разумения. Нередко говорят о некотором «божественном гласе» или «даймонии» гения, его связи с параллельными мирами и даже инопланетным разумом.

Между тем, совершенно очевидно, что отличие гения от посредственности лежит вне интеллектуальной плоскости. Ум у всех людей одинаков. Не существует умных и глупых людей. Хрестоматийный пример – Шерлок Холмс и доктор Ватсон. По закону жанра, после успешного окончания очередного расследования оба друга сидят у камина в доме на Бейкер-стрит и, потягивая шерри, мирно беседуют о произошедших загадочных событиях. Холмс излагает Ватсону ход своих умозаключений, приведших его к разгадке криминалистической задачи. Обратим внимание на то обстоятельство, что «недалекий» Ватсон всегда оказывается в состоянии уяснить объяснение. Более того, он часто восклицает: «Боже мой! Как все оказывается просто! Я бы и сам должен был догадаться!» То есть его ум легко (как говорится, «элементарно») вмещает все то, что составляет гениальные дедуктивные схемы Холмса.

То, что сказано одним человеком, всегда может быть понято другим. Теорию относительности сегодня рассказывает своим ученикам самый заурядный учитель средней школы. Но возникает вопрос: если ум у всех одинаков, то почему этот сельский учитель не может заменить Альберта Эйнштейна? Почему, если Ватсону всегда все понятно по окончании расследования, то, сталкиваясь с новой загадкой, он снова впадает в ступор?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно отчетливо представлять себе характер того затруднения, с которым сталкивается познающий разум в попытке найти решение нестандартной задачи.

---

[55] Эвристика – (от греч. heurisko – отыскиваю, открываю) – совокупность приемов и методов, облегчающих и упрощающих решение познавательных, конструктивных практических задач. – *Примеч. ред.*

Если «вынести за скобки» опыт ученого, степень владения им языком и инструментарием соответствующей научной теории – то есть все то, что составляет мастерство или приобретенную способность, – мы увидим это затруднение чистого разума, которое можно было бы условно назвать «затруднением Индианы Джонса».

Существует несколько фильмов о приключениях знаменитого авантюриста-археолога. Серия под названием «Индиана Джонс и последний крестовый поход» повествует о поисках Священного Грааля, Чаши Иисуса Христа, из которой во время Тайной Вечери ближайшие двенадцать учеников впервые причастились Крови Спасителя. Вход в крипту, где хранится священный артефакт, дарующий вечную жизнь, оказывается защищен хитроумными древними механизмами крестоносцев, смертельно опасными для не посвященных в христианскую веру.

Первое испытание – «Дыхание Господне. Только кающийся пройдет». Джонс становится на колени, принимая позу кающегося грешника, чтобы избежать действия острого вращающегося ножа, внезапно выскакивающего из незаметной щели в стене приблизительно на уровне шеи идущего во весь рост человека. «Дыхание Господне опаляет грешных, не ведающих покаяния». Археолог осторожно обходит обезглавленные тела наемников-мусульман, никогда не слышавших притчи о блудном сыне.

Второе – «Имя Господне. Только знающий Его пройдет». Пол коридора устлан плитами с латинскими буквами на них. Здесь следует идти очень осторожно, наступая только на буквы, соответствующие латинскому эквиваленту слова «Яхве» («Сущий»). Один неверный шаг и плита проваливается под ногой, открывая глубокую яму с острыми шипами на дне. Там виднеются останки оступившихся язычников и еретиков, дерзко хуливших имя Господне и в гордости своей перевиравших Символ Веры.

Третье испытание – «Путь Господень. Прыжок от головы льва. Только твердо верующий пройдет». Путь преграждает широкий каньон. Если занять позицию в точности под головой высеченного в скале льва и сделать уверенный шаг прямо в пропасть, то не упадешь, но окажешься на узком каменном мосту, невидимом вследствие уникального оптического обмана. Невидимый мост через пропасть – удачная аллегория веры, которая, по слову апостола Павла, есть «*осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом*» (Евр. 11:1). Здесь маловерные и лицемерные поворачивают назад: «Эту пропасть никому не перепрыгнуть». У них не хватает духу, «возложив руки на орало», «не оборачиваться вспять», а потому они «неблагонадежны для Царства Небесного» (см. Лк. 9:62) и остаются, хотя и живы, без награды.

Успешно миновав все ловушки, можно уже беспрепятственно войти в пещеру, где и хранится Грааль. Но здесь, в самом конце сложного пути, археолог сталкивается с последним испытанием, справиться с которым едва ли проще, чем со всеми предыдущими.

Можно досадовать сколько угодно, но, глядя на Чашу, ты ее не видишь; ее можно потрогать, но нельзя унести. В чем же дело? Механизм последнего испытания до гениального прост: чаш много – искомый трофей сокрыт многообразием ложных целей.

Именно таков характер трудности, которую испытывает познающий разум в поисках истины. Истину приходится не столько искать, сколько выбирать. «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот достигнет ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам»[56]. Метафора Маркса удачна только в первой части – относительно отсутствия «столбовой дороги». Но «сияющая вершина» как конечная цель пути видна уже у подножья, в этом случае направление движения не вызывает вопросов. В реальности же именно с направлением связана основная проблема научного поиска: путь ученого больше походит на лабиринт, состоящий из множества развилок и пересекающихся путей, ведущих в неизвестность. Здесь – при прочих равных условиях – гениальный ученый начинает отличаться от посредственного исследователя: он всегда, или в абсолютном большинстве случаев, выбирает именно тот путь, который ведет к «сияющей вершине». Никакие эвристики, никакой опыт не поможет здесь, кроме, разве что, опыта общения с истиной.

Когда отсутствуют рациональные основания для выбора, остается одно – положиться на интуицию: какому пути больше доверяешь? И здесь срабатывает сугубо психологический момент: подобное тянется к подобному; человек в первую очередь доверяет себе, а во вторую – тому, у кого с ним много общего. «Рыбак рыбака видит издалека». Причем, не только видит издалека, но даже на расстоянии начинает испытывать к нему доверие и предвкушает радость встречи.

Что же сказать о гениальном ученом, если он всегда доверяет истине, а доверие возникает в максимальной крепости между подобными, как две капли воды, вещами? Очевидно то, что он подобен истине. Или что он такой же, как истина, – ясный, сильный, простой, чистый и целостный. То есть святой.

И наоборот. Тот, у кого мало общего с истиной, не доверяет ей. Он не может самостоятельно увидеть истину, даже глядя на нее во все глаза,

---

[56] *Маркс К.* Предисловие к французскому изданию 1-го тома «Капитала».

как Понтий Пилат. Такой ученый склонен удаляться от истины, выбирая путь, более соответствующий собственному душевному состоянию. Многие ученые, современники Эйнштейна, разбирая легализовавшуюся уже в науке теорию относительности, с изумлением находили ее элементы в неявном виде в своих собственных ранних работах. Они глядели на истину, но прошли мимо, не поверив в нее. Так когда-то люди смотрели на Христа и насмешливо говорили: «Что говоришь? Ты – Царь Иудейский? Да откуда ты взялся? Может ли из Галилеи быть что хорошее?» (ср. Ин. 1:46) Ученые книжники не разглядели в Плотнике из Назарета Того, о Ком повествовали их книги, в то время как безграмотные рыбаки, услышав: *«Я есмь путь и истина и жизнь»* (Ин. 14:6), не испытали сомнений. Просто потому, что эти рыбаки были такими же, как Он, – насколько это возможно человеку.

Но вернемся к Индиане Джонсу. Решить задачу методом простого перебора нельзя. На сей раз Чаша нужна авантюристу не как трофей – он торопится спасти своего умирающего отца. Любовь, чистота помыслов, очищает его сердце и дает возможность интуитивно совершить правильный выбор. В это же время конвоирующий археолога язычник-нацист тоже пытается решить головоломку. Но он движим желанием воцариться над всем миром – собственно, бессмертие нужно ему только для этого: «Фюрер может захватить мир, но он не унесет его с собой в могилу. Я же смогу занять его место». И гордыня подталкивает его к выбору самого роскошного предмета на столе: «Именно так я себе и представлял Чашу Царя Иудейского». Но, испив воды из артефакта ложной веры, он немедленно превращается в старика и умирает, аллегорически изображая путь «растлившихся и омерзившихся в беззакониях». Они, как правило, не видят разницы между религиями, ценят грубый чувственный образ выше поэтики слова, так что инерция совершённого зла, в конце концов, приводит их к выспренним и загадочным культам каких-нибудь сектантов, где они и умирают от своего «причастия». Но Джонса не смущает простота Истины. Он говорит себе: «Чаша может и не быть золотой. Конечно! Она должна быть работы Плотника».

Подобное познается подобным. Выдающего ученого «выдает», прежде всего, характер личности. У вас непременно останется светлое чувство после общения с ним, даже если вы не в состоянии уяснить характер его научных занятий. Так, в частности, люди незаурядных моральных качеств способны воспроизводить отношения особого рода – братство. Лесков, описывая в известном произведении жизнь небольшого военного училища, прямо охарактеризовал его как «кадетский монастырь». Московский

университет, собравший в своих стенах множество выдающихся ученых, тоже точнее было бы назвать не «храмом науки», а «монастырем». Даже Кавказ, славный своими традициями почитания старших, пожалуй, не смог бы дать фору тамошним студентам, влюбленным в своих профессоров. Борис Слуцкий как-то сказал о своих учителях: «Умирают мои старики, мои боги, мои педагоги...» В. Тихомиров вторил ему: «Моих мехматских учителей, тех, про кого и я мог бы сказать: “Мои боги”, уже почти не осталось. Но остались воспоминания...»

Пару из этих воспоминаний имеет смысл привести, потому что они очень точно описывают монашеский образ гениального ученого.

«Дмитрий Евгеньевич Меньшов, пожалуй, самая легендарная фигура среди наших “стариков”: историй про него – не счесть. Вот одна, где я выступаю живым свидетелем.

Как-то в шестидесятые годы (это было принято тогда) в общежитии организовали встречу профессоров и преподавателей кафедры теории функций и функционального анализа со студентами. Дмитрия Евгеньевича попросили рассказать о рождении Московской математической школы. Он начал свой рассказ так:

“В 1914 году я поступил в Московский университет. Николай Николаевич Лузин был тогда за границей. Но он договорился с Дмитрием Федоровичем Егоровым, что они организуют семинарий для студентов. И в 14-м году Дмитрий Федорович такой семинарий организовал. Он был посвящен числовым рядам. В следующем году Николай Николаевич вернулся в Москву и начал руководить семинарием сам. В 1915 году мы занимались функциональными рядами, а в 1916 году – ортогональными рядами.

А потом наступил тысяча девятьсот семнадцатый год. Это был очень памятный год в нашей жизни, в тот год произошло важнейшее событие, повлиявшее на всю нашу дальнейшую жизнь: мы стали заниматься тригонометрическими рядами...”»

Если задаться вопросом о том, как практически следует понимать слова апостола Иоанна «*не любите мира*» (1 Ин. 2:15), то, пожалуй, трудно найти более выразительный пример. А вот подходящая иллюстрация к другим словам, на сей раз евангельским – «будьте, как дети» (см. Мф. 18:3):

«Нина Карловна Бари всегда очень трогательно заботилась о Дмитрии Евгеньевиче. Но вот пришла война, Нина Карловна со своим мужем – Виктором Владимировичем Немыцким – собралась эвакуироваться из Москвы. Наступила пора прощания. Нина Карловна сказала:

– Дмитрий Евгеньевич, идет война, я уезжаю, заботиться о вас некому. Вы бы женились, что ли! Жена будет о вас заботиться, и душа моя будет спокойна.

Меньшов слушал со вниманием. Задумался. Но вдруг его лицо выразило недоумение:

– А когда война кончится, что я с ней буду делать?» [57]

Годы университетского общения с выдающимися умами укрепили мое личное убеждение в том, что интеллект не требует развития. Тугодумие и бессилие человека перед замысловатой задачей объясняется иначе. Интеллект можно сравнить с мощным двигателем очень хорошего автомобиля. Однако бывает и так, что хорошего двигателя недостаточно для развития нужной скорости. Мотор работает ровно и мощно, на предельных оборотах, а автомобиль при включенной передаче, тем не менее, едва-едва продвигается по дороге. В чем же дело? Колеса увязли в грязи – приходится выходить из машины и высвобождать их тяжелым, напряженным трудом.

Вот положение неудачника познания. Ум, достаточный для решения любой задачи, словно вязкая грязь, стягивают страсти. Наверное, именно поэтому несколько лет назад в Историческом музее, на выставке, посвященной 250-летию российской науки, в качестве экспоната под номером один была выставлена... дверь университетского карцера. Ведь если подобное познается подобным, то познание истины неотделимо от монашеской аскезы, призванной освободить ум от влияния поврежденной человеческой природы. И поэтому обучение нужно начинать с решения вопроса о дисциплине[58].

Именно эту задачу, по всей вероятности, имел в виду Декарт, составляя свои знаменитые «Правила для руководства ума». Тот, кто возьмется за их изучение в надежде обогатить свой интеллект какими-то новыми схемами, будет разочарован. Картезианские правила настолько банальны, что в них трудно увидеть сверхценный секрет гениальности. Они не столько обогащают ум эвристически, сколько дисциплинируют его, муштруя, словно офицер – солдат на плацу. Декарт сам открыто говорит об этом: «...надо знать, что для нахождения порядка требуется немало усердия, как это везде можно видеть в настоящем методе, который не научает почти ничему другому; в познании же порядка, после того как он был найден, не заключается совершенно никакой трудности...»[59]

---

[57] *Тихомиров В.М.* О математиках – с улыбкой. // Квант. 1996. № 4.

[58] Примечательно то, что предметы, изучаемые студентами в университете, иначе называются «академическими дисциплинами». И это отнюдь не омоним по отношению к традиционной дисциплине. – *Примеч. автора.*

[59] *Декарт Р.* Правила для руководства ума. Правило XIV.

Что же это за правила, следуя которым, даже человек со средними способностями может решить задачу любой сложности?[60] Даже при поверхностном знакомстве бросается в глаза их нетехнологичный характер. Это, скорее, рацея, план аскезы, комплекс духовных упражнений, освобождающих ум от действия страстей.

Более всего Декарт предостерегает против тщеславия и гордыни, располагающих к тому, чтобы непременно связывать образ истины со сложными и запутанными вещами.

Тщеславие разлучает разум с истиной, потому что себялюбие приводит к попыткам подчинить истину собственным прихотям, вместо того, чтобы послушно следовать за ней в простоте сердца: «...И поскольку они считали недостойным ученого человека признаться в своем незнании чего-либо, они настолько привыкли приукрашивать свои ложные доводы, что впоследствии мало-помалу убедили самих себя и, таким образом, стали выдавать их за истинные»[61].

Против заносчивости и гордости, которые приводят ум к преклонению перед всем внушительным и эксклюзивным:

«Порок, общий для смертных, заключается в том, что трудное кажется им более прекрасным; и многие полагают, что они ничего не узнают, когда усматривают весьма ясную и простую причину какой-либо вещи, а между тем они восхищаются некоторыми напыщенными и выспренними рассуждениями философов...»

Против самомнения, выражающегося в преувеличенном представлении о собственных возможностях. Здесь главная опасность состоит в том,

---

[60] «Это я главным образом и задумал сделать в данном трактате: ведь я не ценил бы высоко эти правила, если бы они были достаточны только для разрешения тех пустых проблем, которыми привыкли развлекаться досужие счетчики или геометры, ибо я в этом случае полагал бы, что я выделился не чем иным, как тем, что забавлялся пустяками, быть может, более искусно, нежели другие... Ведь эта наука должна содержать в себе первые начала человеческого рассудка и достигать того, чтобы извлекать истины из какого угодно предмета; и, если говорить откровенно, я убежден, что она превосходит любое другое знание, переданное нам людьми, так как она служит источником всех других знаний». – *Р. Декарт.* Правила для руководства ума. Правило IV.

«И во всем трактате мы, конечно, будем пытаться все пути, которые открыты людям к познанию истины, проследить столь тщательно и представить столь легкими, что всякий, кто в совершенстве изучит весь этот метод, каким бы посредственным умом он ни обладал, увидит тем не менее, что нет никаких путей, закрытых для него в большей степени, чем для других людей, и что он не останется больше в неведении о чем-либо по недостатку ума или умения». – Там же. Правило VIII.

[61] *Декарт Р.* Правила для руководства ума. Правило II.

что ум теряет чувство реальности и вместо достоверного познания увлекается фантазией, так что ученый может провести целую жизнь в подражании Сизифу:

«Ничто не кажется мне более нелепым, чем, как делают многие, смело спорить о тайнах природы, о влиянии небес на эти низшие области, о предсказании грядущих событий и о подобных вещах, никогда, однако, даже не задавшись вопросом о том, достаточно ли человеческого разумения, чтобы это раскрыть»[62].

Против лености и проистекающего из нее желания получить всё сразу и без усилий:

«Для разыскания истины вещей необходим метод... Весь метод состоит в порядке и расположении тех вещей, на которые надо обратить взор ума, чтобы найти какую-либо истину. Мы будем строго придерживаться его, если шаг за шагом сведем запутанные и темные положения к более простым, а затем попытаемся, исходя из усмотрения самых простых, подняться по тем же ступеням к познанию всех прочих»[63].

Наблюдая за своими учениками, мне тоже приходилось замечать, что зачастую самые способные из них оказывались бессильными против простейшей задачи, с которой легко и быстро справлялись «тугодумы». Эта ситуация описана в правиле, отучающем от суетливости и следующей за ней рассеянности, которая с характерной куриной слепотой пропускает важные факты в условии или, наоборот, домысливает то, чего на самом деле в условии нет:

«...Иные часто так торопятся в исследовании положений, что направляют на их разъяснение блуждающий ум прежде, чем узнают, по каким признакам они смогут различить искомую вещь, если та случайно встретится; они не менее глупы, чем тот мальчик, который, будучи куда-то послан хозяином, так стремился услужить, что бросился бежать, еще не получив приказаний и не зная, куда же было велено пойти»[64].

Часто даже приступить к решению задачи мешает страх: «слишком много слов в условии», много непонятного и туманного – вторгаться мыслью в этот незнакомый, необжитый мрак совсем не хочется. Малодушие рисует мнимую трудность задачи, которая кажется неодолимой. Но решение любой задачи неявно содержится в самом условии. И Декарт с рассудительностью опытного бойца укрепляет запаниковавшего было новобранца:

---

[62] *Декарт Р.* Правила для руководства ума. Правило VIII.
[63] Там же. Правило V.
[64] Там же. Правило XIII.

«Во-первых, во всяком вопросе с необходимостью должно быть нечто неизвестное, ибо иначе не стоило бы и задаваться им; во-вторых, само это неизвестное должно быть каким-либо способом обозначено, ибо иначе мы не были бы побуждаемы отыскивать именно его скорее, чем что-либо другое; в-третьих, оно может быть обозначено так только через посредство чего-то другого, являющегося известным»[65].

В общем, понять декартовы правила совсем несложно – не труднее, чем пункты «Устава караульной службы». Гораздо труднее поверить в сверхценность этого сборника банальностей. И самое трудное – следовать им. Кому из часовых, заснувших на посту, был неясен смысл правила, запрещающего часовому «спать, курить, отвлекаться разговором и справлять естественные надобности»? Но на практике очень трудно, бодрствуя, пережить на посту «час быка». Так и немощный дух (а вовсе не ум) не позволяет следовать картезианскому методу. Гений, очевидно, требует исключительных морально-волевых качеств и нелицемерной любви к истине.

Выступая против высокомерия многочисленных плохих ученых – из числа тех, кто «часто пользуются столь тонкими различениями, что рассеивают естественный свет и находят неясности даже в тех вещах, которые всегда известны и крестьянам», – Картезий, видимо, чувствует, что оказался в положении блаженного, вынужденного возвращать в обиход давно отвергнутые за банальностью и надежно забытые истины: «...хотя бы все это было настолько очевидным, что показалось бы чуть ли не ребяческим, я, внимательно поразмыслив, конечно, понимаю, каким образом запутываются все вопросы...»[66] И, завершая разговор о методе, позволяющем решить задачу любой сложности, не может удержаться уже от нарочитого юродства: «Отыскав уравнения, – говорит он с загадочной улыбкой, – нужно произвести опущенные нами действия, ни в коем случае не пользуясь умножением тогда, когда будет уместно деление»[67]. Воистину, вот он – секрет гения! «Хотя и кажется, что это положение не научает ничему особо новому, оно тем не менее содержит главный секрет искусства...»[68]

---

[65] Там же. Правило XIII.
[66] Там же. Правило IV.
[67] Там же. Правило XX.
[68] Там же. Правило VI.

Цитадель

Цитадель – внутренняя, наиболее защищенная и неприступная часть крепости; в старинных городах: замок, господствующий над городом.

Толковый словарь иностранных слов

Рассуждение о гении и злодействе в области искусства можно было бы построить следующим образом: найти компонент гениальности, без которого ее невозможно помыслить, а затем показать несовместимость этого элемента с пороком. Таким образом, с очевидностью демонстрировалась бы справедливость пушкинского суждения, послужившего отправным пунктом нашего исследования.

Один из булгаковских персонажей – поэт Рюхин – разглядывая памятник Пушкину на Тверском бульваре, размышлял:

– Вот пример настоящей удачливости... какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, все шло ему на пользу, все обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не понимаю... Что-нибудь особенное есть в этих словах: «Буря мглою...»? Не понимаю!.. Повезло, повезло!.. стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...

Думается, этим эпизодом Булгаков стремился развеять у читателя всякие сомнения относительно одаренности Рюхина как поэта. И действительно, разве не должен гений искусства в обязательном порядке обладать абсолютным вкусом к прекрасному? Под вкусом я подразумеваю умение читать, слышать и видеть прекрасное в творениях «товарищей своих в искусстве дивном» и самостоятельно отыскивать гения в многочисленных произведениях живописи, музыки, литературы, не следуя при этом вслед за суждением «бессмысленной толпы».

Доктор Ватсон, конечно же, мог увидеть правильное решение задачи, но только после того, как она уже была решена, и под жестким «научным руководством» Холмса. Так и человек, не отличающийся гениальностью, различает великие произведения и посредственные, в основном, задним числом, подчиняясь авторитету традиции: Пушкин – гений, потому что иначе ему бы не установили памятник на Страстном бульваре. Но если нет памятника, человек растерян и затрудняется с уверенностью указать на выдающегося художника-современника.

Вкус нельзя отнести к числу вещей, которые изначально «либо есть, либо нет». Он способен ослабевать и утрачиваться, развиваться и достигать превосходной степени. Об этом убедительно говорит Экзюпери:

«и умеющим наслаждаться поэзией стихи не всегда в радость, иначе бы они никогда не грустили, они бы читали стихи и ликовали. Все человечество читало бы стихи и ликовало, и больше ему ничего не было бы нужно»[69].

Если так, то от чего же зависит вкус? Какие факторы непосредственно определяют способность человека находить прекрасное?

«Меня не удивляет, что так много людей не находят царства в царстве, храма в храме, поэзии в стихах и музыки в музыке. Они расселись, как в театре, и говорят: “Вокруг – сплошной хаос. Он недостоин того, чтобы служить ему и подчиняться”... Чтобы насладиться поэзией, нужно дотянуться до нее и преодолеть... Чужие стихи – тоже плод твоих усилий, твое внутреннее восхождение... Всякое восхождение мучительно. Перерождение болезненно. Не измучившись, мне не услышать музыки. Страдания, усилия помогают музыке зазвучать»[70].

Дотянуться и преодолеть. Внутреннее восхождение. Болезненное преображение. О чем это говорит Экзюпери? В чем усматривает он причину способности читать, слышать и видеть? Нетрудно догадаться, что речь здесь идет об аскезе.

Большинство людей по привычке связывают аскезу исключительно с сотериологической целью. Для чего постится монах? «Спасает душу» – скажет простец, пребывая в наивной уверенности, будто Богу угодно слышать, как урчит мой пустой желудок. Между тем, истинная цель аскезы была хорошо знакома уже языческим философам за несколько столетий до Рождества Христова. Идея воздержания появляется как способ разрешения одной деликатной проблемы.

Однажды мы с моим другом, директором нефтеторговой компании, «сидели за одной трапезой» в шикарном московском ресторане. Глядя на роскошный стол, он как-то грустно сказал:

– Знаешь, нас в семье было трое братьев. Мать растила нас одна и работала конструктором в совковом НИИ. Мы не голодали, но жили более чем скромно. По воскресеньям нас навещал дядя и всегда привозил гостинец – коробку овсяного печенья. Мы растягивали удовольствие на целую неделю, разделив его на троих так, что в день на каждого из нас приходилось ровно по половинке. Я помню, как это было здорово. Сейчас я могу позволить себе всё, но, веришь ли, весь этот стол я отдал бы за ту самую половинку овсяного печенья.

---

[69] *Сент-Экзюпери А. де.* Цитадель. XXXV.
[70] Там же.

– В чем же проблема? – спросил я. – Построй рядом с домом кондитерскую фабрику.

– Видишь ли, – отвечал мой друг, – проблема во мне: я перестал быть бедным ребенком, многое перепробовал и меня больше не впечатляет овсяное печенье.

И действительно, это серьезная проблема. Чувства теряют упругость от изобилия впечатлений. Зрение ухудшается от яркого света, слух притупляется от слишком сильных раздражителей. Городской человек неспособен расслышать в лесу шорох листьев под чьей-то осторожной лапой, – что у какого-нибудь деревенского «пасынка природы» с ружьишком на плече вызывает немалое удивление: вы что там, в Москве, глухие что ли?

Вот и Диоген Синопский, размышляя о счастье, подобно многим другим собратьям по любомудрию, понял: «проблема во мне». И переселившись в пифос – большую глиняную бочку, – попытался стать «бедным ребенком», способным испытывать совершенную радость от половинки овсяного печенья. Как сообщает Диоген Лаэртский[71], он приучился довольствоваться самым малым, не пил ничего, кроме обычной ключевой воды и съедал только то, ради чего не нужно было каждый день ходить на работу: дикорастущие плоды смокв и оливы. Трудился он исключительно по вдохновению, свободно выбирая, с кем разделить их дневные заботы – с каменщиками, земледельцами или виноградарями. Делал он это главным образом ради того, чтобы сполна наслаждаться вечерним отдыхом и сном, считая дневную усталость лучшим средством от бессонницы и голод – совершенной приправой к любому блюду. Диоген был далек от сотериологических ожиданий, но, тем не менее, постился, справедливо усматривая в воздержании секрет удовольствия. Кому-то это может показаться парадоксом, но для того чтобы научиться наслаждаться, нужно научиться поститься.

Аскеза, «тренирующая» чувствительность души, приобретает исключительную роль в сфере творчества и, вообще-то, неразлучно сопровождает художника в его пути: «Чтобы насладиться поэзией, нужно дотянуться до нее и преодолеть. Доступные стихи быстро изнашиваются сердцем, так же быстро, как открывшийся с вершины пейзаж. Усталость и желание отдохнуть придали ему столько прелести, но вот ты отдохнул, тебе хочется идти дальше, и ты зевнул, глядя на пейзаж, которому больше нечего тебе предложить»[72].

---

[71] См. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Книга шестая, 2. Диоген.

[72] См. *Сент-Экзюпери А. де.* Цитадель. XXXV.

Пожалуй, любому художнику знаком особый род разочарования, наступающий при критическом перечитывании написанного: заметна досадная разница между предметом, вызвавшим прилив вдохновения, и его материальным отпечатком в виде текста на листе бумаги. Период «охлаждения» может привести к разочарованию. В этом случае будет уместен совет: почитай кого-нибудь из великих и ты увидишь, что с их текстами происходит ровно то же самое. Не так давно ты сидел над этими строчками и в уме пульсировала и билась мысль: Он гений! Гений! «Продолжай, спеши еще наполнить звуками мне душу!»[73] Но прошло малое время и в том, что тебя так взволновало, ты видишь только мертвые камни слов – криво отесанные, порой плохо подогнанные друг к другу. Очевидно, что текст измениться не мог. Значит, изменился ты. Еще вчера видел истину лицом к лицу, оживленно беседовал с нею с глазу на глаз, но сегодня развратился и попросту перестал ее замечать. В творческой сфере, пожалуй, лучше всего заметно это движение так называемого ползучего «невольного греха», следствия нашей поврежденной природы. В отличие от обывателя, художник может судить о том, что незаметно для себя все же сделал что-то не то, замечая, как «охлаждение» к прекрасному сменяет вдохновение.

И красота, и любовь открываются только человеку, совершающему подвиг, через непрерывные духовные упражнения: «Если не изменяться день ото дня, словно в материнстве, не догнать любви. А ты хочешь усесться в гондолу и всю жизнь звучать песней – ты не прав. Вне пути и восхождения ничего не существует. Стоит остановиться, как тебя одолевает скука, потому что пейзажу больше нечего тебе рассказать, и тогда ты бросаешь женщину, хотя надо было бы выбросить тебя»[74].

Многие стремятся найти красоту или любовь, воспетую в поколениях, не уловив прежде ее сути, не проследив ее происхождения. Как часто человек пытается пробовать различные вина в надежде найти то, о котором царь Давид говорил: «*и вино веселит сердце человека*» (Пс. 103:15). Но, заметив, что любое вино вызывает тошноту и боль, разочаровывается и подозревает обман. Хотя дело всего лишь в том, что у него язва желудка. Болезнь, которую требуется, потрудившись, излечить, тем самым устранив преграду между сердцем и весельем.

«Нет любви про запас, которую можно было бы тратить себе и тратить, любовь – труд сердца. Любовь не подарок от прелестного личика, безмятежность не подарок от прелестного пейзажа, любовь – итог преодоленной

---

[73] *Пушкин А.С.* Маленькие трагедии. Моцарт и Сальери.
[74] См. *Сент-Экзюпери А. де.* Цитадель. XXXV.

тобой высоты. Ты превозмог гору и живешь теперь в небесах. Любовь – то же восхождение. Не думай, что достаточно знать о любви, чтобы ее узнать. Обманывается тот, кто, блуждая по жизни, мечтает сдаться в плен; краткие вспышки страсти научили его любить волнение сердца, он ищет великую страсть, которая зажжет его на всю жизнь. Но скуден его дух, мал пригорок, на который он взбирается, жалка победа, так откуда взяться великой страсти?»[75]

Историки нередко выражают удивление тем, как быстро русскому народу удалось восстановить хозяйство и ликвидировать демографический кризис после Великой Отечественной войны. Свадьба в эти годы была заурядным явлением. Между тем тогдашние женщины, не имея косметологического досуга, занятые на производстве, походили на серых птичек в сравнении с современными модницами. Но, как всегда, дело было не в женщинах, а в том, что рядом с ними были победители. Не косметологи и визажисты, а Великая Аскеза 1941–1945 годов научила мужчин исключительной любви. Правы те, кому покажется, будто аскеза преследует какое-то тайное удовольствие, так что монаху и в самом деле, а не только на словах, отвратительна и скучна жизнь без подвига: «Всерьез любит воин, он узнал безбрежность пустыни, всерьез бьется за колодец влюбленный – он любит и не жалеет себя ради своей любви... Чем мужественней ты как воин, тем слаще любишь, а чем крепче любишь, тем лучше будешь воевать»[76].

Между тем, подозревающих в аскезе тайное удовольствие немного. В основном аскетов пытаются жалеть или даже «спасать» от тех невзгод, которыми они себя окружили. Наверное, никогда не успокоится голос, настойчиво предлагающий нам «подсократить посты и вообще соорудить скамейки в наших храмах по католическому образцу». Никогда девушки не перестанут жалеть однокурсника, ушедшего в монастырь.

Так «...женщина, заполучив тебя для своих ночей, познав сладость твоего ложа, обольщает тебя: “Разве плохо я тебя целую? Разве в нашем доме мало прохлады? Разве мы не счастливы вечерами?” И ты согласно улыбаешься в ответ. “Так оставайся со мной, оберегай меня, – продолжает она. – Стоит тебе захотеть, ты протянешь ко мне руки, и я склонюсь к тебе апельсиновой веткой, полной сладких оранжевых плодов. Жизнь в разлуке сурова, она отучает от ласки. Любовь твоего сердца уйдет в песок, как вода, лишившись возможности расцвести на лугу цветами”.

---

[75] *Сент-Экзюпери А. де.* Цитадель. XXXV.
[76] Там же. L.

Но ты-то успел узнать, как безудержно влечет тебя к той, чей образ подарен тебе ночным одиночеством, как украшает его тишина...[77]

Ты убежден: война отняла у тебя чудесную возможность любить. Но поверь, только разлука научит тебя любить по-настоящему. Ты научишься видеть голубизну долины, карабкаясь по скалистому склону к вершине. Ты научишься чувствовать Бога, безответно ему молясь.

Конечно, ты можешь обмануться и пожалеть воина, который тщетно зовет в ночи любимую и верит, что время течет для него бесплодно, отняв его драгоценное сокровище. Можешь тревожиться о неутоленной жажде любви, забыв, что суть любви – жажда. Знают об этом танцующие, танец сложен из приближений, а кто мешал бы им приникнуть друг к другу?

Повторяю: драгоценна неосуществленная возможность. Нежность среди тюремных стен – великая нежность. И молитва благодатна молчанием Господа. Шипы и кремни питают любовь...»[78]

Итак, аскеза – это труд, делающий человека способным достичь совершенной радости. «...В радость человеку только то, над чем он хорошенько потрудился, – так уж он устроен»[79], – резюмирует старый правитель, глядя на погруженное в заботы царство с высоты своей цитадели. Однако слово «труд» применительно к аскезе разъясняет еще далеко не все.

Дело в том, что существует две различных вещи, объединенных общим названием: труд раба и труд свободного. Раб под страхом смерти или наказания производит продукт, которым ему не суждено воспользоваться. Он старается для пользы другого. В этом случае даже усердие не прибавит рабу ни чести, ни славы. Этот труд не сделает его ни состоятельным, ни свободным.

Возможно, кто-то сочтет разговор о рабском труде неактуальным. Ничего подобного. Практически любое усилие, направленное на достижение внешней цели, грозит обернуться рабским трудом. Если я приобрел что-то в собственность или стяжал высокий социальный статус, я не могу быть до конца уверен, что поработал на себя. В конце концов, право собственности – всего лишь право, и чем бы оно ни было гарантировано, всегда может перейти к другому.

---

[77] С особой пронзительностью эта мысль выражена в песне «Темная ночь»:

Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться теперь губами!
Темная ночь разделяет, любимая, нас,
И тревожная черная степь пролегла между нами. – *Примеч. автора.*

[78] *Сент-Экзюпери А. де.* Цитадель. L.

[79] Там же. XXXV.

Что же такое труд свободного? В онтологическом смысле к нему может быть отнесена только аскеза. Продукт, произведенный аскетическим усилием, не подлежит отчуждению. Подвиг, совершенный мною, не нуждается в защите даже посредством авторского права, потому как не может быть объектом элементарного плагиата. Можно украсть у ветерана медали, но победителем от этого он быть не перестанет. Только аскетический труд приносит человеку царское достоинство и вместе с ним радость участия в пире жизни.

Христос, исполняя обещание сделать своих учеников свободными, предостерегает их от рабского труда: «*Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше*» (Мф. 6:19–21).

Подвижнический путь, о котором с такой художественной силой говорит военный летчик Экзюпери, это и есть собирание сокровищ на небе: «Только так наполнишься ты, не изнашиваясь, не расплескав полноту в потоке дней, и она останется с тобой, когда дни твои кончатся и тебе позволено будет быть, ибо ты сбылся»[80].

Мы наблюдаем, как многие люди всеми правдами и неправдами изо всех сил стремятся попасть на пир жизни. Культ потребления с его кровавыми жертвоприношениями – предательствами, убийствами и абортами – свидетельствует об этом достаточно красноречиво. Но совсем немногие понимают, что радость не определяется самим фактом присутствия на этом пиру. Все дело в том, в качестве кого ты на него приглашен. Мне в том ресторане, где состоялся разговор об овсяном печенье, было хорошо. А вот официантам – едва ли. Аскеза, совершенный подвиг, то есть труд, приносящий человеку царское достоинство, передает ему главное место на жизненном пиру:

«...война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы... Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами... Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове *отечество*! Как сладки были слезы свидания!.. Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: *ура!*..

---

[80] *Сент-Экзюпери А. де.* Цитадель. L.

...в уездах и деревнях общий восторг, может быть, был еще сильнее. Появление в сих местах офицера было для него настоящим торжеством, и любовнику во фраке плохо было в его соседстве»[81].

Как часто, пробившись на пир, «любовник», вопреки ожиданию, чувствует себя «плохо в соседстве офицера» и даже не догадывается, что причина кроется «во фраке». Вороватому чиновнику, несомненно, не столь уютно сидится в своем дорогом автомобиле, как олимпийскому чемпиону, получившему такую же машину в награду за одержанные победы. Думаю, чиновничью радость от управления сим достойным удивления произведением «германского гения» должно омрачать неясное предчувствие того, что сам ты – единственный некачественный элемент автомобиля, криво слепленная и неловко прикрепленная к корпусу деталь отечественного производства.

Итак, аскеза, упражнение по растождествлению себя со злом, во-первых, настраивает чувственность на восприятие красоты; во-вторых, сообщает человеку царское достоинство, то есть главное место на жизненном пиру. Все вместе это дает совершенную радость жизни, любовь. А любовь – это и есть максимально полное проявление вкуса к прекрасному, высшая степень способности увидеть статую в глыбе мрамора. Здесь до гения может недоставать только мастерства – способности физически отделить заключенную в глыбе статую от лишних обломков мрамора. Но такая способность приобретается уже простым упражнением.

По-настоящему творить можно только от полноты бытия. Я не верю в развратного философа. Истине он неизбежно предпочтет ту форму заблуждения, которая окажется более подходящей его духовному состоянию. Скорее всего, это будет изощренное пустословие, годящееся разве что для того, чтобы пленять экзальтированные умы его ветреных подруг. Прав Декарт, когда говорит о том, что всякая болезнь неизбежно искажает образ действительности: «Мы подвержены заблуждению во всех следующих случаях: если кто-либо рассказал нам небылицу и мы верим, что речь шла о происшедшем событии; если страдающий желтушной болезнью считает, что все вокруг желтое, так как его глаз окрашен в желтый цвет; если, наконец, когда расстроено воображение, как это случается с меланхоликами, мы полагаем, что его беспорядочные призраки представляют действительные вещи»[82]. Несомненно, развратный философ, тиражируя собственные «желтушные истины» и «беспорядочные призраки», не способен свидетельствовать ни о чем, кроме своей болезни.

---

[81] *Пушкин А.С.* Метель.

[82] *Декарт Р.* Правила для руководства ума. Правило XII.

Если аскеза – путь развития вкуса, то, очевидно, обратный процесс, духовная деградация умаляют его. Если же нет гения без абсолютного вкуса, то «гений и злодейство – две вещи несовместные», потому что зло вредит в первую очередь совершившему его человеку, уничтожая способность прозревать прекрасное.

Таким образом, в сфере творчества требования к гению еще жестче, чем в науке: для того, чтобы сбыться, здесь уже недостаточно просто воздерживаться от явного зла – приходится бороться за вдохновение с ползучей экспансией «невольного греха», прочно связывая свою жизнь с аскезой. Великий художник живет, лишь изредка нисходя до простых удовольствий, и, не задерживаясь при них дольше одного дня, на закате неизменно возвращается в свою Цитадель.

В замечательной экранизации «Маленьких трагедий»[83] пушкинский сюжет дополнен почти мистической деталью. Сальери пытается опытным путем разрешить мучающее его сомнение: гений он или нет. Он нерешительно подходит к фортепьяно, струны которого еще не «остыли» после могучего моцартовского «Реквиема», и пробует импровизировать. Увы! Клавиши под его рукой издают лишь сухие деревянные щелчки, а в завершающих аккордах отчетливо угадывается двойной пистолетный выстрел – словно сделанный в упор холодным, расчетливым убийцей.

Цветы зла

Очевидно, для того, чтобы в полной мере устранить сомнения относительно несовместимости гения и злодейства, следует выдвинуть гипотезу, позволяющую объяснить феномен так называемых «цветов зла». Критики, даже из числа неспециалистов, не преминут напомнить о гомосексуализме, распространенном в среде древнегреческих интеллектуалов, о творимых чуть ли не напоказ беззакониях «титанов Возрождения», о распутстве Есенина и алкоголизме Высоцкого.

Предложить такую гипотезу нетрудно. Я вспоминаю одного из своих университетских товарищей, который с презрением и отвращением относился к физкультуре, но, тем не менее, отличался выдающимися физическими возможностями. Он мог, например, выпить две бутылки водки и после этого без явных усилий сдать зачет по легкой атлетике. Должно ли это свидетельствовать о пользе алкоголя или бессмысленности физкультуры? Укрепляют ли подобные факты распространенную в нашей

[83] Телевизионный фильм 1979 года, режиссер Михаил Швейцер. – *Примеч. ред.*

интеллигенции уверенность в том, что «талант не пропьешь»? Думаю, что способность пробежать кросс после литра водки говорит, скорее, об удивительной силе, унаследованной моим однокурсником от многих поколений уральских предков.

То же самое можно предположить и в случае с Есениным. Детская и юношеская связь с Церковью, патриархальным укладом русской деревни оказалась сильнее городского бесчинства и позволила проявиться таланту. Дар поэта тоскует по своей духовной Родине, поэтому и сам поэт через стихотворение ностальгирует по хатам родной деревни. «Рать святая» к началу двадцатого века стала одним из сказочных образов, поэтому и Царство Небесное (не карикатурный «рай», а именно место упокоения, потребность в котором существует у каждого человека) совместилось для Есенина с воспетой им «Русью»:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»,
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте Родину мою».

Имея столь ярко выраженную церковную «наследственность», конечно, можно было расписывать стены Страстного монастыря нецензурными словами, не рискуя совсем утратить «охоту к рифмам». Но следующее поколение художников уже не может похвастаться сильными генами, хотя с увлечением ходит «по есенинским местам» – кабакам и домам терпимости. Результат – зашедший в тупик декаданс, в отчаянии осознающий отсутствие творческих горизонтов. «Писатель, добившийся скандальной славы нарочитым нарушением всех привычных норм, закрывает путь к успеху всем другим писателям, да и самому себе тоже. Утратив чувство стиля, читатель не найдет вкуса и в нарушениях. Издевка – та же кража: я назвал короля ослом, все хихикают, потому что привыкли чтить короля. Но почтение мало-помалу изнашивается, король и осел сливаются воедино, слова мои уже сама очевидность. Никому больше не смешно»[84]. Моральный кризис не замедлит отразиться творческим: «Онтологический рынок зла затоваривается, бокал до краев наполнился черной жидкостью. Что дальше?»[85]

Титанов Возрождения, по всей вероятности, поддерживала на плаву аскетическая инерция Средневековья. Стоит обратить внимание на то, что их бесчинства в основном совершались с дерзостью детей. Они не

---

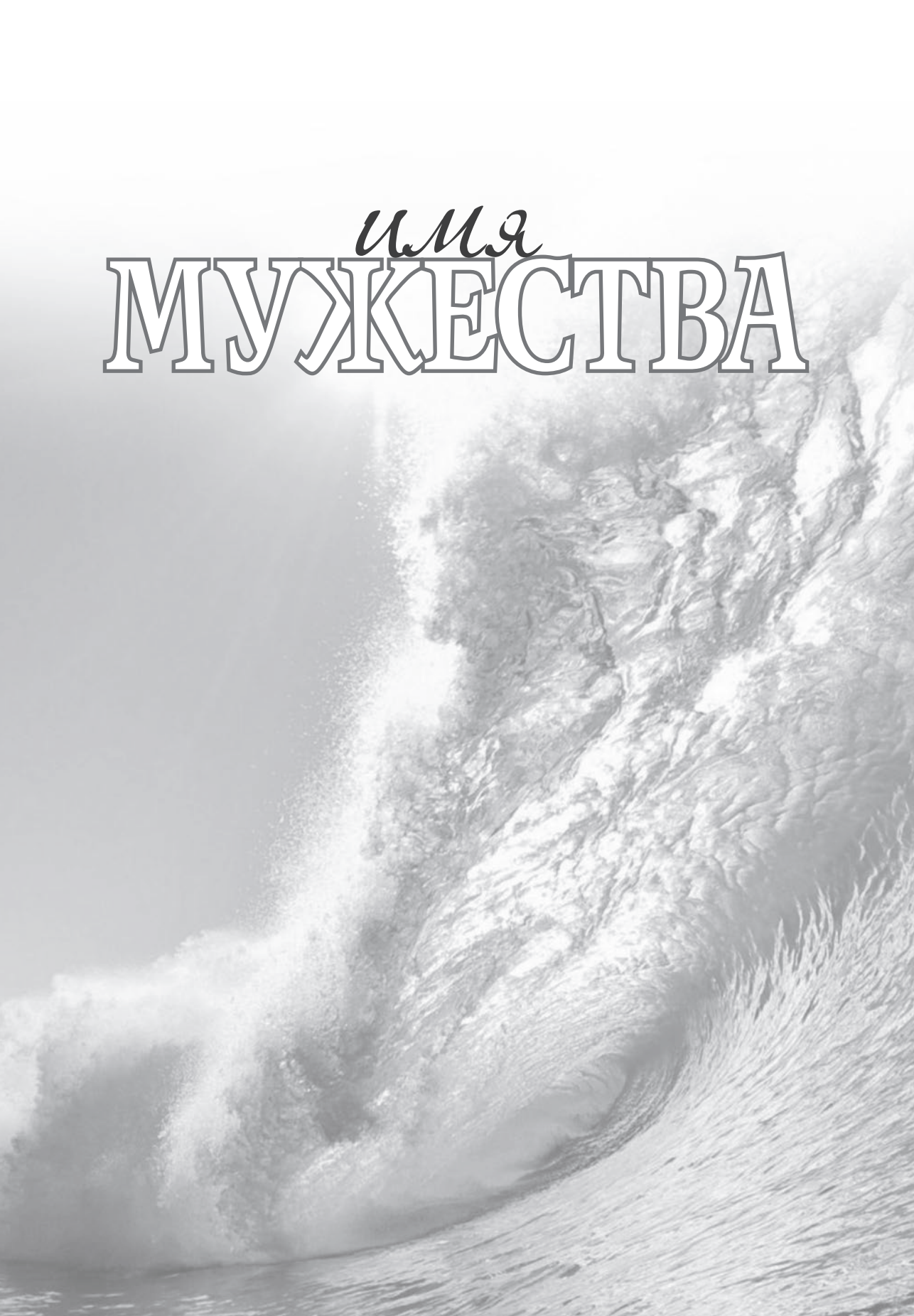
[84] *Сент-Экзюпери А. де.* Цитадель. XLVII.
[85] *Ерофеев В.В.* Русские цветы зла. Предисловие к сборнику.

были еще привычными и обыденными и имели явный привкус скандала. Зло не успело еще претвориться в слабость и безжизненность. Оно не совершалось автоматически, по привычке. Это был, скорее, один из тех экспериментов, которые они так любили и затевали часто совершенно бездумно, охваченные «героическим энтузиазмом микрокосма ко Вселенной».

Так что для меня развращенный гений не контраргумент, а всего лишь предмет удивления перед силой его природы – даже зло не сразу вредит ему. Вот и Декарт говорит: «Ведь человеческий ум заключает в себе нечто божественное, в чем были посеяны первые семена полезных мыслей, так что часто, как бы они ни были попираемы и стесняемы противными им занятиями, они все-таки производят плод, вызревающий сам собой»[86].

[86] *Декарт Р.* Правила для руководства ума. Правило IV.

Имя мужества



В романе Лермонтова «Герой нашего времени» есть поразительное по своей глубине и силе признание в любви. Причем делает его женщина – вопреки канонам романтической литературы:

«Мы расстаемся навеки; однако ты можешь быть уверен, что я никогда не буду любить другого... Любившая раз тебя не может смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин, не потому, что б ты был лучше их, о нет! Но в твоей природе есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в твоем голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая...»

Наверное, каждый юноша мечтает когда-нибудь услышать нечто подобное и в собственный адрес. И потому он стремится постичь секрет обаяния своего пола.

Война полов

– Ну, так и знал: женщина за рулем!

В очередной раз услышав этот возглас, составляющий неизменную часть водительского ритуала, я рискнул поинтересоваться: что произошло? Что не так сделала «белокурая бестия» на удаляющемся ярко-желтом «Жуке»? Человек за рулем задумчиво нахмурился:

– Как тебе сказать? Понимаешь, ничего она не нарушила, но только как-то это... не по-мужски.

На протяжении многих веков сильной половине человечества, при всей разности и чрезвычайном многообразии мужских типов, была присуща как минимум одна характерная черта – врожденная уверенность в том, что универсум человеческих интересов жестко поделен на сугубо мужские и преимущественно женские дела. Так, например, экономика в представлении древнего грека – это не более чем искусство ведения домашнего хозяйства. Частные заботы, домашние нужды, составляющие область экономического, представлялись эллину «женским делом». То, что начиналось за порогом дома – судебные тяжбы, государственное управление, война, философские беседы с заезжими софистами – образовывало сферу политического, традиционно обозначалось общим понятием «политика» и принадлежало ведению мужчины. В некоторых случаях

эта особая врожденная уверенность доходила до того, что вообще признавалась двоякая возможность исполнения всякого дела: по-мужски и неправильно: «В трех или четырех цивилизованных странах Европы можно с помощью воспитания в течение нескольких веков сделать из женщин все, что угодно, даже мужчин, конечно, не в половом смысле, но все же во всяком ином смысле... Но как мы выдержим созданное этим движением промежуточное состояние, которое само, быть может, продлится несколько веков и в течение которого женские глупости и несправедливости, их древнейшее состояние, будут еще преобладать над всем позднее приобретенным и внушенным через воспитание? Это будет эпоха, когда основным мужским аффектом станет гнев – гнев о том, что все искусства и науки затоплены и загрязнены неслыханным дилетантизмом, философия загублена умопомрачающей болтовней, политика стала более фантастической и партийной, чем когда-либо, общество находится в полном разложении, потому что хранительницы старых нравов стали сами себе смешны и во всех отношениях хотят стоять вне традиций»[87].

Поскольку фундаментальные формы человеческого бытия меняются всегда нехотя и с большим трудом, можно с уверенностью утверждать, что стоит только на минуту отложить в сторону льстиво-джентльменские привычки, с помощью которых мы кратчайшим путем добиваемся расположения женщин, как любому из нас еще возможно будет расслышать в себе этот древний отголосок Традиции – ощущение внутренней неловкости при виде эмансипированной женщины, чувство стыда за совершаемый ею грех против вкуса. Вот как это выразилось у классиков:

Не дай мне Бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шале
Иль с академиком в чепце! [88]

«Женщине, у которой, как у г-жи Дасье, голова полна греческой премудрости или которая, подобно маркизе Шатле, ведет ученый спор о механике, не хватает для этого только бороды – борода, быть может, еще отчетливее выразила бы глубокомыслие, приобрести которое стремятся такие женщины»[89].

Итак, возможно ли теоретически оправдать традиционный мужской взгляд на женщину? Или придется признать в нем всего лишь «средневековый» атавизм мужской психологии? Почему женщина не может быть

---

[87] *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов.
[88] *Пушкин А.С.* Евгений Онегин. Глава третья, XXVIII.
[89] *Кант И.* Наблюдения над чувством возвышенного и прекрасного.

священником? Что это: предание старцев или правда Божия? Наше заблуждение, вызванное энерционной силой традиции, или мудрое определение, основанное на реальном различии мужского и женского?

Как известно, апология «прав женщины» обоснована идеей равенства полов. Обратные рассуждения построены, как правило, на допущении о превосходстве мужчины в том или ином отношении. Последние теории ничуть не серьезнее первых и достойны всяческого осмеяния.

И действительно, разговоры о том, что мужчина превосходит женщину по какому-либо количественному показателю, что он сильнее, умнее, глупее, храбрее и т. п. пора прекращать. Дело в том, что сам подход – измерить мужество и женственность посредством одной и той же шкалы – по сути, заявляет о том, что никакого различия между ними нет. Что такого особенного есть в мужчине, если это есть и в женщине, пусть и в другой пропорции? Что особенного в мужестве, если это всего лишь дважды или трижды женственность? В этом случае нам вообще следовало бы провести по понятию пола бритвой Оккама[90], как по «сущности, в которой нет необходимости». Иначе говоря, допущение о неравенстве полов ничуть не более верно, чем мысль об их равенстве, потому что и то, и другое приводит к уничтожению самого понятия пола.

Основанием хоть сколько-нибудь серьезной гендерной теории должна стать аксиома о несоизмеримости полов. Предположим, что мужество и женственность суть качественно различные величины и потому не могут быть измерены посредством одной и той же шкалы и выражены в некой универсальной системе исчислений.

Итак, вперед – к качественному осмыслению мужества. Совсем рядом, под ногами, пробный камень новой теории. Философия, судя по именному указателю в конце учебника, дело сугубо мужское[91]. Более того, мы, мужчины, внутренне одобряем такое положение вещей. Почему?

Ребенок, играющий в бытие

Что значит «быть мужчиной»? Что в нас может быть такого, чего бы не было в женщине? Посмотрим, как обстоят дела в «теоретической» области

---

[90] Бритва О́ккама – «закон экономии» – методологический принцип, получивший название от имени английского монаха-францисканца, философа-номиналиста Уильяма Оккама. Кратко он гласит: «Не следует множить сущее без необходимости». – *Примеч. ред.*

[91] Справедливости ради следует назвать упомянутых Диогеном Лаэртским пифагорейку Феано и насельницу эпикурейских рощ Фемисту. Однако первая была женой Пифагора, а вторая – Леонтея Лампсакского, тоже эпикурейца, так что их интерес к философии, скорее всего, объясняется социальными причинами. – *Примеч. автора.*

науки. Это сугубо мужская территория. Женщин здесь нет. Почему? Возьмите знаменитую гипотезу Пуанкаре – одну из семи задач тысячелетия, недавно покорившуюся гению Григория Перельмана, – и попробуйте заинтересовать ею женщину. У вас ничего не выйдет. «Затянется или нет протянутая через всю Вселенную воображаемая петля бесконечной веревки, если ее потянуть?» Воистину, легче представить себе даму с бородой, чем женщину, которая позволит себе всерьез озадачиваться подобными «пустяками».

Дело в том, что мужество и женственность – это два различных способа отношения к миру. В идеальном смысле, мужчина – это ребенок, играющий в бытие. Женщина, исполняющая материнскую, то есть охранительную, миссию, в бытие не играет. Имя Праматери – Ева, то есть, «Жизнь» – определяет специфику женского отношения к миру: добродетельно, интересно и ценно только то, что служит интересам жизни, защищает ее; все прочее – пустяки, если не откровенное зло. Отсюда берет начало уникальный женский прагматизм. Даже традиционные игры ребенка-девочки («дочки-матери») являются игрой только по форме. Это «игры в ответственность за жизнь». Со временем игровая форма исчезает и вчерашняя девочка вместо куклы начинает пеленать уже настоящего младенца. Иначе можно сказать, что все дети играют, но только девочки взрослеют. Для мальчика повзрослеть – означает только изменить масштаб и качественный уровень игры. По существу же ничего не меняется: игра превращается в шалость, затем – в опасную шалость и вполне может закончиться подвигом.

Всем известно, как зарождался русский флот – это любимый рассказ русских историков. Десятиметровый деревянный бот – любимая игрушка молодого Петра и «дедушка русского флота» – до сих пор находится в выстроенном специально для него музее на берегу Плещеева озера. А его атомные внуки, говорят, до сих пор бороздят просторы и глубины Мирового океана. Детские турпоходы Эрнесто Гевары де Ла Серны впоследствии приобрели характерный запах кубинской сигары и порохового дыма, и вскоре весь мир с напряженным волнением вслушивался в твердую поступь «Команданте Че».

Теоретическая наука, по сути, представляет собой отвлеченную игру. И это занятие в наибольшей мере отвечает структурам именно мужской души. Женское охранительное отношение к миру не терпит «пустой игры», уничтожает саму ее возможность именно потому, что на каждом шагу ставит вопрос «зачем?» и каждое действие оценивает с позиции целесообразности. Игра же по сути своей бескорыстна. В самом деле, зачем

ребенок строит дом из кубиков? Низачем. Просто это занятие отвечает некоторым особенностям его внутреннего устроения. Ребенок не может не играть – он иррадиирует и заражает окружающих самим духом игры. Именно вопрос «зачем все это надо?» есть тот спазм, который парализует женский ум, когда дело доходит до отвлеченных предметов.

В один прекрасный день я стал свидетелем того, как мой университетский товарищ и близкий друг, логик по специальности и к тому времени уже добившийся определенных результатов, терпеливо, но безуспешно пытался объяснить супруге суть своих занятий. Жена его училась курсом младше и впоследствии окончила университет с красным дипломом, так что нельзя сказать, будто ей недоставало ума для понимания хитросплетений математической логики. В тайном заговоре буквочек латинского алфавита, в строгом соответствии с которым они то исчезали, то вновь появлялись в витиеватых формулах, она, без сомнения, мучительно не понимала что-то совсем иное, и ей явно не хватало характерной мужской способности играючи забываться и тем самым безопасно обходить проклятый вопрос «к чему это вообще»?

Различие функций мужского и женского определяет характер присутствия мужчины и женщины в науке и философии. Женщина собирает, систематизирует, преподает, достигает выдающихся результатов в практической области, особенно биологии и медицине. Мужчина придумывает, изобретает, сочиняет. Это оказывается возможным, благодаря «детской» способности делать все играючи, не анализируя перспектив. Так, своим современным техническим могуществом человечество во многом обязано счастливой праздности эллинов, которые «от нечего делать» предавались бессмысленному занятию – играли «в мудрость» – принимались чертить на прибрежном песке геометрические фигуры и, целыми днями задумчиво всматриваясь в них, открывали то зависимость гипотенузы от катетов, то несоизмеримость стороны квадрата с его диагональю. В этой праздности, как в бесконечной прямой, растворялось и бесследно исчезало великое множество разных, но неизменно требующих определенности и конечности вопросов-отрезков «к чему это приложить?» и «зачем все это нужно?» Наука начиналась как типичная игра, со своей интригой, с таинственным узнаванием своих-чужих, с ритуалами и символами[92].

---

[92] «У Пифагора были особые знаки: огонь ножом не разгребать; через весы не переступать; на хлебной мере не сидеть; сердце не есть; ношу помогать не взваливать, а сваливать; изображения бога в перстне не носить; переходя границу, не оборачиваться. Этим он хотел сказать вот что. Огонь ножом не разгребать – значит, во

Таким образом, доминирование мужского начала в философии и теоретической области науки, представляется, скорее, закономерностью, нежели случайностью или следствием «шовинистического заговора». Женская прагматичность просто-напросто не смогла бы создать науку. Кроме того, вряд ли женщине было бы интересно всю жизнь заниматься каким-либо делом, не имея гарантий его результативности. А ведь открытие совершает далеко не каждый ученый. И оригинальную теорию удается создать не всякому философу. Что же может быть мотивом для бесперспективного дела? Что может компенсировать все труды и время, проведенное в лабораториях и библиотеках, если, в конце концов, так и не удалось сделать великого открытия? Только сам процесс, если он переживается как игра.

Мне вспоминается философский факультет Московского университета. Преподавательский состав – смешанный. Студенческая аудитория тоже едва ли не на две трети состояла из девчонок. И все же, несмотря на это, оставшиеся тридцать «мужественных» процентов явно доминировали на факультете, в них нельзя было не признать хозяев, суверенно располагавших своей академической дисциплиной.

Девушки могли похвалиться в общем более высокой успеваемостью и в их рядах чаще случались красные дипломы. Однако они оказывались не способными воспринять во всей полноте проблему первоначала сущего. Женщина может задаться философским вопросом, но она не способна всерьез мучиться им. Фалесова вода? Гераклитов огонь? Анаксименово беспредельное? Присмотритесь к студентке-философине – вот она сдает экзамен, ответы на вопросы профессора часто сопровождает смущенной полуулыбкой. Весь ее вид в этот момент будто говорит: это не я так думаю – это он, древний грек; это он придумал все это, все эти смешные проблемы. Впрочем, возможен несколько иной вариант – научный пафос историка, доксографа[93], беспристрастно и педантично излагающего

владыках гнев и надменный дух не возбуждать. Через весы не переступать – значит, равенства и справедливости не переступать. На хлебную меру не садиться – значит, о нынешнем и будущем заботиться равно, ибо хлебная мера есть наша дневная пища. Сердца не есть – не подтачивать душу заботами и страстями. Уходя на чужбину, не оборачиваться – расставаясь с жизнью, не жалеть о ней и не обольщаться ее усладами... Ибо велика была сила его дружбы, и когда он видел человека, знакомого с его знаками, то принимал его тотчас в товарищи и делал себе другом». – *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Книга восьмая. 1. Пифагор.

[93] Доксограф (от греч. – «мнение, воззрение» и – «описываю») – автор, описывающий систему взглядов какого-либо философа. – *Примеч. ред.*

заданную тему. И вообще, насколько я мог заметить, девушки никогда не обсуждали друг с другом профессиональные вопросы просто так, безотносительно к прошедшему или предстоящему экзамену.

Женщине в ее любви к мудрости не хватает экзистенциальной искренности. Возможно, поэтому мудрость не спешит ответить ей взаимностью.

В преподавательской среде дело обстояло схожим образом. Лекции преподавателей-женщин в большинстве случаев отличались богатой фактологичностью и особой гладкостью слога. Эта гладкость как раз и настораживает, если речь идет о предметах философских.

Дело в том, что философ, в отличие от литератора, не ставит себе риторических задач. Его цель – как можно более точно и ясно изобразить живую идею. Философ не творец идеи – он ее слуга и достигает тем большего успеха, чем сильнее привязывается к истине и чем скорее забывает все свое. Философ – это юродивый стиля. Поэтому с точки зрения подлинного любомудрия, подозрителен всякий человек, не принесший в жертву истине свою репутацию утонченного ритора.

Геннадий Георгиевич Майоров, подобно Сократу, почти ничего не написал, за исключением, может быть, того минимума, к которому обязывало его профессорское звание. Возможно, это было проявлением характерной философской неприязни к стилю. Что же касается экзистенциальной искренности, то он настолько увлеченно играл в Платона, что забывал сам себя и мог читать лекцию, обратившись к пустому залу, а приступая к разбору учения Аристотеля, всегда предупреждал, что «это, конечно, не Платон...» Те, кто был способен увлечься его игрой – тридцать «мужских» процентов аудитории, – подобно ученикам Пифагора, видевшим золотое бедро у своего учителя, в один голос уверяли, будто в тот момент, когда профессор говорил об идее Блага, на его лысеющей голове сам собою появлялся лавровый венок, а книжка в руке делалась чем-то подозрительно похожим на лиру. Большинство неспособных это увидеть попросту не ходили на его лекции. Тяготея к женскому способу отношения к миру, они не могли тогда положительно решить для себя вопрос: зачем мне это нужно? Так, подобно им, многие, будучи не в состоянии понять бескорыстие игры, по-прежнему склонны искать в философии какую-то непонятную цель.

Игра как перводвигатель культуры

Мы привыкли считать игру несерьезным делом. На самом деле – это двигатель всей мировой культуры. Аристотель говорил, что всякое движение с необходимостью должно иметь причину. Особенность ситуации

в том, что всякая причина механического движения тоже представляет собой движение и в свою очередь также нуждается в причине. Поскольку это должно продолжаться до бесконечности, которую не вмещает наш ум, Аристотель сконструировал понятие первопричины или «перводвигателя».

В средневековье аристотелевское представление о перводвигателе получило латинское название causa sui (причина самого себя). В мире обнаружилось много вещей подобного типа. Что освещает и нагревает Землю? Солнце. А что освещает и нагревает само Солнце? Ничего. Внутренние ядерные реакции. Что является внешней причиной солености блюд? Соль. А что является причиной солености самой соли? Ничего. И здесь можно говорить только о внутренних причинах. Causa sui имеет особый статус. В Евангелии об этом сказано так: *«Если... соль потеряет свою силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям»* (Мф. 5:13). Чем так ценен гений? Тем, что он из себя воспроизводит то, чего раньше в мире не было. Чем ценен христианин? Тем, что он из любви к своему распятому Богу творит подвиги, которым не может научить его религиозный закон Авраама, Моисея, Мухаммада или Зороастра. Causa sui – это мотор, источник и начало какого-то нового свойства. Это творческое «святое слово утверждения».

Если рассматривать мировую культуру в «механицистском» ключе, то становится очевидным: как всякое движение требует причины, так любое дело человека нуждается в мотиве, то есть положительном и хорошо обоснованном ответе на вопрос «зачем?» Игра же представляет собой единственную деятельность, которая не нуждается в мотивах. Зачем играет ребенок? Какую цель он преследует? Никакую – он иррадиирует и заражает окружающих самим духом игры. Так и философия является тем источником, из которого берут начало и впоследствии продолжают питаться науки и искусства.

Поскольку только игра способна начинаться сама собой, без причины, Йохан Хейзинга считал игру первоначалом и перводвигателем всей культуры. А Фридрих Ницше мужскую способность «быть как дети» называл высшим проявлением человека: «Три превращения духа называю я вам: как дух становится верблюдом, львом верблюд и, наконец, ребенком становится лев»[94]. Интересно, что ребенок объявляется высшей ступенью эволюции духа – он ставится даже превыше льва. Почему же мужество

[94] *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра.

превыше и полнее даже храбрости и силы? «Скажите, братья мои, что может сделать ребенок, чего не смог бы даже лев? Почему хищный лев должен стать еще ребенком? Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, начальное движение, святое слово утверждения»[95].

Мужская история

Однако и философия, и наука – это далеко не самые важные функции мужества. Ребенок, играющий в бытие, является непосредственным зачинщиком истории, вне которой жизнь превращается в нескончаемый «день сурка».

Генетическую связь истории и мужества в первую очередь переживает тот, кто завязывает серьезные отношения с женщиной. Юноша, почувствовав интерес к однокласснице, сначала задается вопросом «чего хочет женщина?» С этого момента в нем начинается серия духовных трансформаций – поиск себя. Однако сегодня, увы, этот поиск все чаще заканчивается разочарованием. Все дело в том, что мы слишком загостились в женском царстве – мире вещей. Даже добившись в этом царстве известного положения, мы ничего не выигрываем. Так, многие из нас, имея возможность подарить любимой дорогое авто или яхту, в ответ сталкиваются лишь со скучающей тоской, притаившейся в прекрасных глазах. Женское сердце невозможно до конца насытить «брюликами». Его можно наполнить только трагическим духом истории.

Фильм Николая Лебедева «Звезда», снятый по одноименной повести Эммануила Казакевича, рассказывает о зарождающейся любви командира разведчиков, отправленных за линию фронта, во вражеский тыл, и молоденькой связистки Кати Симаковой. Собственно, военный рассказ пронизан этой молитвенной связью двух любящих сердец: невидимый лейтенант, лишенный в целях конспирации даже собственного имени и временами, всегда внезапно, выходящий на связь под кодовым именем «Звезда», и – забывшая пищу и сон радистка, беспрерывно повторяющая в эфире позывные: «Звезда! Звезда! Я – Земля! Ответьте Земле! Как слышите меня? Прием!»[96] Принимая разведданные и передавая лейтенанту

[95] Там же.

[96] «Звезда» – древний мужской архетип, «Земля» – женский. В связи с этим хотелось бы отметить характерную нечувствительность к ним некоторых современных популярных исполнителей-мужчин, которые ничтоже сумняшеся поют женщине: «Ты небо, я земля» – *Примеч. автора*.

приказы командования, радистка только однажды смогла добавить в радиоэфир несколько личных слов: «Мы горячо обнимаем вас, Звезда, возвращайтесь скорее!» Но судьба распорядилась иначе: передав в штаб бесценную информацию, лейтенант достойно завершил свой подвиг гибелью.

В последний раз услышав родной уходящий голос в трубке рации, девушка принимает два предельно радикальных решения. О ее дальнейшей судьбе рассказывает один из второстепенных героев, капитан Барашкин: «После войны Катя вернулась в свой маленький городок, где работала в местной школе учительницей истории. Замуж она так и не вышла».

Стоит задуматься: почему исключительная верность любимому человеку приобрела именно такую форму – учительница истории?

В мире женщина распоряжается предметами и обживает пространство, мужчина больше дорожит событиями и стремится завладеть временем. От всякого человека всегда остается хоть какое-нибудь наследство. Почивший художник оставляет после себя картины, банкир – деньги. Когда умирает ребенок, играющий в бытие, зачастую от него не остается ничего, кроме истории. Именно это и произошло с молодым командиром разведчиков. Так Катя, которую по праву можно назвать самым близким погибшему лейтенанту человеком, стала хранительницей подлинно мужского наследства – учительницей истории.

Закон единства и борьбы противоположностей требует противопоставить женскому охранительному прагматизму игру в бытие. Ненадолго привлечь к себе женщину может и состоятельный мещанин, но всерьез покорить ее способен только «ребенок». Трагический дух истории – подлинно мужское обаяние – вот что является оправданием исключительной любви женщин к поэтам, боевым офицерам и даже к революционерам, вроде Эрнесто Че Гевары. Восхищенный и серьезный женский взгляд устремляется к тому, кто сохранил верность призванию и достойно исполнил свою бытийную повинность.

Так, жена Че Гевары, Алейда Марч, «с которой он познакомился, когда партизанил на Кубе, призналась ему как-то, что, влюбившись, сразу поняла: если она хочет его заполучить, то должна записаться в отряд. Она так и сделала. Он тогда еще удивлялся: такая красавица – рвется бродить с ним по горам?»[97] Кроме Алейды, была еще немка Тамара Бунке, знаменитая подпольщица под псевдонимом Таня, погибшая во время боливийского похода. Вот известная фотография со свадьбы Че: бородатые партизаны в пыльном камуфляже и между ними женщины, неброско одетые, но радостные, счастливые своими мужчинами.

---

[97] *Варьяш А.* Последний бой команданте // Караван историй. Апрель, 2002 г.

В последнее время это переживание – тоска Кати Симаковой – все больше доминирует в мире. Каждый раз седьмого ноября (как, впрочем, и в некоторые другие праздники) на улицах Москвы можно встретить женщин со странной тоской в глазах: старушка, прижимающая к себе портрет Сталина, слабеющим дыханием оживляющая какие-то задорные песни времен утренней зари коммунизма; девушки в футболках с изображением Че Гевары и надписью по-испански: HASTA LA VICTORIA SIEMPRE[98]...

Показательно, что не изображения Ленина или серпа и молота помещены на новых красных знаменах. Та конкретная история уже закончилась и не имеет продолжения. Осталось то, что неизменно остается всегда (siempre) – сам дух истории и его символ – ребенок, играющий в бытие. Отказавшись после победы от всех государственных постов Кубы, как и от самого кубинского гражданства, Че Гевара стал олицетворением не какой-то конкретной революции, а самой идеи революции, а красные флажки с его изображением – выражением чистого революционного духа, не нашедшего еще конкретно-историческую форму. Образ бородача в берете источает силу символа, который говорит уже даже не о революции – это постоянное напоминание о том вызове, который бросает судьба всякому младенцу мужского пола, сколько бы лет ни прошло от момента его рождения.

Сегодня ответить на этот вызов еще более необходимо, чем когда-либо. Дело в том, что ответственное женское начало является естественным противовесом игре в бытие и неизменно спасает мир от слишком зашалившегося ребенка. Однако противовес, если ничем не ограничен, может вообще парализовать всякое движение. В самом деле, мир не так давно имел очередную возможность убедиться в том, что чрезмерно усилившееся мужское начало и неуемная воля к истории стремится уже уничтожить себя самое (нацистская Германия). Женское начало спасло нас от окончательной катастрофы, но какой ценой! Маятник качнулся в обратную сторону, и если в середине XX столетия мир стал опасно мужским, то к исходу века он уже сделался нестерпимо женским.

Характерный эпизод, наглядно демонстрирующий суть описываемого конфликта, мне довелось наблюдать на праздновании Дня танкиста в Кубинке, где размещается крупнейший в России музей танков. Мальчик лет шести-семи тянет маму к очередному ангару с техникой:

– Пойдем, пойдем! Здесь самые большие! Смотри, как красиво!

---

[98] «Всегда до победы!» – *Примеч. автора.*

– Не может оружие быть красивым, – назидательно говорит мама, – оно убивает!

Представляется совершенно нормальным, что мама неспособна разглядеть красоту оружия, потому что для этого нужно увидеть в нем символ доблести, а не только средство убийства. Покоробило меня в этой ситуации то, что именно ее суждение осталось последней истиной. Мальчик, не имея возможности спорить с родительницей, замолчал. Но где, спросим, был в это время его отец? Перед каким телевизором просидел он тот момент, когда в нем – может быть, во второй и последний раз в жизни – была такая острая нужда?

Дело в том, что всякое историческое событие в первую очередь обостряет отношения двух во всякое время и во всяком месте существующих классов: первый объединяет тех, кто тоскует по истории; второй – тех, кто не хочет «влипнуть в историю». Если одни предпочитают говорить о победах, то вторые – о жертвах; первые – о достижениях, а вторые – о цене, которую пришлось за это заплатить. Независимо от того, кто победил на том или ином отрезке истории, есть сила, которая стремится победить саму историю, окончательно заперев ее в учебниках, музеях и памятниках. Воинственный и авантюристичный некогда европейский мир проникнут женским страхом войны, его тошнит при виде крови. Подобно казачке, прячущей «с глаз долой проклятую саблю», он старательно музеифицирует еще живые, не стершиеся символы, пытаясь «обезопасить» человека от источаемого ими обаяния и силы. После Второй мировой войны мир стал напоминать покои больного: поминутно то там, то сям раздается сердитое шиканье и раздраженное требование политкорректной тишины.

Всеобщими усилиями сворачивается публичное пространство: нас настойчиво уговаривают покинуть гимнасии и палестры, форумы и Ареопаг, оставить излюбленные площади и насиженные портики. Нам настойчиво внушают: «главней всего погода в доме». Само слово «политика» сделалось ругательным, и новоявленные политики спешат засвидетельствовать, что они «занимаются делом, а не политикой». Повсюду слышен ласково-завораживающий голос сирен, зазывающих нас вернуться «домой». И вот новейшие аргонавты уже послушно плетутся на зов, не понимая еще, что гораздо более счастливой участью для них была бы гибель в опасном походе, в сфере политического, потому что дом – это чужое пространство, дом – это экономика, где нельзя уже остаться аргонавтом, а непременно нужно превратиться в эконома, в женин хозяйственный придаток, в «кошелек» или «папика», как, по свидетельству

некоторых женщин, они с недавних пор именуют между собой своих самоуверенных мужей и любовников.

Женское начало переживает свой антипод как некоторую постоянную опасность. И действительно, мужчина опасен, его игры могут причинить беспокойство. Поэтому современный, преимущественно женский мир всеми силами старается истребить из себя всякие начатки мужества.

Однако в противостоянии двух противоположных начал окончательной победы быть не может. Мужество невозможно уничтожить до конца, и потому то, что в начале жизненного пути является как вызов, на склоне лет приходит уже как упрек.

Так, солидный клерк, очередным утром сбривая с щек проступающую седину, вдруг понимает, что существует два совершенно различных способа существования: быть и работать.

Ребенок всегда стремится быть – быть защитником справедливости, архитектором Нового Кремля, служителем Бога Вышнего. При неправильном взрослении модус его существования незаметно теряет элемент миссии и человек просто начинает работать – начальником какого-то подразделения ОВД, ландшафтным дизайнером или попом-требоисполнителем.

Есть детский вопрос «на засыпку»: «кем работает царь?» Он отчасти передает тот конфликт, о котором мы говорим. Так юноша, искушаемый голосом мужества, чувствует какую-то иную возможность в самой абсурдности вопроса «кем работал Сократ? Че Гевара? Преподобный Сергий?» Невозможно сделаться клерком или менеджером – исполнителем некой полезной социальной функции, – не сломав в себе предварительно самого духа мужества – духа, который стремится быть, то есть царствовать, пусть даже в качестве монаха или рядового солдата.

Чего не хватает современнику? Умения хотеть. И это очень важное свойство. Есть священники, а есть требоисполнители. Есть люди, которые горят в своем служении, а есть такие, кто совершает его по необходимости. И это всегда чувствуется. Для того чтобы на тебя был направлен восхищенный взгляд женщины, твой взгляд должен быть направлен не на женщину, а на Небо или вдаль за горизонт. Ты должен быть человеком пути и цели, и только в этом случае женщина будет чувствовать твою увлеченность, понимать, что в твоей жизни есть действительно нечто важное, значительно более важное, чем она.

Мир, в котором умалилось мужество, скучен и лишен символического измерения. Ритуалы и музыка в нем не процветают. Женщины и экономы могут, конечно, при известном усилии достичь богатства и процветания,

но никогда им не удастся, подражая Платону, спроектировать идеальное государство и построить свою Атлантиду. Их время – это бесконечная вереница похожих друг на друга «дней сурка». Женский мир – это мир без легенд. Потому мужская история должна продолжаться.

Чего хочет женщина?

В мире мысли известны так называемые «вечные вопросы». Аналитическая философия показала, что «вечность» или неразрешимость этих вопросов вызвана исключительно некорректностью их постановки. Главный герой фильма «Чего хочет женщина?» (Мел Гибсон) – ведущий специалист некой рекламной компании, занимающейся продвижением на рынке каких-то дамских мелочей. Он пытается понять, чего хочет женщина, сразу с двух позиций: как менеджер, перед которым стоит задача увеличить объемы продаж, и как мужчина, пытающийся максимально эффективно выстроить свою личную жизнь. Оба качества образуют в нем нераздельное единство. Так на экране воссоздается образ, олицетворяющий распространенное сегодня представление о мужестве как о половом менеджменте.

Вследствие несчастного случая герой получает уникальную способность свободно читать женские мысли. Казалось бы, впереди его ожидает карьерный взлет и серьезные романтические успехи. Возблагодарив Бога, или судьбу, он отважно погружается в недра женской психологии. Однако вскоре уникальный рекламщик начинает крайне болезненно переживать свой талант. Кроме этого, выясняется, что прозрачность женского мира не является таким уж большим подспорьем в личной жизни. Полным провалом оканчиваются попытки покорить сердце той единственной женщины, которая ему действительно нужна. Стратегия полового менеджмента оказывается неэффективной. В чем же дело?

Очень похоже, что, планируя развязку сюжета, создатели фильма просто подчинились логике ими же написанного сценария и для них самих этот момент остался неясным. В итоге вопрос «чего хочет женщина?» оказался без ответа.

Ошибка гибсоновского героя состояла в том, что он пытался решить означенный вопрос исключительно опытным путем. Проще говоря, он просто подходил к женщине и прислушивался. Полученную посредством такого мониторинга сумму разнообразных «хочу» он принимал за подлинное знание женской нужды. Так поступают и многие из нас, прислушивающиеся к женщине.

Опытным путем невозможно познать предмет по существу. С помощью своей способности гибсоновский герой смог уловить только второстепенные, частные и сиюминутные желания отдельных женщин. Он расслышал мечты домохозяйки, соседки, любовницы, коллеги по работе, однако не уловил желания женщины как таковой, не понял, чего в принципе хочет женщина, всякая женщина, независимо от ее возраста и социального положения. Для этого требуется иная «волшебная» способность – аналитическая.

Идея вещи определяется просто: от исходного представления о ней нужно последовательно отсечь все частные, вторичные, несущественные характеристики – наподобие того, как хозяйка очищает кочан капусты. Содержание, остающееся в конце операции, и является искомой идеей.

Следуя этим путем, находим, что идеальная женщина – это полнота, завершенность. Полнота ни в чем не испытывает нужды. Абсолютная женщина, то есть женщина, не испытавшая ни малейшего влияния мужского начала, совершенно свободна от каких бы то ни было желаний. Именно в силу этого, фундаментальное свойство женщины есть жажда желания.

«У женщины есть всё. В силу этого, у нее нет одного: желаний. Поэтому, единственное, чего ей хочется, это хотеть чего-нибудь». Для того чтобы легче понять эту «метафизическую алгебру», вспомним слова из песни Владимира Высоцкого, описывающие состояние человека на вершине горы: «весь мир на ладони, ты счастлив и нем». Вот оно, состояние полноты, совершенства. И только одна нота, одна мрачная мысль – вечное мучение совершенных – вмешивается и разрушает гармонию чувств. Зависть! Но зависть к кому? На кого ревнивым взглядом смотрит тот, кто «счастлив и нем»? Проследим направление его взгляда. Куда устремлен взор того, кто стоит на самом верху?

Альпинист, крепко упираясь ногами в покоренную вершину, сквозь радость и эйфорию, охватывающую его, ощущает непривычную пустоту в груди – там, где так долго жило желание покорить эту высоту. И потому завидует новичку, впервые берущему в руки альпеншток. Он видит: в нем есть нечто, имеющее большую ценность, чем опыт и слава, нечто, навсегда утраченное отважным покорителем Эвереста.

Схожим образом богатство внутреннего мира интеллигента завидует духовной нищете крестьянина. Неудивительно, ведь духовная нищета, в отличие от университетского образования, это не призрак силы – это реальная сила, такая, что может поднять человека от земли и однажды утром увести его к новым горизонтам. Как есть, в лаптях – из родного Архангельска в Москву с рыбным обозом.

Идеальный мужчина, в отличие от идеальной женщины, не полон и не завершен. У него всегда есть «вершины», которые «еще впереди», созданные в его душе творческой фантазией ребенка, играющего в бытие. Именно в этом смысле стоит говорить, что мужское начало есть начало волевое. Это неиссякаемый источник всяческих нужд. Это космический нищий, у которого никогда не бывает достатка. К этому источнику, «как олень на источники вод» (см. Пс. 41:2), всякий раз устремляется женское совершенство.

Нельзя сомневаться в том, что фаустовская Гретхен прекрасно прожила бы и без гомункула. Возможно, что до Фауста она вообще не знала, что это такое. Но ей хотелось избавиться от волевого нейтралитета по отношению к миру, и она пришла к Фаусту, чтобы заразиться его желанием победить природу и создать «человека из праха земного». Примечательно, что женщине в принципе безразлично, чего хотеть. Главное, чтобы желание было достаточно сильным и экзистенциально обоснованным. Так будущая жена Геббельса, Магда Квандт, до знакомства с министром пропаганды была всерьез увлечена сионистом Хаимом Арлазоровым, одним из организаторов партии «Мапай» (Рабочая Партия Израиля, созданная в 1930 году). «Журналистка Белла Фромм высказала предположение, как могла бы протекать жизнь Магды, с которой она была хорошо знакома, без Геббельса. Она видит Магду в одном из кибуцев в Палестине, стоящей на посту с винтовкой на плече и заповедью из Ветхого Завета на устах»[99]. Кстати сказать, Квандт – это фамилия богатейшего швейцарского банкира, первого мужа Магды, от которого она ушла навсегда, несмотря на его заботу и жизнь в окружении роскоши высшего света.

Вот открытие: мужчина не исполняет женских желаний – он их создает. Поэтому настоящий мужчина всегда желанен, а поддельный вечно изгоняем, как бы ни был он усерден в стремлении угодить своей женщине.

Вот загвоздка: вопрос «чего хочет женщина?» задает сама женщина. И вопрос этот может быть обращен только к единственному товарищу по бытию – к мужчине. Так что отвечать на этот вопрос, причем на полном серьезе, собственным существованием, есть наша бытийная повинность, от которой никуда не деться. «Откосить» здесь не удастся. Рано или поздно своя женщина спросит каждого из нас, есть ли в нас такие желания, которыми могла бы удовлетвориться ее жажда. Разочарование от отсутствия сильных и экзистенциально оправданных мужских желаний будет крайне болезненным для обоих.

---

[99] *Зигмунд Анна Мария.* Женщины нацистов.

Вот причина, по которой терпит крах стратегия полового менеджмента и конъюнктуры. Ею просто не удается полностью заменить подлинного мужества. Герой Гибсона начал жестоко страдать от своей абсолютной проницательности вовсе не потому, что изнемог от женских капризов. В недрах женской души вместо портрета Героя, который можно было бы скрупулезно скопировать и воспроизвести в себе, он неожиданно обнаружил зеркало. И покуда он в недоумении всматривался в это зеркало, оно вдруг само всмотрелось в него и спросило: «Чего хочет женщина?»

Слишком жестокий контраст: там, где рассчитывал получить, приходиться давать самому. Будучи не готов к такому обороту дела, он растерялся, за что немедленно получил порцию презрения и ретировался.

Крайне важно помнить о том, что собственно отношения мужчины и женщины есть только одна из множества сфер, пронизанных половым размежеванием. А потому и вопрос «чего хочет женщина?» представляется крайне значимым не только в личной жизни.

Мужское, помимо прочего, есть способ осуществления субъектности. Мужское и женское присутствуют в отношении учитель – ученик, поэт и толпа, государь – народ, Бог и человеческая душа. Следовательно, и в этих областях гораздо важнее научиться самому формировать систему предпочтений, нежели исследовать уже имеющуюся. Странен был бы тот музыкант, который стал бы ждать от слушателей их суждения о музыке, вместо того, чтобы властным смычком заставить их забыть все свои прежние музыкальные пристрастия. Недостоин своего звания оказался бы и учитель, идущий на поводу у своих учеников. Сократа, кажется, совсем не заботило то обстоятельство, что один из его слушателей, Аристокл, имел претензию стать великим поэтом. Он довольно эгоистически заговорил о чем-то своем, философском, и Аристокл, прозванный впоследствии Платоном, послушав его немного, сжег все свои юношеские стихи. Кто дерзнет сказать, что это было не на пользу человечеству?

По тем же основаниям, станем утверждать, что правитель, всерьез полагающий, что он должен исполнять волю народа, пребывает в каком-то фундаментальном заблуждении. Он подобен наивному простаку, который приступает к женщине: «чего хочешь, любимая?» – не замечая, что острие этого вопроса направлено прямо в противоположную сторону и упирается ему в грудь.

«Да будет воля Твоя», – вздыхает человек и со страхом и любопытством вглядывается в свою судьбу. «Говори, Сократ», – тихо просят ученики. Люди, в ожидании притихшие в Большом зале Консерватории уже

только тем, что пришли и притихли или, наоборот, разразились аплодисментами, вызывая на сцену своего кумира, свидетельствуют о своей готовности подчиниться вдохновению гения. Это уличные музыканты ластятся к слушателям, играя популярные мелодии в надежде получить свой гонорар.

Кризис мужества в современном мире отчетливо выражен в дефиците желаний. Так что одной из основных для нас должна стать максима: «научитесь хотеть».

От матери ребенок не ждет ничего, кроме заботы. Она целыми днями хлопочет по хозяйству. Ребенок ищет игры с отцом. Но сегодня отец все чаще лежит перед телевизором вместо того, чтобы творить культуру, пространство смыслов, образующих «силовое поле» жизни, задающих векторы желания, целеполагания. Женщины и дети страдают от мужской пассивности, выражающейся в слабости создаваемой мужчинами культуры, ее неспособности заинтересовать и увлечь собою человека, вдохновить его на какое-либо дело, придать его жизни прекрасный и возвышенный смысл.

И тогда дети идут в ИГИЛ, на баррикады, где становятся пушечным мясом или рисуют лезвием на руке синего кита.

В советской школе мы учились весьма увлеченно именно потому, что жили в пространстве, созданном Александром Беляевым, Циолковским, Гагариным. Я не мог дождаться, когда пойду в школу, ибо физика представлялась мне космопортом, а учитель – его билетером: решишь задачку – полетишь к Альфа-Центавре. Этот мир, правда, тогда уже клонился к закату и скоро исчез совсем, но он был поистине прекрасным миром строителей Атлантиды, идеального государства, и мы, мальчишки, были увлечены игрой наших отцов. Мы благодарны им и поныне, ибо они дали нам цель и смысл просыпаться по утрам. Мы благодарны им за ту жизнь, которая билась в наших сердцах в виде того нетерпения, с которым мы предвкушали завтрашний день, укладываясь спать. Нам никогда не было скучно. Мы жили – в подлинном смысле этого слова.

Мать дает и сохраняет жизнь. Отец – придает ей смысл.

Зеркало для героя

Кажется, теперь уже все обратили внимание на то, как много женщин на дорогих и очень дорогих автомобилях появилось в последнее время на улицах Москвы. Среди них иногда попадаются деловые дамы средних лет, управляющие компаниями, но все же основу этой категории автомобилистов составляют юные девушки, по летам еще не могущие занимать

серьезные посты в нефтяном бизнесе. В провинции, которая живет скромнее столицы, общая ценность мужских подарков поменьше. Однако и здесь наблюдается какая-то болезненная щедрость. Она настолько превосходит разумные пределы, что больше напоминает попытку от чего-то откупиться.

Многие из нас привыкли видеть в женщине забаву, трофей или хозяйку. Но, сотворив женщину, Бог поставил перед Адамом нечто большее, нежели подругу по бытию. Мировая литературная традиция называет это «зеркалом для героя». Его особенность состоит в том, что оно с пристрастием отражает стоящих перед ним сыновей Адама. В этом отражении у одних пропадают недостатки, у других – достоинства. Зеркало может уничтожить презрением или возвысить восхищением. В общем-то, влюбляясь в женщину, мужчина всегда выбирает удовлетворительное отражение себя самого.

Так, в небольшом курортном городке на юге России жил заурядный пожилой художник. Жена его была молода и красива, занималась спортом и прекрасно готовила. Мужчины завидовали живописцу, некоторые даже пытались приударить за его половиной, правда, безуспешно: женщина, которую решительно не считали ровней невзрачному и хмурому супругу, берегла репутацию семьи. Словом, она была идеальной.

Несмотря на это, художник однажды сам оставил жену, посеяв недоумение и толки среди жителей городка. Были высказаны самые разнообразные предположения, одно невероятнее другого. Но настоящий скандал случился позже, когда обнаружилась разлучница. Годами она едва уступала самому художнику, хозяйство вести не умела, лицом и фигурой была некрасива и даже одевалась не вполне опрятно. С женщинами это случается крайне редко, но все же дырочку на своем чулочке она могла не замечать в продолжение целого дня, за что и получила прозвище «Замухрышка».

Город полнился пересудами, все настойчивее возникал вопрос: чего этим мужикам нужно? Женская уверенность в собственной неотразимости повсеместно поколебалась и дамы всех возрастов вновь обратились к модным журналам за рекомендациями.

Страшная «мужская тайна» открылась сама собой. Кто-то случайно подглядел виновников скандала в городском парке. Разложив мольберт, художник делал набросок на большом куске картона. «Замухрышка» стояла у него за плечом и точила карандаши. Время от времени живописец прекращал работу и молча, слегка вопросительно глядел на свою подругу. Та серьезно и так же молча рассматривала рисунок. Должно быть, ей

нравилось, и в этот момент в ее взгляде появлялось что-то особенное – то, чего ждал и на что так надеялся художник, – потому что он заливался счастливым смехом, мечтательно запрокидывал голову и через секунду обрушивал на мольберт новую волну вдохновенья. Тогда-то и вспомнили, что прежняя жена художника совсем не интересовалась живописью.

Как известно, гениальный писатель появляется лишь там, где существует гениальный читатель. Зал с хорошей акустикой вызывает у музыканта теплое родственное чувство, ибо возвращает ему обогащенным его собственный голос. Лектор влюбляется в аудиторию, умеющую слушать. Хорошая интеллектуальная акустика дарит ему прилив творческих сил и располагает к искрометным экспромтам. Вот и Марк Твен, отвечая на вопрос, почему он женился на Оливии Ленгдон, говорил: «Она смеялась моим шуткам».

Завершая «Войну и мир», Лев Толстой рассказал о счастливом браке графа Безухова и Наташи Ростовой: «После семи лет супружества Пьер чувствовал радостное, твердое сознание того, что он не дурной человек, и чувствовал он это, потому что он видел себя отраженным в своей жене. В себе он чувствовал всё хорошее и дурное смешанным и затемнявшим одно другое. Но на жене его отражалось только то, что́ было истинно хорошо: всё не совсем хорошее было откинуто. И отражение это происходило не путем логической мысли, а другим – таинственным, непосредственным путем». Это чувство возникло еще при самом зарождении их любви: вернувшийся из французского плена «Пьер рассказывал свои похождения так, как он никогда еще не вспоминал их. Он видел теперь как будто новое значение во всем том, что он пережил. Теперь, когда он рассказывал все это Наташе, он испытал то редкое наслаждение, которые дают женщины, слушая мужчину, – не *умные* женщины, которые, слушая, стараются или запомнить, что́ им говорят, для того, чтоб обогатить свой ум и, при случае, пересказать то же или приладить рассказываемое к своему и сообщить поскорее свои умные речи, выработанные в своем маленьком умственном хозяйстве; а то наслажденье, которое дают настоящие женщины, одаренные способностью выбирания и всасывания в себя всего лучшего, что́ только есть в проявлениях мужчины».

Блажен тот, кто безболезненно предстал перед Зеркалом для героя. Найдется немного вещей отраднее ненароком перехваченного восхищенного женского взгляда. Никакие труды преподобного Нестора не сравнятся с летописью героя, написанной женщиной. Никакая песнь не прозвучит так, как Плач Ярославны. Этот плач не имеет ничего общего с женской бедой. Это восхищение, трагедия, потеря и тоска. Женщины поют разные песни. Но иногда они поют гимны.

Опрометчиво поступает тот, кто предстает перед Зеркалом для героя, прежде не стяжав в себе достойного содержания. И действительно, можно пережить великодушие победившего тебя врага или злорадство более удачливого соперника, так как здесь речь идет о частностях мужского бытия, о потере периферийных земель мужского царства: что такого, если кто-то оказался сильнее тебя? Умнее? Удачливее? Что страшного в том, что некто нанес тебе поражение количеством силы? Но совершенно невозможно пережить поражение от женщины, выражающееся в особого рода презрении, потому что для мужчины оно означает отказ в самом бытии, разрушение цитадели, поражение в качестве, экзистенциальную катастрофу. Такой человек попытается реабилитировать себя и откупиться от женщины подарками. Он может истратить все свое состояние, но никогда не перестанет сетовать на женскую неблагодарность. В конце концов, доведенный до крайности женским презрением, он будет уповать на жалость. Несчастный! Зеркало для героя не знает жалости. По одной простой причине: жалостью оно тоже выражает презрение.

Приложение

Миф о Зеркале для героя

Свиданий наших каждое мгновенье
Мы праздновали, как богоявленье,
Одни на целом свете. Ты была
Смелей и легче птичьего крыла,
По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла.

Арсений Тарковский

Миф о Зеркале для героя описывает свершающееся наказание, неизбежно постигающее мужчину за алчность, пристрастие к вещам и отказ выполнять свою бытийную повинность – наказание, которое осуществляется через женщину.

Действующее лицо мифа – Сталкер. Это человек, который был в опасном и удивительном месте, где не действуют физические законы – Зоне – и вернулся из нее живым. Этим он заслужил право (или приобрел повинность) быть проводником и водить в Зону тех, кому очень нужно что-то там найти.

Однажды Сталкер встретился с Женщиной, которая сильно заинтересовала его. Он обнаружил, что ландшафты женской души настолько сложны и запутанны, что, по сути, представляют собой Зону. Сталкер не был бы самим собой, если бы не отравился к самому центру. Кроме того, у него был личный интерес: как и множество других, он пытался понять, чего хочет женщина.

...Благополучно миновав плотное кольцо окружающих Зону болот женской раздражительности, порожденной житейскими неурядицами, преодолев опасные скалы женских амбиций, где, между прочим, обнаружилось несколько скелетов начинающих альпинистов, Сталкер оказался в живописной горной долине и по разлитому в воздухе легкому туману нежной грусти понял, что это и есть полюс Зоны, то есть место, где найти разгадку было бы наиболее вероятно.

Что же он искал? Можно уверенно сказать: он рассчитывал увидеть сотканный из женских грез мужской портрет, который можно было бы внимательно рассмотреть, запомнить до мельчайших деталей, с тем, чтобы по возвращении изваять свой собственный образ мужества, пустив на переплавку самого себя со всеми дурными привычками и недостатками.

Углубившись в долину, Сталкер вскоре набрел на отвесную скалу, сплошь увитую плющом. В одном месте скала образовывала небольшую пещеру, служившую когда-то жилищем отшельника. Здесь, по-видимому, уже побывали мародеры и унесли самые ценные вещицы – остались только кое-какие мелочи, беспорядочно разбросанные там и сям. Может, и в них был какой-то прок, но Сталкера интересовало не это. Посреди прочего хлама на земляном полу пещеры лежал портрет в грубой деревянной раме. Он был покрыт вековым слоем пыли, скрывающим изображение. Дрожа от волнения, Сталкер сел на землю, приподнял тяжелую раму и попытался стереть пыль рукавом. Вот что он увидел: выпученные в изумлении глаза, бледное лицо и небритый подбородок. «Зеркало, – разочарованно идентифицировал Сталкер свою находку. – Не то место».

Приступ разочарования через некоторое время сменился апатией. Поиски оказались безуспешны. Что теперь? Задавая себе этот вопрос, Сталкер рассеянно изучал свое отражение: усталое лицо, круги под глазами, небритый подбородок. Особое отвращение вызвал почему-то небритый подбородок. Стоп! Здесь что-то не так. Никогда раньше его не волновало, как он выглядит. Чувство отвращения к самому себе было не его. «Зеркало! Это оно так воспринимает меня», – догадался Сталкер. Он, конечно, давно знал, что в Зоне нет обычных вещей – здесь каждая мелочь обладала какими-то неземными свойствами, – однако всякая экспедиция в Зону

была полна вот таких неожиданных открытий. Теперь он нашел зеркало, которое с пристрастием отражает стоящего перед ним человека.

Сталкер бережно очистил зеркало от остатков пыли, и его идеально гладкая поверхность полностью открылась лучам света, попадающим в пещеру. Теперь в зеркальном мире не было ничего сокрытого. Вначале Сталкеру показалось, что зеркало живое. То есть с ним можно заговорить, как в сказке: «Свет мой, зеркальце, скажи...» Однако вскоре он понял, что это не так. Оно не было ни живым, ни неживым. В нем не было сложных аналитических форм, иначе говоря, оно ничего не думало, а потому и не могло прямо ответить на вопрос, который больше всего хотел задать ему Сталкер: «кто на свете всех милее?» Это была стихия чувства, чистое восприятие, океаном обступившее отражение Сталкера, – то ласкающееся к нему волнами нежности, то яростными валами хотящее уничтожить этот островок-отражение и восстановить гладь своих вод, нарушенную его появлением.

Некоторое время Сталкер был заворожен этой восхитительной игрой чувств. Хотя зеркалу по-прежнему не нравился его небритый подбородок, оно испытывало к его отражению неподдельный интерес. Сталкеру показалось, что его бытие в мире качественно изменилось. Это было изменение наподобие того, какое происходит с писателем, чьи произведения в первый раз прочитали. Он никогда ничего не писал, если не считать ранние стихотворные опыты. Кое-что друзья признавали даже удачным, например, осенние зарисовки о лете, которое прошло, словно его и не бывало, что-то еще по мелочи, он уже не помнил что. Но все это было несерьезно. Но вот сейчас Сталкер чувствовал, что его читают всерьез. Читают увлеченно и самозабвенно. Парадокс же состоял в том, что он не знал за собой никаких произведений, достойных такого серьезного чтения. Однако факт был налицо – его читали. Зеркало нашло какие-то сюжеты в самой его жизни и внимательно их изучало.

Через некоторое время настроение зеркала изменилось. Сталкер же отчего-то мучительно пожалел, что не служил в армии. Ему становилось не по себе. Он ощутил неуверенность и страх перед стихией, которой до этого любовался. Промелькнула мысль, что эта стихия может оказаться опасной.

Вдруг зеркало спросило:

– Чего хочет женщина?

Точнее, оно даже не спросило, потому что, как уже было сказано, оно не могло думать и спрашивать. Просто где-то в зазеркалье, в ветерках и вихрях настроений зародился устойчивый хрустальный тон, в котором

отчетливо угадывался означенный вопрос. Этот тон был настолько нежным и доверчивым, что тронул суровое сердце Сталкера. Он начал говорить (обращаясь к своему отражению, потому что другого лица у зеркала не было). Он признался, что пришел в Зону как раз затем, чтобы найти ответ на этот вопрос, но что он пока его не нашел, хотя рад быть здесь и говорить с таким необыкновенным зеркалом и т. д. и т. п. Закончить он собирался совсем плохо – извинениями. Однако зеркало его не дослушало.

– Чего хочет женщина? – вновь раздался вопрос. На этот раз он прозвучал настойчивее. Нежность сменилась тоскою и отчаянием. Зеркало почти кричало.

Сталкер запнулся. Повисла тяжелая пауза.

– Чего хочет женщина? – ожесточенно спросило зеркало. Ни от нежности, ни от тоски уже не осталось и следа. В третий раз вопрос прозвучал с презрением и ненавистью. Больше зеркало уже ничего не спрашивало и, если так можно выразиться, погрузилось в молчание. И это молчание оказалось ужаснее всяких вопросов. Оно состояло в том, что тон, с каким был задан третий вопрос, уже не менялся. Он начал нарастать, и зазеркалье стремительно насыщалось презрением и ненавистью.

Очень скоро Сталкеру стало невыносимо находиться перед зеркалом и смотреть на свое отражение. Внешне, вроде бы, ничего не изменилось. Но круги под глазами и недельная небритость, которые сначала лишь немного смущали, стали казаться ужасно отвратительными. Еще через минуту Сталкер почувствовал отвращение к своим рукам, держащим зеркало, с их широкими ладонями и перебитым почерневшим ногтем большого пальца. Да и вообще собственная физиономия напротив все сильнее его раздражала.

Инстинкт самосохранения подсказывал ему, что еще немного, и он никогда не сможет избавиться от этого впечатления, и Сталкер, повиновавшись ему, отбросил прочь зеркало, выскочил из пещеры и побежал прочь из долины и вообще из Зоны, так что даже не заметил, как миновал Горы Амбиций и Болото Капризов.

В себя он пришел только в знакомом баре за кружкой пива. Вглядываясь в глупое, ухмыляющееся и совершенно уже хмельное лицо приятеля, Сталкер вновь почувствовал себя спокойно и уверенно. Недавнее впечатление почти изгладилось из памяти. Улыбаясь, к ним подошла знакомая танцовщица. На ее приветствие Сталкер поперхнулся пивом и настороженно посмотрел ей в глаза.

– Нет, – облегченно вздохнул он про себя, – в ней нет Зеркала. Или она его разбила, зная по опыту, как сильно это мешает клиенту расслабиться.

В этой веселой жизнерадостной девушке не было даже той живописной долины, овеянной туманом нежной грусти, которая пробуждала бы в нем неприятные воспоминания. Совершив обычный маршрут в ходе пятиминутного разговора, Сталкер убедился, что за Болотом Капризов и Горами Амбиций в ней снова начиналось Болото Капризов, так что бояться этой женщины не было ни малейших оснований. Она была гордостью заведения, и с ней чувствовал себя уютно самый последний из рода мужского.

Из бара они ушли вместе...

– Сколько вы за это хотите? – прогуливается по антикварной лавке очередная дама в норковом манто. – Договоримся.

Она очень богата. Хотя едва ли сама догадывается о причинах столь болезненной щедрости своего опекуна. Она не видит здесь мужской муки и отчаянной попытки откупиться от того невыносимого презрения, которое пережил Сталкер перед Зеркалом для героя, которое неизбежно переживает всякий мужчина, не исполнивший свою бытийную повинность. Это попытка откупиться от жестокой женской мести за неимение ответа на вопрос, томящий женское начало: чего хочет женщина? Это попытка заведомо тщетная, ибо если и возможно «откупиться» от женской ненависти, то только одним – мужеством.

* * *

О том, что мужскому духу комплементарна игра, косвенным образом свидетельствует повальное увлечение экстримом и экстремизмом. Это явление сугубо нашего времени, которое невозможно представить в средневековье. Возникает вопрос: если мужчина – это «ребенок, играющий в бытие», можно ли назвать экстремала или экстремиста настоящим мужчиной? Нет. Это игра, заведомо не достигающая ранга бытия. Экстрим не миссия. Экстремизм – эрзац миссии. Это символическая игра в «игру в бытие».

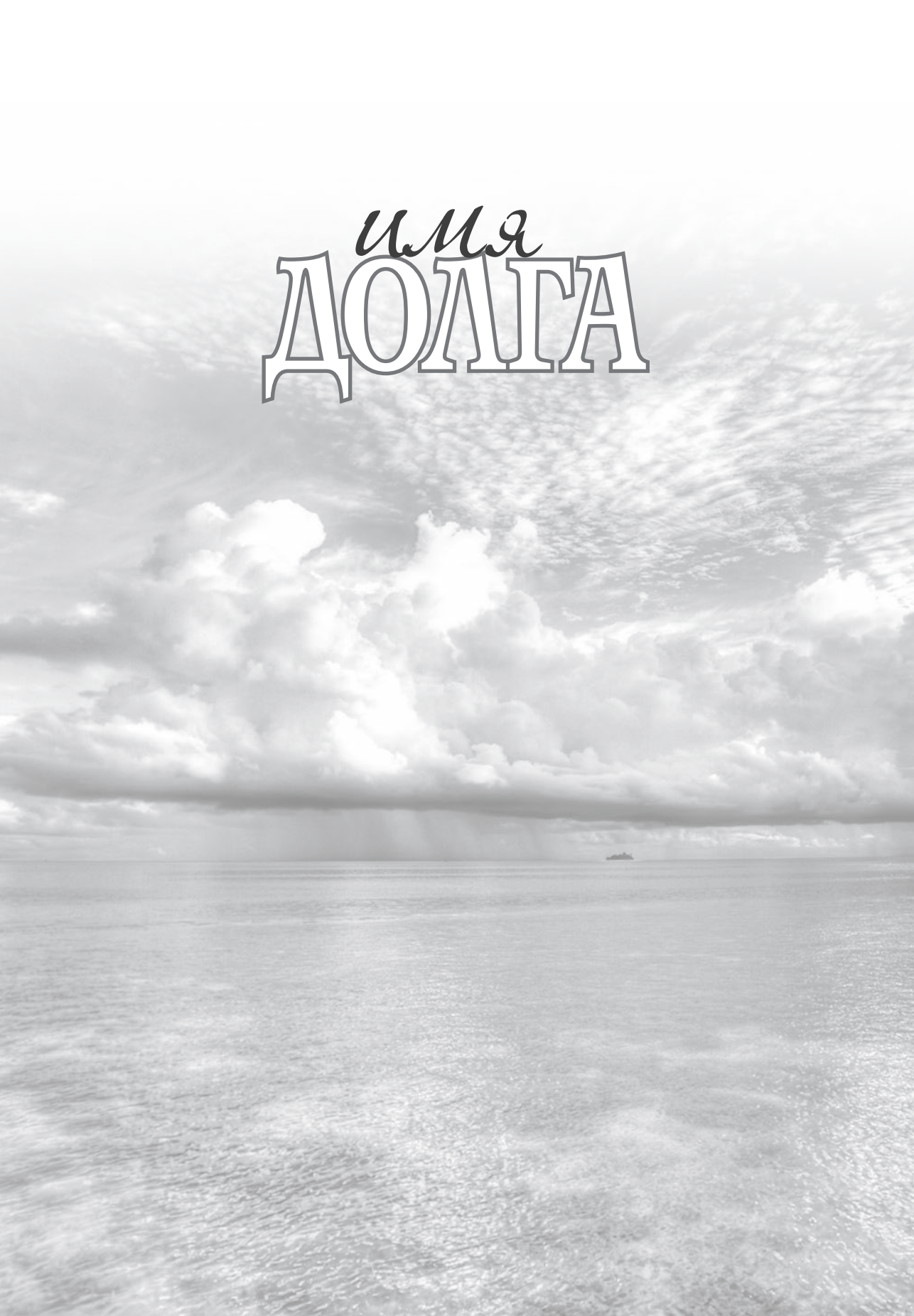
Чем отличается инфантильный человек от мужчины? «Ребенок, играющий в бытие», разрабатывает проект «Спираль», строит космический самолет «Буран» и реально осваивает космос. Мужчина-инфантил смотрит звездные войны и ходит на премьеру новой серии в костюме Дарта Вейдера.

Трагизм истории, который мы назвали подлинно мужским обаянием, не терпит ни малейшей фальши. Как известно еще из греческих представлений о трех основных жанрах (трагедия, комедия, драма), трагизм еще может сосуществовать со скучной фабулой, но мгновенно исчезает при малейшем намеке на фарс. Трагизм не нуждается ни в хорошем

темпе развития событий, ни в их масштабности. Трагизм появляется как апофеоз подлинности, искренности.

Очевидно, для того, чтобы игра достигла ранга бытия, нужно иметь в своем философском арсенале еще одно правильно отточенное понятие – «долг». Без этого разговор о бытийном ранге мужских игр был бы неполон.

Имя долга



Такие родственные имена как «смирение» и «долг» часто понимаются неадекватно. Смирение воспринимается как бесхребетность, безволие и слабость перед миром, а долг оказывается отождествлен с тягостной повинностью, от которой следует по возможности избавиться. Превратно истолковав эти ключевые для христианства имена, человек нередко отвергает и само церковное учение. На это можно было бы возразить, используя любимый тезис наших богословов: в христианстве в сравнении с другими культурами нет ничего нового, кроме Самого Христа. Смирение и долг равно почитаются людьми и без прямых ссылок на Откровение. Эти имена явно и неявно присутствуют в заочной полемике спартанцев и японских камикадзе, Толстого и Достоевского, мастеров Возрождения и современных авангардистов... Ницше и Экзюпери здесь сходятся в едином мнении с Карлосом Кастанедой, а Пушкин следует правилу Конфуция.

Божественный ветер

Как лепестки отцветшей вишни
Весной
Пусть слетим мы на землю,
Сияющие чистотой.

Мл. лейтенант Хэйити Окабэ, летчик
подразделения «Ситисэй» № 2 корпуса камикадзе

Кинохроника Второй мировой войны запечатлела множество образов подвига. Среди них сложно найти что-либо более зрелищное и эффектное, чем сцены воздушного боя. Особенно захватывают дух атаки пилотов-камикадзе.

Боевой самолет – обычно это истребитель «Зеро» с двухсотпятидесятикилограммовой бомбой на борту – идет на предельной высоте или, наоборот, в поисках противника скользит над самыми волнами вне зоны действия радаров. Обнаружив скопление американских кораблей, он совершает одну из самых красивых фигур высшего пилотажа – «колокол»: практически вертикально, свечкой, взмывает ввысь и с леденящим душу рокотом обрушивается на палубу авианосца.

Члены судовой команды, знающие, чем грозит им этот пилотаж, буквально разрывают небо шквалом залпов зенитных орудий в надежде сбить самолет камикадзе еще в воздухе – попытка, часто оканчивающаяся безрезультатно.

Корпус камикадзе образовался в самом конце войны, когда поражение Японии было уже неизбежным. Его создатель адмирал Ониси, похоже, не намеревался достигнуть военного преимущества над противником. Понимая, что война проиграна, он стремился оставить залог будущих побед для новых поколений японцев. Дети побежденных не должны были иметь пораженческого комплекса. Для этого последние дни войны предстояло наполнить особым драматизмом событий.

Ценность атак камикадзе изначально не планировалось измерять количеством потопленных или поврежденных кораблей противника. Они имели известную еще древним грекам литературно-психологическую цель – трагедия и катарсис. Ониси и его летчики – это японский аналог царя Леонида[100] с его спартанцами[101].

«Божественный ветер» (именно так в переводе звучит слово «камикадзе») должен был отогнать врага от берегов Японии, как когда-то это произошло в древней истории. «Нищие духом» потомки побежденных камикадзе постепенно вернули стране потерянное величие.

По японскому поверью, души погибших в бою воинов собираются в одном из храмов Японии, где спят в мирное время, но всегда находятся на страже Родины и, пробуждаясь при появлении врага, подобно невидимому, но осязаемому ветру, обрушиваются на него всей тяжестью ярости камикадзе.

Однако, несмотря на божественные почести, камикадзе и по сей день остается в Японии как минимум спорной фигурой. При корректном обращении с историческими документами нельзя не заметить, что подвиг как-то незаметно лишился своей катарсической силы. Герой, отдающий жизнь за Отечество, превратился в банального самоубийцу. Японию

---

[100] См. главу ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ. Честь.

[101] Эту цель понимали и сами летчики. Из дневника мл. лейтенанта Хэйити Окабэ, летчика подразделения «Ситисэй» № 2 корпуса камикадзе (запись от 22.02.45 г.): «Я человек и, надеюсь, не буду считаться ни святым, ни негодяем, ни героем, ни глупцом – останусь просто человеком. Как человек, проживший в страстях и поисках, я безропотно умру в надежде, что моя жизнь послужит человеческим документом... Если каким-то чудом Япония вдруг победит, это станет фатальным исходом для будущего ее народа. Для страны и ее населения будет лучше пройти через настоящие испытания, которые упрочат их». *Иногути Р., Накадзима Т.* Божественный ветер. Жизнь и смерть японских камикадзе. 1944–1945. – *Примеч. автора.*

в конце войны поразил какой-то страшный невроз: смерть повсеместно стала навязчивой идеей.

Об этом, в частности, свидетельствуют записи Тадаси Накадзимы, офицера-инструктора по подготовке эскадрилий летчиков-камикадзе на Филиппинах, Формозе и на островах Японского архипелага: «Среди камикадзе был молодой офицер, окончивший технический колледж в Муроране на Хоккайдо. Он оставался в колледже в качестве ассистента профессора и продолжал научную деятельность до того момента, пока его просьба о принятии на службу в морскую авиацию не была удовлетворена. У молодого человека уже было несколько патентов на изобретения и, несмотря на свою молодость, он мог бы стать выдающимся изобретателем. Некоторые из его изобретений были уже пущены в производство и доказали свою эффективность...

Никогда раньше я не пытался отговорить собеседника от добровольной жертвы больше, чем сейчас. Я исходил из того, что живым этот молодой человек представлял большую ценность, чем мертвым. Он же сказал с полным спокойствием, что хочет умереть за свою страну»[102].

Досада офицера-инструктора понятна: он-то лучше других знал, как быстро японские самолеты отстают от американских по своим техническим характеристикам. Не говоря уже о том, что боеспособных машин нашлось гораздо меньше, чем желающих отправиться на них в последний полет. Многим машинам приходилось возвращаться из-за неполадок, в то время как технические специалисты желали умирать в пике. Вершина же технической мысли профессиональных пилотов – «Ока» – представляла собой... пилотируемую бомбу, в которую встраивали минимум управления, сажали человека и сбрасывали с бомбардировщиков неподалеку от цели. Американцы насмешливо называли ее «глупой бомбой».

Впрочем, это еще полбеды. Камикадзе, как уже было сказано, свою основную задачу видели в другом. Однако и в идеологической области стали намечаться серьезные неудачи.

15 августа 1945 года командующий флотом вице-адмирал Матомэ Угаки принял решение отправиться с миссией камикадзе во главе эскадрильи на Окинаву, невзирая на уговоры сослуживцев и прямое распоряжение императора сложить оружие. Вот как описывает Накадзима сцену вылета:

«Адмирал приказал готовиться к взлету, прошел прямо к самолету Накацуру и взобрался на заднее сиденье. Штурмана Накацуру, унтер-офицера

---

[102] *Иногути Р., Накадзима Т.* Божественный ветер. Жизнь и смерть японских камикадзе. 1944–1945.

Акиёси Эндо, это явно обескуражило. Он подбежал к адмиралу со словами:

– Это мое место, господин адмирал! Вы заняли мое место!

Адмирал Угаки понимающе улыбнулся и сказал:

– Я освободил вас от обязанностей. Вы остаетесь.

Вынести этого Эндо не мог. К всеобщему удивлению, он полез наверх с другой стороны самолета и втиснулся на одно сиденье с адмиралом. Угаки оценил это проявление решимости, добродушно покачал головой и подвинулся, уступая место энергичному молодому человеку»[103].

Трагедия превратилась в фарс: адмирал со штурманом пикируют на вражеский корабль, сидя на коленях друг у друга, словно пассажиры переполненной маршрутки. Из одиннадцати самолетов эскадрильи адмирала четыре вынуждены были приземлиться из-за неполадок. Экипажи остальных, хотя и продолжили движение, по-видимому, не смогли изменить жанр развивающегося сюжета – начавшийся комической неловкостью вылет закончился соответствующе: последний сеанс связи с эскадрильей завершился в 19.24 прорывающимся сквозь помехи донесением о том, что самолет командующего врезался во вражескую цель. Однако ВМС США не зарегистрировали в этот день, 15 августа 1945 года, никаких атак камикадзе.

В истории при желании можно найти множество подобных эпизодов. Они показывают, что подвиг и самоубийство, храбрость и безрассудство, трагедию и фарс разделяет тонкая грань, которую легко перейти из-за отсутствия рассуждения. То, что оказывалось не всегда очевидным для камикадзе адмирала Ониси, было вполне понятным для спартанцев царя Леонида:

Однажды некто хвастался перед спартанцем своими боевыми петухами:

– Видишь этих петухов? Они дерутся до крови.

Спартанец ответил с характерной для жителя Лаконии краткостью:

– Покажи мне лучше тех, что дерутся до победы.

Чем ясно намекнул на то, что отличает храбрость от безрассудства и подвиг от самоубийства. Но как научиться «драться до победы»? С чего начинается настоящий подвиг?

---

[103] *Иногути Р., Накадзима Т.* Божественный ветер. Жизнь и смерть японских камикадзе. 1944–1945.

«Медвежья услуга»

Слишком часто я видел жалость, которая заблуждается, но нас поставили над людьми... Я отказываю в сочувствии ранам, выставленным напоказ, – они трогают сердца женщин, – отказываю умирающим и мертвым. И я знаю почему.

Антуан де Сент-Экзюпери. Цитадель

Впрочем, подвиг – это, наверное, и вправду «высший пилотаж» добра. Даже самому доброму намерению для осуществления требуется лояльность объективной истории. Герой в представлении древнего грека – это непременно «любимец богов», как Ахилл. Лишь при благоприятном развитии событий может что-то удаваться, получаться. Герой, вероятно, должен обладать чутьем к объективному ходу событий, особого рода интуицией, позволяющей действовать всегда кстати и впопад.

Допустим, что подвиг – прерогатива избранных, обладающих особым талантом оказываться в нужное время в нужном месте. Но ведь минимум добра должен быть общедосягаем. Казалось бы, такое дело как милостыня не требует ничего, кроме милости, ведь «нищих мы всегда имеем с собою» (см. Мк. 14:7). Сегодня трудно пройти по городу, не встретив двух-трех человек с протянутой рукой. Но простым дело представляется только на первый взгляд.

Однажды в мою дверь позвонили. Сосед, пожилой человек, довольно вежливый и тихий, попросил немного денег взаймы. Наши пенсионеры сегодня вызывают искреннее сочувствие – я не отказал. Вечером у подъезда появилась карета скорой помощи. А на следующий день вновь раздался звонок. На этот раз визитер, мужчина лет тридцати пяти, был мне незнаком. Без приветствий и объяснений он достал портмоне и, возвращая мне мою милостыню, ледяным тоном просил ни под каким видом денег его отцу не давать в долг. Позже выяснилось, что старичок страдал тяжелой формой алкогольной зависимости и находился на лечении в диспансере. Срыв, который я так «щедро» профинансировал, поставил его на грань жизни и смерти.

Винить себя вроде бы не в чем – люди бывают разные, есть алкоголики, глядя на которых, никак не заподозришь, что они таковы, – но и добра никакого не получилось.

Проблема с разного рода просителями состоит именно в том, что ты первый раз видишь стоящего перед тобой человека и наверное не знаешь, в чем состоит его подлинная нужда.

Не так давно в одной из наших областей произошел скандал. Судья, рассматривая дело пьяного водителя, сбившего насмерть человека,

умилостивился ради троих несовершеннолетних детей подсудимого и назначил ему условное наказание. Какие же последствия возымело это решение? Через некоторое время тот же водитель, будучи подшофе, снова совершил ДТП со смертельным исходом. Оказавшись в камере следственного изолятора, он проклинал своего сердобольного судью: если бы, мол, в прошлый раз его пожестче наказали, он не попал бы в худшее положение.

Если верно то, что «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», то не менее справедливо будет сказать то же самое о наших делах. Несчастный калека в метро может оказаться членом «мафии нищих», а его «благодетель», сам того не подозревая, превратится в потерпевшего.

Если верно то, что «мир жесток», то это не потому, что здесь нужно «в поте лица добывать хлеб свой», а потому, что даже благие намерения и исключительные таланты не гарантируют еще ни подвига, ни даже доброго дела. И даже больше – часто они умножают зло.

Не поэтому ли Ницше называл сострадание пороком? Разумеется, речь у него шла не об одном из модусов любви, а о возведенном в культ сострадании, сопряженном с наивной верой в себя. Если же считать Ницше сомнительным авторитетом в вопросах «генеалогии морали», то что можно возразить Экзюпери?

«Были времена в моей юности, когда я, видя гнойные язвы нищих, жалел их, нанимал им целителей, покупал притирания и мази. Караваны везли ко мне золотой бальзам с дальних островов.

Но потом я увидел, что нищие расковыривают свои болячки, смачивают их навозной жижей, – так садовник унавоживает землю, выпрашивая у нее багряный цветок, – и понял: смрад и зловоние – сокровище попрошаек. Нищие гордились друг перед другом своими язвами, бахвалились выручкой, и тот, кто получал больше других, возвышался в собственных глазах, чувствуя себя верховным жрецом при самой прекрасной из кумирен. Только из тщеславия приходили нищие к моему целителю, предвкушая, как поразится он обилию их зловонных язв. Защищая свое место под солнцем, они трясли изъязвленными обрубками, попечение о себе считали почестями, примочки – поклонением. Но выздоровев, ощущали себя ненужными, не питая собой болезнь, – бесполезными, и во что бы то ни стало стремились вернуть себе свои язвы. И вновь, сочась гноем, самодовольные и никчемные, выстраивались они с плошками вдоль караванных дорог, обирая путников во имя своего зловонного бога»[104].

---

[104] *Сент-Экзюпери А. де.* Цитадель. I.

Между тем, помимо попрошаек встречаются и нуждающиеся; служителям «зловонного бога» соседствуют те, кто выходит к нам в надежде на Спасителя и на тех, кому дороги Его слова: «*Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся*» (Мф. 5:42), ибо если «*вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне*» (Мф. 25:40). Так что ни полное презрение, ни наивная щедрость не могут быть окончательной стратегией действия. Как же быть?

Пирронова неопределенность

«*Всяк человек – ложь*» (Пс. 115:2). Так говорят «в изнеможении сердца своего» многие из нас и отдают свою любовь животным. Казалось бы, здесь, в этом мире, нет лжи и, стало быть, легко сделать добро. Однако оказывается, что сделать это в природе ничуть не легче, чем в мире людей. Добро здесь не бесспорнее и не достовернее, чем подвиг в сфере большой истории.

Карлос Кастанеда рассказывает о таком эпизоде своих встреч с доном Хуаном. Однажды они, ученик и учитель, прогуливаясь по одной из центральных улиц Мехико, вели философскую беседу об особенностях «пути воина». Кастанеда слушал странные для себя вещи: воин не стремится никому помогать. Как? Почему? Пространные объяснения старого индейца не могли развеять его сомнения. Дон Хуан начинал терять терпение.

Вдруг Карлос случайно заметил на тротуаре маленькую улитку. Прохожие, спешащие по своим делам, грозили раздавить ее. Другую опасность составляли птицы – на голом асфальте улитка была для них легкой добычей. Наклонившись, Кастанеда подобрал ее и посадил на лист винограда, зеленеющего здесь же, на краю тротуара, в небольшом и уютном палисадничке. Его спутник только недовольно покосился, взирая на происходящее, но промолчал, продолжая покуривать короткую маисовую трубочку.

– Собственно, поэтому воин и не стремится никому помогать, делая это в исключительных случаях, когда невозможно поступить иначе, – вслух прокомментировал дон Хуан свои тайные мысли. – Улитка не человек, она не может просто так прогуливаться туда-сюда, проводя свой досуг. Любое животное строго подчинено инстинкту самосохранения. Если оно куда-то идет, значит, там, куда оно идет, находится что-то необходимое ему для выживания. У улитки была цель, которую ей нужно было достичь любой ценой. И у нее были собственные силы, делающие это возможным, крошечные силы улитки. Положение ее было очень опасно,

но, по крайней мере, крохотный шанс на выживание у нее сохранялся – до встречи с тобой. Но ты оказался на ее пути...

– Как так? Ты хочешь сказать, что я навредил улитке?

– Ты ее окончательно погубил – так будет точнее. Ты снял улитку с ее пути и отдалил от цели. Легким жестом ты лишил ее результатов многочасовых напряженных усилий. Но это еще полбеды. Ты не знаешь, как устроен мир. Виноградные листья для этих улиток ядовиты. «Облагодетельствованное» тобою существо сейчас в страшных мучениях умирает от яда того растения, на которое ты его «любезно» посадил.

Услышав такое, Кастанеда ужаснулся и хотел было вернуться, чтобы отыскать улитку, но на этот раз учитель решительно осадил своего бестолкового ученика:

– Ты опять ничего не понял. Сейчас у улитки есть цель, достичь которой необходимо любой ценой, – убраться с ядовитого листа. Есть у нее и собственные силы, делающие это возможным. Положение ее крайне опасно, но, по крайней мере, крохотный шанс выжить у нее остался, если... какой-нибудь болван, вроде тебя, снова не окажется у нее на пути.

Достаточно лишь однажды увидеть проблему, чтобы найти немалое количество подобных примеров из собственного опыта. Мы вынуждены действовать в ситуации принципиальной неопределенности, не зная ни подлинных нужд тех, кому мы стремимся помочь, ни полных последствий наших поступков. Эта ситуация называется «пирроновой неопределенностью» – в честь Пиррона, древнегреческого философа, основателя скептической школы[105].

---

[105] Этот мудрец говорил: «Смотрите, вот заболевший ребенок, которому дают горькое лекарство. Он скорбит и плачет, почитая себя несчастным, ибо не знает, что в лекарстве его благо. Но и взрослый стремится к вредному для себя и сопротивляется полезному, полагая, что знает добро и зло. Мудрец же ничего не желает и ни от чего не уклоняется. Ибо все, что происходит с нами в жизни, лишь переменная в формуле, значение которой можно установить только после того, как формула дописана до конца». В согласии с этим он вел и жизнь свою, ни к чему не склоняясь, ничего не сторонясь, подвергаясь любой опасности. От тяжелых последствий его уберегали следовавшие за ним друзья. Пиррон переходил улицу, даже не посмотрев по сторонам и его несколько раз переезжали телегой. Полагая, что мы не в состоянии знать, какое событие в нашей жизни пойдет нам на пользу, а какое повредит, он ничего не желал и ни от чего не устранялся. Вследствие этого, Пиррон не страдал от несбывшихся надежд и не опасался грядущего, как простые смертные. Однажды его любимый учитель Анаксарх попал в болото. Пиррон заметил это и прошел мимо, не подав руки; люди его бранили, но сам Анаксарх, выбравшись на твердую землю и отжимая из бороды гнилую болотную воду, восхвалял – за безразличие и безлюбие. (См. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Книга девятая. 11. Пиррон.)

Интересно, что в Интернете эпизод с Кастанедой и улиткой чаще всего, судя по результатам запросов, пересказывается и обсуждается на форумах, посвященных проблемам воспитания. И находится немало родителей, совершивших похожую ошибку в отношении своих собственных детей. Очень много таких, которые слишком поздно поняли справедливость премудрости Соломона: «*Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына, а кто любит, тот с детства наказывает его*» (Притч. 13:24). Но и им часто справедливо возражают: «А как же тогда явить родительскую любовь?» Так что проблема оказывается серьезнее. Как сделать добро? Это не может не заботить, в том числе, и тех, кто не настроен на подвиг, кому дела нет до нищих в метро и уж тем более до каких-то там улиток.

«Стремлюсь, но не получается. Как быть?» Этот вопрос хорошо знаком и человеку, имеющему талант и творческие амбиции. Гений может оказаться непризнанным. «Святое слово утверждения» может оказаться непонятым и неоцененным по достоинству аудиторией. «Избушка-избушка! Стань к лесу задом, а ко мне передом!» Сколь многие тщетно пытались заклинать мир этими словами из русской сказки! Так что вопрос «Как удалиться от зла и сотворить благо?» может быть поставлен предельно широко – как проблема объективации человеческого Я в мире. Это ключевой вопрос, присутствующий в любой области деятельности, предполагающий оппозицию «Я – мир».

Греческое слово «стратегия» изначально употреблялось тоже предельно широко, обозначая искусство распоряжаться ресурсами с наибольшей эффективностью, добиваться максимального результата минимальными затратами, побеждать превосходящего по силе противника имеющимися в наличии средствами.

Очевидно, что, не имея хорошей стратегии, можно проиграть войну и более слабому противнику. Возможно, для успешной реализации своих лучших качеств человеку тоже часто не хватает хорошей стратегии «наступления на мир».

В чем же она заключается? Как правильно себя поставить в жизни? Следуя какому принципу можно всерьез рассчитывать на то, что добро получится, таланты и труды принесут соразмерные плоды, а добрые намерения не обернутся «медвежьей услугой»?

Добро как священнодействие

Ответ на эти вопросы давно существует – его можно обнаружить в древнейших источниках. Более того, можно говорить даже о «согласии мудрецов» на этот счет. Наиболее явно стратегия «наступления на мир»

сформулирована в «Беседах и суждениях» Конфуция. «*Благородный муж всегда сдержан ритуалом*» – это одна из формулировок. То, что «учитель десяти тысяч поколений» называет «сдержанностью благородного мужа», в христианской традиции известно под именем смирения: «*Бог гордым противится, а смиренным дает благодать*» (1 Пет. 5:5).

Однако идентичность двух формул, появившихся в различных культурах в ситуации, исключающей заимствование, для неспециалиста не очевидна. Попробуем разобраться подробнее.

Конфуцианское слово «ли» не имеет прямых аналогов в европейских языках. Традиционно приписываемые ему значения – церемония (ритуал) и правила поведения (этикет). С годами «ли» вошло во все сферы жизни китайцев и даже дошло до такого изощрения, что европейские дипломаты ввели в обиход ироническую поговорку «китайские церемонии».

Конфуций неоднократно высказывался в таком духе: «Хочешь превратить смелые замыслы в великие дела? Следуй ритуалу».

Что он имел в виду? Представим себе какую-нибудь религиозную или светскую церемонию, например, парад на Красной площади в День Победы. На ограниченном участке одновременно собирается множество людей, числом не уступающее восточному базару. Каждый делает что-то свое, но при этом не нарушает общей гармонии – происходящее на площади даже внешне отличается от жизни рынка. Одновременные действия субъектов синхронизирует формула ритуала: каждый его участник хорошо знает, что и в какой момент надлежит делать, и не отступает от этого.

Знание задаваемого ритуалом долга и прилежное его исполнение – вот что создает порядок из хаоса. Конфуций указывал на то, что весь мир – это один большой, много веков совершающийся ритуал. Мириады небесных тел тысячелетиями движутся своими путями, не образуя ничего похожего на хаос. Листья каждую осень покидают ветви деревьев и вновь вырастают из своевременно отверзающихся почек. Птицы, исполняя свою роль, перелетают с места на место и в нынешнем году возвращаются туда же, куда и в прежнем и так далее.

Человек, его судьба, и всеобщая история как производные мира – тоже неизбежно ритуализованы. Кому-то может показаться, будто история изобилует случайностями, но это только на первый взгляд. Никто не способен охватить умом историю во всех подробностях. Наше историческое знание неизбежно фрагментарно – отсюда впечатление случайности истории.

Помыслив мир как ритуал, легко проследить генеалогию добра и зла: добро – это всё происходящее в соответствии с ритуалом, а зло порождается попыткой действовать в обход ритуала, чем бы она ни была

мотивирована. Отсюда и конфуцианская добродетель – сдержанность, без которой никакой талант и доброе намерение не могут быть адекватно объективированы.

«Ритуал», или, у некоторых переводчиков, «этикет», оказывается вовсе не такой бесполезной вещью, как полагал булгаковский Полиграф Полиграфович Шариков.

– Вот всё у вас не как у людей! – негодовал он, сидя за обеденным столом с профессором Преображенским и его ассистентом. – Вилку туда, салфетку сюда. Мучите себя, как при царском режиме. Нет бы по-простому, от души...

Что ж, попробуем по-простому. Представлю себя влюбленным. Что произойдет, начни я действовать «от души», не смиряя себя мучительными «старорежимными» условностями? Вверяясь стихии действительно прекрасного чувства, требующего ежеминутного присутствия рядом любимого человека, я стану тенью следовать за нею, куда только возможно. Моя страсть заключит ее в бессрочный карантин, моя забота окружит ее непроницаемым кордоном. И даже ночь не принесет ей отдохновения и свободы, ведь я, подобно пушкинскому герою,

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Стою под окном[105].

Вряд ли эту любовь, выродившуюся в назойливость, возможно разделять. Едва ли кто-то захочет стать ее причастником. И вот уже я, «получив решительную отставку», стою у окна, смотрю издалека на «гений чистой красоты» и мучительно завидую тем, кто никогда ее не любил: они, по крайней мере, могут приближаться к ней, любоваться «мимолетным виденьем» лицом к лицу, заговаривать с нею и получать от нее улыбки. Я же «пожертвовал необходимым в расчете приобрести большее» и схожу с ума, подобно преступному Германну.

Очевидно, даже любовь нужно сопрягать со смирением. Стратегия конфуцианской «сдержанности ритуалом», несомненно, привела бы к иному результату.

Хладнокровно оценив ситуацию, нельзя не заметить, что для любви существует великое множество подходящих ритуалов. Например, день рождения. Формула здесь очень проста: виновник торжества созывает гостей; те дарят подарки, а потом, сидя за столом, едят, пьют и по очереди произносят тосты – славословия в адрес именинника.

---

[105] Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Я здесь, Инезилья». – *Примеч. ред.*

Попасть в число приглашенных – чисто техническая задача. Сидя в кругу ее друзей, я, до сих пор сдержан, спокойно ожидаю своей очереди произнести тост. Кто сомневается в том, что среди прочих формальных похвал мои окажутся самыми вдохновенными, самыми поэтичными и, наконец, самыми искренними? Неужели, разбирая подарки, – в большинстве случаев дребедень, в отчаянии купленную в соседнем магазине, – именинница не отличит настоящего – моего? Вообще-то, зачастую необходимость говорить тост смущает гостя. Не имея любви, случайно оказавшись вовлеченным в ритуал, он с трудом подбирает слова, выстраивая некое подобие славословия. Меня на этом празднике невозможно не отличить: ритуал совершается для меня, для моей любви, я царствую в этот момент, это моя стихия. Царствующего невозможно не отметить среди гостей момента по той уверенности, с которой он действует посреди всеобщего смущения, а, отметив, совсем нетрудно полюбить. И вот мы уже идем вместе – я и она – красивые, молодые, пьяные друг другом. И даже если выяснится, что я опоздал и она, в конце концов, уйдет с кем-то другим, я не останусь в накладе: «Небо знает меня», или, говоря языком европейской культуры, «кто любит, тот любим».

Произведя этот мысленный эксперимент, нетрудно увидеть, как «работает» конфуцианская сдержанность. Ритуал задает ситуацию долженствования, а долг, в свою очередь, оправдывает мою инициативу, делает ее уместной, а значит, нужной. Славословие, произносимое без надлежащего повода, расположение, проявленное просто так, вызывают подозрение и вопрос: что ему от меня нужно? С какой стати это он так распинается? Но те же действия воспринимаются спокойно, как есть, если они исполняются в порядке следования должному. Здесь трудно заподозрить корысть – человек просто отвечает на вызов ситуации. Это переломный момент. Мир становится ко мне лояльным. Я начинаю делать дело, вместо того чтобы просто демонстрировать свои возможности. И наоборот, делая «что не просили», отвечая «что не спрашивали», человек занимает позицию «Я – смысл мира». Это-то и вызывает возражение, в первую очередь, самого мира, выражающееся в отказе производить хорошие плоды в ответ на любые усилия.

Этикет, то есть ритуал в сфере межличностных отношений, существует не для того, чтобы мучить «шариковых» – хотя человеку, не имеющему чем наполнить ситуацию долженствования, это действительно должно быть тягостно – а для того, чтобы любовь, дружба, уважение могли успешно объективироваться, чтобы лучшие плоды человеческого духа не оказывались безнадежно замкнутыми в сфере интимных переживаний.

Нужно только уметь правильно воспользоваться этой «дверью между мирами», говорит Конфуций:

Настойчив ты с правителем – и ты уж опозорен.
Настойчив ты с друзьями – и дружбы той уж нет.

Вступать в творческое отношение с миром, принимаясь за какое-либо дело, нужно так же, как и вести себя с человеком – сообразно этикету-ритуалу. Верная стратегия «наступления на мир» окажется гораздо полезнее упования на мифологемы, вроде «удачи», благоприятствования звезд, на совпадение чисел, примет и т. п.

Представим себе первый класс обычной средней школы. За первой партой два ученика-отличника. Оба всегда знают правильный ответ на любой вопрос учителя. Но странное дело: одному из них знания и ум помогают добиться уважения товарищей и поддержки учителей. Он быстро зарабатывает авторитет, выигрывая олимпиады и конкурсы. Второму было бы лучше, окажись он посредственным учеником. Его недолюбливают учителя, подвергают остракизму одноклассники. Он годы проводит в вынужденной изоляции и вырастает психически неуравновешенным человеком. Уже с самого начала в нем угадывается фигура мизантропа, несчастливое дитя двух родителей: яркого таланта и холодности равнодушной аудитории. С чего начинается непризнанный гений?

Обратим внимание на секрет обаяния первого: он, хотя и знает правильный ответ на любой вопрос, тем не менее, отвечает только тогда, когда вопрос учителя обращен непосредственно к нему. То есть только тогда, когда он не может не ответить, будучи должным это делать. Второй же, не желая быть сдержанным, пробует действовать в обход школьных ритуалов: всегда зная, он всегда тянет назойливую руку, умоляюще заглядывает в глаза, в нетерпении перебивает других, не столь быстрых умом учеников. В разговоре он «умничает», то есть попирает все «законы жанра» дружеской беседы, выдавая на-гора массу сведений и наблюдений. Ему интересно не столько то, о чем его спрашивают, сколько то, что он имеет сказать по этому поводу. Нередко он, еще первоклассник, устраивает отвратительные интриги и пытается откровенно льстить окружающим и вообще, похоже, готов пойти на что угодно, лишь бы быть выслушанным.

Мир отвергает его тем сильнее, чем больше он прикладывает усилий; ум и талант производит действие, но, увы, всегда негативное. Вместо радости гений приносит ему одни разочарования. Нечто подобное неизбежно происходит с людьми, стремящимися «спасать» Россию, Церковь, человечество. Пытаясь действовать сверх должного, они как минимум

совершают нелепости, в худшем случае – причиняют вред себе и получают результат, прямо противоположный намерению.

Мера исполнения долга определяет степень успеха и неудачи наших начинаний. Бесхитростная проповедь священника в храме способна глубже проникнуть в сердца людей, чем украшенная самыми изысканными тропами речь сектанта, встречающего прохожих возле метро. Батюшка, в отличие от сектанта, исполняет повинность. Поэтому прихожане, пришедшие в храм, готовы принимать от него обличения и внимать его поучениям. Ничего подобного нельзя сказать о тех же самых людях, которые, в будни будучи менеджерами, на бегу обдумывают текущие дела и не доверяют личной инициативе человека, никем не уполномоченного говорить от имени Истины.

Зная это, я остерегаюсь учительствовать вне отведенных на это академических часов. Даже самые важные и интересные идеи хорошо и как надо звучат только в тишине аудитории, когда от меня ждут их, но они же оказались бы странными и бесполезными в очереди к маршрутному такси. Там в любой момент может возникнуть вопрос: «А кто тебя спрашивал? С какой стати ты мне рассказываешь все это?» Для обсуждения философских вопросов, достигающих исключительной интимной глубины, требуется особый повод. Это может быть древнегреческая культура агона, академическая лекция, профессиональная беседа «в кругу своих» или необходимость отвечать на заданный тебе в условиях исключительного доверия вопрос. Даже брата своего я не могу просветить произвольно, вне надлежащей ситуации. Не потому ли «нет пророка в своем отечестве»?

Смирение (конфуцианская «сдержанность») почитается главной добродетелью именно потому, что лежит в основе всякого иного таланта и добродетели, жестко разделяя добро и зло. «Почтительность, не сдержанная ритуалом, обращается в раболепие, – говорит Конфуций, – осторожность – в трусость; храбрость – в безрассудство; прямота – оборачивается грубостью». Лишившись фундамента, всякий духовный дар «мутирует», осуществляясь в ходе личной истории, так что даже «крепкая, как смерть», любовь превращается в шекспировский яд, способный причинить множество бед «двум уважаемым семействам» и погрузить в глубокую скорбь добропорядочных граждан Вероны.

Стратегия следования долгу – это диалог с миром. Диалог же предполагает наличие чуждой внешней воли и компромисс. В ходе этого диалога приходится выбирать между подвигом, который хочется совершить, и подвигом, который вообще способен осуществиться, даже если это совсем не то, о чем мечтаешь. Разумный выбор очевиден. Но его оказывается

непросто совершить по недостатку соответствующего морального качества – смирения, которое представляет собой не что иное, как способность предпочесть долг своеволию, ситуацию «я должен» – ситуации «я хочу».

Собственно, поэтому в рамках христианской традиции смирение и мыслится как основная добродетель. И даже точнее было бы сказать, что смирение – это единственная добродетель, а все прочее – храбрость, любовь, мужество – всего лишь таланты, задатки, становящиеся добродетелями только в союзе со смирением. Наверное, неслучайно Христос, совершивший величайшее дело с начала мира, неоднократно указывает, что «не Моей волею творю сие, но волею пославшего Меня Отца» (см. Ин. 5:30).

Если согласие мудрецов различных культур и эпох учит сдержанности в проявлении себя в обычное время, дабы не совершить худшего зла, то в ситуации долга, наоборот, предписывает бежать изо всех сил.

Что-то похожее мне довелось увидеть в Ставрополье и на Кубани – в образе труда местных хлеборобов.

Человек, незнакомый с местным укладом жизни, может принять хлеборобов за ужасных лентяев и тунеядцев: всякий раз, заходя в конторку, я заставал их за игрой в домино, которая продолжалась весь день с перерывом на обед и частыми перекурами. Во время одного из первых утренних перекуров колхозный агроном выходил на край вспаханного поля, запускал в землю два пальца, щупал что-то, медленно разминал в руке ком земли, нюхал его, потом так же задумчиво расхаживал вдоль заградительной лесополосы, отламывая и нюхая почки деревьев, смотрел на небо и возвращался в конторку, к прерванной игре.

Так продолжалось несколько дней, пока однажды в конторке не раздался его сердитый голос:

– Чего расселись? У нас на всё про всё две недели.

После этого ни одного человека в конторке я уже больше не видел. Ничья заскорузлая рука не перемешивала костяшки домино – они оставались лежать так же, как их в последний раз оставили. Не верилось, что так можно работать. Хлеборобы шли в поле, как в последний бой. Двигатели машин не глушили ни днем, ни ночью. Бешеный маховик человеческой силы не сбивался и не изнемогал. В отведенные агрономом две недели люди делали какой-то невообразимый некрестьянскому уму объем работы.

Интересная специфика труда: начать посевную кампанию раньше нельзя. Зерно упадет в непрогретую землю и погибнет, не дав урожая. Задерживаться – тоже нельзя: земля «закрывается», уходит влага, происходит

масса непонятных неспециалисту процессов, резко снижающих урожайность «запоздавшего» зерна. Хлеборобы определенно знают толк в ритуалах, хотя, возможно, никогда не изучали Конфуция.

Долг очень напоминает «две недели» хлебороба. Земля – мир, отзывающийся или не отзывающийся на усилия его засеять, словно отборным зерном, – своими талантами и лучшими душевными порывами.

Тот, кто действует в обход долга, подобен человеку, бросающему зерно в январский сугроб. Он напрасно будет ждать урожая, так же как и пренебрегающий двумя весенними неделями. Будь ленив и неповоротлив сделать что-нибудь вне долга; исполняя же долг, не дай никому сравняться с тобой в усердии. Это твой «звездный час». Примерно такова мысль Конфуция.

В «Капитанской дочке» А.С. Пушкина эта максима звучит уже из уст Гринева-старшего, старого, умудренного в боях ветерана. Отправляя своего сына Петю в военную службу, он наставляет его: «На дело не напрашивайся, от дела не отговаривайся».

Старая армейская мудрость воспроизводится и в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». На прямой вопрос о возможности женитьбы на Марье Болконской Николай Ростов отвечает:

– Я, ma tante, как следует солдату, никуда не напрашиваюсь и ни от чего не отказываюсь.

Эта мысль явно выражена в романе только однажды, да и то по случайному поводу, хотя лейтмотивом она присутствует во всех исторических рассуждениях писателя о подлинных и мнимых героях войны двенадцатого года. Как известно, роман Толстого был одной из первых попыток реабилитировать Кутузова, роль которого в войне современная писателю историческая наука оценивала, скорее, отрицательно. Толстой убедительно показал, что та пассивность главнокомандующего, которую даже спустя полвека после войны ему продолжали ставить в вину и объясняли трусостью Кутузова перед гением Наполеона, старческой немощью и нерешительностью, была не чем иным, как смирением мудрого военачальника, по опыту знающего, что никому невозможно управлять инерцией огромных масс людей, находящихся в смертельной опасности.

Прочие генералы, составлявшие штаб, стремились отличиться, изобрести какой-то гениальный маневр, отрезать, опрокинуть неприятеля, считая это непременным условием победы. Кутузов же, зная по опыту, что единственным результатом подобного «непосредственного администрирования» боевых действий войск могут быть только ненужные потери, никогда не пытался форсировать ситуацию и приказывал атаковать только тогда, когда, как под Бородино, ничего другого уже не оставалось.

Если для солдата долгом является выполнение приказа командира, то для верховного главнокомандующего, над которым уже нет начальства, долг – осознавать объективные возможности вверенных ему подчиненных и ситуацию, складывающуюся на фронтах, – долг, от которого также нельзя отступать. В противном случае сделанные распоряжения либо будут вредны, либо невозможно будет их исполнить.

Толстой возносит Кутузова именно за его способность следовать долгу военачальника, что зачастую требовало твердости характера, чтобы действовать вразрез собственному чувству и давлению со стороны. Триумф ведомой долгом воли Толстой увидел в единоличном решении Кутузова об оставлении Москвы, принятом вопреки героическому энтузиазму штабных генералов, общественному мнению и даже воле императора Александра. «Итак, господа, стало быть, мне платить за перебитые горшки... Некоторые будут не согласны со мной. Но я (он остановился) властью, врученной мне моим государем и отечеством, я – приказываю отступление». Этими словами главнокомандующий окончил совет в Филях.

В ходе частной истории неизбежно реализуется тот же принцип. Оказавшись в отряде Денисова, Петя Ростов умоляет старинного друга семьи: «Только вы пустите меня в самую главную», напрашиваясь на разведку с Долоховым. «Василий Федорович, вы мне поручите что-нибудь? Пожалуйста... Ради Бога». Опытный солдат Денисов вынужден в конце концов напомнить ему старое правило: «Об одном тебя прошу, – сказал он строго, – слушаться меня и никуда не соваться».

Петя Ростов, докучающий начальству просьбами отправить его «туда, где самое главное», пытался совершить ту же ошибку, что и отличник, которому грозило сделаться непризнанным гением. В войсках, как и в школе, недолюбливают выскочек. И дело здесь не всегда в классовой неприязни «службистов» к «вольным художникам». Это закрепившийся на подсознательно-эстетическом уровне опыт подвига, накопленный поколениями солдат. И еще это опыт того, как «храбрость, не сдерживаемая ритуалом, превращается в безрассудство», чреватое тяжелыми потерями и поражением.

Интуиция и опыт боевого офицера заставляют Толстого однозначно определить судьбу младшего сына семейства Ростовых в его первом сражении. В то самое время, когда французы уже бросали оружие и выбегали из кустов навстречу казакам, а старший французский офицер вышел к Долохову с платком на шпаге и объявил, что они сдаются, Петя тяжело упал с лошади на мокрую землю с простреленной головой. Подвига он так и не совершил – смерть его оказалась напрасной.

К сожалению, стареющий писатель уже плохо помнил свои ранние, прославившие его произведения. Формулу Ростова-старшего сам он исполнил точно наоборот: вместо «от дела не отлынивай», Толстой всеми силами стремился занять позицию частного лица; вместо «на дело не напрашивайся», он начал искать сближения с крестьянами, желая быть им полезным.

Талант, ищущий пути реализации, порождает у человека интуитивное стремление к институтам, способным произвести долженствование, и выражается в виде тяготения к семье, армии, Церкви и т. д. Толстой, по-видимому, не доверяя интуиции, наоборот, принялся ругать эти вещи и вообще государство, чем, по сути, оставлял человека без долга, предписывая ему положение частного лица, исключающее всякую возможность делать что-либо хорошее.

Удалившись от собора, граф сам перекрыл себе возможность делать добро, а его сильнейшее желание быть полезным усугубило ситуацию.

Многие исследователи жизни и творчества Льва Николаевича Толстого отмечали, что его «хождение в народ» оказалось не очень успешным. Крестьяне Толстого не поняли и не приняли. Для них он оставался барином со своими прихотями, которые приходилось удовлетворять в дополнение к повседневным трудам, даже если смыслом этих прихотей было желание разделить с ними их мужицкие заботы. Парадоксальность ситуации ясно выразилась в злом анекдоте о яснополянских мужиках, входящих к писателю со словами: «Барин! Пахать подано!», который оказался прочно связан с именем писателя.

Почему так получилось? На этот вопрос дал исчерпывающий ответ Федор Михайлович Достоевский, рассказав читателю «скверный анекдот», приключившийся с действительным статским советником Иваном Ильичом Пралинским. Молодой генерал, движимый благородным либеральным побуждением, задумал осчастливить своим присутствием свадьбу одного из подчиненных, мелкого чиновника Пселдонимова. «Да ведь я униженного нравственно подыму, я самому себе его возвращу... Ведь он десять рублей в месяц жалованья получает!..» – рассуждал гуманист.

Увы, замысел осуществился совсем не так, как мечталось генералу. Входя в крошечные сени, он «так, как есть, в калошах», попал «левой ногой в галантир, выставленный для остужения». Это сигнальное происшествие несколько обескуражило Ивана Ильича «и на одно самое маленькое мгновение у него промелькнула мысль: не улизнуть ли сейчас же? Но он почел это слишком низким».

Неожиданное появление генерала в дорогой шубе, «со значительным орденом на шее», очень смутило и озадачило остальных гостей Пселдонимова, людей весьма скромного положения и состояния. Жених робко приветствовал своего начальника, «смотря на неожиданного гостя совершенно с таким же точно видом, с каким собака смотрит на своего хозяина, зовущего ее, чтоб дать ей пинка». Произведя всеобщее смущение своим появлением, Иван Ильич и сам чувствовал себя крайне неловко. «Было скверно, короче: в эту минуту наш герой вынес столько тоски, что действительно его гарун-аль-рашидское нашествие, ради принципа, к подчиненному могло бы почесться подвигом».

Пытаясь разрядить обстановку и придать ситуации непринужденный характер, генерал принялся пить шампанское, представился невесте и попытался заговорить с окружающими. Однако всеобщее смущение не исчезло, а просто обернулось другой своей стороной – развязностью и хамством. Почувствовав, что «гость-то, кажется, того... под шефе», некоторые дерзали на фамильярности, а один «студент» даже «скорчил какую-то гримасу и, приблизив свое лицо к его превосходительству на близкое до неприличия расстояние, во все горло прокричал петухом». Такая быстрая перемена настроения озадачила Пралинского: «Как же это? То пятились, а тут вдруг так скоро эманципировались!» Назревал скандал.

«Действительно, положение его становилось все более и более эксцентричным, – продолжает свой “анекдот” Достоевский. – Мало того: это была какая-то насмешка судьбы. С ним Бог знает что произошло в какой-нибудь час. Когда он входил, он, так сказать, простирал объятия всему человечеству и всем своим подчиненным; и вот не прошло какого-нибудь часу, и он, всеми болями своего сердца, слышал и знал, что он ненавидит Пселдонимова, проклинает его, жену его и свадьбу его. Мало того: он по лицу, по глазам одним видел, что и сам Пселдонимов его ненавидит, что он смотрит, чуть-чуть не говоря: “А чтоб ты провалился, проклятый! Навязался на шею!” Все это он уже давно прочел в его взгляде».

Мучительно пытаясь найти выход из щекотливой ситуации, Иван Ильич «все более и более впадал в раздумье и в какое-то коловращение идей; в рассеянности он неприметно, но поминутно прихлебывал из бокала», который тут же наполняли снова.

«Ровно две минуты спустя, как он сел за стол, одна страшная мысль овладела всем существом его. Он вдруг почувствовал, что ужасно пьян, то есть не так, как прежде, а пьян окончательно. Причиною тому была рюмка водки, выпитая вслед за шампанским и оказавшая немедленно

действие. Он чувствовал, слышал всем существом своим, что слабеет окончательно».

Развязность и фамильярность в отношении к незадачливому гуманисту переросла в плохо сдерживаемую ненависть. Совершенно опьяневший генерал предпринял было последнюю попытку намекнуть на благородные свои цели, но тут одного из присутствующих, сотрудника сатирического журнала «Головешка», прорвало:

– Да, вы пришли, чтоб похвалиться гуманностью! Вы помешали всеобщему веселью. Вы пили шампанское и не сообразили, что оно слишком дорого для чиновника с десятью рублями в месяц жалованья, и я подозреваю, что вы один из тех начальников, которые лакомы до молоденьких жен своих подчиненных! Мало того, я уверен, что вы поддерживаете откупа... Да, да, да!

– Пселдонимов, Пселдонимов! – кричал Иван Ильич, простирая к нему руки. Он чувствовал, что каждое слово сотрудника было новым кинжалом для его сердца...

Все повскакали с мест.

– Ваше превосходительство, ваше превосходительство! – кричали Пселдонимов, его мать и некоторые из гостей, толпясь около генерала, – ваше превосходительство, успокойтесь!

– Нет, нет! – кричал генерал, – я уничтожен... Я пришел... Я хотел, так сказать, крестить. И вот за все, за все!

Он опустился на стул, как без памяти, положил обе руки на стол и склонил на них свою голову, прямо в тарелку с бланманже. Нечего и описывать всеобщий ужас. Через минуту он встал, очевидно, желая уйти, покачнулся, запнулся за ножку стула, упал со всего размаха на пол и захрапел...»

Увы, «скверный анекдот» не оканчивается «отключкой» главного героя. Пока Ивана Ильича рвало под свадебным столом, а гости поспешно расходились, «каждый по-своему толкуя о происшедшем», жених продолжал отчаянно бороться с последствиями неожиданной инициативы начальника. Средств для этого у него было маловато: ни на карету, ни на врача денег у регистратора, конечно, не нашлось. Постелить «больному» тоже было негде. «Оставалось одно: перенести его на брачное ложе... Ивана Ильича перенесли, а новобрачным постлали в зале на стульях... И, однако ж, несчастия этой ночи еще далеко не кончились».

«Не прошло десяти минут, после того как молодых заперли одних в зале, как вдруг послышался раздирающий крик, не отрадный крик, а самого злокачественного свойства. Вслед за криками послышался шум, треск, как будто падение стульев, и вмиг в комнату, еще темную,

неожиданно ворвалась целая толпа ахающих и испуганных женщин во всевозможных дезабилье... Все эти почтенные и прозорливые женщины уже с четверть часа как пробрались из кухни через коридор на цыпочках и подслушивали в передней, пожираемые самым необъяснимым любопытством. Между тем кто-то наскоро зажег свечку, и всем представилось неожиданное зрелище. Стулья, не выдержавшие двойной тяжести и подпиравшие широкую перину только с краев, разъехались, и перина провалилась между ними на пол. Молодая хныкала от злости; в этот раз она была до сердца обижена. Нравственно убитый Пселдонимов стоял как преступник, уличенный в злодействе. Он даже не пробовал оправдываться. Со всех сторон раздавались ахи и взвизги. На шум прибежала и мать Пселдонимова, но маменька новобрачной на этот раз одержала полный верх. Она сначала осыпала Пселдонимова странными и по большей части несправедливыми упреками на тему: "Какой ты, батюшка, муж после этого? Куда ты, батюшка, годен, после такого сраму?" – и прочее и, наконец, взяв дочку за руку, увела ее от мужа к себе, взяв лично на себя ответственность назавтра перед грозным отцом, потребующим отчета. За нею убрались и все, ахая и покивая головами своими».

Вот так – трезво и безжалостно, без всяких условностей и экивоков – изобразил Достоевский зону риска, в которую вступает человек, ведомый гордостью, с наивным намерением сделать хорошее дело вне ситуации долженствования.

Немало подобных «анекдотов» видел и Конфуций в своей раздробленной Поднебесной. Потому и выступил с учением о необходимости следовать ритуалу.

Слово «ли», которое традиционно переводят на европейские языки как «ритуал» или, реже, «этикет», изначально означало обувь, надеваемую при совершении религиозных обрядов. Специфика конфуцианского употребления образовала крайне интересную поэтику (систему неявных значений) слова «ли».

Предполагается, что в ритуальной обуви человек не может отправиться гулять. Надев ее, человек становится частью ритуала, подчиняет свою волю ритуальной формуле. Если угодно, его нога ступает не туда, куда хочет, а туда, куда требует ступать обувь. Нога наполняет обувь, может быть, ту же самую обувь, которую прежде наполняла нога предшественника, а человек самим собой, своей волей и энергией наполняет древний ритуал, тот самый, который до него наполняли собой поколения его предков. Собственно, с этого момента синергии (сотрудничества) и начинается священнодействие.

Как носитель христианской культуры не могу не вспомнить, что ритуальная одежда широко используется в практике церковного богослужения. Есть даже ритуальная обувь – это монашеские сандалии, надеваемые при постриге, чтобы ставленник «ходил путями правды». Также существует епитрахиль и священнические поручи, без которых не может совершаться ни одно Таинство Церкви. Само облачение в ритуальные одежды происходит в соответствии с особым ритуалом. Обхватывая свои запястья поручами, священник символически утверждает, что смиряет себя ими, священнодействует не от себя, не своей властью, не им совершается Таинство – его руками литургисает сам Первосвященник – Христос Вседержитель.

Чтобы в мире вообще осуществилось что-то позитивное, требуется своя «ритуальная обувь». Никакое добро невозможно без синергии человека и Промысла, управляющего мировыми судьбами. Образно говоря, всякое хорошее дело – священнодействие, которое можно осуществить только в поручах долга, смиряя ими своеволие.

Художник и художественный предмет

И смирение, и родственное ему понятие «долг» в большинстве случаев связываются с повинностью, несвободой, казармой и муштрой, что пугает и отталкивает, в первую очередь, творчески настроенную личность. Такому человеку и в голову не придет связывать свою деятельность с чем-то похожим на долг. Разрушение стереотипов, новые горизонты, свободный полет – разве не это главные характеристики творческого процесса? Разве упрямая инаковость не составляет отличительную черту поэта, взирающего на толпу невидящим взглядом аутиста?

Думаю, многие талантливые люди остались фактически бесплодными из-за этой ошибки. Вероятно, нельзя исключать из своей творческой парадигмы долг, полагаясь исключительно на творческий аутизм. Ведь если ничего положительного не удается сделать помимо должного, то долг – это не повинность, а наоборот, звездный час, недвусмысленное указание на то, что́ именно гений может сделать гениального. Это момент, когда мир внимает гению.

Неправильно было бы воспринимать ситуацию долженствования как навязывание. Это, наоборот, возможность. Самая мягкая цензура, например, в области литературы всегда воспринималась в штыки. Спросим: почему? Ведь это всего лишь определенный творческий ландшафт, который всегда можно наполнить вдохновенной фантазией, как и любой

другой. Ландшафт никогда не мешает действительно талантливому архитектору – он всего лишь наводит его на мысли. Мир отнюдь не враждебен таланту – нужно всего лишь научиться «принимать подачи».

В этой связи интересно проследить биографии величайших мастеров эпохи Возрождения, сравнивая их с эскападами современных авангардистов. Сам пафос эпохи – протест, ниспровержение, эмансипация. Между тем, и у Микеланджело, и у Леонардо да Винчи чувство долга необычайно сильно. Если верить многочисленным биографам Буонаротти, великий флорентиец не любил живопись и устремлял свои творческие амбиции исключительно к скульптуре. Однако он все же нашел в себе силы отложить в сторону прочие замыслы и сосредоточиться на поручении папы расписать Сикстинский плафон. И что же? На нем в полной мере исполнились слова Христа о «граде», который «не может укрыться», стоя «на вершине горы». Талант и в деле, сделанном против воли, проявил себя едва ли не с большей силой, нежели при создании «Давида»: гений обнаружил, что он попросту не может сделать небрежно никакое дело.

Если спросить, что сделал Леонардо, написав «Джоконду», то любой искусствовед ответит: обычный портрет – в том смысле, что художник ни на йоту не отступил от традиционного канона. Неповторимая гениальность этой работы состоит в том, как он исполнил этот канон – доведя до совершенства использованную им технику мазка. Неуемный изобретатель и выдумщик прекрасно понимал, где баловство становится неуместным.

Если спросить, что такое «Евгений Онегин» Пушкина, то по справедливости следует ответить: сплетня. Светская сплетня, рассказанная так, что стала достоянием русской литературы.

Кстати сказать, Пушкина всегда интересовала тема отношений поэта и толпы. В юности он решал вопрос однозначно: поэт сам избирает предмет для своего вдохновения, толпа не властна над ним. Но в неоконченном произведении «Египетские ночи», относящемся к 1836 году, эта уверенность поколебалась. Здесь тема, вроде бы, звучит по-прежнему:

– Зачем крутится ветр в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На чахлый пень? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?

Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Таков поэт: как Аквилон,
Что хочет, то и носит он –
Орлу подобно, он летает
И, не спросясь ни у кого,
Как Дездемона, избирает
Кумир для сердца своего.

Почему же нельзя воспринимать это как мнение самого Пушкина? Мешает маленькая особенность ситуации: Пушкин вкладывает приведенные выше строки в уста поэта-импровизатора. В логике это называется перформативным противоречием. Кто такой импровизатор? Это поэт, который сочиняет стихотворение на заданную аудиторией тему, причем творчество осуществляется немедленно и здесь же, что называется «не отходя от кассы». Импровизатор – это поэт, который работает под заказ, причем на глазах у зрителей, словно повар в японском ресторане. Едва ли это не насмешка Пушкина над теоретическими ошибками собственной юности. Возможно, поэт понял, насколько он в действительности свободен от «толпы»: настолько, что может спокойно подхватывать и развивать предложенные толпою темы, ничуть не рискуя изменить себе.

Творческий путь величайших философов всегда показывает простую вещь: не бывает гениальной постановки задачи – гениальным бывает только исполнение. Ничто не ново под луной, любая идея уже высказывалась кем-то ранее. Это как популярная песня, которую знают все, но лишь немногие умеют пропеть, и только единицы исполняют ее неповторимо – так, что сразу становится очевидно, почему эта песня стала так популярна. Гений – это всегда гений исполнения. Так, когда Конфуция называли проповедником какой-то новой доктрины, он возражал против этого:

– Я толкую и объясняю древние книги, а не сочиняю новые. Я верю древним и люблю их.

Любитель головоломок становится ученым только в тот момент, когда прекращает уходить вслед за своей фантазией и начинает следовать долгу ученого, то есть решать проблемы, поставленные научным сообществом. То, что из этого получается, вполне может стать фундаментом нового направления в науке. Но, пожалуй, никогда великое открытие не начинается с намерения совершить великое открытие.

Гению всегда хватает семи нот, не мешает ландшафт, не стесняют законы жанра. Ощущение того, что парадигма истощилась, – верный признак недостаточности таланта. Бездарность изобретает новые выразительные

средства одно за другим, но выясняет, что они истощаются быстрее, нежели появляются на свет. Толпа, которой поэт пренебрег, не находя ответа своим чаяниям и перестав понимать вообще что-либо в его аутичных действиях, спешит разойтись или низвергает поэта. Можно сослаться на ее темноту и невежество. В поражении можно утешиться сознанием того, что ты дрался до крови. Но что отвечать насмешливому спартанцу, сказавшему: «покажи мне таких, кто дерется до победы»?

Наивысшей похвалой Пушкина в адрес писателя или поэта были слова: «Точно сказано!» Гений русской словесности полагал, что процесс творчества состоит не в придумывании чего-то своего, а в напряженном созерцании художественного предмета и максимально точном его описании. Чем меньше своеволия допустит художник, чем больше места он уступит художественному предмету, тем гениальнее выйдет произведение.

Только стороннему наблюдателю может показаться, будто творческий человек абсолютно свободен. Как солдат, получивший приказ, смиряет свою волю, так и автор, ощутив вдохновение, подчиняется требованию своего «художественного предмета». И зачастую им обоим – воину и художнику – приходится смиряться до конца, то есть, умирать при исполнении своего долга[107].

Как входят в историю

Ситуация долженствования с тягостью воспринимается человеком, которому нечем ее наполнить. Говорить тост – неприятная повинность для того, кто не имеет особенной любви к имениннику. Возможно, именно сознание таких людей спутало два совершенно различных понятия – «долг» и «долги». Часто, упоминая, например, о воинском долге, некоторые призывники язвительно замечают: «Когда это я успел задолжать Родине так, что теперь надо идти в рабство, дабы рассчитаться?» Между тем, разница весьма существенна: долги – это то, что занимают и отдают; долг – это то, чему следуют. Первое – финансовый вопрос, второе – категория судьбы, коридор, которым таланты и прочие духовные дары

[107] Серьезный текст уже с первой страницы навязывает своему создателю определенную логику, так что в конечном итоге работа всегда оборачивается сюрпризом для того, чья подпись стоит под ней. То, что автор не является всевластным отцом произведения, не «вынашивает» и не выдумывает его, но, скорее, представляет собой скриптора, записывающего некоторый текст, словно под диктовку, убедительно показал Р. Барт в статье «Смерть автора». См. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – *Примеч. автора.*

переходят в область реальной истории, реализуясь в виде конкретных подвигов, открытий, произведений искусства. Это путь, которым величие человека становится легитимным.

Сегодня часто говорят о том, как легко и незаметно для самих себя скинхеды и прочие экстремистские молодежные течения становятся слепым орудием чьих-то частных политических интересов. Однако мало кто говорит о причинах краха надежд юного честолюбия на свою роль в истории.

Однажды, еще в университетские времена, мне пришлось беседовать с одним из многочисленных тогда экстремистских идеологов. Убедившись в том, что собеседником движет здоровое и естественное честолюбие, а заодно и в искренности его патриотических порывов, я поинтересовался ключевым теоретическим вопросом, а именно: откуда берет начало, во-первых, уверенность в том, что спасение Отечества состоит именно в политической деятельности? И, во-вторых, что именно в революции заключается «твоя борьба» и пропуск в историю? Однако рассуждения о стратегии «наступления на мир» подействовали слабо. Впрочем, и сам Конфуций оказался у идеолога не в авторитете. Пришлось подыскивать другой образ.

Я спросил своего собеседника, чем, по его мнению, занимался Штирлиц в 1917 году? Вышло удачно. Для скинхеда русский штандартенфюрер оказался культовой фигурой: родом из-под Рязани, носит эсэсовскую форму от Хьюго Босс, ездит на «Хорхе» и при этом верно служит Отечеству.

Для человека, хорошо знакомого с фильмом про разведчика и первоисточником Юлиана Семенова, было нетрудно подсчитать, что резидент советской разведки – ровесник века, то есть в 1917 году ему было от семнадцати до двадцати лет. Это тот самый возраст, о котором Пушкин сказал: «Пока свободою горим, пока сердца для чести живы...» То есть, самый революционный возраст, который к тому же пришелся на те самые «несколько дней, которые потрясли мир». В общем, никого бы не удивило, окажись юный патриот в самой гуще событий.

Но спросим себя (даже не беря во внимание специальные навыки, которыми должен был обладать разведчик такого уровня): «Это как же нужно овладеть немецким языком, чтобы никто даже не заподозрил резидента советской разведки в штандартенфюрере СС, правой руке главы политической разведки Шелленберга?» Так что, скорее всего, ответ на заданный вопрос должен быть таким: «В 1917 году Максим Максимович Исаев сидел за партой и монотонно спрягал немецкие глаголы». То есть

делал, что должен, сдерживая яростное желание сбежать на баррикады и не имея ни малейшего представления о том, к каким подвигам его выведет судьба, причем совсем скоро. Один только срыв «ядерной составляющей» гитлеровской программы «Оружие возмездия» спас десятки тысяч человеческих жизней.

Враги России начала века представляются мелкими хулиганами перед объединенной армией Европы, брошенной против нас Гитлером. Доблесть кавалеристов Буденного (или барона Врангеля) меркнет перед лицом подвига разведчика Н. И. Кузнецова из отряда «Победители», одного из возможных прототипов Штирлица. Но в семнадцатом году будущее, скорее всего, представлялось смутно. Что же вывело Штирлица в ключевые фигуры истории «железного XX века»? Получается, его способность «просто помнить долг – от первого мгновенья до последнего».

Этой способности явно не хватило многим камикадзе: повинуясь душевному порыву, они пытались втиснуться не в свою войну, не в свою историю – совсем как адмирал Матомэ Угаки пытался втиснуться в чужой самолет. И оказались смешны и бесполезны вместе с ним.

Думаю, нужно научиться спокойно взирать на происходящее, как бы оно тебя ни провоцировало. Вера в долг поможет избавиться от характерной для заболевшего революцией человека нервозности («сегодня еще рано – завтра будет поздно») и страха перед призраками упущенных возможностей.

И сегодня, постоянно сталкиваясь с людьми возраста камикадзе (практически никому из моей постоянной аудитории нет еще и тридцати лет), я считаю необходимым напоминать им о том, что какой бы интересной ни казалась жизнь за стенами Академии, каким бы соблазном ни выглядела иная стезя, ничего более существенного, чем выполнение текущего задания, пусть даже самого примитивного, сделать не удастся. Студенту, прогулявшему лекцию, не суждено похвалиться более полезно проведенным временем.

Поняв это, проще перенести штабные мучения Пети Ростова. Наоборот, любое самое незначительное послушание при такой перспективе наполняется высокими смыслами и делается интересным. Так, получив место надзирателя за продовольственными поставками (по сути, став завхозом), Конфуций с воодушевлением принялся за дело, ибо видел в нем нечто священное.

Трезвый ум способен отчетливо увидеть основной резон следования долгу: делай, что должен, даже если это совсем не то, что ты хочешь, потому что это, по крайней мере, вообще способно осуществиться. Простой

расчет: лучше сделать то добро, которого не ожидаешь, чем не сделать то, которого ожидаешь.

Основная причина фиаско потенциально талантливого человека видится в том, что он все время рыскает где-то в поисках подходящей возможности реализоваться, в результате чего его не оказывается на своем месте в тот момент, когда эта возможность образуется.

Таких людей Конфуций называл «малыми» – в противоположность великим, «благородным мужам». И наоборот, удостаивал высшей похвалы того из своих учеников, кто был «подобен жертвенному сосуду». Жертвенный сосуд, если так можно выразиться, не стремится выполнить иных функций, помимо тех, для которых предназначен. Поэтому в нужную минуту ритуала он никогда не бывает занят. С другой стороны, ничто, никакой другой предмет, не подходит для определенного ритуального действия более, чем специально изготовленный для этой цели жертвенный сосуд. Эти две способности определяют особенность жертвенного сосуда, а именно: без него не обходится ни один ритуал. Проще говоря, жертвенный сосуд символизирует человека, следующего долгу – оба неизбежно займут подобающее место: первый в ритуале, второй в ходе истории.

Неопределенность относительно исторических последствий тех или иных наших действий напоминает односвязный лабиринт, где каждая развилка – это возможность поступить так или иначе. Всякий выбор определяет направление дальнейшего пути и судьбу человека в лабиринте. Выйти к «цели» – значит стать великим, состояться в жизни, реализовать себя достаточно эффективно.

Существует и математический аналог конфуцианской максимы следования долгу. Это так называемое «правило одной руки», предписывающее двигаться по замкнутому лабиринту, не отрывая руки от стенки, все время поворачивая в одну сторону – вправо или влево. Долг – это то, что позволяет принципиально преодолеть неопределенность личной судьбы. Не отступающий от должного, как и человек, не отрывающий руки от стенки, может быть уверен, что рано или поздно выйдет из лабиринта.

Даже если жизни не хватит и он не увидит выхода, по крайней мере, пройдет свой путь не паникуя, спокойно. Понимание того, что он находится на верном пути, придаст ему ту самую безмятежную уверенность, которая обосновывает счастье и прививает от зависти. Действительно, что из того, что кто-то из моих друзей имеет блестящий послужной список в свои неполные тридцать лет? Следующие долгу идут разными путями – между ними не может быть соревнования. Во-первых, всякий плод

вызревает в свое время, а во-вторых, кто скажет, что майская клубника вкуснее сентябрьских яблок?

Так, потерпев поражение в придворной борьбе, Конфуций остаток дней проводил в изгнании, переходя с одного места на другое с небольшой горсткой учеников. Ему больше не удавалось найти князя, который интересовался бы его наставлениями. В смутные времена междоусобиц каждый путник мог легко подвергнуться нападению. Несколько раз Конфуций чудом избегал гибели от рук разбойников. Между тем, подходила старость. Порой Конфуций испытывал горькое чувство: «Дни мои на исходе, а я еще не известен». Но тут же добавлял: «Но я не ропщу: Небо знает меня»[108].

Вообще поэтика конфуцианского «неба» крайне интересна[109]. Во-первых, религиозно образованный слух здесь отчетливо улавливает слово «Бог». Во-вторых, в радостном «Небо знает меня» угадывается намек на сакральную историю.

В понятии «сакральная история» воплотилось представление о том, что всякое дело, дурное или хорошее, не исчезает, не теряется, где-то фиксируется – то ли генетически в самом человеке, то ли где-то еще – и, самое главное, оказывается причиной вполне определенных следствий.

Так, например, интересно проследить генеалогию знаменитого булгаковского афоризма «рукописи не горят». Герой автобиографической повести Булгакова «Записки на манжетах» ради крайней нужды на заказ написал какую-то сомнительную пьесу[110], от которой у него самого сильно портилось настроение: «Когда я перечитал ее у себя, в нетопленой комнате, ночью, я не стыжусь признаться, заплакал! В смысле бездарности – это было нечто совершенно особенное, потрясающее. Что-то тупое и наглое глядело из каждой строчки...» Решивший уничтожить пьесу автор, к своему ужасу, обнаружил, что ему это не удается: «Я начал драть рукопись. Но остановился. Потому что вдруг, с необычайной, чудесной ясностью, сообразил, что правы говорившие: написанное нельзя уничтожить! Порвать, сжечь... от людей скрыть. Но от самого себя – никогда!

---

[108] См. *Конфуций.* Лунь Юй (Беседы и суждения). Глава 14; 35.

[109] В замечательном фильме режиссера Чжана Имоу «Герой» (2002 г.) мудрейший воин по имени Сломанный Меч отговаривает мастера Безымянного от его идеи фикс – покушения на императора, убившего когда-то родителей главного героя. Делает он это своеобразно: вместо длительных увещеваний чертит своим сломанным мечом несколько иероглифов в дорожной пыли. Всматриваясь в них, Безымянный видит смысл: царя убивать нельзя, ибо «все под Небесами». – *Примеч. автора.*

[110] В «Записках...» отразилась подлинная история написания пьесы «Батум» – о Сталине.

Кончено! Неизгладимо. Эту изумительную штуку я сочинил. Кончено!..»[111]

В другой вариации идея сакральной истории звучит так: «кто любит, тот любим» – выражение, хорошо известное поклонникам творчества Бориса Гребенщикова.

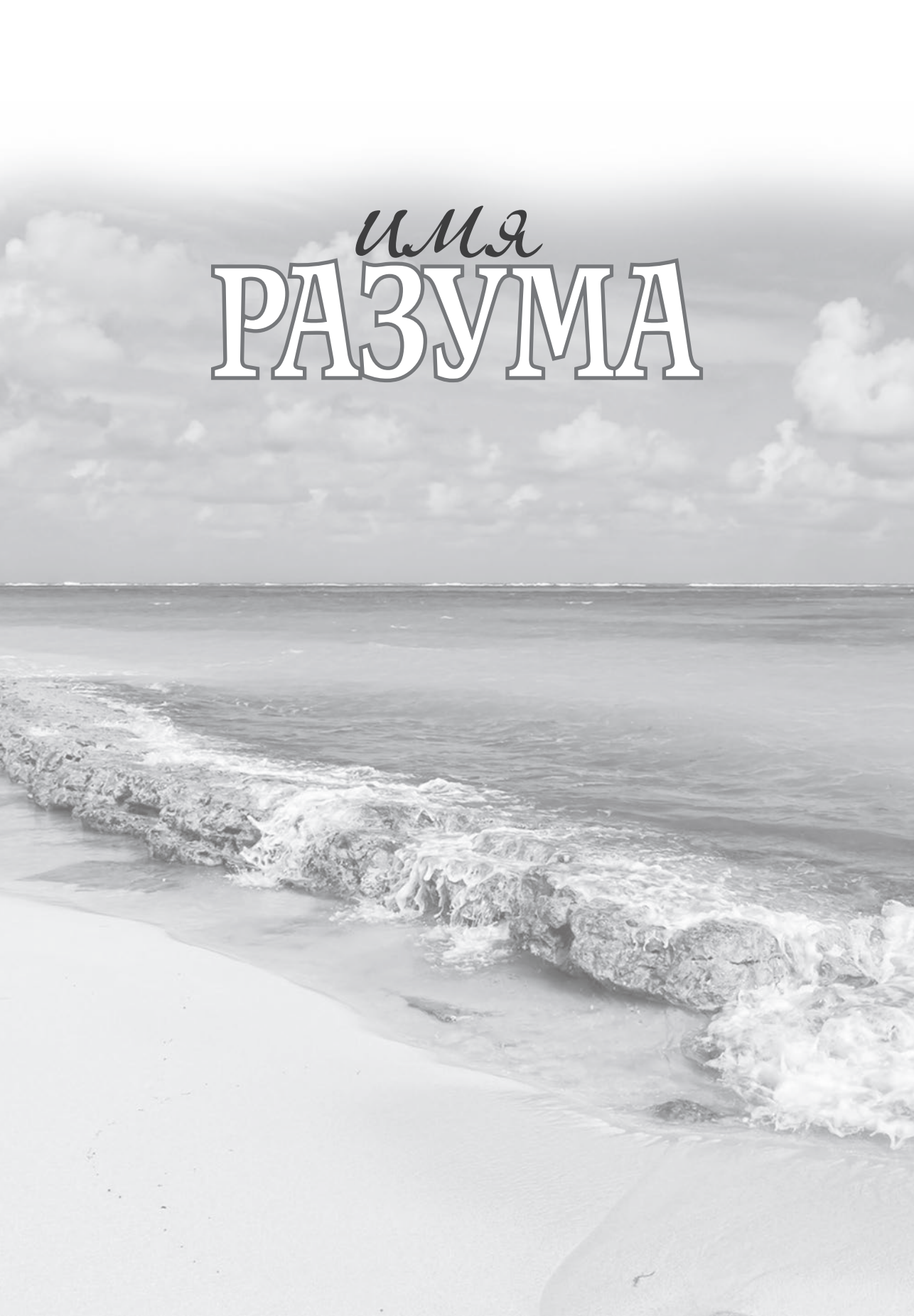
Наконец, в-третьих, «небо» означает просто небо. Прямое значение всегда в последнюю очередь входит в любую метафору. И сегодня, спустя три тысячи лет достаточно всего лишь поднять голову, чтобы увидеть то, о чем говорил древний китайский мудрец. А исполнив долг – даже в отсутствие свидетелей твоего подвига или читателей твоих книг, или в одиночестве иноческого пути, – можно ощутить всю полноту конфуцианского оптимизма: «Я не ропщу: Небо знает меня».

* * *

Японские летчики-камикадзе и спартанцы царя Леонида, Кастанеда с улиткой, счастливый и несчастливый влюбленный, школьные отличники и непризнанные гении, Лев Толстой и Петя Ростов, Федор Достоевский и его генерал Пралинский, скинхеды и Штирлиц, офицеры «Зеленой мили» и праотец Авраам – как же собрать столь разрозненные пазлы в единую идею? Какой мудрости могли бы они научить юное честолюбие? «*Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится*» (Лк. 18:14). Или скажем иначе: «Великие дела и судьбы, образующие трагизм истории, требуют смирения и следования долгу. Участью же гордых, «необрезанных сердцем», может быть только “скверный анекдот”».

[111] *Булгаков М.А.* Записки на манжетах.

Имя РАЗУМА



В одном из подмосковных военкоматов имел место забавный случай. Двадцатисемилетний кандидат философских наук пришел оформлять военый билет. На дворе стояла почти летняя жара, и военный комиссар был не в духе. Хмуро взглянув на пришедшего, он достал чистый бланк военного билета и принялся вписывать в него данные. Скоро дело дошло до графы «гражданские специальности».

– Образование? – спросил полковник кандидата.

– Высшее, товарищ полковник.

– Сам знаю, что высшее! Специальность по диплому?

– Философ.

– Твою дивизию! Шутить будем? Я тебе сейчас пошучу! «По диплому» я спрашиваю!

Кандидат молча протянул комиссару документ, в котором черным по белому было написано: «Философ. Преподаватель философии». Гербовая печать не оставляла места сомнению. Делать нечего: скрепя сердце, полковник вписал в билет непонятное слово. Но совесть настойчиво подсказывала старому службисту, что дело нечисто. И в самом деле: чем занимается философ? Какие у него, так сказать, должностные обязанности? Он долго и с усилием тер вспотевшую лысину и, наконец, спросил кандидата:

– У тебя это... права есть?

– Есть, товарищ половник, категория «Б».

Комиссар с облегчением вздохнул, поставил после слова «философ» жирный дефис и добавил: «водитель категории Б».

Кто-то искренне посмеется над этой правдивой историей, но большинство посочувствует военному комиссару. Ведь хотя все бывшие студенты проходили философию, мало кто может уверенно ответить на вопрос о том, зачем она нужна.

Необозримо большой корпус философских текстов, действительно, содержит множество сомнительных трудов. Иной раз, прочитав шестисотстраничный ученый труд, понимаешь, что затеян он был с единственной целью – оправдать любимую страстишку автора. Но есть здесь и иные работы, при знакомстве с которыми сразу подпадаешь под обаяние чистого разума. Хорошая философия способна привить человеку вкус

к истине, на основе которого возникает такая важная добродетель как трезвость, не имея которой едва ли следует входить в очень сложно устроенный и потому крайне опасный мир веры.

Познание

В числе произведений А.С. Пушкина есть короткий, но крайне занимательный диалог Фауста с Мефистофелем[112]. Знаменитый доктор вызывает лукавого духа в надежде, что тот избавит его от «тоски и скуки ненавистной». Наука не принесла Фаусту ощущения полноты бытия. Даже добившись в ней несомненного успеха, он вынужден признать: «В глубоком знанье жизни нет – я проклял знаний ложный след».

Научное знание часто противопоставляют церковному учению. Но мало кто способен внятно объяснить, в чем именно состоит конфликт. И уж совсем небольшая группа специалистов в области истории науки знает, что впервые фаустовское разочарование в европейской культуре со всей силой проявилось за несколько веков до образования христианской Церкви. В полной мере его пережили еще языческие философы-физики Фалес, Гераклит, Анаксимен и Анаксимандр.

Пытаясь уйти от мифологических представлений о мире и проникнуть в саму суть вещей, они задумали новый язык. Дело в том, что повседневный язык сам по себе поэтичен – он автоматически уводит мысль в область мифа. Казалось бы, простое выражение: «Весна пришла». Но инерция его такова, что невольно возникает смутное представление о некой молодой девушке в легком платье, украшенной венком из первоцветов. Это и есть начало мифа. Поэту, будь то Гомер или Гесиод, остается лишь свободно следовать поэтике языка. Но ученому, стремящемуся познать вечную природу вещей, приходится с ней бороться. Результатом этой борьбы стали первые научные термины.

Они звучат замысловато и непонятно. Но дело вовсе не в том, что ученому хотелось бы спрятать ценное знание от обычных людей или прикрыть ими, словно фиговым листком, собственное скудоумие. Сложность научной терминологии имеет другую цель – предложения не должны вызывать никаких произвольных ассоциаций, провоцировать ум к развитию мифологических сюжетов и бесплодных «вечных вопросов».

Так Фалес, придумывая термин для обозначения открытого им атома, мельчайшей элементарной частицы, воспользовался привычным словом

---

[112] См. *Пушкин А.С.* Сцена из Фауста.

«вода». Однако ему пришлось уточнить, что *его «вода»* – это совсем не та жидкость, которую мы пьем, которой умываемся и поливаем растения. Это что-то наподобие числа, которое можно помыслить, но нельзя увидеть или вообразить. Аналогичные оговорки сделали и Анаксимен с Гераклитом, рассуждая об «огне» и «воздухе» как о первоначале. Но дальше всех пошел Анаксимандр. Он сказал: «Зачем брать народные слова и специальным законом запрещать мыслить их привычным образом? Не лучше ли придумать неизвестное слово, которое не скоро обрастет поэтическими ассоциациями?» И использовал для обозначения первоэлемента термин «апейрон» («беспредельное»). Так, в конце концов, появился известный каждому школьнику язык математических формул, начисто лишенный поэтики.

Трудно сказать, к чему рассчитывали прийти первые физики, и как именно представляли они абсолютное знание, но одно несомненно: после непродолжительных блужданий, они вновь вернулись к мифологии. Таинственные насельники облачного Олимпа, имена которых призывались для объяснения природных явлений, не исчезли из нашего познания. Они всего лишь изменили имена – по последней моде эпохи. Зевс сегодня зовется «энергией», младшие по чину боги – разнообразными «физическими силами». Афродита, видимо, по женской привычке производить эффект, выбрала себе имя «либидо». В общем, фундаментальные понятия современного естествознания остаются столь же неясными, как персонажи Гомера и Гесиода.

Это открытие многих разочаровало. Греки потеряли интерес к естествоиспытанию и сосредоточились на математике, логике и моральной философии, собрав здесь поистине неоценимые плоды.

Так, например, Сократа кризис естественных наук совершенно не смутил. Возможно, он прозревал в этом мудрость Бога, Который намеренно положил предел человеческому разуму в познании природы, чтобы «заботясь о многом», мы не позабыли бы совершенно «единого на потребу».

«Не смешно ли, – говорил он, – что скульпторы месяцами бьются над тем, чтобы камню придать подобие человека, и пальцем не хотят пошевелить, дабы самим не быть подобием камня? А кифаристы? Учатся настраивать струны на деревянных инструментах, в то время как струн собственной души настроить не могут. И вообще, почему-то люди усерднее учатся убивать, что необязательно, но совсем не заботятся о том, чтобы научиться умирать, тогда как это неизбежно».

Христианский писатель первого века Иустин Философ назвал Сократа «христианином до Христа»: слишком очевидной была параллель его

идеи моральной философии с евангельскими словами: «*Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?*» (Мф. 16:26).

Современный мир, как и во времена Сократа, испытывает слабость булгаковской Маргариты: «у нее была страсть ко всем людям, которые делают что-либо первоклассно», мастерски. Вслед за ней мы готовы влюбиться в каждого Азазелло, который может, не глядя, выстрелом из пистолета продырявить семерку пик, спрятанную где-то под подушкой. Это, несомненно, сложное искусство. Но если оно не реализуется в личной истории в виде подвига, то оказывается всего лишь мастерством циркового артиста. Досадно за всех циркачей от начала века: есть какое-то обидное несоответствие их доблести и цели – развлекать праздную толпу. До подвига же циркачу не хватает главного – того, чему следовало бы учиться в первую очередь, оценивая по достоинству слова апостола Павла: «*Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если... знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что* могу *и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы*» (1 Кор. 13:1–3).

Дисциплина ума

«Каждый раз в споре с атеистами я убеждаюсь в том, что они правы, – говорил один из преподавателей Московской духовной академии. – Ведь они отвергают не Христа, в Которого мы верим, а того странного бога, что создан их причудливым воображением. Они опровергают не нашу веру, а порожденное их собственным невежеством представление о ней. И в этом отрицании – они правы. Вот только одного не понимаю: зачем ломиться в открытую дверь? Зачем строить себе химеры, чтобы потом героически сражаться с ними? Зачем уподобляться Дону Кихоту, штурмующему ветряные мельницы?»

К сожалению, ломиться в открытую дверь любят не только атеисты. Недостаток дисциплины ума нередко и людей веры заставляет заниматься опровержением своих же собственных представлений о той или иной научной теории. Классический пример – споры об эволюции.

Собственно, теперь этим словом обозначаются две совершенно различные вещи. Одна из них – научная теория, связанная с именем Чарльза Дарвина, рабочая модель, призванная объяснить некоторые процессы, наблюдаемые биологами. Другая, по словам Серафима Роуза, есть «ложная

философия, изобретенная на Западе, в качестве реакции на католическо-протестантскую теологию и замаскировавшаяся под “науку”, чтобы вызывать к себе уважение».

Первую «эволюцию» оставим ученым. Мы ведь в спорах с атеистами любим говорить, что большинство ученых были верующими людьми. Так почему бы не дать этому верующему большинству возможность разобраться с неверующим меньшинством по-своему, по-научному?

Что же касается второй «эволюции», то взаимный недостаток интеллектуальной дисциплины привел к тому, что многие действительно интересные вопросы оказались попросту заболтаны.

Стержневым вопросом эволюционизма является учение о естественном отборе в ходе борьбы за выживание. Принять его – значит, признать, что смерть была заложена Творцом в основание мира. Ибо какую борьбу за выживание могут вести бессмертные? О каком отборе можно говорить там, где отсутствует фильтр в виде смерти, отсекающий от мира слабых и неприспособленных? Но верующий человек привык полагать, что смерть вошла в мир только в результате грехопадения. Назревающее противоречие можно было бы снять путем обстоятельного богословского и философского исследования. Но, увы, каждая из спорящих сторон предпочла эмоционально стоять на своем.

Что страшного в предположении об изначальном существовании смерти в животном мире? Человек скорбит, погребая свою собаку. Это, несомненно, реакция души на зло. Но – на какое зло? Быть может, смерть домашнего питомца напоминает нам о смертности наших родных и близких? Интересно, как бы мы воспринимали смерть домашних животных, если бы были бессмертны сами?

Трагедию образует прекращение личностного, а не безличностного бытия. Зло – это когда умирает Бог и человек. В смерти не осознающего себя животного зла не больше, чем в увядании цветка или разложении зерна, брошенного в землю. Кстати, согласно евангельским словам Христа, здесь, наоборот, смерть – добро: «*Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода*» (Ин. 12:24).

Вообще, интересное дело – прочитать Евангелие глазами не моралиста, а биолога. Двадцать первая глава Евангелия от Матфея содержит, например, такой эпизод: на пути из Вифании в Иерусалим Спаситель почувствовал голод. При дороге росла смоковница, более известная нам как инжир. Христос подошел к ней и, ничего не найдя, кроме одних листьев, сказал: «*Да не будет же впредь от тебя плода вовек*» (Мф. 21:19).

И смоковница тотчас засохла. О чем может рассказать этот эпизод? В научной терминологии биолога есть понятие «особь, неспособная к выживанию». Такова бесплодная смоковница. Нет плода – нет и семени. Дерево не способно к продолжению жизни. Кроме того оно, вопреки замыслу Творца, не служит человеку. Его уничтожение очень похоже на эпизод естественного отбора.

Если без рассуждений отвергать все, что говорит оппонент, можно и самому незаметно отойти от истины. Мир, созданный Богом, должен быть наилучшим из возможных. Но что же лучше: мир динамичный, изменяющийся, или статичный, застывший в одном состоянии?

На мысль о смерти до грехопадения наводит также упоминание о древе жизни, содержащееся в Книге Бытия. Изначально доступ к нему был открыт. Но какую функцию выполняло это древо в мире, где не было смерти? Декоративную? Или следует предположить, что бессмертие Бога и человека существенно различалось? Творец бессмертен в силу того, что вечен. Человек – в силу причастности к вечному Божеству, в том числе, телесно, через плоды древа жизни.

Впрочем, у противников креационизма тоже немало погрешностей против научной методологии. К ним, в частности, следует отнести слепую веру в то, что люди средневековья были фанатичны, темны и невежественны. Что уж говорить о более древних эпохах! В их представлении заря человечества – это время звероподобных обитателей пещер, которые охотились на мамонтов и конкурировали друг с другом, добиваясь расположения самки. Рассказы археологов, периодически раскапывающих стоянки первобытного человека, укрепляют уверенность в том, что все так и было.

Но почему бы не обратить внимание на то, что и в наше время есть такие «первобытные люди»? Они живут в тоннелях теплотрасс, пьют политуру и не обладают членораздельной речью. Может, стоит предположить, что во все времена человечество делилось на магистральные и маргинальные ветви?

Может, археологи способны рассказать нам всего-навсего о древних бомжах, наравне с которыми тысячи лет назад существовали высокоразвитые цивилизации? Ведь в земле можно найти только останки, то есть следы того, что умерло, оказавшись нежизнеспособным. То, что было много лет назад, но живо и поныне, не оставляет следа в земле, который можно было бы найти через тысячу лет. Оно попросту затаптывает вчерашний след, отправляясь по делам на следующее утро. Если человек жив, его череп не сумеет откопать даже самый удачливый археолог.

Чудо

Есть две вещи, которые тем сильнее смущают беспорядочный ум, чем дольше он задерживается на них: это чудо и тайна. Здесь легко потерять равновесие и велик риск соскользнуть в крайность.

Некоторые любители «тайного и неизведанного» способны с поразительным мастерством «наводить тень на плетень» и буквально на ровном месте склонны подозревать чудеса. Показательна история о том, как некий монах, протиравший елеем хранящиеся в обители мощи святого, на несколько минут отлучился в ризницу за новой склянкой ароматического масла. В это время кто-то из паломников заглянул в раку и ахнул: мощи мироточат! Вернувшись, монах застал уже внушительную толпу, благоговейно взирающую на «чудо». При попытке объяснить, что душистые капельки на мощах имеют вполне рукотворное происхождение, чернец был обвинен в маловерии. Людям очень не хотелось лишаться чуда.

Другим, напротив, настолько нестерпимо всякое недоумение, что они готовы отрицать очевидное или предложить любое, даже самое нелепое объяснение, лишь бы успокоить самолюбие, раздраженное неразрешимой загадкой. Однажды философ Евбулид Мегарский предложил подумать над ситуацией, которая позже приобрела широкую известность под названием «парадокс лжеца». Некто говорит: «Я всегда лгу». Если это высказывание истинно, то оно оказывается ложным. Этот вызов здравому смыслу настолько взволновал другого философа, Филита Косского, что тот покончил с собой. Логик Диодор Кронос дал обет, что не будет есть, пока не разрешит «парадокс лжеца», и через некоторое время умер от истощения. Впрочем, это исключительные случаи. Гораздо чаще люди, сталкиваясь с явлением, не укладывающимся в рамки разумного, пытаются уничтожить не себя, а само чудо.

Так, перечитывая евангельские рассказы о чудесах, сотворенных Христом, Лев Толстой «объяснял» их очень просто. «Спаситель шел по воде» – это следует понимать не буквально, но так, что Он шел по берегу Генисаретского озера вдоль кромки воды. «Иисус накормил пять тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами»? Не следует думать, будто Он чудесным образом их умножил. Просто у иных из пришедших все же была при себе кое-какая провизия. И Христос «подал пример» эффективного социального распределения материальных благ: рассадив людей рядами, апостолы сначала собрали имеющуюся у запасливых людей пищу, а затем раздали ее всем понемногу и поровну. Великого писателя не смутило даже то обстоятельство, что сами евангелисты рассказывают об этих событиях именно как о чуде.

Между тем для образованного, дисциплинированного ума и тайна, и чудо стоят в ряду обычных явлений. Хороший ученый всегда помнит строки Шекспира: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Мир гораздо сложнее нашей способности его познать, и потому, столкнувшись с явлением, не укладывающимся в рамки разумного объяснения, не стоит переживать это как личную драму.

Так было принято у древних мудрецов еще со времен Зенона Элейского. Этот ученик Парменида рассказал любопытнейшую историю про Ахиллеса и черепаху.

Быстроногий Ахиллес пытается догнать медлительную черепаху. С какой бы скоростью он ни бежал, мгновенно преодолеть расстояние, отделяющее его от черепахи, невозможно. За это время, не равное нулю, черепаха проделает небольшой путь от места своего старта. И потому прибывающий сюда Ахиллес ее не застанет. Расстояние между Ахиллесом и черепахой сократилось, но оно все же осталось. И потому снова потребуется некоторое время, чтобы преодолеть его. Проблема в том, что за это сколь угодно малое время черепаха вновь уйдет с заветной точки. Так что погоня продолжится: Ахиллес будет бесконечно приближаться к черепахе, но так и не сможет поравняться с ней.

Забавно наблюдать, как математики теряют голову с досады. Они начинают торопливо говорить о сумме бесконечной геометрической прогрессии, которую, дескать, во времена Зенона не умели еще вычислять, о том, что бесконечное количество бесконечно малых отрезков дает конечную величину, и так далее. Это весьма странный ход: доказывать то, что всем и так очевидно. Ведь едва ли отыщется тот, кто всерьез усомнится в том, что Ахиллес все же догонит злосчастную черепаху. Дело в другом: противоречия в рассуждении Зенона нет. Эта загадка наглядно демонстрирует границы нашей познавательной способности. Движение существует. Но понять его в наших категориях скорости, времени и пространства невозможно. То, что не укладывается в рамки рациональности, обычно называют чудом. Выходит, движение – чудо. Оно не вызывает изумления только потому, что наблюдается каждый день и давно стало привычным.

Чудеса, описанные евангелистами, уникальны. Психологически принять их труднее. Но если разобраться, не все ли равно – ходить по воде или ходить по земле – если и то, и другое равным образом принципиально необъяснимо?

В научной методологии есть инструмент, называемый «доказательством от противного». Для того чтобы принять какое-то положение,

нужно продемонстрировать логическую противоречивость или фактическую невозможность обратного. Но странное дело: теории познания известны противоречащие друг другу положения, которые доказываются с равным успехом. Иммануил Кант называл их «антиномиями чистого разума», свидетельствующими всё о той же простой истине: мир гораздо сложнее любых возможных рациональных объяснений.

И потому воспитанному уму, отчетливо представляющему границы своих возможностей, не претит присутствие в мире чуда. То, что вообще можно мыслить, он мыслит ясно. И молчит о том, о чем нельзя говорить.

Однажды митрополита Филарета (Дроздова) спросили: «Как такой образованный человек, как Вы, может верить Библии? Ветхий Завет рассказывает о том, как пророк Иона был проглочен китом. Но ведь научно доказано, что это невозможно: у кита очень узкое горло». Святитель ответил: «Если бы в Священном Писании было написано, что не кит проглотил Иону, а Иона – кита, я бы и этому поверил». И в этом нет никакой «слепой веры». Всякий подлинный мудрец оставляет миру шанс быть чуть-чуть не таким, каким он отобразился в его собственной голове. Вот и философ Иммануил Кант, немец и педант, всю жизнь исследовавший вещи исключительно в пределах разума, в конце концов признался: «Есть две вещи, наполняющие душу всё новым и всё более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо над моей головой и моральный закон во мне».

Теодицея

«Какое зло совершила моя маленькая сестра? – спрашивает студентка священника, рискнувшего заговорить с нею о вере. – За семь с половиной лет своей жизни она никого не обидела, всегда слушалась матери, любила рисовать животных. Она вообще любила животных: когда дворовые мальчишки поймали бабочку, чтобы скормить пауку, сестра бросилась ее отбивать, за что была безжалостно высмеяна. И вот этот ребенок, любивший папу, маму и весь остальной мир, погиб месяц назад под колесами грузовика. И с тех пор каждый день я стала замечать мерзавцев, благополучно живущих до старости. Бога нет. Иначе в мире была бы справедливость».

«Я никогда не курил», – горько недоумевает пациент, умирающий от рака легких. – Бога нет. Иначе бы в мире была хотя бы тень справедливости».

«Я стал калекой, сражаясь за свою страну, – говорит двадцатипятилетний юноша. – А когда вернулся домой, увидел, что мои сверстники,

откосившие от армии, развлекаются с девушками в ночных клубах. У них будут семьи, с которыми так здорово ездить на дачу по выходным. Бога нет. Иначе в мире был бы хоть намек на справедливость».

«Божественная справедливость». Именно так с древнегреческого переводится термин «теодицéя», впервые использованный немецким философом Готфридом Лейбницем в одном из его сочинений. Попытки объяснить божественную справедливость предпринимались, впрочем, задолго до Лейбница и почти все они страдали одним существенным недостатком – беспомощной наивностью. И действительно, невозможно развивать идею справедливости, довольно холодную и жесткую саму по себе, расчитывая посредством этого проявить живое участие и утешить скорбящего и теряющего веру человека. Нельзя всерьез, не насилуя правды жизни, говорить девушке, оплакивающей сестру, что «Бог забирает лучших». Раковый больной не поверит тому оптимизму, с которым пышущий здоровьем врач будет утверждать, что «жизнь после смерти гораздо прекраснее». Молодой ветеран только озлобится на того, кто с ласковой улыбкой напомнит, будто Бог сугубо наказывает тех, кого любит, и в приступе благоглупости пообещает ему «награду на небесах».

По-видимому, говоря о теодицее, следует отказаться от попытки утешения. Не нужно называть боль радостью, а беду – благом. Так, полезнее больному окажется тот врач, что вместо сострадания проявит чисто профессиональный интерес к его болезни и подаст горькое лекарство взамен анестезии. Так, мужеству воинов, защищающих город, способствует не толщина стен, укрывающих от врага, а деятельный оптимизм командира. Ради самой истины лучше будет изобразить всё как есть. В этом плане самым подходящим рассказом о божественной справедливости следует признать евангельскую притчу «о работниках одиннадцатого часа».

Рано утром некий хозяин вышел на рынок, чтобы нанять работников в свой виноградник. Договорились о плате: по одному динарию за день работы. «*Выйдя около третьего часа, он увидел других, стоящих на торжище праздно, и им сказал: идите и вы в виноградник мой, и что́ следовать будет, дам вам*» (Мф. 20:3–4). Нужно заметить, что эти работники уже не спросили о плате и не вступили в торг с нанимателем. На всяком рынке труда в первую очередь востребованы специалисты. Если люди не смогли найти работу утром, значит, работники из них были неважные. А потому, стремясь заработать хоть что-нибудь, цену своим услугам они уже не назначали. Выйдя на рынок около шестого и девятого часа, хозяин вновь нашел там праздных рабочих и рекрутировал их в свое производство. И все же в одиннадцатом часу на рынке осталось немало

безработных. Можно предположить, что это были окончательные маргиналы. Тем не менее, для них тоже нашлись рабочие места в винограднике.

«*Когда же наступил вечер, говорит господин виноградника управителю своему: позови работников и отдай им плату, начав с последних до первых. И пришедшие около одиннадцатого часа получили по динарию. Пришедшие же первыми думали, что они получат больше, но получили и они по динарию; и, получив, стали роптать на хозяина дома и говорили: эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал одному из них: друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? возьми свое и пойди; я же хочу дать этому последнему* то же, *что́ и тебе; разве я не властен в своем делать, что́ хочу? Или глаз твой завистлив оттого, что я добр?*» (Мф. 20:8–15).

По справедливости работники одиннадцатого часа должны были получить только одну десятую часть динария. Они ее и получили. Остальные девять десятых хозяин попросту подарил им в качестве милости, ради их голодных детей. Доля милости в динарии работников девятого, шестого и третьего часа все уменьшалась. Милости же к работникам первого часа не было вовсе. Но закон справедливости не нарушен, ведь требовать дара нельзя.

Тот, кто хорошо поразмыслит над этой притчей, перестанет сетовать на отсутствие справедливости в мире. Бог – это Абсолютная Полнота. Он не нуждается ни в чем. А потому, какие бы труды и подвиги ни понес человек, он не может оказать Богу даже малейшей услуги. Иначе говоря, Бог никому из нас ничего не должен. И стало быть, человек, даже если жизни его на этой земле был всего один день, уже получил больше, чем мог заслужить.

Последовательные размышления о божественной справедливости могли бы привести нас к неутешительному выводу, согласующемуся с «первой благородной истиной буддизма»: мир есть страдание. Этими словами основатель первой мировой религии хотел разрушить фундаментальную иллюзию человечества, освободить его от завышенных ожиданий по отношению к миру. «Убиваешься, что вчера тебя ограбили? Считаешь это карой небес за что-то совершенное тобой? Утешься. Небеса не обязаны тебя опекать. А потому то, что тебя ограбили, не странно. Удивительно другое – почему тебя не грабят каждое утро? Младенцы умирают? Это нормально. Ненормально то, что многие младенцы доживают до старости. Пойми это и не ищи беды в том, чего лишился. Найди радость в том, что приобрел. Каждый родившийся уже счастливчик. Неудачники не родились».

Но в отличие от буддистов, упразднивших само понятие «Бог», мы знаем, что Бог есть и Он не просто справедливость. Он есть Любовь, то есть Сила, Которая дает, а не воздает, «хочет милости, а не жертвы», а потому не стоит переводить общение с Ней в плоскость судебно-правовых отношений. Теодицею мы променяли на надежду. Давно. Две тысячи лет назад.

Христиане до Христа

В древнегреческой мифологии есть рассказ о царе Кодре. Пелопоннесские доряне пошли на Аттику войной и осадили Афины. Дельфийский оракул произнес пророчество: «Доряне! Вы возьмете Афины, если не тронете царя». Царь Кодр узнал об этом и решил спасти город ценой собственной жизни. Он переоделся простым крестьянином, вышел за ворота и принялся собирать хворост. Когда враги схватили его, он начал отбиваться, ранил серпом одного из воинов, за что сразу поплатился жизнью. Когда выяснилось, кто был убит под стенами Афин, доряне сняли осаду и ушли из Аттики.

Эта история очень походит на другую, которую позже расскажет миру христианство. Евангелие проповедует Небесного Царя, Который, спасая Свой народ, принял человеческий образ и дал врагам убить Себя на Голгофе.

Подобных случаев «совпадений» элементов древних культур с религией Христа наука знает очень много. Британский культуролог Джеймс Джордж Фрэзер собрал их в своем объемном труде «Золотая ветвь». Эта книга до сих пор смущает многих христиан и используется их противниками как аргумент против христианства. Именно на нее ссылается булгаковский Берлиоз в романе «Мастер и Маргарита»:

– Нет ни одной восточной религии, в которой, как правило непорочная дева не произвела бы на свет бога. И христиане, не выдумав ничего нового, точно так же создали своего Иисуса, которого на самом деле никогда не было в живых...

Слушая председателя правления МАССОЛИТа, поэт Бездомный «узнавал всё больше и больше интересного и полезного и про египетского Озириса, благостного бога и сына Неба и Земли, и про финикийского бога Фаммуза, и про Мардука, и даже про менее известного грозного бога Вицлипуцли, которого весьма почитали некогда ацтеки в Мексике...»

Между тем, обвинение христиан в плагиате (или аргумент Фрэзера), легко оборачивается против самих обвинителей. Если один геометр

доказал теорему позже другого, это не значит, что он украл у того доказательство. Истина одна и она может открыться всякому человеку, будь он еврей, грек или перс. Почему бы не предположить, что мудрецы разных народов прозревали главное событие человеческой истории задолго до того, как оно свершилось в Палестине? Апологет первого века Иустин Философ не со смущением, а наоборот, с радостным удивлением замечал, что многие древние языческие философы, жившие задолго до Рождества Христова, самостоятельно приходили к христианским истинам в самых разных вопросах. Вот только трое из них – Гераклит, Сократ и Платон.

Коренной житель Эфеса, Гераклит был базилевсом (царем) и обладал жреческим саном при храме Артемиды Эфесской. Основным предметом его сочинений были «Огонь» (то есть Нетварный Свет) и «Логос» (Слово). Кстати, именно Гераклит впервые ввел этот термин для обозначения Божественного Начала мира.

Много позже, проповедуя Евангелие среди жителей Эфеса, апостол и евангелист Иоанн Богослов воспользовался именно этим гераклитовым учением: «*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог*» (Ин. 1:1). А вот как это шестьсот лет назад звучало у Гераклита: «Логос существует вечно. На веки оно царь всего сущего. Век – дитя играющее, кости бросающее, дитя на престоле». Снова Евангелие от Иоанна: «*Был Свет Истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир*» (Ин. 1:9). Словно в антифонном пении, когда два хора в церкви поют попеременно, откликается из глубины веков Гераклит: «Видел я в людях разные души. И более всех прочих меня пленила сухая, сияющая, огненная душа – душа мудрейшая и наилучшая. Этот огонь, зажигающий прекрасные души, есть начало мира, он был, есть и будет». Апостол Иоанн: «*В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал*» (Ин. 1:10). Гераклит: «Этот вот Логос, сущий вечно, люди не понимают и прежде, чем выслушать, и выслушав однажды. Они не осознают того, что делают наяву, подобно тому, как этого не помнит спящий».

Проповедуя Благую Весть жителям Эфеса, апостол Иоанн будто говорит: глядите, ваш соотечественник-философ еще шестьсот лет назад говорил вашим предкам то же, о чем теперь свидетельствую вам я.

Сократ, имея самую сварливую жену во всей Греции, не только не разводился с ней, но оберегал даже имя своей жены, решительно пресекая злословия со стороны окружающих. Свою позицию он пояснял так: «Глядите, вот юноша, он хочет стать олимпийским чемпионом по борьбе. Кого он выберет своим противником? Того, кто слабее его и с кем удобнее

бороться? Едва ли. Смотрите, он всегда выбирает сильнейшего себя, от которого наверняка получит тумаки и позор поражения, но этой ценой он купит новое мастерство. Вот так и я, имея самую сварливую жену во всей Греции, радуюсь, ибо обучаюсь на ней обхождению с другими людьми». Сократ говорил: «Женись непременно: попадется хорошая жена – будешь счастливым человеком, попадется плохая – станешь философом». Философ в его понимании – это олимпиец, человек, научившийся любви.

Платон, как и положено аристократу, всю жизнь учился различать подлинные вещи: достоверное знание, настоящего человека и подлинную любовь. Не имея Откровения, не слыша израильских пророков, он понял, что наша нынешняя жизнь – всего лишь тень иного мира: «Люди как бы находятся в пещере, будучи обращены спиной к выходу и свету. Находясь в таком положении, они видят только тени, отбрасываемые на расположенную перед ними стену пещеры, и принимают увиденное за настоящие вещи: влюбляются в них, стремятся к ним, хотят обладать ими». В Первом послании к Коринфянам апостол Павел говорит то же самое: «*Теперь* <при сей жизни> *мы видим* <Бога и мир> *как бы сквозь* тусклое *стекло, гадательно, тогда же* <в новой жизни> *лицом к лицу*» (1 Кор. 13:12).

Так, несчастливому влюбленному Платон говорил: «Бывает, что, встречая в чужом краю земляка, мы радуемся и заключаем его в объятья, которых он, может быть, по своим личным качествам совсем не достоин. Этот человек, сам того не подозревая, напоминает нам об оставленной Родине, подлинном предмете нашей любви, и потому оказывается согрет радушием, которого не чаял. Так и пленяясь красотой земной, мы на самом деле тянемся сердцем к вечной красоте небесной. И блаженны те, кто знает об этом».

Так «христиане до Христа», подобно израильским пророкам, учили свои народы Истине и готовили их к приходу Спасителя.

Таинство

Консерватизм и даже некоторую архаичность церковной жизни принято объяснять инертностью, косностью и невежеством верующих. Между тем, находятся умные и высокообразованные люди, готовые принять в Церкви всё, вплоть до последней свечки. Так, например, известный русский философ А.Ф. Лосев говорил: «Молиться со стеариновой свечой в руках, наливши в лампаду керосин и надушившись одеколоном, можно только отступивши от правой веры. Это – ересь в подлинном смысле, и подобных самочинников надо анафематствовать».

Но позвольте, в чем же мыслитель углядел отступление от правой веры? Вероятно, в неуместном в религиозной жизни технологичном мышлении, которое основывается на принципе экономии: цель должна быть достигнута минимумом средств и расстояние от точки А к точке В должно быть пройдено наикратчайшим путем. Именно этот принцип, входя в религиозную жизнь, провоцирует ереси и расколы. А последовательно доводимый до логического конца, вообще не оставляет от веры ничего.

Протестантизм, отвергающий священство и Таинства, начинается с вопроса: зачем ходить в храм, если Бог у меня в душе? Бог не в рукотворных храмах живет, а «*Царствие Божие внутрь вас есть*» (Лк. 17:21). Ислам, отвергающий главный христианский догмат о Боговоплощении, тоже исходит из принципа богословской «экономии» и вопрошает: зачем Всевышнему, Который простым усилием воли творит мир, Самому становиться человеком, терпеть страдания и смерть, если Он всемогущ и потому одним словом может спасти грешника? Зачем царю, имеющему генералов и войско, лично бросаться в атаку на неприятеля? Еще более последовательным «экономистом» будет тот, кто скажет: «Зачем вообще возносить Богу молитвы? Разве Он нуждается в них? Будучи абсолютно мудр, всемогущ и всеблаг, Он и без меня знает, как меня спасти, может и хочет это устроить. И вот уже от веры не остается ничего, кроме формулы «Бог существует».

Христианство, утверждающее, что Бог есть любовь, отвергает принцип богословской «экономии». Ведь тот, кто любит, не средств не считает, но совершает дар: «Пришел от Девы не ходатай, ни Ангел, но Сам, Господи, Ты воплотился и спас всего мя человека»[113].

Логика божественного домостроительства приоткрывается последним словом Спасителя на Кресте. В Евангелии от Иоанна есть такой эпизод: «*Иисус, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду. Тут стоял сосуд, полный уксуса.* Воины, *напоив уксусом губку и наложив на иссоп, поднесли к устам Его. Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух*» (Ин. 19:28–30).

Что означает это восклицание: «свершилось»? Для начала зададим себе простой вопрос: что больше – сотня золотых монет в кармане или мысль о сотне золотых монет? Тот, кто полагает ответ очевидным, пусть перейдет ко второму вопросу: что больше – Бог как плод человеческой фантазии или Бог, существующий в действительности? Когда верующие

[113] Последование ко Святому Причащению. Канон. Песнь 4.

говорят о Боге, они имеют в виду Совершенство, больше которого невозможно что-либо помыслить. Но таким Совершенством может быть только то, что существует в действительности, – говорит Ансельм Кентерберийский, – а потому философы, называющие Бога плодом воображения, впадают в противоречие.

Стоит обратить внимание, что лейтмотивом Священного Писания является та самая мысль, на основе которой выстраивал свое доказательство Ансельм: «исполнилось» (стало полным до краев), «сбылось» (получило бытие) и «свершилось» (стало совершенным) – всё это тождественные процессы. В греческом переводе процитированного отрывка используется слово «закончилось», что означает то же самое, что «свершилось», ибо конец – это в некотором смысле вершина, то, за чем уже нет продолжения, иного этапа.

«Да сбудется пророчество!» В том или ином виде это восклицание многократно встречается на страницах Священного Писания. Пророчество – это замысел, история мира, существующая пока только в качестве предмета мысли. Это вещь из первого ансельмовского мира. Для полноты ей недостает бытия. И только получив его, история закончится, то есть станет вещью совершенной, подлинным творением Бога, Который, Сам будучи Совершенным, не творит ничего несовершенного.

Иными словами, история мира (и человек как часть этой истории) должна стать совершенной, то есть обрести бытие, а не остаться неисполненным замыслом, фантазией и предметом виртуальной реальности. Логическим завершением этой мысли как раз и является церковное учение о Таинствах, в ходе которых виртуальный замысел человека получает от Бога повеление быть, включается Творцом в часть реальной истории. В ходе Таинства «мечта сбывается» и обретает полноту.

Немецкий педагог XIX века Адольф Дистервег утверждал, что человек действительно знает лишь то, что в состоянии выразить посредством речи. Иными словами, невыраженное знание, не сбывшееся в виде слов, сомнительно: если ты не можешь выразить то, что знаешь, действительно ли ты это знаешь? Подобным же образом записанная мысль глубже выраженной устно, а стало быть, то, что не записано в виде текста, не может считаться полным знанием. И поэтому каждому настоящему писателю известно: нельзя писать «в стол» – текст нужно обязательно опубликовать и непременно за деньги. Это знал Пушкин, считавший себя первым профессиональным литератором в России. Нельзя быть хорошим поэтом, не сбывшись в качестве того, кто зарабатывает поэтическим ремеслом себе на хлеб. И это совсем не означает «с высоты поэзии

упасть под лавку конторщика». «Вдохновение», действительно, «не продается». Но можно (и нужно) «продать рукопись». Все это часть творческой стратегии. Это делается для того, чтобы лучше понять тревожащие тебя интеллектуальные и духовные интуиции. Вдохновение должно сбыться во всей полноте и стать совершенным.

Чтобы понять, что такое дети, нужно сбыться в качестве отца или матери. Институт гражданского брака как способ узнать, получится ли из молодых людей жена и муж, не учитывает простого обстоятельства: чтобы узнать женщину как жену, нужно быть ей мужем, а не являться *врио* (временно исполняющим обязанности) супруга. Любовь должна стать совершенной – именно за этим люди приходят в Церковь, приступая к Таинству Брака. «Зачем ходить в храм и приступать к Таинствам, если Бог у меня в душе?» Это выглядит так, как если бы Пушкин задался вопросом: «Зачем водить пером по бумаге? Ведь поэзия у меня внутри».

«Вечные» вопросы

Разум, занятый поиском истины, встречает на своем пути три группы проблем, которые традиционно относят к разряду сверхсложных. Таковы, например, математические задачи «Миллениум», многие из которых ждут своего решения уже не одну сотню лет. Ученый, успешно справившийся хотя бы с одной из них, несомненно, будет признан гением. Существуют ситуации, которые, очевидным образом, вообще не могут быть распутаны логическим путем. Это так называемые парадоксы, способные убедить гордого человека в том, что сложность мира принципиально превосходит его аналитическую способность: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». И наконец, есть философские коллизии, традиционно называемые «вечными вопросами». То обстоятельство, что некоторым людям все же удается справиться с ними, заставляет отличать «вечные вопросы» от парадоксов. А то, что для решения здесь не требуются специальные знания и гениальность мышления, дает основания полагать, что «вечные вопросы» нельзя отнести и к разряду сложнейших задач науки.

Специфика большинства философских вопросов вообще заключается в том, что они не могут быть решены чисто теоретически. Среди философов известен профессиональный анекдот о красавице и ее поклоннике, позволяющий уяснить особенность «вечных» проблем: «Поклонник долго борется со смущением и, наконец, спрашивает: “Красавица, ты пошла бы

замуж за меня?" "Извини, – холодно отвечает та. – Я не понимаю смысл этого вопроса, пока он задан в сослагательном наклонении"».

Здесь нет никакого кокетства: поставлен вопрос о бытии, причем изнутри ситуации самого бытия, возвыситься над которой не может ни девушка, ни ее поклонник. Поставленный сугубо теоретически, этот вопрос становится абсурдным, ибо предполагает некую условную ситуацию, в которой красавица не была бы сама собой, а ее поклонник тоже являлся кем-то иным. Собственно, есть только один способ узнать волю девушки – предложить: «Выходи за меня!» – то есть, задать вопрос практически, совершить вопрос-поступок, предполагающий мужество нести ответственность за свое любопытство.

«Вечный» вопрос, будучи одним из тех, что задаются изнутри бытия, имеет ту же особенность: он корректно задается и успешно разрешается не столько посредством теоретизирующего ума, сколько посредством поступка. Это означает, что «вечный» вопрос не предполагает четко сформулированного и достаточно обоснованного ответа. Решить его – значит сделать шаг, преодолевающий проблему твоего бытия, ту самую, что болезненно отразилась в уме в виде четырех слов: «в чем смысл жизни?»

Стоит обратить внимание на то, что двое – ребенок и святой – в процессе жизни не задаются вопросом о ее смысле. Их жизнь полна и тождественна радости. Так что спрашивать о смысле жизни – все равно что спрашивать о смысле радости: это абсолютная ценность, над которой нет ничего, и потому ее нельзя рассматривать как средство, но логично мыслить как последнюю цель.

Так маленький мальчик, заметив, как рабочие затеяли ремонт улицы, спрашивает отца:

– Папа, а что делают эти люди?

– Они хотят поставить бордюры и насыпать между ними земли.

– А зачем?

– Затем, чтобы посадить цветы и сделать клумбу.

– А зачем они хотят сделать клумбу?

– Чтобы было красиво.

На этом любопытствующий ребенок умолкает. Он интуитивно понимает, что спрашивать о том, зачем нужна красота, уже нельзя. Не все на свете можно рассматривать в качестве средства – существуют вещи, являющие собой конечную цель, полагающие предел прагматизму. Именно поэтому Оскар Уайльд завершает свое эстетическое кредо фразой: «Всякое искусство совершенно бесполезно».

Тот, кто не причастен к радости, а значит, не имеет полноты бытия, ничего не знает о подлинной жизни. Именно поэтому он ищет то, что могло

бы ее оправдать. Так поступает невежда, который, не умея увидеть красоты, заключенной в картине, ищет хозяйственное применение ее холсту.

«Вечные» вопросы не имеют ответа именно потому, что заданы неправильно и представляют собой, скорее, симптомы болезни, свидетельствующие о бытийной неполноте того, кто их задает. Любой ответ будет неудовлетворительным, ибо болезнь излечивается лекарством, а не рецептом, голод насыщается яствами, а не рассказами «о вкусной и здоровой пище».

Так, в ветхозаветные времена «был человек в земле Уц, имя его Иов; и был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла». Он был очень богат, «знаменитее всех сынов Востока». «Сыновья его сходились, делая пиры каждый в свой день, и приглашали трех сестер своих есть и пить с ними». Но однажды Иов потерял всё, сыновья его погибли. Страшная болезнь – проказа – поразила праведника от макушки до пяток. Сидя в куче золы вне города, он задавал свои «вечные вопросы»: Зачем Бог творит человека и допускает мучения творенью рук своих? Если же не Бог, а сам человек повинен в своих несчастьях, то почему праведники страдают, в то время как беззаконные счастливо избегают лишений и бед? И есть ли в таком случае смысл удерживать себя в Законе Божием? Товарищи, пришедшие к страдальцу, несмотря на всю свою мудрость, оказались «плохими утешителями». Тогда Сам Бог говорит с Иовом «из бури». На первый взгляд, Творец уходит от ответа – Он просто рассказывает о том, как создавал мир. Но в разворачивающейся по ходу рассказа картине Иов вдруг видит Личность Художника. И это сразу снимает все вопросы: «*Я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал. Выслушай,* взывал я, *и я буду говорить, и что буду спрашивать у Тебя, объясни мне. Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле*» (Иов. 42:3–6).

Воля

Древнегреческий философ Платон однажды задался вопросом: что есть человек? И предложил следующее определение: «человек – это двуногое бесперое». Тогда киник Диоген поймал где-то петуха, ощипал его и бросил Платону на стол: «Вот твой человек». После этого скандала к исходному определению были добавлены слова «... и с широкими ногтями».

Можно сколько угодно смеяться над античным анекдотом, но как все-таки ответить на вопрос, поставленный Фридрихом Ницше: что дает

право такому слабому животному, как человек, предстать миру в качестве венца творения?

Нетрудно заметить, что собака, к примеру, принципиально не может поститься. Если она здорова и голодна, если нет преград между нею и пищей, собака непременно станет есть. В структуре ее бытия отсутствует зазор между тем, что хочется сделать, и тем, что она в конечном итоге сделает. Иначе говоря, у животного нет воли. Это биологический «робот», поведение которого целиком исчерпывается объективными условиями.

Человек, напротив, способен быть первопричиной своих действий. Он может отрицать самого себя, делая то, чего не хочется, и не делая того, что хочется. Именно эта врожденная способность ставит вопрос о моральной и юридической ответственности человека за свои поступки.

Воля представляет собой, по сути, способность совершить чудо. У Рудольфа Эриха Распэ есть рассказ о том, как барон Мюнхгаузен попадает в болото. Вокруг нет ни души, и находчивый герой, привыкший решать свои проблемы самостоятельно, выбирается из зыбкой грязи, вытягивая себя за косичку собственного парика. С точки зрения физики, это невозможно. Но как раз нечто подобное и совершает каждый из нас практически ежедневно, преодолевая сладкую утреннюю дремоту и вытягивая себя из уютной и теплой постели, дабы приступить к неприятному, но необходимому делу. То же делает заядлый курильщик, отказываясь от любимой и очень сильной привычки.

Без этой, поистине, царской возможности суверенно полагать начало своим действиям человек не мог бы творчески выстраивать собственную личность. Заметим, что человек задуман по образу и подобию Бога, но сотворен только по образу. То есть Бог доверяет своему творению самостоятельно завершить начатое дело. И тот, кто следует этому пути, становится действительно совершенным.

Нетрудно увидеть, что, не обладай человек волей, он не смог бы явить миру любовь. Собака, вопреки распространенному убеждению, не любит своего хозяина – скорее, она всего лишь отвечает расположением на доброту и привязанностью – на ласку. Но любовь – это нечто большее, чем механический рефлекс. Зачастую это расположение не «благодаря», а именно «вопреки». И потому любить, то есть желать добра тем, кто тебя распинает и убивает, способны только двое – Бог и человек. Именно воля позволяет христианину оставаться в Церкви, несмотря на личные искушения, а также скандалы и злоупотребления, встречающиеся здесь на каждом шагу.

Так называемый вопрос «о свободе воли» однажды расколол христианский мир. Как уяснить свободу воли человека в свете догмата о божественном всемогуществе? Апостол Петр попытался с оружием в руках защитить Христа от стражи первосвященника в Гефсиманском саду, но был остановлен словами Самого Спасителя: «*Возврати меч твой в его место, ибо... как же сбудутся Писания, что так должно быть?*» (Мф. 26:52, 54). Но разве нельзя применить те же слова к действиям другого апостола – Иуды? Ведь и его предательство было исполнением Писаний. Иначе говоря, если все происходит по воле Бога, то в чем можно винить человека? Или какие дела можно поставить ему в заслугу?

Реформаторы, следуя за Лютером и Кальвином, пришли к выводу, что свободы воли нет. Все изначально предопределено Богом и каждый человек предназначен к спасению или погибели. Это его судьба, которую он не в силах изменить. Иуда – неудачник, проклятый от сотворения мира. Немногочисленная группа писателей, вроде Нильса Рунеберга, наоборот, почитала Иуду как верховного апостола, который поступился собственным именем, славой апостола и даже спасением души ради исполнения пророчеств, то есть явил высшее послушание Богу, действительно «отвергнулся себя ради Христа и Евангелия».

Однако Эразм Роттердамский убедительно опроверг и тех и других. Он указал на то, что в пророчествах нет никаких конкретных имен. И даже повеление Спасителя Иуде во время Тайной Вечери лишено конкретики. Он не сказал: «Иди и предай Меня». Его слова были: «Что делаешь, делай скорее». То есть Божие предопределение – это не пьеса с заранее подобранными и утвержденными на роли актерами. Это формула, состоящая почти из одних переменных значений. А потому Иуде вовсе не обязательно было подставлять себя в эту формулу как значение переменной «предатель».

Промысл Божий подобен промыслу торговца, выходящего утром на рынок: он не знает поименно тех людей, которые купят днем его товары, но пребывает в твердой уверенности, что эти люди найдутся. Будущие покупатели тоже выходят из домов, не всегда имея твердое намерение что-либо купить. Но, увидев подходящий товар, совершают сделку, потому что были к ней морально и материально готовы с самого утра.

В Нагорной проповеди есть слова Христа: «*Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем*» (Мф. 5:28). Именно здесь, «в сердце своем» или, по выражению Иммануила Канта, «в интеллигибельном мире», реализуется свобода воли человека. «Посмотреть на женщину с вожделением» или «прогневаться на

брата своего напрасно» – значит, полностью пройти свою часть пути навстречу греху. Дальнейшее зависит от Бога: исполнится или нет этот грех в реальной истории. Очевидно, Иуда совершил свое предательство задолго до поцелуя в Гефсиманском саду. Именно потому он, а не апостол Петр, и был избран для последующей ужасной роли.

Проще говоря, если некто задумал черное дело, он едва ли пойдет подыскивать исполнителей среди учеников воскресной школы. Будущими преступниками станут те, кто уже совершал нечто подобное или озлобился до такого состояния, что морально уже готов к действительному преступлению. Так что вполне оправданно стремление подвижников к чистоте желаний и помыслов. Преступления, свободно совершаемые «в сердце своем», подводят нас к той критической черте, за которой могут последовать роковые слова Бога: «Что делаешь, делай скорее». И тогда тайное просто становится явным.

Эволюция

Когда к Дарвину, уже опубликовавшему свою знаменитую книгу, приступали с расспросами жаждущие познания «совопросники века сего», он спешил их предупредить: «Только не спрашивайте меня про глаз. Глаз возник сразу». Подобно археологам, раскапывающим сокрытые в земле руины древних городов, многие ученые находят особое удовольствие в том, чтобы отыскивать в человеческом теле следы тысячелетней эволюции. Однако научная теория не жанр литературы, одного обаяния идеи здесь явно недостаточно. Получать всё новые и новые подтверждения любимой гипотезы, конечно, приятно, но – любишь кататься, люби и саночки возить: защищая теорию, порой приходится отвечать на неудобные вопросы «про глаз». Число таких неудобных вопросов к теории эволюции не сокращается, но, наоборот, растет.

Говорят, вход в Академию Платона преграждала грозная надпись «Не геометр да не войдет!» Древние мудрецы отчетливо понимали, что знание – это оружие, и обращение с ним требует особой дисциплины, наподобие воинской. Несдержанные *негеометры*, не умеющие обращаться с истиной, утащив что-нибудь из научного арсенала, склонны превращать свой трофей в сенсацию и способны производить великое смущение умов на площади. Вот и популярность теории эволюции следует объяснить слабостью интеллектуальной дисциплины тех, кто не различает гипотезу и достоверное знание.

Именно они, *негеометры*, виноваты в заблуждении, будто между религией и наукой существует принципиальное противоречие. Но вряд ли можно помыслить противоречие между цветом ньютоновского яблока и его вкусом. Так и открытия науки едва ли вообще соизмеримы с истинами веры.

Рене Декарт, гений Нового времени, ясно сформулировал так называемую психофизическую проблему, выделив две принципиально несводимых друг к другу субстанции: мыслящую и протяженную. Хорошей иллюстрацией его мысли мог бы послужить анекдот из рубрики «нарочно не придумаешь», помещенный в одном из номеров юмористического журнала «Крокодил»: в мясном отделе магазина в числе ценников, украшавших прилавок субпродуктов, покупатель нашел такой: «Ум говяжий. Цена: 3 руб. 85 коп.».

Здоровое чувство юмора даже самого упрямого *негеометра* должно бы наводить на мысль о различии мыслящего и протяженного или, говоря более привычным языком, духовного и материального. Казалось бы, поставлен детский вопрос: где находится ум? душа? музыка? история? Привычным жестом мы указываем на голову, грудь, фортепьяно, древнегреческие руины. Трудно отделаться от представления, что все существующее присутствует где-то в пространстве. Но между тем, есть вещи, располагающиеся вне пространства – только во времени. И есть Тот, Кто вообще бытийствует и вне времени, и вне пространства. Трагедия и музыка – это нечто принципиально иное. Наука найдет звук, опишет процесс его возникновения и законы существования. Но музыки она не найдет нигде: ни в пальцах музыканта, ни в клавишах, молоточках и струнах фортепьяно. Камни разрушенного Иерусалимского Храма не источают трагический дух евангельской истории. Смысл выражения «красота спасет мир» создан отнюдь не расположением букв. То содержание человека, которое каждый из нас привычно выражает коротким словом «я», бессмысленно искать в какой-то полости внутри собственного тела.

Кот Матроскин из мультфильма «Каникулы в Простоквашино», пребывая однажды в раздраженно-философском настроении, поставил интересный вопрос, передающий основную идею аристотелевского сочинения «О душе»: «Телевизор, который мы смотрим, – он чей? Наш. А передачи, которые он показывает? Государственные». Тело человека, оказывается, можно помыслить наподобие радиоприемника, средства двусторонней связи, позволяющего личности оставить след и вообще выразиться в материальном мире. Можно умиляться наивности ребенка, до поры полагающего, будто любимые им мультфильмы «делает телевизор». Но как

относиться к убежденности взрослого человека с высшим образованием в том, что душа (или сознание) есть «высшая материя», то есть продукт жизнедеятельности мозга?

В качестве платоновского «геометра», то есть профессионального ученого, Чарльз Дарвин ни слова не сказал о происхождении человека. Предметом его оригинальной и смелой теории было тело, которое есть у человека. Тело, которым мы пользуемся, как автомобилем или мобильным телефоном. Тело, с которым мы связаны от рождения и разлучаемся в момент смерти, но с которым мы, тем не менее, не отождествлены.

Таким образом, наивно было бы рассчитывать на то, что какие-то данные естествознания могут опровергнуть (или доказать) истины веры. Напрасно было бы искать ум в мозгах, а музыку в звуках. Теория эволюции может стать предметом религиозного спора разве что в среде *негеометров*.

Для них, не отличающих храма от камней, из которых он сложен, вообще характерен сугубый интерес к эволюции тела, к механике, протяженной субстанции. Но вот какое дело: проницательный Пушкин считал интерес к телу признаком бездарности в отношении души. Вот что говорит его Сальери:

Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию...

Моцарту, в отличие от Сальери, не интересна музыка как труп и гармония как алгебра. Именно поэтому завистник считает его «гулякой праздным», несправедливо получившим «священный дар» композитора.

Принято думать, будто человек идет в гуманитарии потому, что ему не дается математика и естествознание. Может быть. Но иногда случается ровно наоборот: физиком становится человек, не сумевший стать лириком. Резать лягушек тургеневский Базаров стал оттого, что утратил веру в «загадочный взгляд» и «таинственные отношения между мужчиной и женщиной». Так что изучение секретов эволюции тела – дело нелишнее, но только для того, чья личная духовная эволюция идет в нужном направлении, и кому не грозит перейти в вечность в качестве амебы или инфузории-туфельки.

Двойственная истина

«С вашими Священными Текстами есть одна по-настоящему серьезная проблема: они совершенно неправдоподобны! Как взрослый человек может всерьез слушать рассказы об огненной колеснице пророка Ильи? О Солнце, которое остановилось по молитве Иисуса Навина? Я атеист потому, что я образованный человек и не желаю участвовать в спорах о том, сколько ангелов поместится на острие иглы!» Так говорят скептики.

Между тем, по утверждению известного московского профессора, вопрос об ангелах на острие иглы не так наивен, как кажется. Ангел – бестелесное существо, то есть, абсолютный ноль в пространственном отношении. Игла же символически изображает величину, бесконечно стремящуюся к нулю. Следовательно, вопрос об ангелах на острие иглы может быть выражен так: в чем различие между нулевым значением и функцией, стремящейся к нулю? Вообще-то, с этой проблемы начинается дифференциальное исчисление.

Средневековый арабский философ Ибн-Рушд, более известный как Аверроэс, сформулировал так называемую «теорию двойственной истины». Он подчеркивал, что истина может быть сформулирована в двух разных, несоизмеримых, но дополняющих друг друга языках – художественном и документальном. Классическим примером двух языков истины можно считать сны вавилонского царя и их истолкование пророком Даниилом.

Так, однажды Навуходоносор увидел во сне большое дерево. И вот, нисшел с небес Некто Бодрствующий и Святой. Воскликнув громко, Он сказал: «*Срубите это дерево... но главный корень его оставьте в земле... Сердце человеческое отнимется от него и дастся ему сердце звериное, пройдут над ним семь времен... дабы знали живущие, что Всевышний владычествует над царством человеческим*» (Дан. 4:11–14). Такова библейская формулировка беды, позже действительно приключившейся с Навуходоносором. А вот медицинский диагноз вавилонского царя: «Клиническая ликантропия – психоз. Больным клинической ликантропией кажется, что они превращаются в волков, существуют и другие разнообразные варианты – кошки, кони, птицы, лягушки и т. д. В некоторых случаях не удается определить, каким именно животным представляет себя больной». Судя по библейскому описанию поведения обезумевшего Навуходоносора, можно предположить, что он вообразил себя волом.

Художественный и документальный языки несоизмеримы. Это означает, что один из них нельзя выразить через другой. Истолкование Даниилом

сна Навуходоносора не является простым переводом с «символического» языка на «медицинский». В самом видении царя был выражен смысл происшествия: царю предстояло лишиться разума в наказание за свою гордыню. А пророк в дополнение к этому описал, как говорится, «физику процесса», которая помогла лучше уяснить смысл. Но сам он при этом не усматривал в болезни Навуходоносора исключительно медицинского события.

Для одних из нас истина приемлема в художественном обличии. Другим кажется, что понимать – значит, уметь описать «физику процесса». И в этом нет никакой проблемы. Заблуждение начинается там, где принимается одна – и только одна – форма выражения истины. Так, тургеневский Базаров в позитивистском угаре отрицает и вдохновение, и искусство, и даже саму любовь: «Нет, брат, это все распущенность, пустота! И что за таинственные отношения между мужчиной и женщиной? Мы, физиологи, знаем, какие это отношения. Ты проштудируй-ка анатомию глаза: откуда тут взяться, как ты говоришь, загадочному взгляду? Это все романтизм, чепуха, гниль, художество»[114]. Но жизнь вносит существенные правки в его теоретические построения. Нигилист влюбляется – ему самому становится очевидно, что его чувства не исчерпываются «физиологией». Базаров со злостью находит в себе тот самый «романтизм», который он так осмеивал в других: «Я вот лежу здесь под стогом... узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет; и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня нет и не будет... А в этом атоме, в этой математической точке кровь обращается, мозг работает, что-то хочет тоже. Что за безобразие! Что за пустяки!»

Принято полагать, что ум, пренебрегающий документальной истиной, неизбежно уходит в область фантазий и мифов. Может быть. Но самое интересное состоит в том, что ум, отрицающий художественную истину, тоже принимается строить фантазии и мифы, только уже с техническим уклоном. Как иначе объяснить появление очевидных псевдонаук в виде астрологии и уфологии?

Предположим, что охотники за НЛО видят бесов. А почему бы нет? Ведь падшие ангелы могут принять какой угодно вид. Ничто не мешает допустить, что во времена Гоголя «духи злобы поднебесные» являлись людям в облике Вия, русалок и кикимор. Теперь же, когда человеческое

---

[114] *Тургенев И.С.* Отцы и дети.

любопытство обратилось в сторону далеких планет, они овладевают умами под видом «собратьев по разуму». Средства изменились, но цель при этом осталась прежней – увести человека от реального Христа. Что может гоголевская «кикимора»? Всего лишь запугать до смерти. У «марсианина» другие возможности. Уже самим своим появлением он наводит на мысль о том, что все мифы и религиозные сюжеты человечества есть *всего лишь* отголоски прежних контактов с внеземными цивилизациями. Божества, которым поклонялись древние, это *всего лишь* инопланетяне. Египетские пирамиды – *всего лишь* их заброшенная база. Значит, и христиане, почитающие Богом Иисуса, подобны наивным индейцам, которые приняли конкистадора Кортеса за своего бога Кецалькоатля[115].

«Физику процесса» считали единственной и окончательной истиной такие мыслители как Ницше, Фрейд и Маркс. Как тургеневский Базаров, они осмеяли все высшие человеческие проявления, заявив, что это *всего лишь* замысловатые формы выражения скрытых фундаментальных мотивов. Маркс считал таким мотивом экономический интерес, Фрейд – эротическое влечение, Ницше – волю к власти.

Словом, там, где появляются неоправданно сложные объяснения, или, наоборот, чрезмерные упрощения в стиле «это всего лишь», нужно насторожиться. Ведь если с утратой вкуса к документальной правде мы теряем трезвость, то вместе с художественной истиной нашу жизнь покидают и смыслы.

Доказательства бытия Бога

Культовый роман Михаила Булгакова знают сегодня решительно все. Между тем, даже среди горячих поклонников «Мастера и Маргариты» найдется немало тех, кто не понимает сути важного спора, который и послужил здесь отправной точкой повествования. А было бы интересно проследить, как логика двух из пяти упомянутых доказательств определяет судьбы первых булгаковских персонажей: почему автор «пристраивает» Берлиоза под трамвай, а поэта Бездомного отправляет в сумасшедший дом? И как справедливость шестого, кантовского, доказательства проиллюстрирована самим текстом романа о Понтии Пилате.

---

[114] Кецалькоатль (Кетцалькоатль, Кетсалькоатль; Quetzalcoatl, «пернатый змей» – на языке науатль – имя божества древней Америки) – один из главных богов ацтекского пантеона и пантеонов других цивилизаций Центральной Америки; также – имя исторической личности. – *Примеч. ред.*

Пожалуй, наиболее интересным следует считать так называемое «онтологическое доказательство» Ансельма Кентерберийского, представленное им в произведении «Прослогион»:

Весь мир можно условно разделить на два класса объектов: первые существуют только в уме (Баба Яга, круглый квадрат, нынешний король Франции), вторые – в действительности. Причем объект из второго класса онтологически больше, чем объект из первого, так как всё, существующее в действительности, присутствует также в уме, то есть, в двух мирах. Но не всякая вещь, присутствующая в уме, найдется в действительности. Так, роман в стихах «Евгений Онегин», во-первых, можно представить в виде замысла, во-вторых, в виде завершенного, изданного и прочитанного произведения. Вторая вещь больше первой, ибо существует дважды: в уме самого автора и в виде реального артефакта культуры. Иначе говоря, «сто талеров в моем кармане больше, чем простая мысль о ста талерах».

Бога можно помыслить реально существующим или плодом человеческого воображения. Бог как продукт разума будет представлять собой объект, онтологически меньший в сравнении с Богом действительным, а значит, это не самое большое, что можно себе помыслить. Но это противоречит определению Бога как Максимума или Абсолюта, больше которого ничего нет. Таким образом, выражение «Бога нет» оказывается столь же логически противоречивым, как понятие «круглый квадрат».

Онтологическое доказательство признано формальным и потому несостоятельным. Однако оно посрамляет атеизм с его пафосом разумности. Оно показывает, что в религиозной вере, по крайней мере, больше логики и той самой разумности. Свое доказательство Ансельм начинает с цитаты из псалма Давида: «*Сказал безумец в сердце своем: нет Бога*» (Пс. 13:1). Философ задается вопросом: почему псалмопевец назвал атеиста безумцем? Что это – простая инвектива[115]? И, построив доказательство, отвечает: нет, это не оскорбление, а констатация факта. Ведь кто такой безумец? Это тот, кто мыслит противоречиво, для кого круглый квадрат и четное число, не делящееся на два без остатка, – реальность.

Безумец. Человек с раздвоенным сознанием. Шизофреник. Именно этот диагноз и ставит Ивану Бездомному доктор Стравинский в «Мастере и Маргарите». Отрицая Бога, поэт отрицал и диавола, чем здорово

[115] Инвектива – англ., invective – обличительная речь, брань; устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той или иной культурной традиции как оскорбительный для своего адресата. – *Примеч. ред.*

позабавил последнего: «Я имел удовольствие встретиться с этим молодым человеком на Патриарших прудах, – говорит Воланд Мастеру. – Он едва самого меня не свел с ума, доказывая мне, что меня нету».

Другое доказательство, чаще называемое «телеологическим аргументом», указывает на целесообразность устройства мира и человека, которое трудно помыслить как случайный результат эволюции. Так в математике есть «теорема о бесконечных обезьянах»: если бесконечное количество обезьян посадить за пишущие машинки, то одна из них обязательно напечатает какое-нибудь произведение Шекспира. Ведь любое литературное произведение можно рассматривать как конечную и строго заданную последовательность знаков. Есть вероятность того, что она может быть воспроизведена случайным образом. Правда, вероятность эта стремится к нулю.

Известно, что даже простейшие, одноклеточные формы жизни в тысячи раз сложнее самого современного компьютера. Какова вероятность того, что жизнь и человек, как наиболее сложная из ее известных форм, возникли случайно, в процессе слепой игры материальных стихий?

Подобная телеологичность обнаруживается и в человеческих судьбах. Жизнь любого из нас полна удивительных случайностей и совпадений. Особенно отчетливо это проявляется в житиях святых. Да и сама продолжительность жизни – это ли не повод для удивления? От самого рождения нас подстерегает ежеминутная смертельная опасность. Цепочки причинно-следственных связей между событиями оказываются настолько сложны, что их даже приблизительно невозможно просчитать. «Вам отрежут голову... Русская женщина, комсомолка... Вы не будете сегодня вечером председательствовать в МАССОЛИТЕ, – слышит Берлиоз предсказание Воланда, – потому что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила».

Пятьдесят относительно благополучных лет жизни, прожитые Берлиозом до рокового разговора на Патриарших, в свете последующего жестокого доказательства внезапности и непредсказуемости смерти сами по себе могли бы послужить хорошей иллюстрацией справедливости телеологического аргумента.

Счастливым может быть лишь тот, кто достоин счастья, то есть человек, который исполнил свой долг до конца, – говорит Иммануил Кант. – Проблема в том, что момент исполнения долга совпадает со смертью. А значит, счастья в жизни нет. Но оно должно быть, ведь человек создан для счастья, как ключ, подходящий к замку. Видя ключ, мы должны

предполагать и существование замка. Остается одно: допустить существование жизни после смерти, что немыслимо без Бога. Так, словно «в насмешку над самим собою», Кант соорудил собственное «шестое доказательство».

Кощунство

Среди поклонников и исследователей творчества А.С. Пушкина до сих пор не утихают споры о том, кто же в действительности является автором скандальной «Гаврилиады», читать которую, не испытывая смущения, не способен, пожалуй, ни один христианин. Однако достоверное знание о том, писал или нет Пушкин кощунственную поэму, не столь важно, как отчетливое понимание того, почему сам поэт неоднократно отказывался от ее авторства. Не хотел портить отношения с Церковью, что по тем временам означало стать государственным преступником? Это вполне естественное предположение, но, думается, в данном случае дело обстоит значительно сложнее. Возможно, Пушкин считал, что названная поэма компрометирует его именно как поэта, ведь, согласно его собственному убеждению, «гений и злодейство – две вещи несовместные». А значит, грех кощунства, совершенный автором «Гаврилиады», превращается в серьезный художественный изъян самого произведения.

И действительно, всякий, кто поймет, что́ такое кощунство с точки зрения культуры, без труда заметит: если в первую очередь это грех против Бога, то во вторую – несомненно, грех против вкуса.

Как известно, лейтмотивом всякой культуры является размежевание сакрального и профанного («священного и мирского»). Для того чтобы прочувствовать, что культура – это не просто книги и собрание произведений искусства, но живые токи общины, пронизывающие всех нас, принадлежащих к ней, можно провести маленький эксперимент: например, позавтракать в туалете. Кто-то сказал: «Отвратительно»? Но почему? Если ни до чего не дотрагиваться, то, с медицинской точки зрения, это неопасно. Кроме того, туалет может быть новым, недавно отстроенным, еще не использовавшимся. И все-таки даже в этом случае трудно не заметить в себе отчетливую нотку брезгливости.

Это и есть голос культуры, различаемый ее носителем. Впрочем, точнее было бы сказать не голос, а болезненный вскрик, ведь если размежевание священного и мирского являются жизнью культуры, то обратный процесс – стирание этой полярности – есть не что иное, как болезнь, угрожающая гибелью.

«Профанное» или «мирское» не обязательно означает что-то грешное или беззаконное. Нужда, приводящая человека в туалет, представляет собой вполне естественную потребность тела. Однако, как показывает мысленный эксперимент, трапеза тяготеет к иному культурному полюсу, несмотря на то, что тоже связана с вполне естественными процессами.

Уничтожение культуры, болезненное для ее носителя, происходит посредством нарочитого стирания полюсов священного и мирского. Варвар, желая уязвить эллина, делает это сознательно, придумывая мат. Нецензурные выражения, что называется, «режут ухо» потому, что фигуры области сакрального (мать, отец, Бог) грубо смешиваются с профанными явлениями и практиками.

Нетрудно заметить, что произведения так называемых «актуальных художников», представленные вниманию посетителей выставки «Осторожно, религия!», фантазия Дэна Брауна о женатом Христе из нашумевшего «Кода Да Винчи», а также приписываемая Пушкину «Гаврилиада» построены по тому же самому принципу намеренной культурной диверсии. Для варвара, привыкшего к жизни на свалке, то есть среди тотального равенства вещей, в этом нет ничего страшного: он перебирает кучи мусора, не замечая того, что положил бутерброд на молитвослов, повенчал отца с дочерью и «соединил идеал Мадонны с идеалом содомским».

Но позволенное Юпитеру не дозволено быку. Творец культуры не может делать то же самое, что и ее утилизатор. Возможно, в какой-то момент времени Пушкин осознал, что он должен отречься либо от «Гаврииилиады», либо от «Руслана и Людмилы».

В творческой биографии другого великого русского поэта – Сергея Есенина – тоже можно найти подобные эпизоды отрезвления:

Дар поэта – ласкать и карябать.
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.

Поэт сознает, что совершил грех против вкуса, а потому в заключение просит:

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

Если это и можно счесть завещанием, то, конечно, не в юридическом смысле. Поэт просит не за себя. Скорее, речь идет о том, какой именно образ Сергея Есенина он хотел бы оставить своим поклонникам. Это не

хмельной «московский озорной гуляка» и не декадентский «черный человек». Это тот «юноша с теплым взглядом голубых глаз и смущенной полуулыбкой», который «как порыв свежего степного ветра» впервые ворвался в жизнь Галины Бениславской.

О том, что богохульство по сути является не только оскорблением религиозного чувства, но и грехом против вкуса, в частности, свидетельствует пример академика Павлова. Всемирно известный физиолог относил себя, скорее, к материалистам, но пошлость развернувшейся в стране антирелигиозной кампании с ее карикатурами на Христа и Церковь, вызывали у него отвращение и протест: он взял за правило, проходя мимо собора или церкви, снимать шапку и осенять себя крестным знамением.

Существует анекдот о том, как группа революционных матросов, патрулировавших улицы города, однажды застала седого ученого за этим занятием. Подойдя к Павлову, человек в бескозырке, получивший образование в ходе двухнедельных курсов по основам атеизма, снисходительно усмехнулся и потрепал профессора по плечу со словами: «Эх ты, темнота!»

Вместо послесловия

Интервью интернет-журналу «Прихожанин»
Данилова ставропигиального мужского монастыря Москвы

– Отец Симеон, почему для своей книги Вы выбрали тему мужественности? Насколько она актуальна сейчас?

– Мой интерес к этой теме чисто практический. Я писал свою книгу для учащихся Духовных школ. Как к священнику ко мне часто обращаются студенты Академии, которые просят совета в вопросах общения с прекрасным полом. И я задумался, почему им, очень правильным в нравственном отношении людям, так трудно выстраивать отношения с девушками.

По моим наблюдениям, все они совершают одну и ту же ошибку. Православных мальчиков воспитывают на примерах великих подвижников, на трудах и опыте святых отцов. И ребята пытаются относиться к женщине по-доброму, по-хорошему, по-христиански, делая упор на нравственной составляющей. А отношения с прекрасным полом можно строить либо по-мужски, либо не по-мужски. И никак иначе.

Существует два вида добродетели. Можно быть хорошим человеком – никому не делать зла, стараться со всеми жить в мире. А можно быть добрым, в смысле – качественным, крепким, дерзновенным. К человеку беззлобному, доброму, который, как говорится, мухи не обидит, девушка не потянется – ей станет с ним скучно. Женщины порой говорят: «Эй, хороший парень, отойди! Ты загораживаешь мне вон того негодяя». Бытует даже мнение, что женщины тянутся к плохим. На самом-то деле эти так называемые плохие в межличностном общении мужчины в другом аспекте своего бытия оказываются очень качественными. Настоящими мужиками. Ради этой качественности женщина готова бывает простить своему избраннику многое.

Эта идея очень точно выражена в произведениях Михаила Юрьевича Лермонтова. Через многие его произведения проходит мысль: «Неужели зло так привлекательно?» Конечно, зло само по себе непривлекательно, но зло по отношению к ближнему прощается, когда в мужчине присутствует добро, превращающее его в качественного человека.

Поэтому и я говорю своим студентам: если ты привлекателен по-мужски, если женщина чувствует в тебе особенного, сильного, уверенного в себе человека, то как бы ты к ней ни относился – по-доброму или не по-доброму, – она готова будет многое тебе прощать.

– Тогда что, по Вашему мнению, лежит в основе мужской привлекательности, мужественности?

– Я выделил бы здесь два главных критерия – субъектность и уверенность...

– С уверенностью более или менее понятно. А что Вы имеете в виду под «субъектностью»?

В философии есть такие понятия: субъект и объект. Субъект – это всегда начало активное, причиняющее, инициирующее действие. Это мужское начало. Женское начало всегда объектное, уступающее, претерпевающее.

Простой пример: лектор и аудитория. Лектор – это субъект: он задает тему, инициирует беседу, изменяет умонастроение слушателей. Аудитория – это пассивная составляющая, слушающая, изменяемая; это объект, на который направлено действие, женское начало. Если применить этот субъектно-объектный философский подход к картине современного мира, то можно сказать: сегодня мужчины во многом утратили свои мужские качества, потеряли мужественность, свою мужскую красоту. Скорее, от женщин, как ни парадоксально, можно ожидать инициативы, активности в разных сферах жизни, в том числе и церковной. Поразительно: хотя наша Церковь создана мужчинами – апостолами, пресвитерами, епископами, монахами, – мужчин в наших храмах абсолютное меньшинство.

Что случилось с современным мужчиной? Он лежит перед телевизором в позе Ленина в Мавзолее и ничем не интересуется. В свое время Ницше восклицал: «Вы можете хотеть чего угодно, но прежде всего научитесь хотеть!» Эти слова, сказанные в XIX веке, сегодня актуальны для нас как никогда. Современник, призванный по своей сути быть человеком пути и цели, разучился хотеть, разучился ставить цели и достигать их. По церковным правилам, человек, чтобы стать священником, должен либо жениться, либо принять монашество. Третьего пути не дано. Он должен доказать свою мужскую состоятельность – способен ли он принимать важнейшие решения о своей судьбе и отвечать за них? Мужчина как зачинатель действия или создает семью, или, если ему это не по душе, становится богословом, искателем христианской истины.

А теперь посмотрим на нашего современника. Вот лежит такой нормальный парень лет сорока перед телевизором. Спрашиваешь его: «Почему ты не женишься?» – и слышишь самый распространенный ответ: «А оно мне надо?» Ладно, не по душе тебе семейная жизнь – тогда вперед, на путь Истины! Так и хочется ему сказать: «Делай же что-нибудь!» Но если мужчине ничего не надо, если он не умеет или разучился хотеть, то у него серьезный кризис субъектности и, стало быть, он не вполне мужчина. И потому священник из него не получится.

Ребенок, играющий в бытие

– В чем же причина, что мужчины перестали хотеть? Лень? Или страх ответственности?

– Есть философская формула, которая кажется мне очень удачной: настоящий мужчина – это ребенок, играющий в бытие. Человеку, чтобы что-то сделать, нужно всегда иметь мотив. У любого действия есть причина. Мотив – это внятный ответ на вопрос: «Зачем?» И только один вид деятельности во всей культуре не требует такого мотива – это игра. Почему играет ребенок? Какую цель он преследует? Да никакую. Он заражает окружающих самим духом игры. Игра по своей сути бескорыстна и не требует мотива. Игра – первоисточник всей культуры. Об этом очень хорошо написал Йохан Хёйзинга в своем труде «Человек играющий». Река человеческой культуры берет свое начало из одного ручейка – из игры, из способности делать что-то в ситуации мотивационного «штиля», обходя проклятый вопрос «Зачем?» В мужчине, как в ребенке, который играет в бытие, сильно это начало. И потому он призван быть главным творцом науки и всей культуры.

Помните Григория Перельмана, который доказал знаменитую гипотезу Пуанкаре и отказался от премии в миллион долларов? Если спросить Перельмана, в чем практическая польза его доказательства, думаю, он затруднится с ответом. Для него это игра. Он – тот самый «человек играющий». Все художественные произведения, все научные открытия, великие завоевания – всё это действия ребенка, играющего в бытие.

– Кстати, о завоеваниях. Тогда получается, что все полководцы, завоеватели – Наполеон, Александр Македонский, Гитлер – это всё дети, играющие в бытие?

– Возможно, завоеватели не лучший пример, но Вы правы: все они вели свою игру. Каждый пытался построить свою Атлантиду, создать свое идеальное государство. Платон придумал идеальное государство теоретически, Гитлер, чтобы построить свой тысячелетний рейх, обрек на смерть миллионы людей. И кстати, английский историк Уильям Ширер недоумевал, отмечая определенный факт: женщины были без ума от Гитлера. Ева Браун, выходя замуж за уже поверженного диктатора, говорила: «Германия без Адольфа Гитлера непригодна для жизни». Гитлер, конечно, страшное чудовище, развязавшее войну, охватившую весь мир. Но вместе с тем его идеи так сильно пленяли умы немцев именно потому, что он – тоже ребенок, играющий в бытие.

И все же полководцы – не самый яркий пример. Я предложил бы другой образ мужественности, – скажем, Пифагора или Глеба Евгеньевича

Лозино-Лозинского, нашего знаменитого авиаконструктора, создателя «Бурана», которого на Западе называли «генералом звездных войн». Будучи по своей сути таким же ребенком, играющим в бытие, и человеком мужественным, он, официально конструируя «Буран», неофициально разрабатывал совсем иной, фантастический проект, который сегодня в мире известен как авиационно-космическая система «Спираль». Ребенком, играющим в бытие, можно считать и Страдивари, который задался целью создать идеальную скрипку; Моцарта, Эйнштейна, Ньютона...

– Вы называете имена великих гениев в культуре и науке. А как теорию ребенка, играющего в бытие, можно применить к людям Церкви?

– Есть такое религиозное понятие – призвание. Притча о талантах однозначно говорит: если ты можешь сделать что-то по-настоящему хорошо, то ты должен это сделать в жизни. Евангелие как раз и учит тому, что в жизни человека есть миссия, дело, которое кроме него больше не может сделать никто. Если для женщины это охранительная материнская миссия, выражающаяся в чувстве ответственности за жизнь во всех ее проявлениях, то мужчина обретает себя на предметно-профессиональном пути. Мужчина и женщина приходят в Церковь с разной целью: женщина ищет у Бога защиты и спасения для всех, кто ей дорог; мужчина – в первую очередь возможность реализовать себя, затеять свою бытийную игру. Есть духовный закон: в Церкви каждый получает то, чего на самом деле, не на шутку, хочет. Мужчина ищет здесь служения – и потому именно ему Бог доверяет дело предстояния у Своего Престола.

Путь мужчины к сердцу женщины

– Отец Симеон, а можно ли научить мужчин быть мужественными?

– Мужественности можно научиться. Каждый мужчина в определенный момент своей жизни стремится стать настоящим. Юноша, впервые испытав интерес к однокласснице, пытается обратить на себя ее внимание. И тогда у него возникает вопрос: что во мне есть такого, что могло бы быть интересно этой девушке и вообще женщинам? Он начинает вглядываться в себя, проводить ревизию собственной мужественности, пытаясь найти, как говорил царь Соломон, «путь мужчины к сердцу женщины». Если ему в этот момент предложить правильный идеал мужественности, юноша употребит все свои силы на то, чтобы ему соответствовать.

– Говоря о мужской привлекательности, Вы называли имена великих людей: Моцарта, Микеланджело, Эйнштейна... Но ведь нас окружают

обычные люди, далеко не гении. Мужчины привыкли по выходным отдыхать, пить пиво, смотреть футбол по телевизору. И они могут Вам возразить: «Я не гений. Я отработал 5 дней по 8 часов и желаю просто отдохнуть. Чего Вы от меня еще хотите?»

– Я от них ничего не хочу. Это женщины хотят видеть рядом с собой настоящего мужчину. И если они разочаруются в своем спутнике, то станут мстить ему – за обманутые ожидания. Мстить своим презрением, от которого мужчины не будут знать, куда деваться. Не имея большего, мужчины будут вынуждены откупаться дорогими подарками. Обратите внимание: сколько женщин ездит по Москве на роскошных автомобилях, которые они явно не могли приобрести на собственные средства.

Поэтому лично я от этих мещан, которые давно потеряли свою мужскую красоту, ничего не хочу. Для меня важны мои студенты, я озабочен их будущим. Мой ученик, если он серьезно собирается стать священником, может жениться только один раз. Ему жизненно необходимо не пробудить на время интерес к себе какой-нибудь девушки, а влюбить ее в себя навсегда.

Возможно, Вы помните у Лермонтова письмо Веры Печорину, в котором она писала: «Мы расстаемся навеки; однако ты можешь быть уверен, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебя все свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая раз тебя не может смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин, не потому, чтобы ты был лучше их, о нет! но в твоей природе есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в твоем голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая...». Обратите внимание: она говорит не: «ты лучше всех». И тем более, не «ты лучше, чем мой предыдущий». Это настоящая любовь, которая выводит свой предмет за пределы всяких сравнений и классификаций. Подобного отношения, чувства ожидает от своей девушки будущий священник.

Увы, в современном мире я вижу огромное количество разводов, в том числе и в среде духовенства. Это настоящая беда современной Церкви. Ведь священник не может жениться во второй раз. Что получается? Девушка выходит замуж за семинариста, они венчаются, начинают совместную жизнь, потом проходит два-три года, и женщина от него уходит. И что остается такому священнику? Если он захочет жениться во второй раз, ему придется сложить с себя духовный сан, отказаться от своего призвания. Либо выбрать монашеский путь. К сожалению, я знаю немало священников, которых оставили их жены. Оставили, потому что эти мужчины перестали им быть интересны.

– Что же в них не так? Чего не хватает? Для всех он хороший батюшка, и вдруг его бросает жена. Почему?

– Чего не хватает? Умения хотеть. Это очень важно. Есть священники, а есть требоисполнители. Есть люди, которые горят в своем служении, а есть такие, кто совершает его по необходимости. И это всегда чувствуется. Я говорю своим студентам: для того чтобы на вас был направлен восхищенный взгляд женщины, ваш взгляд должен быть направлен не на женщину, а на Небо или вдаль за горизонт. Вы должны быть людьми пути и цели, и только в этом случае женщины будут чувствовать вашу увлеченность, понимать, что в вашей жизни есть действительно нечто великое. Женщина – существо парадоксальное: всерьез она будет любить того, у кого в жизни есть что-то значительно более важное, чем она сама.

Как я уже говорил, человек мужественный – это человек увлеченный, это ребенок, играющий в бытие. Если в человеке умирает этот ребенок, играющий в бытие, тогда и сам человек становится просто мещанином, обывателем, который разучился хотеть, прагматиком, который и пальцем не пошевелит, если не будет знать, что это ему даст. Такой человек становится импотентом для культуры или науки. А мир без легенд, мир без истории, мир без культуры – это все тот же непрерывно повторяющийся «день сурка». В этом мире женщине жить скучно. И она уходит. Возможно, на поиски настоящего мужчины.

– Отец Симеон, в начале нашей беседы Вы, рассказывая о мужественности, о мужской красоте, выделили два главных критерия: субъектность и уверенность. С субъектностью мы разобрались. Давайте вернемся еще раз к уверенности.

– Был такой немецкий теолог Пауль Тиллих. Он написал работу под названием «Мужество быть». В ней он дает определение мужественности как способности утверждать бытие вопреки угрозе небытия. Другими словами, речь о духе, который побеждает внутренний страх, тревогу.

– Поясните, пожалуйста...

– Давайте возьмем такой пример. Нам предстоит лететь на самолете. Начинается сильная гроза, сверкают молнии, дует сильный ветер. Мы смотрим на самолет, который должен скоро взлететь, и испытываем чувство тревоги. Нам не по себе, еще чуть-чуть и мы откажемся от полета. Но у трапа самолета нас встречает капитан воздушного судна. Он спокоен, его жесты неторопливы и уверенны, он шутит с пассажирами и членами экипажа. Его спокойствие и уверенность, базирующиеся на многолетнем опыте и знаниях, передаются и нам. Мы успокаиваемся. Вот что я имею в виду, говоря, что мужественность питается уверенностью.

Помните фильм «Война» режиссера Алексея Балабанова? Главный герой Иван Ермаков (его играет Алексей Чадов) во время Второй чеченской войны попадает в плен к чеченцам и там знакомится с российским капитаном Медведевым (его роль сыграл покойный Сергей Бодров). Капитан Медведев ранен в позвоночник, у него парализованы ноги, и вместе с главным героем он сидит в зиндане – земляной тюрьме. В фильме главный герой произносит очень значимые слова о капитане Медведеве: «Классный все-таки мужик. Вот он сидит, пошевелиться не может, а рядом с ним так спокойно. Всякая тревога отступает». Вот вам пример мужественности, основанной на уверенности. Уверенность – это то, что развеивает страх и тревогу. И сегодня этого как раз не хватает мужчинам. Именно поэтому современного человека я определил бы как человека тревожного. Тревога – это совсем не то что страх. Страх всегда предметен: я боюсь тигра, потому что он может меня съесть. А у тревоги нет лица. Именно поэтому человек часто не знает, что является причиной тревоги, которая его охватывает...

– Но я позволю себе с Вами не согласиться. Мне кажется, тревога в нашем бурном и беспокойном мире вещь естественная...

– Только в том случае, если она не захватывает человека всего целиком. Тогда она превращается в болезнь, и человек не в состоянии найти в себе силы справиться с этой тревогой.

Лекарство от страха

– Отец Симеон, выходит, своей книгой Вы хотите предложить мужчинам своего рода рецепт, как стать более уверенными и побороть свою тревогу?

– Не рецепт, а лекарство. Как я уже говорил, уверенность, будучи одной из составляющих мужественности, является важным элементом для бытия современного человека. Но чем уверенность отличается от самоуверенности? В основе уверенности лежит «знание местности». Посмотрите на человека, который впервые приехал в Москву. Для него характерна поведенческая нерешительность: он не знает, где находится метро, по какой улице надо идти. Другое дело – человек, который ориентируется на местности. Тот даже на указатели не смотрит и с картой не сверяется. Он не задумываясь, легко добирается до нужной точки.

– И что же может стать таким ориентиром?

– Занятия философией. Мировоззренческая система и четкое понимание ценностей и доминант. Необходимо знать, что такое хорошо и что такое плохо; в чем секрет красоты, любви, ненависти; где лежит водораздел

между добром и злом. Человек уверенный – это человек-правило. Фундаментом его уверенности всегда служит четкий и красивый личный кодекс. Исходя из знания «местности», уверенный человек понимает, как поступать в том или ином случае. Он точно знает, что должен и чего не должен делать ни при каких условиях, даже если цена вопроса его жизнь.

Следуй долгу!

– Приведите, пожалуйста, какой-нибудь пример такого знания.

– Хорошо. Давайте рассмотрим имя долга. Долг во многом связан с понятием добра. Давайте разберемся, как делать добро, чтобы оно не оборачивалось поражением или медвежьей услугой другому человеку. Возьмем такой пример. Вы идете мимо Данилова монастыря и видите нищего с протянутой рукой. Обычный человек, руководствуясь заповедью Господа нашего Иисуса Христа «просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся», дает этому нищему сто или двести рублей. А вечером к этому нищему приезжает «инкассация» – бритоголовые парни в адидасовских штанах, которые собирают дань на очередной мерседес для своего покровителя. Получается, дав деньги такому нищему, вы никакого добра не сделали, а стали жертвой мафии нищих.

Помните строчки Тютчева: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется, – и нам сочувствие дается, как нам дается благодать»? Если так поэт сказал о слове, то эту же мысль можно отнести и к нашим поступкам. Нам действительно не дано предугадать, чем обернется то или иное наше действие – в нашей судьбе и в судьбе людей, на которых оно направлено. И очень часто мы действуем в состоянии неопределенности, когда не знаем, не можем оценить всех последствий нашего конкретного шага.

– И как же человеку поступать в подобной ситуации неопределенности?

– Существует правило, выработанное древними мудрецами, в частности Конфуцием, которое гласит: «Следуй долгу. Делай что должен, максимально усердно, а сверх должного по собственной инициативе не делай ничего». В христианской культуре это следование долгу называется смирением. Смирение – это способность, говоря фигурально, открутить голову своему собственному «я»...

Долг – это категория судьбы, стратегия, следуя которой человек только и может стать великим и действительно совершить подвиг. Но, следуя своему долгу, человек должен прежде всего учиться смирять себя. Как священник смиряет свое своеволие поручами, охватывая запястья перед

совершением богослужения. Великие дела и судьбы требуют смирения, а участью гордых может стать лишь скверный анекдот.

В начале нашей беседы я говорил, что настоящий мужчина – это ребенок, играющий в бытие. Особей мужского пола, играющих в разные игры, экстремалов, любителей острых ощущений вокруг нас предостаточно. Человек мужского пола постоянно чувствует тягу к игре, только эти игры не достигают ранга бытия.

Показная храбрость российских бандитов в 90-х годах – это не мужество, а всего лишь жажда наживы, стремление к обогащению. Всякого рода экстремальные приключения – это тоже не игра в бытие. Одно дело прыгнуть с парашютом, чтобы пощекотать себе нервы. И совсем другое – прыжок, который совершает десантник во время боевых действий. В первом случае это баловство, во втором – история. Игра в пейнтбол и опасная работа группы «Альфа», где стреляют не понарошку и офицеры могут погибнуть взаправду, отличаются друг от друга.

Для того чтобы наши игры приобретали ранг бытия, они должны производиться в режиме следования долгу.

– Простите, отец Симеон, но Вы же понимаете, что нельзя мужчине стать мужественным, лишь прочитав книгу...

– Согласен с вами – нельзя. Но, прочитав книгу, можно развить в себе вкус к философии, к размышлениям над жизнью, над миром. Понять, что, прежде чем что-либо начинать делать, надо думать, анализировать, взвешивать, а не действовать наугад.

Я не случайно сказал, что предлагаю своему читателю некую «карту местности». Полагаю, что всякий человек, который отправляется в житейское «плавание» во время бури, должен иметь под рукой «карту морей и проливов». Тогда он сможет увереннее ориентироваться в бурных житейских «водах».

– Вы считаете, что России сегодня не хватает мужественных людей?

– Почему только России? Всей европейской культуре не хватает мужественных, уверенных в себе людей. В этом наша проблема. Современному человеку сегодня не хватает ясности, прежде всего, в мыслях, в оценке нравственных ценностей. Ему не хватает личного кодекса. Именно поэтому я считаю, что каждому мужчине сегодня просто необходимо проделать над собой серьезную философскую работу.

Беседовал Петр Селинов

Содержание

Предисловие автора 3

ИМЯ СЧАСТЬЯ – 5

Цензура царя Шуддходаны 7
Проблема царевича Гаутамы 11
Легкое бремя 18
Дерзновение 21

ИМЯ ВЕРЫ – 25

Вера как дар 28
Адамов комплекс 32
Выбор веры 35
Христианство 37
Человек 47
Вериги 50

ИМЯ ДОБРА – 53

Первая заповедь: верность 56
Вторая заповедь: кумиры 59
Третья заповедь: поэзия 62
Четвертая заповедь: неумеренный прагматизм 68
Пятая заповедь: отец 72
Шестая заповедь: «боевой устав» Авраама 77
Седьмая заповедь: целомудрие 80
  Моногамия 80
  Девство 83
  «Гражданский» брак 86
  Тайна 89
Восьмая заповедь: дар 92
Девятая заповедь: правда 97
Десятая заповедь: зависть 99

ИМЯ СВЯТОСТИ – 103

Нищие духом 106
Плачущие 109
Кроткие 111
Правдолюбивые 114
Милостивые 119
Чистые сердцем 122
Миротворцы 122
  Смиренномудрие 123
  Цена добра 126
Изгнанные правды ради: юродивые 129
Мученики, исповедники 131

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ – 135

Искусство маленьких шагов 137
Страх Божий 139
Искушение 142
Промысл Божий 145
Последнее наказание 147
Законы 150
Последний человек 153
Прощение 155

Доверие 158
Красота 160
Отвага 163
Честь 166

ИМЯ ЛЮБВИ – 169

Романтическая любовь 172
Неразделенная любовь 176
Дружеская любовь 181
Жертвенная любовь 185

ИМЯ ГЕНИЯ – 189

Дар Божий 191
Гений и злодейство 194
Затруднение Индианы Джонса 195
Цитадель 204
Цветы зла 212

ИМЯ МУЖЕСТВА – 215

Война полов 217
Ребенок, играющий в бытие 219
Игра как перводвигатель культуры 223
Мужская история 225
Чего хочет женщина? 230
Зеркало для героя 234
Приложение. Миф о Зеркале для героя 237

ИМЯ ДОЛГА – 243

Божественный ветер 245
«Медвежья услуга» 249
Пирронова неопределенность 251
Добро как священнодействие 253
Художник и художественный предмет 266
Как входят в историю 269

ИМЯ РАЗУМА – 275

Познание 278
Дисциплина ума 280
Чудо 283
Теодицея 285
Христиане до Христа 288
Таинство 290
«Вечные» вопросы 293
Воля 295
Эволюция 298
Двойственная истина 301
Доказательства бытия Бога 303
Кощунство 306

Вместо послесловия 309

ИЕРОМОНАХ
СИМЕОН (МАЗАЕВ)

мужская ФИЛОСОФИЯ

Быть настоящим мужчиной

Благодарим Попечительский совет издательских программ Данилова ставропигиального мужского монастыря Москвы за помощь в издании книги.

Фото на 4-й стороне обложки – Владимир ХОДАКОВ

Главный редактор Издательства – Владимир МАЛЯГИН
Директор Издательства – Сергей ДУБИНКИН
Главный художник Издательства – Александр ГРИГОРЬЕВ

Редакторы – Екатерина ОРЛОВА,
Елена ВОЛОДИНА, Наталия ШАПОШНИКОВА
Корректор – Елена ВОЛОДИНА
Обложка – Александр ГРИГОРЬЕВ, Дмитрий КЛЫГИН
Макет, компьютерная верстка – Ольга ГРИШИНА

Лицензия ЛР № 03571 от 20 октября 1998 г.
Подписано к печати 21.07.2017. Формат 70×100 1/16.
Печ. л. 20. Тираж 5000 экз. Заказ №

Издательство Данилова мужского монастыря
115191, Москва, ул. Даниловский Вал, 22